

**КРУШЕНИЕ
«КРАСНОЙ ИМПЕРИИ»**

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

КРУШЕНИЕ «КРАСНОЙ ИМПЕРИИ»

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

КРУШЕНИЕ «КРАСНОЙ ИМПЕРИИ»

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К84

*В книге использованы материалы
газеты «Красная звезда»*

К84 Крушение «Красной империи» / Сост. А.Ю. Бондаренко, Н.Н. Ефимов. — М. : Вече, 2014. — 320 с. : ил. — (Историческое расследование).

ISBN 978-5-4444-1847-5

Знак информационной продукции 12+

Документы, раскрывающие тайные пружины событий августа 1991 года, приведших к развалу СССР, самой большой геополитической катастрофе XX столетия, в основном недоступны современному читателю, да и вряд ли когда станут известны в полном объеме. Понимая это, ведущие журналисты газеты «Красная звезда», центрального органа Минобороны СССР — России, постарались получить информацию из первых рук: от организаторов и участников событий, вплоть до членов ГКЧП Д.Т. Язова и В.А. Крючкова, военачальников, командования и бойцов спецподразделений КГБ СССР, руководителей «обороны Белого дома», государственных деятелей, ученых и политологов. Книга, составленная из аналитических материалов и острых интервью, позволяет читателю получить представление о тех глубинных процессах в советском обществе, которые привели к деградации и крушению системы, о направлении усилий «реформаторов» и «разрушителей», о реальных результатах их деяний и перспективах современного развития России. В качестве приложений представлены рассекреченные архивные документы, проливающие свет на события того драматического времени.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4444-1847-5

© Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.,
авторы-составители, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Часть I

ПУТЬ К ЗАКАТУ

От Хрущева до Горбачева

Наш собеседник — генерал-лейтенант в отставке **Иван Порфирович Потапов**.

Иван Порфирович Потапов родился в последние дни «старого мира» — 15 февраля 1917 года, за неделю до начала Февральской революции, в Белгородской области, в многодетной крестьянской семье. Родители его были неграмотными, даже расписывались крестиком, он же пошел в школу самостоятельно, по своему желанию... В 1937 году Иван Порфирович вступил в партию, а 1938-м был призван в армию.

— Определили меня в отдельный полк — или это даже был батальон — охраны Кремля...

— *То есть в НКВД?*

— Нет, охрана Кремля в то время была в ведении Наркомата обороны. Перед тем полгода меня изучали: разные комиссии, райком и так дальше; потом отправили в Москву — ехал я один в плацкартном вагоне. Меня встретил капитан и в кабинете коменданта вокзала сказал, что я сначала поеду во Владимир, в школу младших командиров. Там меня избрали секретарем комсомольской организации этой школы, а в ней было 600 человек. Буквально через месяц мне привесили четыре треугольника на петлицы и звезду на рукава — замполитрука. Таких нас здесь было четыре человека: я, коммунист, и три комсомольца, индивидуально отобранные...

— *Чем отличались вы от рядовых курсантов?*

— Жили мы в казарме, со всеми вместе, так же наводили порядок, ходили на занятия. То есть были, как и все. Но, как люди подготовленные, сами еще и проводили политзанятия, занятия по истории России...

— *Истории СССР?*

— Нет, я не оговорился, — России. Вообще закон для замполитруков был такой: ты первым поднимаешься утром, последним ложишься спать, отвечаешь за дисциплину, за ленинскую комнату — в общем, за все, что только можно, и везде ты — первый. Особенно на занятиях по боевым предметам. И я скажу, что дисциплину мы поддерживали больше, чем старшина или командиры взводов... За год было три нарушения: курсаны опаздывали из города — до 30 минут. И все!

— *Здесь готовили пополнение только для охраны Кремля?*

— Нет, это была корпусная школа младших командиров. Дыхание войны уже чувствовалось, поэтому раза два в неделю, а один раз — это уже совершенно обязательно, мы поднимались по тревоге, выходили в определенный район, решали какие-то задачи... Допустим, совершали марш с полной выкладкой — а это 32 килограмма. 15 километров шли и бежали по песку, а еще пять километров — с тем же грузом, но в противогазах! Когда приходили к рубежу, нужно было отстрелять третье, как сейчас помню, упражнение. Причем в конце марша замполитруки, активисты «подтягивали» отстающих: груз у него берешь, да и его самого тащишь, чтобы не отстал. Снимаешь в казарме гимнастерку, а она стоит, настолько потом пропитана...

— *Так что на службу в Кремль...*

— Нет, мое окончание школы совпало с событиями на Халхин-Голе, куда из Московского округа отправлялся вновь сформированный отдельный полк как второй эшелон сражавшихся войск. В нем было 6 тысяч человек, командир — с академическим образованием, я впервые такое увидел. Меня назначили политруком роты все с теми же четырьмя треугольниками... Вскоре меня избрали секретарем комсомольской организации этого полка — в нем было 3700 комсомольцев.

— *Но в боях вы тогда не участвовали?*

— Нет. В 1941 году мне уже было пора увольняться, но тогда, перед войной, не спрашивали, хочешь ты или не хочешь, и я был назначен секретарем партийного бюро полка 3-й Крымской дивизии, получил звание политрука. Когда началась Великая Отечественная война, дивизия закрывала границу с Маньчжурией. Через год меня назначили помощником начальника политотдела 2-й Краснознаменной армии по комсомольской работе, оттуда — помощником начальника политотдела Приморской группы войск... В общем, служил на Дальнем Востоке до самого конца войны.

— *В действующую армию просились?*

— Не я один — тысячи! Но старшие начальники смотрели на это дело самым ненавидящим взглядом... Здесь же вдоль границы миллионная армия стояла: от Благовещенска до бухты Де-Кастри, что напротив Сахалина, в общей сложности было 13 укрепленных районов. В дотах вдоль границы размещались ПУЛАБЫ, пулеметно-артиллерийские батальоны, и каждый крупный УР обязательно должен был подкрепляться одной маневренной дивизией. Глубина обороны составляла до 50—60 километров. Ну а японцы здесь подлейшие провокации делали... Семьи жили тут же, прямо на границах, в землянках, и школы здесь были — учителями становились жены офицеров. Во всех отношениях нелегко: были проблемы и с продовольствием, и со снабжением — вплоть до того, что в лаптях ходили, если сапог не хватало, и с цингой бороться пришлось... Но я вам замечу, что здесь, в этой обстановке, была просто невероятная сплоченность коллектива. На том и выдерживали...

— *Повоевать вам все-таки пришлось?*

— Да, тогда я был инспектором политуправления 1-го Дальневосточного фронта... Когда война закончилась, собирался уволиться, но не уволили, сказали, что молодой. Предложили поступать в Военно-политическую академию, после которой я отправился в Сибирский округ, где пробыл шесть лет. Оттуда был направлен в аппарат ЦК КПСС, где я провел без малого 30 лет — до увольнения из армии.

— *Мы успели подзабыть многое из нашего недавнего прошлого, но о том, что это такое Центральный Комитет КПСС, советские люди в большинстве своем и тогда не очень знали...*

— Ну и правильно! И не надо было!.. А работал я в Отделе административных органов. Сначала им руководил генерал-полковник Желтов, затем пришел Миронов, друг Брежнева. Он погиб в авиакатастрофе вместе с маршалом Бирюзовым, а потом стал Николай Иванович Савинкин, с которым я вместе учился в академии... Это был очень приятный, спокойный, обаятельный человек — вдумчивый, ответственный... Отдел наш был специфический: на него замыкались Министерство обороны, КГБ и МВД, Генеральная прокуратура и все правоохранительные органы.

— *А зачем этот отдел был нужен?*

— Никогда в истории не было и не будет власти, которая бы не имела своих «административных органов», как их там ни называй. Это армия, правоохранительные системы, службы безопасности. В любом государстве — империи, монархии, при социализме или демократии — они являются его опорой и самоохраной, обеспечивают власть и диктатуру

этой власти. Но главное, они обеспечивают безопасность этого государства. Без них не смогут существовать никакие иные государственные органы: парламенты, министерства, даже общественные организации. Политическая структура должна иметь опору, и наш отдел, коротко говоря, обеспечивал проведение политики партии в этих органах.

— *Чем в этом отделе занимались лично вы?*

— В моем ведении были Сухопутные и Ракетные войска, а также Генеральный штаб, примыкающие к нему главные управления, Главное управление кадров, служба вооружения, вузы... То есть если взять общую численность номенклатуры, которая замыкалась на этот отдел, то у меня было две ее трети — по Союзу. Я уже не говорю о зарубежных объектах... Могу сказать объективно, что все самые сокровенные, тонкие вопросы шли через меня.

— *Однако ведь вы не касались тайн Комитета госбезопасности?*

— Да нет, у нас все было переплетено теснейшим образом... В ЦК был отдел оборонной промышленности, в ведении которого, в частности, находились министерства оборонных отраслей и подчиненные им предприятия. Задачи по созданию образцов вооружения, по оснащению армии государство дает через армию. Она — заказчик, который потом и принимает продукцию: госкомиссию обязательно возглавлял военный. Оплата шла по двум линиям — по линии самой «оборонки», а главное — по линии Министерства обороны.

— *Но я задал вопрос о КГБ...*

— Так я ж вам сказал, что все у нас было теснейшим образом связано! Вы знаете, что в оборонной области любое государство не только использует собственные наработки, но и отслеживает, что делается у противника. Этим, в частности, занимается научно-техническая разведка, которая добывает образцы вооружения, техническую документацию... Информация, поступающая по линиям ГРУ и КГБ, шла в Военно-промышленную комиссию при Совете Министров. ВПК поручала освоение образцов конкретным министерствам, и те должны были реализовывать это задание. Иногда как бы так получалось: разведчики «костюм» добыли, а кое-кто из «оборонки» только «пуговицы пришил», но кричал, что это они все сделали, понимая, что по известным причинам никто их утверждения оспаривать не может. И за этим шли деньги, награды, премии... Так как все главки вооружения замыкались на нас, то мы знали все эти тонкости и поддерживали государственные интересы. Уж если вы получили секреты для реализации, то ведите себя прилично... Но это так, в общих чертах.

— Действительно, многие блистательные операции нашей разведки стали известны как «новые достижения советской науки и техники». Самый знаменитый тому пример — атомная бомба...

— Согласен, хотя и не рискну утверждать, что это была наиболее результативная операция разведки... И вообще, теперь, спустя годы, можно предполагать, что тут не только сработали разведчики, но и что определенными силами — разумеется, не государственными! — была намеренно осуществлена утечка информации. Если б мы не получили ядерную бомбу, то давно бы разразилась мировая война, в которой СССР бы постигла судьба Хиросимы и Нагасаки. Мудрость Сталина и советского руководства была в том, что они ничего не жалели, чтобы догнать и опередить вероятного противника... Кстати, нам тогда никто никаких кредитов не давал — мы все делали за счет своего напряжения. Сейчас многие это критикуют, но нельзя отрицать, что на протяжении 60 лет после окончания Второй мировой войны мир существует только потому, что появились ядерное оружие и его носители.

— Иван Порфирович, так объясните, пожалуйста, вы занимались какими-то техническими вопросами или...

— В первую очередь — кадры! А техника — это приложение, кто какими средствами владеет.

— Тогда извините за неконкретный вопрос, но приведите пример какой-то вашей конкретной работы.

— Пожалуйста, пример перед вами — это 12-томная «История Второй мировой войны». За эту работу я даже награжден орденом. Хотя моей фамилии в списке авторов вы не найдете, но на всех томах — благодарственные надписи министров обороны Гречко, Устинова. Я был в группе по подготовке этого издания, читал весь текст, мог кого угодно подключить к работе, а если мы говорили, что нужно что-то изменить, то меняли без всяких возражений...

— Это не единственные книги, в издании которых вы принимали участие?

— Могу вам сказать, что те две книги, которые написал генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко — «Генеральный штаб в годы войны», — написаны по моей инициативе и с моим участием.

— Это ведь одно из лучших мемуарных изданий о Великой Отечественной войне...

— Согласен. Писал один хороший журналист, но Штеменко диктовал сам — так что была только литературная обработка... Когда Сергей Матвеевич был начальником Генштаба, там был создан военно-исто-

рический отдел, где копились все важнейшие документы по Великой Отечественной войне, и этим материалом он был «наполнен». Штеменко пришел ко мне посоветоваться: а пройдут ли такие мемуары через наш «дом»? Тут и Генштаб, и Ставка, оценка войны, операций, командующих — сложнейшие вопросы! Говорю, что сразу я не отвечу. Связался с отделом пропаганды, с издателями, потом с помощником Брежнева... И Штеменко начал работать. Когда материал был подготовлен, еще до печати, дали его «наверх» посмотреть... Книга получила огромный резонанс — объективностью, масштабностью и т.д. Но и недоброжелатели всполошились: да кем он в войну был, фронтом не командовал — берется Генштаб оценивать!

— *А почему у Штеменко недоброжелатели были?*

— Это был единственный из больших известных военачальников, который страдал из-за своего ума! Он пришел в Генеральный штаб майором после Академии бронетанковых войск и дошел до генерала армии, начальника Генштаба. Он был у Антонова правой рукой, тот без него никуда не ходил. Культурный, воспитанный человек, большой умница. А поскольку он превосходил многих, то ему за это и мстили, могли подставить ножку...

— *Вы с ним где и когда познакомились?*

— В Сибирском округе, когда был начальником политотдела дивизии. Его сначала из Генштаба послали начальником штаба в Группу войск, оттуда — начальником ГРУ. Там Штеменко начал формировать бригады особого назначения — те самые, которые мы потом высаживали в Афганистане, но он не знал, что об этом нужно доложить в Генштаб. Вот на него и «стукнули», а в результате он был понижен до генерал-лейтенанта и отправлен начштаба в СибВО. К нам он приезжал проводить учение, и мы с ним два дня мотались... Могу сказать, что с годами у нас с Сергеем Матвеевичем завязалась настоящая дружба: он звонил, приезжал, и я к нему ездил. Кстати, читал все его рукописи, проверял через кого-то, находил для него документы, которые были в 1-м секторе общего отдела, в Кремле...

— *Обратный путь «к вершинам» у Штеменко был достаточно долгий. Вы в это время уже работали в ЦК. Могли вы ему помочь?*

— Много всего было... Когда его поставили начальником штаба на Сухопутные войска, то главкомом был маршал Чуйков! Вы представляете совпадение? Это же были совершенно разные люди, различные характеры, и отношения между ними не сложились. Штеменко приходит ко мне: «Не могу!» Мне надо было подработать это дело. При

посещении начальника Генштаба маршала Бирюзова я говорю: «Ну что вы Штеменко там держите? Это же кладезь оперативной мысли, ему масштабы нужны!» Бирюзов посмотрел: «Ты что, за него агитируешь?» — «Не агитирую, просто вы нерационально используете его потенциал». Бирюзов его взял заместителем по оргмобвопросам, и Штеменко за полтора года перевернул всю эту работу, но это уже было при Захарове...

— *Возвратимся к «Генеральному штабу в годы войны». Этих книг ведь было две... Как появилась вторая?*

— Приближалась очередная годовщина событий 1944 года, когда неожиданно началось Варшавское восстание, а мы не могли прийти на помощь... Возникла необходимость, и Сергея Матвеевича попросили написать на эту тему материал. Когда статья была готова, с ней ознакомился Андропов, который тогда еще руководил отделом по соцстранам, и он, наверное, наверх пошел. Сказал, что некоторые за рубежом про нас в этой связи разные гадости пишут, надо нам все как следует объяснить. Ну, опубликуем мы эту статью Штеменко, например, в «Военно-историческом журнале» — дойдет ли она до широкой общественности? Массовый читатель ее точно не прочитает. Тогда-то и возникла идея: провести серьезное военно-историческое исследование на тему освобождения стран Восточной Европы, развития военной мысли и военного искусства на заключительном этапе войны. Так, по существу, и образовалась вторая книга.

— *Вам приходилось встречаться со многими нашими известнейшими военачальниками, причем как представителю высшего партийного органа...*

— Каждый из них был человеком очень сложным, заслуги у всех у них перед страной были огромными, и каждый из них уже при жизни вошел в историю. Это следовало понимать, а потому быть скромным, держать соответствующую дистанцию. Общаться аккуратно, не наставительно, не проявлять навязчивости. А главное было — вникать в обстановку и досконально знать проблему. Тут даже самый большой начальник, если почувствует, что ты ему помогаешь, что по каким-то сложным, щекотливым вопросам общаешься один на один и говоришь то, чего другой никак не скажет, он обязательно воспримет это должным образом, по-деловому.

— *Но ведь были и какие-то совершенно принципиальные вопросы, затрагивая которые просто было нельзя не обидеть человека...*

— Можно! Если с умом делать... Вот главному Сухопутных войск Чуйкову было 62 года, пора было уже освободить его от этой должности.

Чтобы это сделать, министр обороны Родион Яковлевич Малиновский пошел к генсеку, а он редко ходил, он очень самостоятельный человек был, я его называю мудрым министром, и он пошел... В результате Чуйкову предложено было возглавить Гражданскую оборону. Узнав, что в ГО было порядка двадцати двух тысяч человек, Чуйков заявил: «Я сделаю из них 22 тысячи генералов!» И начал всех начальников на генеральские должности назначать, сам ходил «наверх», звания «доставал»... А нам, мне, в частности, приходилось все улаживать. Конечно, мы его сдерживали — заматерится иногда, но у меня и с ним отношения были отличными. Нужно было учитывать его характер... Кстати, вы знаете, что у памятника на Мамаевом кургане — бойца с автоматом и гранатой и надписью на постаменте «Стоять насмерть» — лицо Василия Ивановича Чуйкова?

— Нет, не знал... А с министрами обороны вам по службе общаться приходилось?

— Да, особенно с Дмитрием Федоровичем Устиновым. При необходимости он ко мне обращался как к исполнителю. Во-первых, он много занимался оборонной промышленностью; во-вторых, если он уверовал, что ты честный и не будешь подстраиваться, то он нуждался в таком общении. Он очень болел за дело, переживал и, как неспециалист в военной области, очень боялся допустить какую-либо ошибку. Нередко он присылал в отдел проекты своих принципиальных приказов... Бывало, что он меня к себе домой приглашал и долго со мной разговаривал, буквально вытягивая из меня мои взгляды... Устинов и сам мне много всего рассказывал — в то время он работал над своими воспоминаниями, однако в книгу вошло информации в два, а то даже и в три раза меньше, чем Дмитрий Федорович мне поведал...

— Жаль... Но обратимся непосредственно к ЦК КПСС. Понятно, что здесь, как и в любой государственной структуре, постоянно происходили какие-то изменения...

— Конечно! В начале 1970-х годов в ЦК работали порядка двух тысяч оперативных работников и примерно столько же обеспечивающих — не только здесь, но и в хозяйственных службах. А при Сталине вначале работников ЦК было порядка 300 человек, и структура, как вы понимаете, была совершенно иная. Такого отдела, как наш, не было — он, как и отделы сельского хозяйства, оборонной промышленности и другие, входил в управление кадров, и во время войны, в самый напряженный период, в нем было около 120 человек. Ну кто там с фронта представлял на утверждение в ЦК командиров дивизий? Решения принимались позже...

— *Тогда, наверное, все подразделения ЦК работали по-другому?*

— Партия реально была руководящей и направляющей силой общества по всем направлениям. В частности, огромная нагрузка ложилась на Управление пропаганды — об этом мне немало рассказывали. Оно занималось и руководством печатью, и многие другие задачи решало. Например, такой важный вопрос... Во время войны Сталин ставил задачи на определенный этап перед армией, фронтом или перед страной в приказах Верховного. Документы Сталина в Великой Отечественной войне, кроме речей, которых было немного, — это же все приказы... Подготовка приказа к 23 февраля, Дню Красной Армии, начиналась как минимум за месяц. Сотрудники готовили оценку обстановки, все политические оценки, примерно определяли направления задач на предстоящий отрезок времени... Причем оценку фронтовой обстановки, так же как и благодарность отличившимся командующим и командирам, готовил Генеральный штаб.

— *При такой подготовке и отработке не приходится удивляться известной чеканности сталинских формулировок...*

— Вы ошибаетесь! Отправив Сталину текст, сотрудники с волнением ждали: что же от него останется? Если в вышедшем приказе где-то проскакивало одно их предложение, то это считалось победой! Обычно Верховный все определял сам...

— *Зачем же тогда была нужна такая напряженная работа аппарата?*

— А вы не помните, как у Маяковского сказано про «тысячи тонн словесной руды» — «единого слова ради»? Без этой всесторонней подготовительной работы ничего не получится! Кстати, когда я учился в академии, там был журналистский факультет (так что мы вместе обучались с Тимуром Гайдаром) и журналисты постоянно таскали к нам самых замечательных людей. Однажды приходила Стасова, которая была секретарем ЦК еще в 1917 году. Ее спросили о том, как готовились материалы для выступлений и решений, когда шла борьба с троцкизмом. Она сказала, что материалы, оценки, справки к съездам и пленумам ЦК партии готовили день и ночь, а потом все сидели и переживали: что же от нашего осталось? Бывало, что не находили и слова от своих наработок! Елена Дмитриевна сказала, все, что говорил Сталин, — это его слова, его логика, и что она не знает не только ни одного политического деятеля, но даже и ни одного филолога, кто бы мог так просто вскрывать сложнейшие вопросы в маленьком абзаце.

— *Каждый из генсеков по-своему руководил аппаратом Центрального Комитета, направлял его деятельность. Вы проработали в ЦК от Хрущева до Горбачева... Что и как изменялось за это время?*

— Хрущев вообще аппаратом ЦК не занимался и даже перед его сотрудниками не выступал... У него ведь элементарная грамотность была настолько слабая, что он обычно только расписывался на том клочке бумаги, где его помощники поручения писали. Если же Никита Сергеевич писал резолюцию — у него был особый почерк, с наклоном влево, то даже на 20 или 30 слов в ней не было ни точки, ни запятой. Кстати, читать он не любил, самообразованием не занимался...

— *Но ведь он сумел сделать блестящую карьеру: возглавлял Московский горком, Компартию Украины, более десяти лет был первым секретарем ЦК КПСС. Каким образом?*

— Это был замечательный интриган, к тому же страшно мстительный! Если где-то кто-то был против — министр, секретарь обкома, он запомнит. Поскольку волюнтаризм у него был от начала и до конца, то в своих решениях он не опирался на проработку аппарата, специалистов, советов не терпел, а давил сам... Скажем, разделил партийные комитеты на сельские и промышленные. Решил — сделал! Щербицкий, в то время первый секретарь обкома в Днепропетровске, просил: «Не делайте этого!» — «А ты что в этом понимаешь?» — отвечал Хрущев, и Владимира Васильевича освободили от должности... Для Хрущева границ не было! Его боялись, но авторитета у него не было!

— *И все же именно он возглавил партию после Сталина... А был ли другой человек, которого Сталин видел своим преемником? На эту тему сейчас ходит очень много легенд и сплетен.*

— Насколько известно, Сталин, в частности, ориентировался на Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Это был особый человек: он пришел на партработу с преподавательской, кандидат наук. Блестяще освоил дело, отличался изумительной честностью и ответственностью, глубокий аналитик. В 1938 году возглавил парторганизацию Белоруссии, с начала войны был членом военного совета ряда фронтов, в 1942—1944 годах руководил Центральным штабом партизанского движения, затем возглавлял и ЦК, и Совмин Белоруссии. Когда Сталин спецпоездом ехал на Потсдамскую конференцию, то остановился в Минске, где провел около 14 часов, — Пономаренко ему все подробно доложил по республике... Сталин предложил Пантелеймону Кондратьевичу поехать с ним в Берлин как представителю руководства партизанского движения, но он

отвечал: «Я бы просил вас меня не трогать — здесь у меня столько дел! А там я просто буду сидеть...» Сталин сказал: «Если вы найдете нужным, прилетайте, мы вам место найдем».

— *Пономаренко вскоре стал секретарем ЦК, замом председателя Совмина СССР, а потом его звезда закатилась...*

— Безусловно, ведь Хрущев был его противником! Они цапались, еще будучи первыми секретарями в республиках, в частности по вопросам границы. Хрущев хотел часть Белоруссии оттянуть на Украину, а Пономаренко не давал. Придя к власти, Хрущев сразу назначил Пономаренко министром культуры, затем — первым секретарем в Казахстане, а в 1955 году отправил послом в Польшу.

— *«Ссылка» для партработников высокого ранга. Да, в России «при дворе» в любые времена толковые люди редко уживались.*

— Зато негодяи очень хорошо всплывали... На мой взгляд, Никита Сергеевич нанес третий очень страшный удар по Компартии, по Сталину и соответственно по Советскому Союзу.

— *А первые два — кто?*

— Сначала — Троцкий изнутри. Потом с внешней, так сказать, стороны большой вред нанесли действия Тито в Югославии. Я много всего перечитал и знаю: есть мнение, что он был связан с англичанами... Тито работал в Коминтерне, который определенные силы старались противопоставить Сталину и ВКП(б), закачивали туда денег немерено. Вернувшись в Югославию, Тито фактически уничтожил ядро ее Компартии и сумел прийти к руководству.

— *Сейчас поговаривают, что и Хрущевым тоже мог кто-то руководить «из-за бугра»...*

— Понятно, что сам Хрущев не смог бы всего сформулировать — доклад на XX съезде КПСС отрабатывали Пospelов и Шепилов, его помощники. Доклад был внезапный, его не знали даже члены Политбюро... первый секретарь Красноярского обкома мне рассказал, что после XX съезда им вручили этот текст с указанием в течение трех дней провести пленумы бюро в поддержку. Эту кампанию Хрущев начал от своего тщеславия, властолюбия и, не найду другого слова, тупоумия... Вот только кто им руководил? Это был, как я уже сказал, третий удар.

— *Однако во время перестройки основной огонь официальной критики был сосредоточен на Леониде Ильиче: мол, весь «негатив» в стране — результат «застоя»...*

— Что можно о Брежневе сказать? Это был человек, совершенно преданный делу социализма. Ответственный, честный, добросовестный,

доступный для людей. Он всего себя отдавал делу партии. Когда снимали Хрущева и избирали первым секретарем Брежнева, его избрали «на ура».

— *Первым секретарем или генеральным?*

— Сначала — первым. Генсеком еще в 1922 году стал Сталин, который, однако, в 1930-х годах слово «генеральный» убрал. Посмотрите документы тех лет: слева подписывает председатель Совнаркома Молотов, а Сталин — потом, справа, как секретарь ЦК. Брежнев стал генеральным секретарем в 1966 году.

— *Известно опять-таки, что, в отличие от Хрущева, Брежнев на роль «первого лица» не рвался...*

— Да, на должность первого секретаря он шел с трудом, хотя ранее и стремился к выдвижению, и успешно рос... Его уговаривали, потому как предлагать было некого. В итоге три человека все и решили — Косыгин, Подгорный и он. Хрущев с Микояном в это время были на отдыхе...

— *А почему Брежнев не хотел принимать власть?*

— По-моему, его беспокоили огромная ответственность лидера и сложность предстоящих задач... Сначала он много ездил по стране, здоровье позволяло, потом оно начало сдавать — он уже мало ездил, много слушал и поддавался на информацию, идущую от других лиц. А ведь главные направления и в политике, и в экономике должно определять именно «первое лицо» государства, которое несет всю ответственность за судьбу страны. Но для этого надо иметь соответствующие масштабы мышления и оценки, знание проблемы. Чтобы принимать сбалансированные решения, надо стоять выше того, что тебе предлагают, иметь свою генеральную линию руководства, знать состояние дел. И эта линия должна быть генеральной линией развития страны...

— *Кто же реально управлял государством во времена, скажем так, «позднего Брежнева»? Тогда много говорили о Михаиле Андреевиче Суслове, которого называли «серым кардиналом»...*

— Это придумали «ангажированные», как сейчас говорят, журналисты-международники, чтобы измазать и его, и партию. Кстати, а вы знаете, кого изначально называли «серым кардиналом»? Талейрана — министра иностранных дел Наполеона! Даже сегодня вся буржуазная дипломатия заглядывает в его опыт, как в святцы, — а как бы Талейран поступил? Он любил власть, деньги и баб — но ума у него была палата!

— *Так что, разве Суслов тоже...*

— Категорически нет, не ловите меня на слове! Насчет ума согласен, а в личном плане это был аскет! Он ходил в старом костюме и длинном

пальто, в калошах и работал день и ночь. Работал он, я бы сказал, по 20 часов. Это в полном смысле слова была «рабочая лошадка партии»! Единственное, где он двигался, это в Библиотеке имени Ленина, куда пешком доходил от Кремля. В аппарате ЦК Суслов вел Секретариат, и при Брежневe семьдесят процентов заседаний Политбюро проводил именно он. Он обязательно прикладывал свои ум и знания ко всем выступлениям генсека на пленумах и съездах. По-моему, он был единственным человеком в Политбюро, который постоянно работал над собой. Недаром Сталин называл его «тружеником партии». Известно, кстати, что перед смертью Михаил Андреевич поехал в Ульяновскую область, в свое село, к землякам. Предупредил секретаря обкома: если у них будут какие-то просьбы, чтобы исполнил. Два дня и две ночи прожил у старичка, своего бывшего одноклассника, — так он прощался с жизнью... Достойно? И это говорит об очень многом.

— Действительно... Но кто же, повторяю свой вопрос, был тогда «у руля» нашего государства?

— При Сталине созданы были такой аппарат и такая страна, которые уже разламывал Хрущев, но не разломал... К слову, наивысший авторитет у партии в народе был не только во время войны, но и после войны. Вот победили мы, в кратчайшие сроки восстановили народное хозяйство, начали уже забывать, что 27 миллионов погибло, и дальше рванули! Силу набрали: космос, ядерное оружие, атомная энергетика... А кадры были какие — те же министры, на которых молиться можно было! Но самые золотые партийные кадры — это были даже не секретари обкомов и ЦК, а те, кто стоял ближе всего к народу: секретари райкомов и горкомов КПСС. Почему? Да потому что они такую школу во время войны прошли, затем — на восстановлении страны, у них такая закалка была, и к тому же они постоянно находились в самой народной гуще! Вот когда у партии был высший авторитет, было морально-политическое единство народа вокруг партии. Но тут Хрущев начал всех заменять, чтобы ему было на кого опираться...

— И власть постепенно переходила к этому самому «аппарату», утрачивавшему свои положительные качества, но зато становившемуся всесильным?

— Не совсем так... Весь партаппарат в стране, если взять и секретарей парткомов крупных предприятий, был, наверное, 70 с лишним тысяч. Кстати, по уровню своего денежного содержания партийные работники занимали в стране 28-е место. Так что когда я пришел инструктором в

ЦК, то потерял в окладе 200 рублей — за звание нам здесь не платили, и я получал 300 рублей. Но партработники не пищали и трудились в поте лица.

— *Известно, что разложение партии началось с высшей партийной номенклатуры: как только в днище корабля под названием «КПСС» обнаружилась течь, то некоторые члены Политбюро вдруг объявили себя убежденными диссидентами, а иные первые секретари ощутили себя национальными лидерами. Когда же началось это перерождение?*

— Когда я пришел в ЦК, партийный аппарат не был засорен, люди сюда отбирались по своим морально-деловым качествам, все было очень ответственно. Так было, наверное, на протяжении пятнадцати лет моей работы... Потом, при Брежневе, когда он уже болел, качество стало ухудшаться... Но в стране все еще шло по накатанной: Госплан планировал, контроль осуществлялся, партийный аппарат работал, задачи решались... Думаю, кому-то это не понравится, но говорю объективно: в стране оставались сталинские структура управления государством и идеология, а также вера в партию. Но все же времена уже были совершенно иные... А те, кто у Брежнева самые близкие были, они его успокаивали и поддерживали...

— *Как вы считаете, было ли тогда единство в руководстве КПСС?*

— Это сложный вопрос... Я вам, например, могу сказать, что Алексей Николаевич Косыгин, который в течение 16 лет возглавлял Совмин СССР, занимал особое место. Честнейший человек! В то время, когда одни только и делали, что речи произносили и статьи писали, Алексей Николаевич трудился в поте лица. К слову, когда в Политбюро обсуждались и решались крупные вопросы, то он нередко выступал против — если неправильно было.

— *Эта его личная точка зрения учитывалась?*

— Заседания Политбюро не стенографировались. Фиксировалось, что обсуждали такой-то вопрос, выступили такие-то товарищи, принято решение. А вот если кто-то из членов Политбюро выступал с несогласием, обсуждение переносилось, и все! Тогда готовили следующее заседание, вопрос вновь прорабатывался самым основательным образом... Так было заведено при Ленине, так продолжалось при Сталине, и это позволяло избегать многих ошибок.

— *Очень интересно... Ну а как вы считаете, мог ли Юрий Владимирович Андропов, если бы Бог дал ему еще несколько лет жизни, спасти положение в стране?*

— Нет, к сожалению, в это я не верю. Еще когда Юрий Владимирович был назначен председателем КГБ, он уже был инвалидом... Вспомните, когда Андропов выступал при избрании его председателем Президиума Верховного Совета СССР, благодарил за оказанное ему доверие, он только поднимался на своем месте и не выходил к трибуне. Так зачем же при таком состоянии здоровья было брать на себя ответственность за судьбу государства? Не лучше ли было озаботиться поисками и подготовкой человека, который бы справился с этой ролью? Но вскоре Андропова сменил Черненко, который не только по опыту, но даже и по состоянию здоровья никак не соответствовал должности генерального секретаря. Про Горбачева же мне вообще говорить не хочется... На этом человеке закончилась история не только ЦК и Компартии, но и всего великого Советского Союза. Уверен, что История ему этого не простит.

— *Иван Порфирович, огромное спасибо вам за то, что свое первое интервью вы дали именно «Красной звезде».*

— «Красная звезда» — это та из немногих газет, которым сегодня можно доверять. Кстати, основываясь на своем армейском опыте, а я полвека прослужил в кадрах Вооруженных сил, хочу пожелать нашей газете больше писать об истории армии, о ее традициях и о том положительном, что есть сегодня в войсках. Обращение к этим темам способствует повышению авторитета армии, вызывает интерес к военной службе...

Беседу вел Александр Бондаренко

* * *

Иван Порфирович Потапов скончался на 92-м году жизни 11 марта 2008 года. Незадолго до кончины он передал автору этих строк свои размышления о причинах гибели Советской державы и, как он выразился, штрихи к портрету начальников Генерального штаба последнего этапа существования «Красной империи». Эти материалы, ставшие итогом многолетних раздумий высокопоставленного сотрудника аппарата ЦК КПСС, дают возможность полнее представить трагедию, которую пережили тогда вместе со всей страной наши Вооруженные Силы.

Иуды плодятся ежедневно, или Размышления на склоне лет

Слыша теперь огульную критику прошлого, хочется спросить: что бы делали сами критики, окажись они в условиях того периода и в роли тех людей, о которых сегодня рассуждают. К примеру, в роли командующего

фронтом, который, по их мнению, вел боевые действия неправильно, хотя сами они едва ли обладают знаниями ротного командира. Нередко до глубины души возмущает, что иные нынешние критиканы, как правило, отличающиеся скудными профессиональными знаниями и отсутствием элементарного жизненного опыта, занимают солидное общественное положение и реально влияют на судьбу страны.

Однако чтобы быть объективным, хотел бы коснуться тех недостатков, а точнее негативных явлений, которые реально существовали в прошлом. Возвращаясь к прошлым годам, вспоминая и анализируя то, чем пришлось заниматься длительное время, работая в Центральном аппарате партии, невольно спрашиваешь себя: как, что и почему случилось с самой, казалось бы, могучей политической партией в мире. Видели ли мы, ее актив, раньше назревавшие процессы, которые в конечном счете привели партию к столь невиданному тяжелому историческому поражению?

Скажу прямо: да, мы видели, не могли не видеть таких явлений, которые волновали и заставляли задумываться, мы были свидетелями многих негативных проявлений. Но не допускали мысли, что эти ошибки и недостатки могут привести к тому, что мы теперь имеем. Думаю, что не найдется таких пророков, если они честные коммунисты, которые могли бы сказать, что они все знали, все предвидели, но не могли что-то существенно предпринять, не располагая какими-либо возможностями.

Каковы же причины, которые привели к столь трагическим результатам? Не претендуя на многое, назову лишь некоторые из них.

Первое. Сход партии с классовых позиций, утрата классового чутья. Говорят, о здоровье вспоминают тогда, когда его теряют. Воюющая армия теряет боеспособность. Вместе с достигнутыми успехами во всех областях социалистического строительства мы постепенно, как-то незаметно теряли классовую бдительность. Понятие классового подхода и политической бдительности становились пропагандистскими штампами. Да, мы изучали теорию марксизма-ленинизма, историю партии и историю рабочего движения, знали, что на пути этого движения было немало ревизионистов, оппортунистов, ренегатов, попутчиков, откровенных предателей, но не допускали мысли, что это может случиться в нашей партии. В партии, десятки лет находившейся, и не без успеха, у власти, одержавшей немало побед в строительстве социализма и его защите.

Даже величайшие испытания, обрушившиеся на страну в период Великой Отечественной войны, были преодолены, была достигнута

победа, и мы воспринимали все это как должное. И вот теперь видим, что жили в известной мере в атмосфере иллюзий. Это первый и очень важный исторический урок.

Когда состоялся XX съезд партии, и были приняты решения о культе личности, подавляющее большинство коммунистов, я бы сказал, были ошеломлены решением съезда, но не сразу поняли, куда и к чему может привести огульная критика прошлого. Этот съезд явился историческим испытанием для партии, но мы не понимали еще, что идет борьба не только за власть, а прежде всего против партии.

В партии проявились сохранившиеся оппозиционные и ревизионистские элементы. Под воздействием так называемой хрущевской оттепели эти элементы оживились. Они готовы не только критиковать, но и выдвигать сомнительные в классовом отношении размытые концепции. Исчезло понятие о диктатуре пролетариата. Вместо него появилось понятие «народное государство».

Начался этап организационной чехарды в государственных структурах, и все это выдавалось за новизну. Заговорили о расширении свободы, а закончили хаосом общественной жизни, утверждением плюрализма и многопартийности, развалом социалистической собственности и утверждением частной собственности. Критика культа личности была нацелена на ликвидацию социализма, развал страны и реставрацию капитализма. Как теперь говорят, целились в Сталина, а попали в Россию.

Второе. Одной из главных причин, приведших к трагическим последствиям в жизни партии, является отрыв ее руководящих органов от масс. Несомненно, этому способствовал тот факт, что за годы советской власти нашей партии почти одну треть времени пришлось провести в условиях войны и ликвидации ее последствий. На практике логикой такой обстановки укрепились административно-командные методы руководства. Политическое убеждение как главный метод в партийной работе постепенно отходило на второй план. Это вело к подмене государственных органов, органов советской власти партаппаратом. Этим недугом страдали все: от райкома партии до Центрального Комитета.

Ненормальность такого положения многие видели, об этом говорили, но болезнь слишком была застаревшей, и ее было трудно преодолеть. В период войны это считалось нормальным, а в мирное время стало ненормальным и пагубным. Подрывалась сама суть деятельности партии как политической общественной организации.

Третье. Не было должной заботы о здоровье самой партии. В Великую Отечественную войну мы вступили, имея в рядах партии где-то три с половиной миллиона коммунистов. А в период войны партия потеряла более трех миллионов человек. Но ведь победа была достигнута! В феврале 1946 года ЦК было принято решение о росте рядов партии и воспитании молодых коммунистов. Суть этого решения сводилась к тому, что партия за время войны обновилась, и нужно ее членов, которые прошли через горнило войны, политически воспитать, сделать зрелыми бойцами, но не форсировать роста партии. Решение это было принято по инициативе Сталина.

Тем не менее вскоре это решение было забыто. Рост партии форсировался, в результате партия была разрыхлена, в ее ряды проникли карьеристы, прилипалы, включая враждебные элементы, которых сегодня мы видим во всех властных структурах. Другими словами, было забыто пророческое ленинское предупреждение о том, что следует всегда учитывать, что наша партия правящая и к ней будут прилипать элементы карьеристские, далекие от целей и задач партии. Партия должна беречь чистоту своих рядов как зеницу ока.

Четвертое. Партия на протяжении всей своей истории занималась проблемой кадров. Она по праву может гордиться тем, что под ее руководством выросли многочисленные кадры политических, хозяйственных, научных, военных, культурных деятелей. В ней существовала продуманная система подбора, воспитания и расстановки кадров. При этом после XX съезда партии в работе с кадрами стали игнорироваться такие требования, как нравственные качества, политическая и идеологическая зрелость работников. Постепенно утвердился формальный, анкетный подход в оценке людей.

С трибуны съезда партии был провозглашен сомнительный принцип: растить кадры на месте — в республиках, областях, краях — и не заниматься их переводом в другие районы или сферы деятельности. Расцвели протекционизм, карьеризм, подхалимство, беспринципность во многих важнейших сферах жизни. Кадры старели, был нарушен принцип сочетания опытных и молодых кадров. А в национальных республиках стали постепенно проявляться национально-сепаратистские элементы. Но это перестали замечать! Если говорить о национальной политике, то в аппарате ЦК строго требовали как можно осторожнее относиться к этому вопросу. По существу, не реагировать на проявление элементов национализма в республиках, поскольку это, мол, может затрагивать

национальные интересы этих республик. К чему это привело, теперь мы знаем.

Пятое — это запущенность идеологической работы, пожалуй, как никакой другой сферы. Здесь годами тонко велась подрывная работа, умело внедрялись ложные ревизионистские концепции. Пример: хрущевская программа партии о достижении уровня коммунистического общества к 1980-м годам, так называемые концепции развитого социализма и т.п. В партии, особенно среди ее руководителей, практически никто не занимался серьезной теоретической работой. Да и что говорить, если большинству ведущих деятелей партии эта задача была не по плечу. Они сами плохо учились, плохо росли и занимались только текучкой.

Ведь не случайно Сталин после окончания войны был озабочен тремя проблемами дальнейшего развития страны и партии: состоянием теории, разработкой проблем экономики, целевых задач дальнейшего социалистического строительства и решения задач защиты социалистической страны от вражеского окружения. Мы, как он подчеркивал, не имеем права ни в одной из указанных областей отставать. Что касается идеологического актива партии, то абсолютное большинство его занималось даже не пропагандистской работой по разъяснению марксистско-ленинской теории, а, по существу, комментированием решений пленумов и съездов ЦК. Делалось это шаблонно, формально.

Идеологические учреждения занимались лишь обслуживанием руководящих органов партии. Научные работы в области теории марксизма велись чаще всего с целью «остепениться», получить кандидатское или докторское звание. Вот почему сегодня мы видим, сколько из этих остепененных выходцев стали перевертышами, антикоммунистами, певцами буржуазной идеологии.

Шестое. Недостатки и ошибки в экономике объясняются не столько объективными причинами развития экономики страны, сколько запущенностью теоретической работы партии. Но поскольку теоретическая работа партии в этой области отставала от практики и требований реальной жизни, то здесь иногда главный акцент делался на многочисленные организационные перестройки. Сколько за это время было пережито разного рода ломок, перестроек, ликвидации одних министерств и создания других, создания совнархозов, а затем ликвидации и их. Появилась теневая экономика, в сельское хозяйство вкладывались огромные суммы и средства, но результатов не достигалось. Одна треть сельскохозяйственной продукции, несмотря на ее

рост, из-за отсутствия соответствующей базы перерабатывающей промышленности пропала. И все это сказывалось на общем состоянии экономики страны.

Седьмое. Внутрипартийная работа. В этой области было не меньше, а может быть и больше недостатков, чем во всех других областях. Здесь партийные организации страдали шаблоном, формализмом, отсутствием критики и самокритики. Принципы демократического централизма многими партийными комитетами ловко использовались с точки зрения администрирования сверху. Они как огня боялись критики снизу и самокритики. Это привело к застою и формализму в партийной практике, отрыву партийных органов от партийных масс и как следствие к падению авторитета партии, к снижению ее влияния на многие стороны жизни страны.

Восьмое. Партия, ее Центральный Комитет много уделяли внимания международным вопросам. Касаясь внешней политики, хотелось бы обратить внимание на деятельность международных отделов аппарата ЦК и в первую очередь — на комплектование этих отделов. Нередко решающим условием для этого являлось знание иностранных языков. В результате аппарат зачастую комплектовался работниками, знающими иностранные языки, но совершенно не имеющими опыта партийной работы. Они слабо представляли себе внутреннюю жизнь страны, ее проблемы. При общении с представителями братских партий не могли эффективно выполнять партийные поручения.

И, **наконец**, еще одна причина, которую можно считать одной из самых главных, решающих в крушении социализма, советской власти, СССР. Это предательство части верхушки партии и государства: Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и других. Легкость этого предательства объясняется тем, что было оно совершено в условиях десятилетиями воспитанной веры миллионов и миллионов советских людей в государственное и партийное руководство.

Была в СССР стабильность. Советский Союз находился на вершине мировой славы и авторитета. Советские люди жили спокойно и были уверены в своем будущем. И вдруг общество раскололось на враждебные классы. Огромного монолитного государства не стало. Уже целые горы исследований, книг, статей, интервью наших и зарубежных ученых, публицистов, государственных деятелей посвящены ныне изучению корней и причин этого. Однако только история расставит все по своим местам. Но хотелось бы при этом сослаться на высказывание одного великого, который говорил, что Христос и Будда родились один раз, а Иуды плодятся ежедневно в миллионах экземпляров.

В этих размышлениях сформулированы лишь личные оценки по ряду вопросов, с которыми пришлось сталкиваться длительное время, работая в аппарате ЦК. Разумеется, я далек от категоричности и полноты суждений. Но без взгляда в прошлое, без глубоких переживаний и анализа нынешнего, невозможно определиться, как жить дальше.

Начальники Генерального штаба: штрихи к портретам

Силу любой армии определяют многие факторы: вооружение, организационная структура, обученность личного состава, военная идеология, т.е. профессиональные и общественные взгляды, которых эта армия придерживается, ее интеллект... Самым ценным и важнейшим капиталом любой армии являются ее люди, кадры и прежде всего офицерский состав. Особая роль всегда принадлежала и принадлежит ныне начальнику Генерального штаба, которого оправданно называют «мозгом армии». По долгу службы мне довелось длительное время видеть в работе многих известных военачальников, общаться с ними в непринужденной обстановке. Постепенно впечатления об их деятельности накапливались и, не претендуя на обладание истиной в последней инстанции, хочу поделиться некоторыми из своих наблюдений. Размышляя над прожитым, хочу заметить, что, какое бы высокое место в обществе и государственном аппарате человек ни занимал, он никогда не должен забывать, что даже небольшой отрицательный штрих в его поступках отражается прежде всего на порученном ему деле. Моральный авторитет руководителя должен соответствовать высокому авторитету его должности.

Маршал Куликов

Наша справка. Маршал Советского Союза Куликов Виктор Георгиевич родился 5 июля 1921 года. С мая 1967 года — командующий войсками Киевского военного округа, с октября 1969 года — главнокомандующий Группой советских войск в Германии, с сентября 1971-го по 1977 год — начальник Генерального штаба Вооруженных сил — первый заместитель министра обороны СССР. В 1977—1989 годах — первый заместитель министра обороны — главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. С 1989 года — генеральный инспектор группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Вспоминаю совместное пребывание с Маршалом Советского Союза Куликовым — тогда начальником Генерального штаба на Яворовском полигоне Прикарпатского военного округа. Здесь, на полигоне, предстояло провести опытное учение по отработке систем управления

войсками с использованием новых средств связи, разведки и автоматизации обработки данных.

Не буду рассказывать здесь о ходе учения. Скажу только, что прошло оно с пользой, дало пищу для размышлений и научного анализа, было здесь и немало поучительного для практики управления войсками. На учение приехали представители конструкторских бюро и промышленности с образцами новой техники. Они, как всегда, стремились показать достоинства и преимущества своих образцов. А военные в свою очередь доказывали отставание отечественных производственников от зарубежных в разработках средств автоматизации управления войсками на поле боя. Новое оружие, насыщенность театра военных действий средствами боя с невиданными скоростями и убойной силой требуют от органов управления быстрых и точных решений и полного использования имеющегося потенциала по подавлению и уничтожению противника. Здесь-то на помощь штабу и командиру должна прийти электронно-вычислительная техника, средства автоматизации сбора и обработки информации.

По этим вопросам проходили дискуссии и споры. Учение показало, например, что в районе фронтового командного пункта сосредоточивается до пятисот мощных малоподвижных машин управления, до отказа начиненных средствами связи и другими электронными системами, причем часто не согласованными между собой. Ясно было, что такая «комплексная» автоматизация никого устроить не может. Руководитель учения маршал Куликов показал тогда высокую компетентность в обсуждаемых проблемах и четко сформулировал дальнейшие шаги в освоении и последующем совершенствовании автоматизированных систем управления войсками.

Виктор Георгиевич в своей военной биографии прошел буквально все ступени командно-штабной лестницы — от командира роты до начальника Генштаба. Но были на его жизненном пути и служебные скачки: с должности командарма, которым он недолго пробыл, на должность командующего войсками такого сложного военного округа, как Киевский. Затем довольно быстро его назначают главнокомандующим Группой советских войск в Германии, а еще через некоторое время — начальником Генерального штаба.

Эти скачки, видимо, повлияли на его формирование как крупного военачальника. Быстро проходя ответственные должности, он не успевал, как говорится, «дозреть», а на новых, более высоких ступенях не успевал наверстывать упущенное. И став во главе Генштаба, он в какой-

то степени все еще оставался «на округе». На первых порах он просто не охватывал всего объема военно-стратегических задач, стоявших перед нашими Вооруженными силами.

Но до обретения самой большой штабной должности можно было «дозреть» только упорным трудом и форсированной работой над собой. На это, видимо, у Виктора Георгиевича характера не хватило. Он почувствовал высоту должности несколько по-своему — можно, мол, самому немного и расслабиться, а работу потребовать от подчиненных. Появилась у него вскоре некоторая вальяжность, даже, как тогда говорили, элементы барства. С подчиненными стал грубоват, поглядывал на них свысока. Конечно, не только удачная карьера была тому виной, — сказались и особенности характера, которые у каждого проявляются тем сильнее, чем больше власти он получает. И эти особенности у Виктора Георгиевича оказались не на пользу делу.

Раздумывая над этим, вспоминаю в чем-то схожую военную судьбу Маршала Советского Союза А.М. Василевского. До прихода к руководству Генеральным штабом он тоже имел небольшой командный опыт — только в должности командира полка. Когда его выдвигали на работу в окружной аппарат с этой должности, командир дивизии, если не изменяет память, Никитин указал в аттестации выдвиженца такие его качества, как трудолюбие, аналитический склад ума, скромность, упорство в повышении профессионального уровня. Характеризуя будущего маршала, он прозорливо заметил, что за скромностью и внешней неторопливостью у того скрывается сильная командирская воля. Эта оценка стала рекомендацией для будущей работы Александра Михайловича в Генштабе, которую он с честью оправдал.

Да, не все так просто в военной карьере. Это, пожалуй, единственная профессия, в которой кто-то может и покрасоваться в мирное время, а истинную и подчас суровую оценку соответствия порученному делу ставит каждому только боевая обстановка. Только она ранжирует военачальников по истинным их достоинствам — это доказала Великая Отечественная война, да и боевые действия в Чечне тому же пример...

Маршал Огарков

Наша справка. Маршал Советского Союза Огарков Николай Васильевич родился 30 октября 1917 года (умер 23 января 1994 г.). В декабре 1961 года был назначен начальником штаба Белорусского военного округа, в 1965—1968 годах — командующий войсками Приволжского военного округа. В 1968—1974 годах — 1-й заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил. С марта 1974 года по январь

1977 года — заместитель министра обороны СССР. 8 января 1977 года назначен начальником Генерального штаба — первым заместителем министра обороны. В 1984 году назначен главнокомандующим войсками Западного направления. С 1988 года — генеральный инспектор группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Николай Васильевич вспоминается мне прежде всего в разных ситуациях оперативных учений Прибалтийского и Северо-Кавказского военных округов. Он занимал в то время самую престижную, но и самую, я бы сказал, ответственную, единственную в своем роде должность — начальника Генерального штаба Вооруженных сил. Огарков был в то время в расцвете творческих сил. За плечами многолетняя армейская служба, Великая Отечественная война, две академии. По основной подготовке он — войсковой инженер. На командно-штабной работе оказался по стечению обстоятельств: его заметил проницательный взгляд маршала Р.Я. Малиновского, будущего министра обороны, во время одного из оперативных учений Дальневосточного военного округа, войсками которого командовал Родион Яковлевич. Он тогда убедился, что этот войсковой инженер определенно имеет способности к оперативному мышлению. С легкой руки маршала Огарков оказался заместителем, а затем и начальником оперативного управления штаба округа.

Через некоторое время маршал Малиновский направляет генерала Огаркова на учебу в Академию Генерального штаба. После окончания академии служба идет своим чередом: комдив, начальник штаба Белорусского военного округа, командующий войсками Приволжского военного округа, а затем — заместитель начальника Генерального штаба. Маршал Малиновский пристально следил за ростом своего протеже и убеждался, что не ошибся в выборе. Николай Васильевич Огарков обладал высокой общей культурой, эрудицией, хорошей памятью, трудолюбием. Когда он вззошел на высоту крупной штабной работы, многие сказали: вот теперь он на месте.

Работал он много, наращивая свое стратегическое мышление, торопился сделать больше и болел за дело. Но, как и любой человек, имел он и слабости. Эти слабости Николай Васильевич мог бы преодолеть, если бы рядом был такой внимательный и требовательный наставник, как Малиновский. Но Родиона Яковлевича уже не стало. Стремясь преодолеть догматизм в теории и практике военного дела, ведь была уже эпоха научно-технической революции, эпоха атома, космоса, электроники, Огарков, к сожалению, подчас легко поддавался влиянию недобросовестных советчиков, которые всегда имеются у больших начальников.

Такие советчики бывают и грамотными, и с опытом, нет у них только одного: чувства ответственности за правильность государственного решения. Николай Васильевич схватывал некоторые внешне привлекательные идеи, не просчитав возможных последствий их практической реализации. Так возникали конфликты с другими военачальниками, руководителями видов Вооруженных сил, которые, порой принципиально и обоснованно, придерживались противоположных позиций. Начальник Генштаба проявлял в таких случаях заурядное упрямство, начинал давить властью. Все это он оправдывал необходимостью защитить свою принципиальную позицию.

В военном деле такой подход чрезвычайно опасен. Ведь сформированные в мирное время положения и взгляды проверяются на правильность только во время войны, и цена такой проверки может быть очень дорогой. Так что в мирное время, решая военные проблемы, необходимо не только семь, но и десять раз отмерить, прежде чем отрезать. Тут ошибаться нельзя. По своему служебному положению начальник Генштаба обязан рассматривать военно-стратегические проблемы не только как шахматист на шахматной доске, но и за пределами этой доски. Наряду с чисто военными аспектами любой задачи он должен учитывать экономическое состояние страны и социальное положение ее населения, внешнеполитический климат, национальный фактор, надежность союзников, силу вероятных противников и многое другое. То есть начальник Генштаба — это не только военный стратег, но и обязательно политик.

Николай Васильевич, разделяя эти взгляды, старался воспитать в себе необходимые качества, глубоко переживал неудачи. Но до конца изжить переоценку своей личности, своей непогрешимости ему не удавалось. Как не удавалось это и другим военачальникам того времени. И в этом не только их вина. Их воспитала обстановка, сознание того, что внутриполитическое положение страны прочное как никогда, экономика плановая, управление централизованное: что военные запросят — страна даст. И страна действительно давала все, что требовали оборонные структуры. В этих условиях военные руководители не всегда по-государственному и политически зрело подходили к затратной стороне военного строительства, к определению реальных нужд Вооруженных сил.

Занимаясь вопросами подготовки войск, Огарков, на мой взгляд, недостаточно вникал в действия тактического звена. Видимо, сказывался небольшой командный опыт — лишь два года в должности командира дивизии. Но, несмотря на эти и некоторые другие недостатки, вспоми-

ная Николая Васильевича, можно сказать, что это был талантливый военный деятель, грамотный руководитель, настойчивый и трудолюбивый работник, умный и интеллигентный человек. Время, когда он трудился, и перемены, которые тогда происходили в руководстве страной, не позволили ему до конца сформироваться и проявить себя в соответствии с занимаемой должностью.

Маршал Ахромеев

Наша справка. Маршал Советского Союза Ахромеев Сергей Федорович родился 5 мая 1923 года (24 августа 1991 г., по официальной версии, покончил жизнь самоубийством). С мая 1972 года по март 1974 года — начальник штаба — первый заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа, с марта 1974 года по февраль 1979 года — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил, с февраля 1979 года по сентябрь 1984 года — первый заместитель начальника Генерального штаба. С сентября 1984 года по декабрь 1988 года — начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны. С 1988 года — советник председателя Президиума Верховного Совета СССР (с мая 1989 года — советник председателя Верховного Совета СССР), с марта 1990 года — советник Президента СССР М. С. Горбачева.

Рядом с Огарковым вспоминается мне и генерал Ахромеев. Помню, будучи в командировке в Белорусском военном округе, я завел разговор с командующим войсками этого округа о молодом командарме Ахромееве. В целом характеризуя его положительно, командующий обронил такую фразу: «Войсками занимается много, но увлекается чтением». На мой вопрос, что же он читает, последовал ответ: «Все теорию учит, а войска требуют на практике полной отдачи сил и времени».

При встрече с Сергеем Федоровичем я затронул эту тему. Он сразу понял, откуда ветер дует, и сказал: «Да, мне уже делали такое замечание. Но читать, к сожалению, удастся очень мало...» Он рассказал, что в современной обстановке быстрее развития военной техники и военного дела он все время чувствует, что мы отстаем от возрастающих требований. Опыт предыдущих сражений — это основа, но новая война, если случится, будет совсем другой. Она уже сегодня требует особой подготовки, а мы живем только багажом пройденных академий и занимаемся текучкой.

«Да, я пытаюсь не пропускать ничего нового в военной литературе, но много ли времени оторвешь от сна?» — с сожалением говорил Сер-

гей Федорович. Мне, честно говоря, не часто приходилось в то время слышать от военачальников подобные откровения.

В юности, когда перед человеком встает вопрос, кем быть, у Ахромеева наблюдалась склонность к гуманитарным предметам. Недаром он пытался поступить в Московский институт философии и литературы. Но предгрозовое время настояло на своем — он пошел по военной стезе. Став курсантом училища, а затем офицером морской пехоты, он вскоре был переведен в сухопутные войска. Служил Ахромеев всю жизнь честно, самоотверженно, как и воевал.

Не обладая богатырским здоровьем, он всегда был упорным тружеником. И в любой области военного дела, к которой приходилось прикасаться, стремился дойти до корней, до самой сути. Мечтал командовать войсками округа, но это не удалось. После командования армией он был назначен начальником штаба Дальневосточного военного округа и в оперативном отношении формировался рядом с таким умным военным профессионалом, как будущий Маршал Советского Союза Василий Иванович Петров.

В должности начальника Главного оперативного управления Генштаба быстро освоил оперативно-стратегические объемы, много занимался общими проблемами военного строительства. В должности начальника Генштаба он особенно ярко проявил себя в процессе переговоров с американцами по вопросам сокращения стратегических ядерных вооружений. Глубоко понимая не только стратегические, но и политические проблемы, он твердо и убедительно отстаивал позиции нашей страны.

Конечно, и на солнце есть пятна. Будучи уже на высоких военных должностях и выделяясь стремлением освоить новое, Сергей Федорович отличался высочайшим чувством личной ответственности. Сочетание этих качеств порождало иной раз негативные черты в стиле его работы: он пытался все и всех замкнуть на себя, во все, даже второстепенные вопросы, вникнуть сам. А на большом посту, куда ежедневно стекаются сотни проблем, такой стиль приводит к задержкам в их решении и даже заторам. На заслушивание предложений и аргументов подчиненных просто не хватает времени... А все это — не на пользу делу.

Лучшие свои качества человека и военачальника маршал Ахромеев сохранил и в зыбких условиях перестройки. На высшем уровне он всегда докладывал о положении дел честно, горячо и принципиально отстаивал позиции, обеспечивающие безопасность страны. Он никогда не лавировал, не боялся сказать даже горькую правду. И если не удавалось отстоять свою точку зрения, глубоко переживал...

Судьба поставила его на ключевую военную должность начальника Генерального штаба, когда армия стала ощущать открытые удары со стороны своих «идеологических» противников. Он пытался отвести эти удары, сопротивлялся попыткам развала армии как мог, до конца. И если правда о его смерти соответствует официальной версии, то она означает, что честь маршала просто не выдержала несправедливого отношения к армии, к делу защиты Родины.

Как криминальный мир вышел из подполья

26 ноября 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения **Николая Анисимовича Щелокова**, который более 16 лет руководил министерством внутренних дел СССР. Он был сыном своего сложного и противоречивого времени, что не могло отразиться на его мировоззрении и поведении. Но, по свидетельству современников, нет оснований ставить под сомнение преданность этого главы МВД Родине, умение организовать слаженную работу огромного коллектива. В конечном счете министр стал жертвой сложных интриг в высшем советском руководстве, прекращавшейся после смерти Сталина подковерной борьбы за власть между различными номенклатурными кланами.

Наш собеседник — **Максим Брежнев**, один из авторов книги «Министр Щелоков», написанной им в содружестве с Анатолием Вячеславовичем Науменко, генерал-лейтенантом милиции из МВД Украины, при поддержке Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск.

— *Максим Александрович, первый вопрос: вы случаем не родственник Леонида Ильича Брежнева?*

— Однофамилец.

— *Значит, в написании книги о человеке, близком к генеральному секретарю ЦК КПСС, вы были движимы не родственными чувствами. Тогда чем?*

— Считаю, приходит время развенчания небезобидных мифов о нашем недавнем прошлом. Старшему поколению это имя знакомо, но, как правило, у большинства на памяти распространенные вокруг него мифы: друг генсека Брежнева, после его смерти снятый с поста министра и обвиненный в различных прегрешениях, исключен из партии, покончил жизнь самоубийством. Молодой же читатель практически не знает о нем ничего.

В одной из новых биографий Л.И. Брежнева о министре Щелокове, ключевой фигуре в окружении генсека, я прочитал такие строки: до войны работал в Днепропетровске, во время войны — интендантом, и прямо указывается, что Брежневу нравилась жена Щелокова. Допустим, автор этой биографии на сто процентов прав. Но все же он обязан был сказать, что Щелоков до войны был председателем Днепропетровского горсовета. А предвоенные годы — это время напряженной работы. Ведь уже с 1940 года по приказу Сталина предприятия Днепропетровска переводились на выпуск военной техники.

С началом войны в 41-м Щелоков организовывал эвакуацию заводов и населения, создавал оборонительные сооружения. Проводил мобилизацию и т.д. Затем — действующая армия. Щелокову довелось быть начальником политотдела прославленной 218-й Краснознаменной Ромодано-Киевской стрелковой дивизии. Он участвовал во многих боях и сражениях, не раз поднимал бойцов в атаку.

После Победы вместе с Брежневым руководил восстановлением разрушенной промышленности на Украине (заведующий отделом промышленности ЦК КП Украины). Когда Сталин направил Брежнева в Молдавию, то туда поехал и Щелоков. Брежнев доверил ему один из самых сложных участков работы — создавать промышленность республики, которой до этого не существовало вообще. После прихода Брежнева к власти он поручил Николаю Анисимовичу заново создать союзное МВД, что и было с успехом сделано. Как видим, Брежнев не раз убеждался в возможностях Щелокова как руководителя, поэтому он и опирался на него, очень ценил и даже по-братски любил. Вот вам и «жена понравилась».

— *В годы перестройки Щелокова «вычеркнули» из советской истории.*

— Имя Николая Анисимовича не просто вычеркнуто из отечественной истории, оно буквально втоптанно в грязь. Создавались телепередачи, фильмы, книги, многочисленные статьи, в которых бывшего министра кем только ни называли: жуликом, мафиози, взяточником, трусом. Правда, неясно, почему не был доведен до суда хотя бы один эпизод с его якобы «хищениями»? Почему не говорят, что золота и бриллиантов, приписываемых семье Щелокова, к огорчению следователей, не было найдено вообще?

Казалось бы, официальной пропагандой за двадцать с лишним лет сделано все для его развенчания, но удивительная вещь: почему к Щелокову относятся с уважением в милиции и сохраняют о нем добрую

память, особенно ветераны МВД? Да и можно ли называть трусом человека, прошедшего всю войну, участвовавшего во многих боях?

По-моему, это несправедливо. Я провел много бесед с сослуживцами и соратниками министра и видел, с какой любовью и уважением они рассказывали о Николае Анисимовиче (Щелоковым мало кто его называл, в основном по имени-отчеству), характеризовали его как работоспособного, нестандартного руководителя, блестящего организатора, прекрасного человека. На посту министра он сделал больше, чем любой из его предшественников. Ветераны с ностальгией вспоминают те годы.

Да и как показало время, реформирование органов внутренних дел, проведенное под руководством министра Щелокова, оказалось наиболее удачным, целесообразным и эффективным за всю историю этого ведомства. Его дружба с Брежневым, доверие и взаимопонимание, существовавшие между ними, помогли сделать многое не просто для МВД, но и для всего дела борьбы с преступностью. Ему, например, принадлежала идея создания штаба МВД.

— *Штаба?*

— Да. Штаба. Ранее в МВД такой структуры не существовало. Щелоков везде, где бы ни работал, организовывал штаб. Этому научила армия, где штаб — неотъемлемая управленческая мозговая структура. Как-то в разговоре с министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко Щелоков удивился: «Как это вы без штаба обходитесь? Это необходимый орган управления в каждой большой системе».

Управляя сложным аппаратом, каким является МВД, руководство, коллегия министерства не принимали при Щелокове ни одного серьезного решения, касалось ли это текущих или перспективных, стратегических вопросов, без большой предварительной, подготовительной работы штаба министерства.

Сразу же по приходе в МВД — это 1966 год — Щелоков начал осуществлять одну из главных своих задумок. Создать штаб было непросто, потребовалось несколько лет, чтобы пробить идею «наверху». Все решения апробировались на уровне Отдела административных органов ЦК КПСС. В партийных и госорганах не все воспринимали нововведения в МВД с одобрением. Было много весьма влиятельных недоброжелателей. Как известно, добиваясь внедрения нового, нередко осложняешь жизнь не только себе, но и окружающим.

Так, министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко высказался решительно против введения генеральских званий для высшего начальствующего состава Министерства охраны общественного порядка

(МООП), преобразования Высшей школы МООП в Академию, установления на одном уровне с военнослужащими Советской Армии норм денежного довольствия и пенсионного обеспечения личного состава органов внутренних дел.

— *А разве тогда МВД не существовало?*

— При министре Дудорове (Николай Павлович Дудоров — министр внутренних дел СССР в 1956—1960 гг.; до этого, в 1954—1956 гг., возглавлял Отдел строительства ЦК КПСС. — *Авт.*) МВД как союзное министерство было упразднено. Это произошло в январе 1960 года. Это было в русле политики Хрущева, который считал, что борьбу с преступностью следует вести общенародными силами. «В социалистическом государстве, — говорил Никита Сергеевич, — каждый гражданин — агент милиции». Многочисленные народные дружины стали подменять деятельность милиции, численность которой из года в год сокращалась.

После упразднения союзного МВД централизованное руководство борьбой с уголовной преступностью было нарушено. И это отрицательно сказалось на работе милиции, исправительно-трудовых учреждений, внутренних войск, пожарной охраны. Республиканские министерства охраны общественного порядка действовали разрозненно, взаимодействие, координация усилий резко ослабели. Это продолжалось около семи лет, понимание пагубности такой разобщенности в борьбе с преступностью становилось все более очевидной и в ЦК КПСС, и в союзных республиках. Все это привело к решению о создании министерства охраны общественного порядка — МООП СССР.

— *Вы начали рассказывать о создании штаба МВД...*

— Программа Щелокова по реформированию ведомства вызвала у многих высокопоставленных лиц, входивших в специально созданную комиссию Политбюро по рассмотрению этих вопросов, резкое неприятие. Поэтому многое из предложенного новым министром реализовывалось не сразу. В принципе все были заинтересованы в укреплении органов внутренних дел. Но не все одобряли новую структуру, особенно возросшие затраты. А Щелоков не уставал доказывать: нищая милиция опасна и для общества, и для государства.

Когда организовывался штаб, Брежнев после доклада заведующего Отделом административных органов ЦК Николая Ивановича Савинкина потребовал от Щелокова объяснений.

— Николай, что происходит? — позвонил он ему однажды по телефону. — Мне тут говорили, ты у себя второй Генеральный штаб создаешь...

Надо сказать, что в советские годы крайне трудно было увеличить численность министерств, особенно в Центральном аппарате. В ЦК и правительстве пришлось выдерживать настоящие битвы. Щелокову далеко не с первого захода удавалось выбивать по 10—15 единиц под новую структуру в Центральном аппарате.

Добавлю, что и генеральские звания тогда распределялись очень строго. Заместители союзного министра имели звания генерал-лейтенанта. Некоторые замы закончили карьеру в звании генерал-майора. Главе службы БХСС (по борьбе с хищениями социалистической собственности. — *Авт.*) Павлу Филипповичу Перевознику три раза отказывали в присвоении генеральского звания.

В течение нескольких лет Щелокову пришлось доказывать необходимость образования штабной структуры. Он собирал необходимые бумаги, брал с собой специалистов и шел к партийному руководству убеждать в целесообразности, настоятельной необходимости штаба.

Изначально это структурное подразделение именовалось так: контрольно-инспекторский отдел (КИО). Подчинялся он непосредственно министру. В качестве самостоятельного отдела КИО вошел и в состав МВД СССР (25 ноября 1968 г. президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР». — *Авт.*). В обязанности отдела были вменены планирование, контроль и инспектирование служб и подразделений, то есть совершенствование управления.

Каким Щелоков видел начальника штаба? Сошлюсь на слова Маршала Советского Союза Сергея Семеновича Бирюзова, которые Николай Анисимович взял себе на вооружение: «Командующий должен верить в своего начальника штаба, как в самого себя. Без этого работать нельзя. Начальник штаба — это не просто исполнитель. Он — один из самых близких помощников командующего, и непременно с творческим складом ума и характера. Со своим аппаратом на основе общего замысла командующего начальник штаба обдумывает все детали дела и готовит мотивированные предложения. С помощью его осуществляется контроль за исполнением приказов и обеспечивается управление войсками. Штаб можно сравнить с центральной нервной системой человека».

— *И кому министр доверил свой штаб?*

— Когда Щелоков подбирал кадры, зампред КГБ Георгий Карпович Цинев порекомендовал ему доцента Высшей школы КГБ Сергея Михайловича Крылова. Щелоков оценил его незаурядное мышление и предложил перейти в МВД, возглавить КИО. В феврале 1969 года на

базе контрольно-инспекторского отдела образовывается качественно новый штабной аппарат — Организационно-инспекторское управление МВД СССР.

Одновременно началось образование организационно-инспекторских аппаратов в регионах — в управлениях внутренних дел. В МВД Татарии впервые была создана специальная аналитическая группа, которая обобщала результаты и производила планирование деятельности оперативников. Разработали систему немедленного реагирования на серьезные преступления. Первым родился план «Перехват» по розыску и задержанию угнанных автомашин в Казани и пригородах. После его утверждения провели оперативную игру. На «угнанной» автомашине Виктор Ерин (будущий министр внутренних дел Российской Федерации. — *Авт.*) исколесил весь город и пригороды, но никто ее не остановил. Выводы были сделаны...

Также родилось предложение о создании оперативного отделения в составе штаба республиканского министерства для руководства деятельностью дежурных частей и организации взаимодействия всех сил и средств для реагирования на происшествия любого характера. Затем пришла идея о разработке системы оперативного реагирования для организации взаимодействия служб при раскрытии тяжких преступлений и ликвидации побегов из мест лишения свободы и КПЗ, которую называли «Сирена». И эта идея находит поддержку в МВД СССР.

«Сирена» была внедрена в стране и до сих пор действует под своим первоначальным названием. Аналогично было и при разработке оперативных планов «Гром» — по задержанию вооруженных преступников, захвативших заложников и засевших в каких-либо строениях, «Защита» — по предупреждению и ликвидации массовых беспорядков.

Организация штабов республиканских МВД и областных УВД на местах была, конечно, не безболезненным процессом. Особенно остро стоял вопрос комплектования новых подразделений. Оперативные службы неохотно уступали своих квалифицированных работников и перспективных молодых офицеров.

Но Щелоков был категоричен: «Пусть недалековидные люди визжат и воют по поводу перестройки и нововведений, — подчеркивал он. — Им не понять, что при рубке большого старого леса иначе нельзя. Тем более, в истории еще ни одно глубокое преобразование не обходилось без грязной пены, без этакой накипи и наслоений. Других решений в ускорении поставленных задач нет. Так именно кадры, их подбор ста-

новятся главным и решающим фактором среди всех прочих в новых условиях».

В сентябре 1971 года Организационно-инспекторское управление было переименовано в Штаб МВД СССР. Это была победа Щелокова! В 1972 году в его состав входили главная инспекция и семь отделов: организационно-аналитический, оперативный (включая дежурную часть МВД СССР), организационно-зональный, организационно-научный, организационно-штатный, нормативно-уставный, внешних сношений. В оперативное подчинение штабу были переданы Главный научно-исследовательский центр управления и информации (позднее Главный информационный центр) и Организационно-методический центр МВД СССР по передовому опыту.

— *Значит, МВД как общесоюзная структура возродилась при Щелокове...*

— Именно так. Наследство ему досталось, повторюсь, незавидное. После так называемого реформирования, а фактически упразднения Хрущевым в 1960 году союзного МВД на улице оказались многие профессионалы, было ликвидировано союзное Главное управление милиции, координировавшее борьбу с криминальными структурами; разрушено профессиональное милицеейское ядро центрального аппарата МВД СССР, накопившего огромный опыт борьбы с бандитизмом. Разрушена оказалась и союзная структура службы БХСС — организатор усиливающейся борьбы с «цеховиками», расхитителями и дельцами экономического подполья. Все это благоприятствовало росту и развитию организованной преступности, теневого бизнеса и коррупции.

Система МВД не пользовалась авторитетом ни у народа, ни в ЦК КПСС. Около половины личного состава милиции была, по сути, неграмотная. Материальное содержание, заработная плата сотрудников были нищенскими, унижительными. Милиция находилась в состоянии приниженности, загнанности, патологической апатии, затяжного синдрома профессионального бескультурья.

К тому же еще в конце пятидесятых годов в разных городах вспыхивали волнения, зачастую направленные против действий милиции, к которой в обществе накапливалось немало претензий из-за самоуправства, взяточничества, поборов и т.д. До Щелокова предыдущий министр Тикунов пытался поправить ситуацию, но его начинания успеха не имели и не могли иметь (Вадим Степанович Тикунов с должности заместителя заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС был назначен в 1959 г. заместителем председателя КГБ при

Совмине СССР; в 1962—1966 гг. — министр охраны общественного порядка РСФСР. — *Авт.*).

Неприятие у населения вызвало применение милиционерами резиновой палки, введенной по приказу Тикунова — якобы по требованиям общественности. Слишком уж необычным для советского милиционера выглядел этот атрибут и его практическое использование. Хотя знали, что в отделениях бьют и без палки, но все же это не публичное действо. Тогда же были введены и взрывпакеты со слезоточивым газом. Распоряжением Щелокова применение дубинки и взрывпакетов было отменено.

— *Вы, Максим Александрович, упомянули о «цеховиках». Не секрет, что это явление становилось все более распространенным во времена Брежнева и Щелокова...*

— Да, с каждым годом эта проблема становилась все острее, и коренная причина — не в слабостях в работе милиции. Службой БХСС при Щелокове руководил Павел Филиппович Перевозник, хорошо знакомый министру по работе в Молдавии. Под его руководством служба стала одной из самых эффективных и ведущих в системе МВД. Важнейшей задачей, отведенной Щелоковым службе БХСС, стала именно борьба с теневой экономикой.

В докладах и выступлениях министр не раз защищал работу службы по борьбе с экономическими преступлениями от критики. Особое отношение объяснялось прежде всего тем, что Щелоков, хорошо разбираясь в вопросах экономики и производства, понимал трудности изобличения дельцов, взяточников, расхитителей и, особенно, их покровителей.

Теневой бизнес «подрос» еще при Хрущеве в связи с частичной либерализацией экономической политики. Всеобъемлющий дефицит товаров народного потребления привел к созданию подпольного рынка товаров и услуг, разделению сферы торговли на официальную и теневую. Появились лица, так называемые цеховики, сосредоточившие в своих руках значительный капитал. «Цеховики» сразу вступили в конфликт с законом — частнособственнические тенденции в условиях социалистического способа хозяйствования неизменно приводили к этому. При этом началось их постепенное сращивание с криминальным обществом.

Многие должностные лица, занимающиеся распределением материальных средств, стали в те годы выполнять свою работу за дополнительные деньги. Взятничество проникало в сферы хозяйственной и государственной жизни, и у криминалитета появились стойкие связи во властных структурах. Они налаживались не только подкупом, но и

методом сбора компрометирующих сведений на того или иного руководителя. Такие «правила игры» негласно существовали и среди партийного, советского руководства.

— *Для министра Щелокова эти «правила игры», видимо, не были тайной?*

— Николай Анисимович был хорошо знаком с этими номенклатурными нравами. Еще когда он был вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии, Павел Перевозник информировал его о том, что многие республиканские руководители везут в Москву многочисленные подарки и подношения для столичного начальства. На что Щелоков сказал ему, что и он, когда едет в Москву, тоже везет с собой так называемый молдавский привет. И никто ни разу не отказался от него ни из Госплана, ни из Госснаба.

При Брежневе по инициативе председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина с середины 60-х годов началась реформа хозяйственной деятельности на основе хозрасчета. Предприятия должны были строить свои отношения с центром на основе показателя прибыли. Это было одним из принципиальных нововведений.

Но попытка ввести элементы рынка в советскую экономику давала не те результаты, которые были запланированы. Ориентация на прибыль, а не на снижение себестоимости продукции вызвала тенденции к повышению цен даже на товары первой необходимости. При этом товаров на прилавках не хватало, дефицитом было почти все — мебель, холодильник, телевизор, автомобиль.

Для дальнейшего хода реформы необходимы были корректировки, новые решения, но это не нашло поддержки партийного руководства. Предпринимались некоторые меры по развитию предпринимательства. В частности, создание цехов по переработке сельскохозяйственной продукции, древесины и производству строительных материалов, появлялись небольшие специализированные цеха по производству промышленных товаров. Но, опять же, это были половинчатые меры. За состоянием борьбы с частнособственническими инициативами зорко следили в ЦК КПСС — прежде всего секретарь ЦК Михаил Суслов, противник всякого отхода от догм марксистско-ленинского учения.

Павлу Филипповичу Перевознику был известен такой случай. Его знакомому, находившемуся в Грузии, по дороге к месту работы встретился незнакомый грузин, попросивший продать ему свою сорочку. Он предложил за нее большие деньги. А сорочка японского производства была куплена им во Владивостоке за 150 рублей. Тот согласился, купил

себе новую, чтобы переодеться, и спрашивает, зачем тебе понадобилась рубашка за такую сумму? А вы посмотрите, говорит грузин, какой крой у вашей рубашки, какие карманы, какие заклепки, разве у нас в магазине купишь такую вещь? За эту рубашку я получу в десятки раз больше от «цеховиков», которые наладят производство такого модного дефицита и заработают тысячи рублей.

Или вот другой пример, демонстрирующий деловую хватку «теневиков». В Москве по всем отраслям народного хозяйства устраивались международные выставки для развития и внедрения в производство передового опыта и техники. Со всей страны в столицу приглашались руководители производств — с целью ознакомления с мировыми новинками и внедрения их у себя в производство.

И вот как происходило это ознакомление по наблюдениям Перевозника:

— Приезжает, например, в Москву руководитель предприятия и вместе с ним симпатичная женщина из отдела снабжения. Женщина — понятно, для каких целей, а снабжение — для обеспечения ежедневного застолья. При посещении выставки обычно выносили заключение: все то, что нам здесь показывают, мы производить не можем. Ниток таких нет, тканей нет, заклепок нет и т.д. Посмотрели, попьанствовали и уехали, ничего для себя не найдя. И все идет по-старому. А как вели себя на таких выставках дельцы, теневые частные предприниматели? Они приезжали за свой счет. С собой неграмотный делец привозил двух-трех мастеров — золотые руки. Они не просто осматривали экспонаты выставки, а изучали их — и не один день. Причем, если речь шла об оборудовании, машинах, то мастера тут же соображали, как можно переоборудовать имеющиеся машины, пополняя их отдельными деталями, которые можно изготовить индивидуально. Если речь шла о материалах, то тут же принимались решения, какие из наших материалов можно использовать и где их можно заказать. Эти люди после выставки открывали новое производство и выпускали товары, пользующиеся повышенным спросом.

— *«Теневики» тонко улавливали конъюнктуру рынка...*

— В том-то и дело, и их товары всегда находили покупателя. Они оперативно перестраивали производство на выпуск нужных товаров, сколачивали крупные капиталы, не забывая «делиться» с нужными чиновниками.

Кстати, министр Щелоков считал проявление хозяйственной инициативы полезным делом. Разве плохо, если человек налаживает про-

изводство дефицитных товаров. Производит продукцию, которую «не выпускает» государство. Благодаря чему рынок пополнялся нужными товарами. Но ведь для того нужно соответствующее «правовое поле».

Конечно, министр выступал за разоблачение крупных расхитителей. Но, как у бывшего хозяйственника, у него было особое отношение к тем людям, которые могут не то что использовать, а «поправить» изъяны советской хозяйственной системы. Еще в довоенном Днепропетровске он, улаживая конфликт с продавцами керосина, дал возможность и им зарабатывать, и не срывать заправку примусов и керосинок с коммунальных кухонь.

По мнению Щелокова, на сколько я могу судить по рассказам знавших его людей, страна нуждалась в преобразованиях, и министр был за постепенный переход к рыночной экономике под контролем государства. Однажды Перевозник докладывал министру о ряде дел, связанных с полуподпольными цехами на Кавказе, и рассказал о выпускаемой ими продукции. «Щелоков, — вспоминал Перевозник, — как опытный в хозяйственных делах человек, понимающий цену вопроса, тут же стал звонить во многие инстанции с вопросами, почему государство не использует этот источник выпуска товаров, почему мы не даем этим инициативным людям работать легально, не вводим их деятельность в законные рамки. Ведь это позволило бы развернуть, повсеместно развить мелкотоварное производство. Страна бы, таким образом, кроме ликвидации дефицита товаров широкого потребления, получила бы дополнительный доход в бюджет за счет налогов. И главное, мы сократили бы количество преступлений. У многих он нашел понимание, но... взяться за это дело никто не решался, ссылаясь на то, что при таком повороте дела мы способствовали бы развитию частнособственнических тенденций, а это противоречит коммунистической морали. Нас обвинят в том, что мы, таким образом, подрываем социалистический способ производства, уходим от планового ведения хозяйства, а этим дельцам узаконим возможность всякими обходными путями приобретать оборудование, сырье и материалы, минуя Госплан и другие органы управления».

— *А как относились в Совете Министров, в том же Госплане, к позиции Щелокова?*

— Он, увы, не нашел поддержки ни в Госплане, ни у министров. Перевознику он поручил продолжить изучение этих вопросов, попытаться найти совместно с министерствами экономического блока аргументы, которые бы могли быть использованы при подготовке этого вопроса в

ЦК партии и правительстве. Однако ни в одном ведомстве не поддерживали идеи совместной подготовки предложений в ЦК.

Понимание необходимости экономических реформ в стране было и у других крупных руководителей. На одной из встреч Щелокова в Киеве с первым секретарем ЦК Компартии Украины Владимиром Васильевичем Щербицким последний рассказал один эпизод из своей биографии. После войны к нему, как к секретарю парткома на крупном предприятии, обратился секретарь партийной организации с просьбой принять участие в обсуждении вопроса об исключении из партии работника, который не может в своей семье навести порядок.

Оказалось, он — работник милиции, а его жена дома вяжет из шерстяных ниток детские шапочки и продает их на рынке. Комиссия, которая готовила на бюро это дело, даже подсчитала, сколько она заработала на каждой шапочке. Щербицкий поинтересовался составом семьи, зарплатой, квартплатой и другими вопросами. Ответили, что у них трое несовершеннолетних детей, комнату снимают на свою зарплату. Спросил, можно ли на такую скудную зарплату содержать семью, платить за жилье? И что должен делать человек в таком положении? Если не обеспечить квартирой, то, может, устроить жену на работу, оказать материальную помощь? Вместо исключения коммунисту была оказана помощь.

— *Не все из когорты советской номенклатуры вели себя, как Щербицкий...*

— Поэтому в СССР обнажались все больше и больше внутренние противоречия. К концу 70-х годов все отчетливее проявились в социальной системе «теневики» и контролировавшая ее уголовная преступность, которая подминала под себя «теневиков», не имевших возможности обращаться за помощью в правоохранительные органы.

Преступный мир сумел приспособиться к реалиям времени. Легендарный «вор в законе» Анатолий Черкасов (Черкас), участник войны, кавалер двух орденов Славы, разработал новую концепцию воровского сообщества. Суть ее сводилась к тому, чтобы переключиться с государственной и личной собственности граждан на имущество и доходы представителей теневой экономики. При этом брать с них дань следовало «по справедливости», не доводя «клиента» до краха. Использовать как «крышу» государственных служащих и работников правоохранительных органов, щедро оплачивая их услуги.

«В период с 1926 по 1940 год НКВД СССР принял ряд закрытых документов, где рассматривались рекомендации по ведению наружной и внутренней разведки в преступных организациях, бандах, воровских

шайках, на притонах и малинах, порядок работы с негласным аппаратом. Отмечалось, что специфика деятельности бандформирований не предусматривала их взаимоконтактов. Гораздо большей организованностью и координированностью отличались группы воров-карманников. Они обменивались опытом, распределяли сферы деятельности, чаще попадали и выходили из тюрем. Именно в среде карманников зародилось воровское братство, а позже появились первые воры в законе.

Взаимовыручка, материальная поддержка, совместная конспирация и другие формы корпоративности помогли ворами-профессионалами эффективно противостоять давлению государства как в условиях свободы, так, и это прежде всего, в местах заключения. Образовав достаточно мощную касту, воры в законе не только решали задачи самозащиты, но постепенно подчинили себе преступные образования, оставшиеся один на один с правоохрнительными органами. Законники придерживались жестких традиций и норм поведения, а к желающим попасть в их окружение предъявляли соответствующие требования».

Из аналитической справки МВД.

Предложения Черкаса были приняты на сходке воров в законе в Киеве в начале 1970-х годов. Они также отменили обязательную для вора регулярную отсидку в зоне, разрешили им контакты с сотрудниками милиции. «Реформа» Черкаса привела к укреплению власти «воров в законе» в криминальном сообществе.

Однако первоначально криминал так зажал «теневиков», что те вынуждены были принять меры самообороны, обзавелись телохранителями, в некоторых случаях бандиты оказались на службе у наиболее сильных «теневиков» и торговцев. Это грозило вылиться в большую и ожесточенную войну. Поэтому в 1979 году в Кисловодске состоялся негласный съезд «воров в законе», куда пригласили представителей «теневиков». Там после напряженных споров приняли историческое соглашение: «цеховики» должны были выплачивать 10 процентов прибыли, а воры обеспечивать им защиту и охрану. Территория страны была поделена на сферы влияния преступных сообществ. Бандиты также стали принимать участие в реализации продукции и налаживании контактов с представителями государственной власти.

Воры входили в экономику. Равнодушие государства к становлению организованной преступности и ее внедрению в местные элиты было смертельно для советского хозяйства и государства. В дальнейшем, с начала горбачевской перестройки (особенно после принятия закона о кооперации в 1988 году), «теневики» и криминальный мир вышли из подполья.

Надо отметить, что при Щелокове милиция довольно быстро ликвидировала банду в то время известного криминального авторитета Геннадия Корькова (Монгола), специализировавшуюся на вымогательстве у «теневилов», наркодильцов, директоров шашлычных, пивных баров. В состав этой группы входил известный ныне Вячеслав Иванов (Япончик), а по некоторым данным, и Отари Квантришвили (Шерхан). Та же участь постигла и группу Черкаса, базировавшуюся в Краснопресненском районе Москвы, где была оборудована даже своя пыточная комната.

В ЦК КПСС долго отказывались признавать наличие в стране мафии. Только в конце 70-х годов там все же поддержали инициативу МВД по созданию в Главном управлении БХСС Оперативно-розыскной части, чтобы наладить эффективную борьбу с организованной преступностью. Такие же подразделения были созданы на местах. В 1982 году для этой же цели в КГБ создано Шестое управление. Правда, к тому времени эти меры не могли принести какого-то ощутимого результата. Было поздно...

— *Доводилось слышать, что некоторые из теневой торговой системы обзавелись покровителями даже в высшем государственном руководстве, правоохранительных органах.*

— С такими лицами было бороться наиболее трудно. Директора магазинов и торгов контролировали движение дефицита и списывали часть реально проданного продукта по нормам «естественной убыли», предусмотренной в экономике, где многое гнило и усыхало. В результате получалась солидная «доплата». Этой «левой» выручкой дельцы делились с вышестоящим руководством.

По распоряжению Щелокова Главным управлением ОБХСС был подготовлен меморандум, обобщивший сотни материалов о вопиющей картине разложения торговой отрасли Москвы. Министр поручил проверку этих материалов ГУВД столицы. Но все на этом и заглохло. Ведь Москва была «вотчиной» члена Политбюро Гришина, и никто, кроме него, не мог вмешиваться во внутренние дела столицы (Виктор Васильевич Гришин — в 1967—1985 гг. — первый секретарь Московского горкома партии; был женат на Этери Лаврентьевне Гегечкори — дочери Л.П. Берии; в 1952—1956 гг. — второй секретарь Московского областного комитета КПСС, в 1956—1967 гг. — председатель ВЦСПС — организации советских профсоюзов. — *Авт.*) без санкции высшего партийного руководства.

Позже, когда потребовалось свалить «хозяина» Москвы, меморандум был затребован. Началось известное громкое дело о торговой мафии столицы, в том числе директора Елисеевского магазина.

Кстати, благодаря расследованию дел по незаконной деятельности директоров магазинов попутно были пресечены злоупотребления, связанные с выдачей спецталонов. Однажды иномарка одного из крупных столичных дельцов на Рублевском шоссе обогнала кортеж председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Пельше, следовавшего на дачу. Возмущенный Пельше приказал сопровождавшим его работникам КГБ разобраться с нарушителем. Иномарку задержали, но водитель предъявил спецталон и поехал дальше. На другой день Пельше позволил Щелокову, предложил выяснить, кому и за какие заслуги выдают в Москве спецталоны. Было установлено, что начальник ГАИ Москвы Ноздряков выдал за сравнительно короткий срок четыреста подобных спецталонов, причем половину — директорам столичных магазинов и крупных баз.

В Москве Щелоков не мог назначить руководителя ГУВД без одобрения и согласования с руководителем города Гришиным. Стоит ли говорить о том, что начальники ГУВД краев, областей, республик были ориентированы прежде всего на местное партийное начальство, а не на своего министра. К примеру, тот же Гришин мог не допустить проверки деятельности столичного ГУВД центральным аппаратом МВД СССР.

Бороться с коррупцией в партийной и хозяйственной элите с каждым годом становилось все сложнее и опаснее. Без мощной поддержки из центра действия органов БХСС и даже прокуратуры на местах зачастую были обречены на неудачу. Так, в 1974 году заместитель начальника Пензенского управления внутренних дел Дидиченко возглавил оперативную группу квалифицированных работников БХСС области по изобличению разветвленной преступной группировки, действовавшей на мясокомбинате, ликеро-водочном заводе и в центральном ресторане города. Им удалось задокументировать преступную деятельность некоторых высокопоставленных должностных лиц в области. Вскоре с санкции прокурора области был арестован один из организаторов преступления — заместитель заведующего отделом Пензенского обкома КПСС.

Но после этого был освобожден от должности... прокурор! Начались гонения на Дидиченко. Так как официально к его работе не было претензий, в дело вступила уголовная мафия, пригрозив убийством его единственной дочери. Следствие пришлось свернуть, ограничившись арестом рядовых исполнителей. Дидиченко уволился из органов.

Возможности министра Щелокова были несопоставимы с влиянием региональных партийно-хозяйственных кланов, поддерживаемых правящей элитой в Москве.

В расходовании государственных средств и материальных ресурсов всегда можно было найти лазейки, чтобы обойти закон. Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе при одной из встреч рассказал Перевознику об удивительных возможностях некоторых грузинских чиновников. К нему обратились из министерства легкой промышленности Грузии с просьбой подписать письмо на имя председателя Госплана Байбакова, чтобы одной из фабрик выделили пряжу. Мжаванадзе написал такое письмо. Получил ответ, что план на пятилетку уже сверстан и утвержден, поэтому просьбу Мжаванадзе (который был еще и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС) учтут... при разработке плана на следующую пятилетку!

Когда из республиканского Минлегпрома к Мжаванадзе обратились повторно, он отказал в подписи — зачем вновь получать отказ. Но его заверили, что на этот раз письмо пересылать не будут, а пошлют гонца, и не с пустыми руками. И что же? По второму письму Грузии выделили 28 тонн импортной пряжи и 12 трикотажных станков. Впоследствии было установлено, что пряжа и станки были сняты с некоторых областей России — якобы за то, что они не выбрали фонды. И фонды эти были переданы Грузии...

— *А «громкие дела» при министре Щелокове были?*

— Сегодня, когда ведут речь о борьбе с злоупотреблениями советских руководителей, с организованной преступностью в те годы, не принято упоминать о вкладе милиции. Между тем МВД предпринимало решительные меры. В разных регионах страны его сотрудниками изобличались бандитские группы, подпольные «цеховики», номенклатурные взяточники. В середине 70-х работниками ГУБХСС за взятки были арестованы четыре ректора медицинских вузов (пятый, чувствуя приближение ареста, покончил с собой), изобличена большая группа расхитителей и взяточников в Министерстве рыбного хозяйства во главе с заместителем министра Рытовым.

Как-то жена одного из арестованных ректоров приехала в Москву с большими деньгами, чтобы попытаться смягчить вину мужа. «Добрые люди» посоветовали ей обратиться к брату Брежнева Якову, дали его адрес. Не застав его дома, несчастная женщина вручила пакет с деньгами жене, сказав, что это для Якова Ильича, и быстро исчезла. Та, развернув пакет и увидев крупную сумму денег, тотчас позвонила в МВД. Прибывшие сотрудники изъяли деньги, вскоре была установлена личность женщины, но она не призналась в содеянном, деньги были сданы в доход государству.

В громком «краснодарском деле» милиция также принимала самое активное участие. Сотрудники ОБХСС успешно взаимодействовали с сотрудниками недавно созданного Шестого управления КГБ. Возглавлял хлебоборный Краснодарский край первый секретарь крайкома партии фронтовик Медунов, приближенный к Брежневу.

Хорошие отношения с Медуновым были и у Щелокова. И вот появились уголовные материалы, доказывающие, что взяточничество и коррупция стали нормой в этом преуспевающем крае. Особенно это касалось курорта Сочи, где в 1978 году были арестованы директор крупного магазина и его заместители, директора базы мясорыбторга и центрального ресторана, еще несколько человек. Почти все они начали давать показания о процветающей коррупции во всех краевых эшелонах власти.

Систему торговли и местной промышленности контролировал бывший секретарь Краснодарского крайкома партии, а непосредственно перед арестом — уже заместитель министра мясомолочной промышленности СССР Тарада. При аресте у него изъяты из тайников 200 тысяч рублей, более сотни сберкнижек на предъявителя, а также ведерко золота.

Громкое расследование сильно ударило по репутации Медунова. Чтобы остановить следствие, он встречается с Брежневым и просит оградить Краснодарский край от преследований. С подачи Медунова был снят с работы, а затем исключен из партии прокурор Сочи Костюк, из органов внутренних дел уволен заместитель начальника УВД Сочинского горисполкома Удалов. Сам Щелоков к его снятию с должности не имел отношения, решение исходило «сверху» — со Старой площади.

После того как в Сочинский горисполком за подписью заместителя Генерального прокурора СССР Виктора Васильевича Найденкова поступило представление для согласования на привлечение к уголовной ответственности ближайшего соратника Медунова — секретаря крайкома партии по идеологии Мерзлого, был освобожден от должности сам замгенпрокурора.

— *В Средней Азии тоже казнокрадов было не мало...*

— Сотрудники ОБХСС расследовали немало дел о крупных хищениях в Узбекистане. Взять, к примеру, дело председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Насрединовой. За ней тянулся целый шлейф превышения полномочий и фактов взяточничества. Когда в ЦК КПСС перед выборами в Верховный Совет СССР готовилось предложение о переизбрании Насрединовой, в МВД приняли беспрецедентное решение: направить в ЦК КПСС шифровку с изложением

некоторых фактов преступлений, совершенных Насрединовой, и просьбу не выдвигать ее кандидатом в депутаты. Шифровку подписали министр внутренних дел Узбекистана, два его заместителя и два начальника управлений. В итоге ее кандидатуру отвели.

Уже упоминавшийся мною Перевозник присутствовал при телефонном разговоре министра Щелокова с председателем Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным.

Тот возмущался в трубку действиями милиции:

— Мыкола, що там твои подчиненные творят беззаконие? Они поставили меня в дурацкое положение, я им это не прощу...

Щелоков обещал, что изучит это дело, а потом проинформирует Подгорного. Дело-то Щелоков знал хорошо, но хотел выиграть время. Для ареста Насрединовой требовалось решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Насрединова входила еще и в состав ЦК.

После заседания КПК Насрединова была исключена из партии. Генерал Перевозник был готов произвести ее арест. Но не успел он провести инструктаж группы работников для выезда на задержание, как позвонили из Комитета партийного контроля и сообщили, что решение отменено! Через полчаса после принятия решения оно было тем же составом отменено.

«Впоследствии мне стало известно, что Насрединова тут же после принятия такого драматического для нее решения, используя все свои связи, оказалась у Брежнева, упала на колени перед ним и добилась, чтобы он позвонил в Комитет партийного контроля и попросил пересмотреть свое решение. Вместо исключения из партии ей объявили строгий выговор, а это освобождало ее от уголовной ответственности», — вспоминал Перевозник. Возможности МВД СССР в конфликтах с партийными органами были весьма слабы.

Немало сложных дел возникало в Грузии. «Теневики» захватили в этой республике главенствующее положение в легкой, местной, винодельческой промышленности, общественном питании и бытовом обслуживании населения. Надо признать, что тогдашний министр внутренних дел республики Эдуард Шеварднадзе проявил инициативу и настойчивость в раскрытии крупных преступлений. Ему помогали руководители службы БХСС республики Гветадзе и Горгодзе. Впоследствии они были министрами внутренних дел республики, сменяя друг друга.

При первом знакомстве Щелокова с Шеварднадзе Николай Анисимович подробно обсудил с ним вопрос о резком усилении борьбы с мафиозными группировками. В Грузию были командированы из Москвы

опытные работники службы БХСС. В скором времени стране стала известна целая серия дел в отношении грузинских миллионеров. Большое количество чиновников было уволено на пенсию под угрозой уголовного преследования. Бескомпромиссная борьба Шеварднадзе со взяточниками и расхитителями вызывала в те годы у народа к нему уважение.

По воспоминаниям Перевозника, за время работы Шеварднадзе в должности министра против него устраивались разного рода провокации, угрожали членам его семьи. Угрозы были реальными, поэтому ему выделяли дополнительную охрану. Создавались специальные комиссии для проверки его служебной деятельности с тем, чтобы освободить Шеварднадзе с занимаемой должности. И только благодаря поддержке Щелокова он оставался на своем посту.

«Как-то Шеварднадзе позвонил мне и сказал, что в Москве находится группа тбилисцев, которая намерена подать коллективную заявку, будто их в министерстве внутренних дел Грузии избивали и требовали дать показания на руководящих работников республики, — вспоминал Перевозник. — Причем, кроме заявления, они хотят продемонстрировать увечья, которые они якобы получили во время допросов. Все они побиты, на их лицах — следы побоев, есть и другие телесные повреждения, но получены они в пьяной драке. Об этом я доложил Щелокову, полагая, что они обратятся в МВД СССР. Но, как выяснилось позже, они направились в редакцию газеты “Правда”, рассчитывая на опубликование в центральной прессе разгромной статьи. По тем временам пресса печатала только проверенные материалы, не то что сейчас. Поэтому в Грузию была направлена комиссия для проверки фактов, и на месте удалось установить, что все эти ходатаи за свой выезд в Москву получали от заинтересованных лиц крупную сумму денег, что ни на каких допросах их никто не избивал».

Доходило до того, что, зная о дружбе Ростроповича с Щелоковым, «теневики» предлагали музыканту чемодан денег за то, чтобы тот уговорил министра убрать Шеварднадзе из Грузии. Ростропович отказался.

В конце 1972 года сорокачетырехлетний Шеварднадзе стал первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Надо отдать ему должное: к Щелокову он относился с уважением. И после, когда министра начали «топтать», в этом он не участвовал. Не спорю, при Горбачеве Шеварднадзе на посту министра иностранных дел сделал немало, чтобы ослабить позиции государства в угоду американским «друзьям». Но это совсем другая тема...

А в конце 70-х чрезмерная активность аппаратов БХСС, в особенности их «покушения» на партийных лидеров, вызывала большое недо-

вольство определенных сил на самых верхах. В 1979 году руководитель Главного управления БХСС Павел Перевозник был неожиданно отправлен на три года в Чехословакию, где занял должность советника министра внутренних дел.

— *Как складывались отношения Щелокова с Горбачевым?*

— Официальная биография Михаила Сергеевича хорошо известна. После окончания Московского государственного университета он семь лет отдал Ставропольскому крайкому комсомола, дослужившись до первого секретаря. С молодости он выделялся громкими начинаниями, личным обаянием. Его заметил первый секретарь крайкома Федор Давыдович Кулаков, предложивший перейти на партийную работу. В 1962 году Горбачев становится парторгом колхозно-совхозного управления края, уже в декабре назначен заведомом партийных органов крайкома КПСС. В 1968 году Горбачев — второй секретарь, а с апреля 1970 года — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. Тогда ему было всего 39 лет.

Сам же Кулаков стал секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Одно время он считался наиболее вероятным преемником Брежнева на посту генсека. По одной из версий, «наверху» решено было проводить просившегося на пенсию Брежнева, а на его место избрать бывшего хозяина Ставропольского края. По другому, более позднему, варианту за Брежневым планировалось сохранить недавно обретенный им номинальный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, а на пост генерального секретаря партии избрать Кулакова.

Говоря о Щелокове, отметим, что с Кулаковым у них были теплые, хорошие отношения. Они были соседями по даче (жили на одной территории). Сын Кулакова, окончив Академию МВД, работал в системе органов внутренних дел.

Известна огромная роль ставропольских курортов в продвижении будущего архитектора перестройки в столицу. Кавминводы — одно из излюбленных мест отдыха партийной элиты. Особо важными гостями были «земляки» Горбачева — Михаил Андреевич Сулов и Юрий Владимирович Андропов. Председатель КГБ из-за болезни почек регулярно приезжал сюда подлечиться. Андропов и Горбачев дружили семьями, вместе проводили отпуск. Юрию Владимировичу импонировал молодой руководитель, со своим видением насущных проблем и путей их решения. Он увидел в нем и лично преданного ему человека. По некоторым свидетельствам, Андропов предполагал взять Горбачева в КГБ и сделать его своим заместителем по кадрам. Но Кулаков ушел в Москву, Михаил

Сергеевич стал первым секретарем крайкома, и вопрос о его переходе на Лубянку отпал.

Из тех, кого удалось обаять молодому секретарю крайкома, отметим и редактора сельхозотдела газеты «Правда» Валерия Болдина. Впоследствии он стал помощником Горбачева на посту генерального секретаря. Начинал Горбачев как защитник интересов агропромышленного комплекса. Он заявлял о неэквивалентном обмене с промышленностью и со временем стал выразителем тенденций, направленных на борьбу с бюрократизмом и излишней централизацией.

Говорят, что кандидатура Горбачева, имевшего юридическое образование, рассматривалась и на пост Генерального прокурора СССР. Скорее всего, он им бы и стал, но неожиданно от обострившейся болезни в июне 1978 года умирает секретарь ЦК Кулаков. Реальным претендентом на освободившийся пост был ставленник Щербицкого, первоцелинник Федор Трофимович Моргун, первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины. Но Суслов и Андропов добиваются назначения Горбачева секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

Щелоков, конечно, был хорошо осведомлен о реальной ситуации по Ставропольскому краю. В силу занимаемого поста он знал о многих высокопоставленных руководителях гораздо больше, чем им хотелось бы. Специально он никаких материалов не собирал, они просто не могли пройти мимо министра внутренних дел. ОБХСС и другие оперативные службы работали на достаточно высоком уровне. Сегодня уже можно говорить о том, что МВД располагало определенными компрометирующими данными относительно Ставропольского крайкома КПСС, в частности по фактам взяточничества и приписок показателей в сфере сельского хозяйства. Хотя, думаю, реальных доказательств этому уже не сохранилось, все архивы были «зачищены».

После того как сигналы о неблагополучии в Ставропольском крае поступили в МВД, в край была направлена специальная группа оперативников. О ней знал узкий круг людей. Согласно сохранившимся свидетельствам, оперативникам запретили даже селиться в гостиницах. Иначе сразу бы пошел слух о прибытии «москвичей», стоило им только предъявить удостоверения. Разместились они по частным квартирам. Но, когда руководитель группы со всеми добытыми документами возвратился в Москву, ему уже на аэродроме сообщили, что он незамедлительно должен прибыть к секретарю ЦК Суслову. На Старой площади материалы, собранные оперативниками, забрали, пообещав, что Политбюро во всем тщательно разберется и примет соответствующие

меры. При этом Суслов позвонил Щелокову, попросив не предавать этот факт огласке.

— *Правда ли, что Брежнев рассматривал Щелокова как преемника Косыгина на посту премьера?*

— Такой вариант существовал. Во второй половине 70-х годов болезнь Брежнева все больше прогрессировала. В нем уже нельзя было узнать того жизнерадостного, деятельного, сильного мужчину. Понимали ли Леонид Ильич, что ему необходимо покинуть занимаемый пост? Совершенно точно известно, он по крайней мере дважды ставил перед членами Политбюро вопрос о своем уходе в отставку. Но его буквально «уломали» остаться, убедили в незаменимости. Понимали, что с Брежневым и им придется уйти. «Что ты, Леня! Ты нам нужен, как знамя, за тобой идет народ. Ты должен остаться. Работай гораздо меньше, мы тебе будем во всем помогать...» — такие веди с ним разговоры.

Анатолий Громыко, сын министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко, в своих воспоминаниях передает рассказ отца о реакции Андропова на раздумчивую фразу Брежнева: «А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо все чаще. Надо что-то предпринимать». По свидетельству Громыко-старшего, Андропов среагировал мгновенно и очень эмоционально: «Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, не подведем»...

— *Брежнев, утверждают некоторые современные историки, недолюбливал председателя Совмина.*

— Это сегодня отношения между Брежневым и Косыгиным в основном преподносятся в негативной окраске: мол, недалекий Брежнев завидовал интеллекту и опыту Косыгина. На деле было иначе. Если же заглянуть в историю, то между первым и вторым лицами государства неизбежно возникают противоречия и трения. Их конфликт предопределен занимаемым положением. Тем не менее Брежнев и Косыгин всегда испытывали друг к другу взаимное уважение. Это были соратники, у них были товарищеские и доверительные отношения.

Время Брежнева и Косыгина, что бы сегодня ни говорили, — период стабильного развития страны. Экономика государства развивалась высокими темпами, росло народное благосостояние. Импульс, заданный народному хозяйству страны начавшейся в 1965 году хозяйственной реформой, благотворно сказался на итогах выполнения 8-й пятилетки (1966—1971 гг. — *Ред.*): она оказалась по своим параметрам лучшей из советских пятилеток не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

В 1976 году у главы советского правительства Алексея Николаевича Косыгина случился первый инфаркт, в октябре 1979 года премьер вновь попадает в больницу. Он старался сохранять рабочий режим, но болезнь брала свое. По свидетельству внука премьера Алексея Гвишиани, Алексей Николаевич дважды до инфаркта подавал заявление об отставке, но Брежнев их не принял.

Бесспорно, со временем негативную роль в отношениях между больными Брежневым и Косыгиным сыграло окружение. Существовало противостояние между Косыгиным и Устиновым, полностью замкнувшим на себе оборонную промышленность. На «оборонку» работали и гражданские министерства, против чего выступал премьер. Но сделать ничего не мог. Устинов стал практически самостоятельной фигурой. На оборонную и космическую промышленность выделялись огромные финансовые средства, порой в ущерб остальным отраслям промышленности. Противостояние между двумя сталинскими наркомками, олицетворявшими гражданскую и военную экономики, сыграло свою негативную роль в судьбе хозяйственной реформы 1965 года.

У Косыгина было немало политических противников не только в партийном аппарате. Премьера не раз критиковал и Юрий Андропов. Приведу свидетельство Евгения Чазова:

— Андропов не любил Косыгина, а Косыгин не любил Андропова. Может быть, Алексей Николаевич не любил систему госбезопасности. Как-то у него проскользнуло: «Вот, даже меня прослушивают». Поэтому, наверное, и не любил Андропова. У них обнаружилась какая-то личная несовместимость. Они схватывались на заседаниях Политбюро, причем нападал Андропов. Но конфликт между ними имел и явную политическую подоплеку: Андропов говорил помощникам, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву социально-политического строя.

— *У Юрия Владимировича, как говорят ветераны, непростыми были отношения и с Николаем Анисимовичем.*

— Между ними имело место соперничество за влияние на генерального секретаря ЦК. К сожалению, это не шло на пользу стране. Обвинения, высказывавшиеся в адрес Щелокова уже после смерти Леонида Ильича Брежнева, так или иначе способствовали подрыву авторитета Советского государства, что объективно совпадало со стратегическими замыслами Запада...

— Почему, на ваш взгляд, Леонид Ильич решил заменить Косыгина на посту главы правительства именно Тихоновым?

— Над выбором кандидатуры Брежнев долго раздумывал. Надо полагать, он понимал, что первый заместитель председателя Совета Министров Николай Александрович Тихонов не очень подходящая фигура для этой роли. Брежнев предлагал возглавить правительство первому секретарю Компартии Украины Щербицкому. Но тот отказался, считая кресло премьера опасным.

Генсек предлагал и Щелокову возглавить правительство, а первоначально занять пост заместителя председателя правительства СССР. Это назначение должно было стать ступенькой к посту председателя. Но Щелоков отказывался. Он считал, что по сравнению с министром внутренних дел зампред — фигура маловлиятельная.

Когда здоровье Косыгина ухудшилось, Брежнев предложил Щелокову уже сразу пост председателя Совета Министров СССР. Министром внутренних дел СССР должен был стать Юрий Чурбанов, зять Леонида Ильича, занимавший пост первого заместителя главы МВД. Проект решения ЦК КПСС о назначении Чурбанова был уже подготовлен. Николай Анисимович уходил от ответа — не отказывался, но и не соглашался.

В подтверждение приведу рассказ генерал-майора внутренней службы Бориса Константиновича Голикова, свидетеля разговоров Брежнева и Щелокова на эту тему:

— У Брежнева было совещание, и Николаю Анисимовичу понадобились некоторые бумаги. Мне позвонили, попросили их подготовить и привезти. Я все сделал и доставил ему, в приемной меня встречает секретарь приемной Брежнева Дебилов. Сказал, чтобы я проходил. За столом беседовали Косыгин, Новиков, Байбаков, Щелоков и Брежнев. Я передал бумагу и жду разрешения удалиться. Они завершили разговор, выходят. Остаются Брежнев и Щелоков, и я рядом... Леонид Ильич говорит Николаю Анисимовичу: «Я тебе сказал, соглашайся Коля, соглашайся! Это наше общее мнение. Лучше тебя нет зампреда»... Второй раз разговор происходил на даче у Брежнева. На тот момент Косыгин лежал в больнице, да и сам Леонид Ильич был не в очень хорошем состоянии. Они с Щелоковым разговаривали у машины. Леонид Ильич ему говорит: «Слушай, вопрос решать надо. О чем говорить?.. Четко сказал, ты должен занять пост председателя Совмина». Николай Анисимович промолчал, помялся, не дав никакого ясного ответа, затем они попрощались, и мы уехали.

Почему Щелоков уходил от ответа? Наверное, как и Щербицкий, он понимал, что его ждало на этом посту: борьба с партаппаратом, противостояние с ВПК. С учетом того, что Брежнев был болен, без реальной поддержки в нужную минуту.

Объективно говоря, Щелоков перерос пост министра внутренних дел и вполне мог бы встать во главе правительства. Он знал народное хозяйство, промышленность. К тому же находился в хорошей физической форме.

— *В 1982 году события развивались стремительно...*

— События приняли драматический оборот. Внешние признаки ухудшения здоровья первого лица государства умело использовались против него определенной политической группой, стремящейся к власти. Этому же способствовали нескончаемые славословия в адрес генсека, награждения. По инициативе ряда членов Политбюро в 1976, 1978 и 1981 годах ему три раза было присвоено звание Героя Советского Союза. Но бесчисленные награды радости ему не приносили.

В обществе о страсти Брежнева к наградам начали ходить злые анекдоты, слухи, сплетни, их особенно и не пресекали. Вследствие дефекта речи появились насмешки по поводу плохого произношения.

Причиной дефекта речи стала не немощь Брежнева, а неудобная вставная челюсть. При разговоре она слегка выпадала и ему приходилось ее подсасывать, вследствие чего появлялся дребезжащий голос и характерные движения губами. Сам Брежнев стеснялся этого дефекта, но сделать ничего не мог. Брежневу предлагали через Щелокова приехать в 3-й Медицинский институт (стоматологический), где ему были готовы исправить дефект. Начальник политуправления Московского военного округа генерал-полковник Константин Степанович Грушевой предлагал услуги военных врачей.

Но рядом с генсеком находился Евгений Чазов. Главный кремлевский доктор нашел известного в Европе немецкого профессора. Тот дефект почему-то не сумел исправить. И насмешки над генсеком продолжились.

Вообще в период болезни Брежнева Щелокову становилось все труднее с ним встретиться, «медицинским» окружением делались попытки держать министра на расстоянии от генсека, мотивируя его плохим самочувствием, недомоганием...

10 февраля 1982 года не стало одного из самых близких к Брежневу людей — генерала Константина Грушевого. Несмотря на очень плохое состояние здоровья, Брежнев приехал проститься с другом. В буквальном смысле его завели под руки, он не сразу сориентировался в зале:

«Где мой Костя?» На похоронах Брежнев не мог сдержать слез. С этого момента Брежневу самому отпущено жизни было немного. 9 ноября 1982 года, после праздников, он вышел на работу. По воспоминаниям сотрудника его секретариата, Брежнев попросил, чтобы в приемной к его приезду находился Андропов.

Леонид Ильич прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувший. Они долго беседовали с Андроповым. О чем они говорили, до сих пор остается неизвестным. Возможно, обсуждали предстоящий пленум ЦК. По некоторым сведениям, на нем предполагался переход Брежнева на пост председателя партии, а новым генеральным секретарем будет рекомендован 64-летний Щербицкий. После разговора с Андроповым генсек переговорил о чем-то по телефону с Шелоковым.

Но утром следующего дня, 10 ноября, в День советской милиции, Брежнева не стало. Собравшийся 12 ноября 1982 года Пленум ЦК КПСС избирает генеральным секретарем партии Юрия Андропова. После смерти Брежнева Николаю Шелокову советовали защищаться. Он мог поднять дивизию Дзержинского с тем, чтобы поддержать приход к власти другого кандидата — из «днепропетровских». Авторитет министра в МВД был очень высок. Но он сразу же пресек подобного рода разговоры...

— *Вы первый, кто поднимает эту тему.*

— Мы с моим соавтором Анатолием Вячеславовичем Науменко не гнались за сенсациями, нашей целью было написать первую непредвзятую биографию человека, более 16 лет руководившего Министерством внутренних дел. Опирались мы на архивные материалы, свидетельства современников Николая Анисимовича. Конечно, кто-то скажет, что изложение его биографии у нас получилось пристрастным. Возможно так — пристрастным, ибо исходили мы из его реальных заслуг перед Родиной, опирались на добрую память, на оценки тех, кто знал министра и работал с ним.

Его жизнь завершилась, как известно, трагически. Слова жены, случайно брошенные перед его назначением на пост министра: «Николай, тебя убьют или ты сам застрелишься», оказались пророческими...

Сегодня наступило новое время, страна стала другой. Сменились ориентиры. Но вычеркнуть из истории ничего и никого нельзя.

Беседа вел Николай Ефимов

Дело было в Карелии

О том, что война является продолжением политики, только иными средствами, говорил еще в начале XIX века Карл Клаузевиц. О том же, что военным нередко приходится не только решать важнейшие вопросы внешней политики, но и исправлять ошибки, политиками допущенные, говорить как-то не очень принято. Так что, хотя генерал-полковник в отставке Владимир Сергеевич Дмитриев и говорит, что его делом было охранять воздушное пространство, но решать политические вопросы ему приходилось не единожды: на воздушных границах Советского Союза, которые он охранял, никогда не было спокойно, и многие инциденты могли привести к очень серьезным международным осложнениям.

А в 1984—1989 годах Владимир Сергеевич служил в должности первого заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по противовоздушной обороне государств — участников Варшавского договора. Нужно ли объяснять, что эта должность была не только военной, но и политической?

— Я потомственный артиллерист. Мой отец начал войну командиром батареи полевой артиллерии, закончил командиром полка, а я сам стал полевиком в 1943-м: был орудийным номером, командиром орудия... В конце войны нас, нескольких сержантов, направили в училище в Баку. Тогда было создано много новых училищ ПВО — руководство страны видело в этих войсках важный вид Вооруженных сил, хотя он еще таким даже и не был.

— *И как вам показалась новая служба?*

— Не понравилась! Показывают нам технику ПУАЗО — прибор управления артиллерийским зенитным огнем, вокруг этого ящика сидят десять человек, крутят какие-то маховички, что-то кричат... Мы все решили сделать так, чтобы нас не приняли. На экзамене я писал «дважды два — пять», но объявляют приказ, что мы «успешно сдали экзамены и зачислены в училище». Так я стал зенитчиком. Постепенно втянулся в эту службу, понравилась она мне. Окончил училище — оно уже было в Горьком — и был направлен опять в Баку, где на разных должностях прослужил 10 лет.

— *Служба тогда у вас была достаточно спокойная?*

— Она была налажена, но спокойной ее назвать было нельзя. Противник, особенно в 1953—1954 годах, постоянно прощупывал наши воздушные границы, проверял возможности системы, и не только в Закавказье. Были грубейшие нарушения на Украине, в Карелии, долетали и до Москвы. Английская «Канберра» трижды нарушала наше

воздушное пространство, шла посредине Каспия — я служил тогда на острове Наргин, от нас самолет был километрах в 70, и мы ничего не могли сделать... Из Ирана или из Турции запускали десятки воздушных шаров, которые, набирая высоту, уходили в Среднюю Азию... Но техника совершенствовалась, безнаказанно нарушать наши границы становилось все труднее. Однажды, например, одной ракетой сбили два турецких истребителя. Но и в дальнейшем были нарушения — и непреднамеренные, и преднамеренные. Разведка по всем нашим границам велась, ведется и будет вестись!

— *Можно говорить, что после войны Войска ПВО страны создавались практически с нуля...*

— Это уж точно! Когда я был замом командира, командовал полками, все время приходилось осваиваться именно на голом месте. После академии был назначен замкомандира — и тут, после пролета Пауэрса, полк из-под Горького перебросили на северо-запад Урала. В 1962-м меня назначили командиром 237-го гвардейского полка, который перевели из Москвы на прикрытие Тамбова, опять строиться пришлось. Прокормовывал года полтора и по замене был направлен в Норильск — особые условия, Заполярье, и опять надо было строить, разворачивать технику, учить. Полк вскоре стал отличным, лучшим в 14-й армии, был награжден переходящим Знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров.

— *Понятно, что вскоре после того вы пошли на повышение...*

— Да, меня назначили заместителем командира, а потом и командиром дивизии ПВО. Кстати, раньше эта дивизия занимала последнее место в армии...

— *Соединения Войск ПВО страны не имели такой стандартной организации, как, например, дивизии в Сухопутных войсках. Что входило в состав вашей дивизии?*

— Эта дивизия была просто огромная, колоссальная — одних только зенитно-ракетных полков было девять, два авиационных истребительных полка, две радиотехнические бригады... Все удивлялись, почему она не корпус. Поэтому, когда в 1971 году меня хотели назначить командиром Львовского корпуса, Павел Федорович Батицкий заявил: «Этот корпус меньше, чем дивизия, которой Дмитриев уже три года командует! Дивизия отличная. Давайте его сразу назначим первым замом!»

— *По-моему, из всех главнокомандующих Войсками ПВО маршал Батицкий — самый авторитетный, уважаемый...*

— Я скажу, что Павел Федорович был профессором на всех уровнях! Приезжая в дивизион, он мог с солдатом обсудить его проблемы на языке солдатском. Он мог научить старшину, как солить капусту и грибы. Но, проводя учения, беседуя с командующими армиями, это был уже совершенно другой человек, он говорил совершенно другим языком... Это был человек, у которого каждому было чему учиться!

— *И вы, минуя корпус, стали замкомандующего армией?*

— Когда я уезжал на Совет, в семье радовались: мы уже были на севере лет восемь. Но я звоню и говорю, что во Львове климат отвратительный, зато в Хабаровске... Армией командовал Герой Советского Союза Анатолий Устинович Константинов, будущий маршал авиации. Я был у него два года заместителем, это была прекрасная школа! Армия огромная, шесть соединений, дислоцировалась в тяжелейших условиях от Хасана до Чукотки.

— *То есть здесь вы прошли «доподготовку» перед командованием отдельной армией ПВО?*

— Да, мне позвонил Павел Федорович: «Тебе не надоело по северам болтаться? Хотим тебя выдвигать на командующего!» Отвечаю: «Я могу и в Киев!» Он замолк, потом: «Ха-ха-ха! В Киев хочет! Гаганова просилась в отсталую бригаду, а он — в Киев! В Архангельск поедешь!» Так я попал в Архангельск, где пять лет прокомандовал тяжелой 10-й армией.

— *Огромная по составу и дислокации, она прикрывала «правый фланг» СССР, базу Северного флота...*

— Да, это был наш самый мощный атомный подводный ракетно-носный флот. Лодки постоянно уходили на боевое дежурство, и противник старался это все контролировать. Не было дня, чтобы не появлялись его самолеты-разведчики. Поэтому за год мы тысячи истребителей поднимали для дежурства в воздух, приводили в готовность тысячи зенитно-ракетных дивизионов, командные пункты... Знаете, какая нервотрепка? У меня и моего зама был 15-минутный срок готовности прибытия на КП. А представьте, в авиационном полку завтра будут полеты и командир полка готовится сам полетать. Но ночью прилетел разведчик, командир не спит, утром он уже летать не может...

— *Но ведь вас пытались «прощунать» и более активными методами, не только полетами разведчиков вдоль границ?*

— Да, к сожалению, было и такое... Это было 20 апреля 1978 года, в день рождения моей супруги. Я закончил учение с дивизией, где-то в девять вечера приехал с КП домой. Шинель еще не снял, стаскиваю один сапог — звонок (телефон стоял на столике в прихожей). Оперативный

дежурный полковник Самойлов: «Товарищ командующий, в 300 км от Кольского полуострова курсом с севера, на Мурманск самолет на сигнал “я — свой” не отвечает».

Я говорю: «Зеленков едет домой — держи связь со мной, а как начальник штаба появится дома, пусть едет на КП».

Думаю: если я сейчас поеду, руководить некому будет... Гости в комнате, я в шинели стою в коридоре, держу трубку, один сапог надет. Оперативный постоянно сообщает мне информацию, я ему ставлю задачи: проверить, есть ли какие наши самолеты в этом районе, может быть, вышла из строя аппаратура...

— *Разве было непонятно, что это за самолет?*

— Откуда? На запрос он не отвечал! Мы видим только отметку на экране — она такая же, как у RC-135, это разведчик, сделанный на основе «Боинга». Те же скорость и высота. Не различишь... Приказ гласил: гражданские самолеты — нарушители воздушного пространства СССР подлежат принуждению к посадке на наши аэродромы; военные самолеты капиталистических государств подлежат уничтожению. Мы только что провели учение — тогда очень много кружилось самолетов-разведчиков, и у меня не было сомнения, что это либо провокационный полет, либо разведывательный... Кстати, за это недолгое время над нашим районом прошло шесть спутников!

— *Но ведь в воздух были подняты наши истребители...*

— Мне доложили, что на самолете какие-то иероглифы, и те полчаса или минут двадцать, пока все продолжалось, у меня голова работала как компьютер, все прокручивала: откуда иероглифы?! Никаких трасс, где бы летали азиатские самолеты, не было. Я вспомнил, что, когда к нам должен был прилететь Эйзенхауэр, прилетел Пауэрс, и тогда Эйзенхауэр не прилетел. А завтра Брежнев должен лететь на переговоры к федеральному канцлеру в Германию... Мало ли кто хочет сорвать этот визит? Но ведь я не мог не выполнить приказ, который требовал однозначно: самолет-нарушитель военного ведомства — а я другого не предполагал — должен уничтожаться. Хотя мы его принуждали к посадке.

— *То есть он имел возможность приземлиться...*

— Безусловно! Вот в 1970 году на Курилах был посажен американский военный самолет, который вез из Америки во Вьетнам из отпуска 300 с лишним солдат. Самолет заблудился, ему дали команду на приземление, он приземлился, и четыре дня, пока вели расследование, они сидели на маленьком аэродромчике. Там было 19 стюардесс — пришлось для них туалет рыть. «Сверху» приказали кормить всех авиационным пайком,

и эти триста с лишком американских лоботрясов съели весь годовой запас летного пайка... Но никаких эксцессов не было.

— *А этот «Боинг» посадить пытались?*

— Конечно. Подняли истребители, засветили все аэродромы, при-
нуждаем к посадке... Поступает информация, что своих самолетов в воз-
духе нет — все ведомства запросили... А он идет, не выполняет команды.

Самойлов докладывает: «Остается четыре минуты, он уже поворачи-
вается в сторону Финляндии».

Некоторые товарищи, что тогда были у меня дома, говорят: «Не
надо!»

«Три минуты!» — сообщает Самойлов.

Я говорю: «Включай всю записывающую аппаратуру. Цель такую-
то — уничтожить!»

Все... Тут оперативный доложил, что на КП прибыл Зеленков. Я —
в машину, помчался туда, и три дня был «в бегах».

— *Владимир Сергеевич, а разве вы с Москвой тогда не связывались?*

— Оперативный сообщил, что дежурный генерал на ЦКП запра-
шивает, каково мое решение. То есть мне, командующему, никто не
мешал, и я, проанализировав массу разных факторов, известных здесь,
на месте, сам принимал решение... Я был за него ответственным. Вот
что такое были Войска ПВО!

— *Потом ваши действия получили соответствующую оценку.*

— Конечно. Расследование проводила высокопоставленная комис-
сия, которую возглавлял маршал авиации Пстыго, а от ПВО комиссию
возглавлял маршал Савицкий. Присутствовал генерал из КГБ, хороший
такой товарищ, он дал Андропову шифровку, что командующий в соот-
ветствии с действующими документами принял правомерное решение,
а войска его выполнили... Кстати, Иван Иванович Пстыго мне тогда
сказал: «Если бы я на гражданском самолете залетел в Америку, меня
никто бы к посадке не принуждал. Меня могли бы только сбить!»

— *Вы видели этот «Боинг»?*

— Тем же вечером я летал к месту посадки. Чтобы вывезти пассажи-
ров, начальник Генштаба Огарков приказал мобилизовать вертолеты Ле-
нинградского округа. Оставались командир корабля, штурман, малаец,
учившийся у нас в «Лумумбе», — за переводчика и еще два члена экипа-
жа. Командир экипажа был опытный: воевал во Вьетнаме, полковник
ВВС США. Из Орли — через Северный полюс и Канаду — в Сеул летал
уже десять лет. Оказалось, что в последний раз по этой трассе он летел
десять дней назад, с этим же экипажем, в простых погодных условиях.

«Как же, — спрашиваю, — вы оказались на Кольском, если прошли уже траверз Гренландии и подходили к Северному полюсу?»

Он говорит:

— У нас отказала навигационная аппаратура.

— Почему вы не включили SOS? Почему со слетанным экипажем вы не унюхали, что развернулись на 180 градусов? Вы видели перехватчик? Почему вы не выполняли команды? Вы видели на земле засвеченные аэродромы, полосы?

— Мы боялись!

— Чего боялись? С какой целью вы летели, непонятно, но это не мое дело. Мое дело — охранять воздушное пространство, а кто там будет с вами разговаривать, что спрашивать — это его дело».

— *Что потом стало с этим самолетом?*

— Ракета оторвала примерно четыре метра левой плоскости, мы насчитали до 400 пробоин. Два убитых и 11 раненых... Но машина мощная, и пилот отличный! Ночью, на незнакомой местности, он сделал несколько кругов, выбрал озеро и приземлился на лед, выскочив носом на берег, чтобы не утонуть. Говорю: «Я восхищен уровнем вашей подготовки, но совсем не восхищен вашими действиями!» Так как к этому озеру даже дороги не было, то компании было дешевле купить новый «Боинг», чем пытаться этот вывезти. Так самолет там и оставили.

Но, признаюсь, тут мне главный инженер авиации говорит:

— Товарищ командующий, какие кресла! Давайте на ваш самолет поставим!

— Ладно, с паршивой овцы — хоть шерсти клок!

Он снял 12 кресел и установил их на мой Ил-14, на котором когда-то Хрушев летал.

— *Очень правильно! А что потом было с экипажем «Боинга»?*

— Пассажиров через сутки перевезли в Мурманск, оттуда — в Хельсинки... А вскоре в газетах сообщили, что командир корабля и штурман обратились к советскому руководству с просьбой их простить. Когда их освободили, то они в Корею не поехали, потому как нанесли величайший ущерб компании, и, как шел разговор, куда-то смылись.

— *Как же в конечном итоге были оценены ваши действия?*

— Меня пригласили на военный совет, когда Батицкий болел, и кто-то из руководства заявил: «Как же так, командующий управлял боевыми действиями чуть ли не из кровати?!»

Говорю: «Я мог бы поехать на КП, но кто бы тогда руководил и принимал решение?»

Когда я доложил об этом разговоре Павлу Федоровичу, он сказал: «Командир и командующий находится там, где ему удобно руководить! Считаю, ты действовал правильно!»

На этом все закончилось...

— *Известно, что вам пришлось сбивать еще один «Боинг»?*

— Нет, это не так. Уточню, что в 1979 году главнокомандующий войсками Дальнего Востока Василий Иванович Петров, будущий Маршал Советского Союза, предложил мне идти к нему командующим ПВО. Я позвонил Александру Ивановичу Колдунову.

Он отвечает: «Ситуация такая: Китай дерется с Вьетнамом, мы усиливаем Дальний Восток — может нездорово получиться, если ты начнешь сопротивляться...»

Я позвонил знакомым в ЦК.

Говорят: «Командующий ракетными войсками и артиллерией одного из округов пытался выдвинуть какие-то доводы, что он туда не может ехать, его сняли с должности и уволили. Поэтому не царапайся!»

Я дал «добро» и попал в Сухопутные войска, где ПВО двух округов и флота были подчинены своим непосредственным общевойсковым начальникам, а я мог только рекомендовать и просить.

У меня, как командующего ПВО, не было даже управленческой функции. А кстати, через две недели после того как я сдал 10-ю армию, приехала инспекция министра обороны и армию признали лучшей в Войсках ПВО страны. Я считаю, что это величайший труд всех моих подчиненных, начиная от батареи, роты и до самого верха!

— *Но вернемся к тому «знаменитому» самолету...*

— Конечно. Пока я служил на Дальнем Востоке, не было суток, чтобы японские, американские, южнокорейские разведчики не ходили: то учения флота, то еще что-то, то просто вели разведку... К сожалению, в результате очередных «реформ» целостная система ПВО была разрушена: так, была дивизия ПВО, которая включала зенитно-ракетные и радиотехнические части, и был истребительный полк, который вывели из ее состава, — командир его был сам себе хозяин... Мне на КП главкома войсками Дальнего Востока был выделен лишь маленький планшет, где отражалась обстановка.

— *Про этот «Боинг», сбитый в ночь на 1 сентября 1983 года, ходит много легенд — что он был частью большой разведывательной операции...*

— Действительно, в это время над районом прошло много спутников, был там и RC-135, но нарушения границы со стороны этого самолета-

разведчика не было. А тот «Боинг» прошел большое пространство, его запрашивали — по идее, если он сбил, то должен был SOS подавать, много чего делать, но он не делал. Даже не выполнял команды поднятых ему навстречу истребителей... Так что, когда оставались какие-то считанные минуты, даже секунды до его выхода из нашего воздушного пространства, была дана команда на уничтожение.

— *Кто же дал эту команду?*

— Не знаю! Хотя меня спрашивали главком Владимир Леонидович Говоров и командующий Дальневосточным округом Иван Моисеевич Третьяк, что делать, и я говорил, что надо сбивать, но кто принял решение... В книге Варенникова вроде проскальзывает, что решение приняло «руководство ПВО», но какое? Мне даже по телефону ни с кем связаться было нельзя: все линии были перегружены, звонили из Москвы — ГШ, ГОУ, ЦКП и так далее... Скажу откровенно: когда попытались соединить ПВО с пехотой, то оказалось сто няnek и дитя без глазу!

— *Ну да, последующие события известны, по крайней мере официальная точка зрения... Владимир Сергеевич, а что вы можете рассказать о последнем этапе своей службы?*

— Это была очень интересная работа, и скажу, что просто радостно было видеть, как крепнет единая система ПВО союзных стран, насколько она становилась мощной.

— *Единая система ПВО? Что она собой представляла?*

— Только в ПВО была единая система для всего Варшавского договора. Наш главком Войск ПВО был замом главкома Варшавского договора по ПВО, и все несли боевое дежурство в единой автоматизированной системе, причем по нашим уставам и законам, получая информацию друг от друга. В случае войны наш главком командовал единой системой. Представители этих стран дежурили на наших вспомогательных КП в Киеве и в Минске. Все было отработано, система действовала отлажено и четко.

— *Сколько всего было этих войск?*

— Это была мощнейшая группировка: три корпуса у поляков и один — у венгров; у немцев, румын, болгар и чехов — у всех было по две дивизии. Не говоря о мощной ПВО групп советских войск. У наших демократов была наша техника — С-75, С-125, разворачивали С-200, немцы начали закупать нашу С-300, купили эскадрилью МиГ-29. Постоянно проводились учения — от дивизии ПВО до учений между объединениями войск ПВО союзных стран, стрельбы на наших полигонах — по нашим законам, по всей строгости.

— *Как вы оцениваете отношение наших союзников к ПВО?*

— Если сравнивать, то по некоторым вопросам они давали нам сто очков вперед! Не только по подготовке, но и по отношению к ПВО. Вот немцы покупали все передовое. Все руководство их ПВО окончило наши академии, все прекрасно говорили по-русски. Кстати, на учениях, что мы проводили, все доклады шли по-русски, документы отрабатывались на русском не только на уровне руководства, но и в корпусах, и в дивизиях... Кстати, если у нас солдат-оператор и в караул ходит, и в наряд, и картошку чистит, то в Венгрии, например, в зенитно-ракетном дивизионе или радиотехническом батальоне был специальный хозяйственный взвод, где были повара, рабочие по кухне и отделение охраны... Помню, министр обороны ГДР Кесслер говорил генерал-полковнику Вольфгангу, командующему ВВС и ПВО: «Дорогой мой Вольфганг! В прямом смысле слова — очень дорогой! Но на ПВО средства надо давать!» Они относились к ПВО очень хорошо.

— *Можно ли сравнивать системы ПВО НАТО и ОВД?*

— У них под руководством единого командования НАТО была создана серьезная, сильная система ПВО. Но и мы тогда были «на высоте». Наши расчеты показывали, что мы были способны успешно противостоять группировке средств воздушного нападения НАТО на Западном театре...

Беседу вел Александр Бондаренко

Загадки рейса KAL 007

Прошло почти три десятилетия со дня гибели на Дальнем Востоке южнокорейского самолета «Боинг», атакованного в воздушном пространстве СССР истребителем Су-15. Многочисленные публикации, теле- и радиопередачи на эту тему так и не дали ответа на загадки рейса KAL 007. Московский историк Александр Колесник, встретившийся с некоторыми участниками тех событий, и журналист «Красной звезды» Александр Кочуков попытались обобщить ставшую достоянием общественности информацию об этом эпизоде последнего этапа холодной войны, ставшем прологом к новым провокациям против СССР. Он проявил, с одной стороны, сохранение Вооруженными силами боеготовности и способности дать ответ на посягательства на советскую державу, а с другой стороны — наметившуюся деградацию системы государственного управления, неспособность машины партийной пропаганды к оперативным и адекватным действиям в чрезвычайной обстановке. Импотенция высшего эшелона власти на-

чинала давать о себе знать. Поэтому победа Войск ПВО обернулась поражением на внешнепропагандистском фронте, уроном международной репутации СССР.

31 августа 1983 года. Пассажирский реактивный самолет «Боинг 747» компании «Кориэн эйрлайнз», следовавший рейсом 007 по маршруту Нью-Йорк — Сеул, совершает посадку на промежуточном аэродроме Анкоридж (Аляска). С опозданием в 40 минут он покидает аэропорт и берет курс на Южную Корею, имея на борту 269 человек. Перед вылетом в самолет почему-то дополнительно загружают около 4 т горючего, которые ему не требовались, следуя он строго по установленному маршруту.

Южнокорейская компания к тому времени уже известна тем, что ее самолеты всегда летают кратчайшим маршрутом в целях экономии горючего. Маршрут R 20, по которому летит «Боинг-747», — самый северный и короткий из пяти маршрутов над северной частью Тихого океана. Он проложен всего в 50 километрах от советского воздушного пространства. Это было довольно легкомысленно, если принимать во внимание опасность болезненной реакции советской стороны на приближение иностранных самолетов к ее военным объектам на Дальнем Востоке в условиях нового витка холодной войны после избрания президентом США Рональда Рейгана. В Москве имеют все основания предполагать, что американцев не могут не интересовать базирование атомных подводных лодок, полигон межконтинентальных баллистических ракет, организация противовоздушной обороны.

Капитан авиалайнера — опытный 46-летний пилот, полковник резерва южнокорейских ВВС, налетающий более десяти тысяч часов. Август выдался для него нелегким: пришлось пересечь одиннадцать часовых поясов, налетать 80 часов, почти достигнув предела, допускаемого нормами компании. Но руководство «Кориэн эйрлайнз», чтобы выдержать конкуренцию с американскими и японскими авиакомпаниями, экипажи не щадит. На пределе нормы находится физическое и психологическое состояние и второго пилота, тоже офицера резерва ВВС, и бортинженера.

Через две минуты после взлета из Анкориджа капитан включает автопилот, но не подсоединяет его ни к одной из трех инерционных навигационных систем, которые дают возможность постоянно придерживаться заданного курса. Автопилот ведет рейс KAL-007 на Сеул, но без учета маршрута R 20, предполагающего обход советских запретных зон. На крыльях и фюзеляже самолета горят аэронавигационные огни и предупредительные маяки.

«Боинг» минует контрольную точку «Neeva» и начинает постепенно отклоняться от международной трассы в сторону государственной границы СССР. В этот момент к нему вплотную приближается американский разведывательный самолет PC-135 и пересекает его маршрут. Южнокорейский «Боинг» вторгается в воздушное пространство СССР и начинает двигаться в глубь советской территории в районе полуострова Камчатка. Бортовая навигационная система сигнализирует экипажу об отклонении от установленного маршрута, но он не реагирует на ее предупреждения. Капитан передает наземной станции слежения ложные координаты полета (хотя на борту находится три современных компьютера, одновременный сбой в работе которых труднообъясним).

Советские радиотехнические подразделения обнаруживают приближающуюся к государственной границе СССР воздушную цель около 20.00 31 августа (время московское). За неопознанным иностранным самолетом устанавливается наблюдение. Поначалу считается, что это очередной PC-135. На перехват поднимаются два дежурных истребителя авиационного полка ВВС Дальневосточного военного округа, но им не удается обнаружить нарушителя.

Из заявления советского правительства

«Самолет-нарушитель вошел в воздушное пространство над Камчаткой в районе, где размещена важнейшая база стратегических ядерных сил СССР. В то же время — что теперь признано американской стороной — в этом районе близ советской границы на той же высоте находился другой подобный ему самолет-разведчик ВВС США “PC-135”.

В воздух были подняты несколько самолетов-перехватчиков. Один из них контролировал действия американского самолета — “PC-135”. Второй вышел в район нахождения самолета-нарушителя, сигнализируя ему, что он вторгся в воздушное пространство СССР. Предупреждение игнорировалось».

«Известия», 7 сентября 1983 года.

«Боинг» беспрепятственно пересекает Камчатку и в районе 21.00 выходит в Охотское море. Он продолжает держать курс на Сеул. Советские радиотехнические подразделения теряют самолет, но через 40 минут РЛС на острове Сахалин обнаруживает его. В воздух срочно поднимаются дежурные истребители. Тем временем рейс KAL 007 пересекает северо-восточнее города Долинска государственную границу и летит над южной частью Сахалина.

Из воспоминаний Героя Советского Союза генерала армии Ивана Моисеевича Третьяка, в 1983 году командующего войсками Дальневосточного военного округа:

«Рано утром мне на квартиру раздался звонок от начальника штаба округа, доложившего, что в наше воздушное пространство в районе Камчатки вторгся иностранный самолет. Он летел по необычному маршруту. Это нас насторожило. Части ОСНАЗа установили, что из самолета передается радиোগрамма на спутник. Расшифровав ее, мы узнали, что экипаж докладывает об успешном выполнении задачи по наблюдению за нашими подводными лодками, находящимися в Охотском море.

Исходя из такой обстановки, я был вынужден доложить начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Николаю Васильевичу Огаркову, который дал команду заставить самолет сесть, а если он не будет выполнять наших команд, уничтожить его».

Организовывать реализацию решения начальника Генштаба пришлось командиру дислоцированной на Сахалине 40-й истребительной авиационной дивизии ДВО генерал-майору Анатолию Корнукову, уже после распада СССР ставшему генералом армии, главкомом ВВС России. Его разбудил в 4.15 местного времени звонок оперативного дежурного: РС-135 вошел в воздушное пространство СССР и направляется в сторону Сахалина. Комдив вызывает машину, чтобы прибыть на командный пункт.

И тут чуть было не происходит конфуз, который мог стоить молодому генералу карьеры. Дело в том, что по приказанию командующего войсками ДВО он жил в недостроенном доме, чтобы быть ближе к КП, а заодно подгонять строителей. Но в то злополучное утро двери подъезда оказались заперты. Чтобы ночью не охранять подъезд от воров, солдаты повесили на входную дверь замок. Комдиву с трудом с пятого или шестого раза удалось выбить дверь плечом. Можно представить, в каком психологическом состоянии прибыл он на командный пункт.

Из заявления советского правительства

«На подходе к о. Сахалин самолет-нарушитель вновь был перехвачен истребителями ПВО. И здесь с ним попытались войти в контакт, в том числе и с помощью известной сигнализации общего вызова на международной аварийной частоте 121,5 МГц.

Советские истребители ПВО оснащены средствами связи, на которых эта частота фиксирована.

На самолете-нарушителе эти сигналы должны были быть приняты, но он на них не отвечал, в том числе на другие сигналы и действия советских истребителей.

Советскими службами радиоконтроля засекались периодические передаваемые короткие кодированные радиосигналы, обычно применяемые при передачах разведывательной информации.

Командование ПВО района, тщательно проанализировав действия самолета-нарушителя, его маршрут, пролежавший и в районе Сахалина над военными базами, окончательно пришло к выводу, что в воздушном пространстве СССР находится разведывательный самолет, выполняющий специальные задачи. Самолет шел курсом через стратегические важные районы СССР».

«Известия», 7 сентября 1983 года.

К сентябрю 83-го военная обстановка на Дальнем Востоке была крайне напряженной. Американцы постоянно провоцировали советское военное командование на поспешные ответные меры. В конце марта 1983 года три ударные авианосные группы появились в районе Алеутских островов, недалеко от советской Камчатки, где провели многодневные учения. 4 апреля 6 самолетов А-7 взлетели с ударных авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз», находившихся в то время южнее японского острова Хоккайдо. В районе острова Зеленый Малой Курильской гряды они вошли в воздушное пространство СССР на глубину от 2 до 30 км над нашими территориальными водами и провели условное бомбометание по территории острова, сделав несколько заходов для атаки по наземным целям. Из-за сильной облачности, а также недостаточной подготовленности летного состава командир истребительной авиадивизии не рискнул поднимать самолеты на перехват нарушителей. Американцы пользовались и тем, что у советских истребителей, базирующихся на Сахалине, не хватило бы топлива для возвращения на аэродром при воздушном бое в районе Южных Курил. Янки же взлетали с ударных авианосцев.

Осторожность генералов на Дальнем Востоке в Кремле не понравилась. Крепко досталось комдиву 40-й иад, встал даже вопрос о его соответствии занимаемой должности. Сверхдержава, дабы сохранить лицо, должна была проявлять твердость в защите своих воздушных границ. Тем более что 1 марта 1983 года в действие вступил Закон СССР «О государственной границе СССР» (принят Верховным Советом СССР в ноябре 1982 г.). Его статья 36 гласила: «Войска противовоздушной обо-

роны, осуществляя охрану государственной границы СССР... в случаях, когда прекращение нарушения или задержание нарушителей не может быть осуществлено другими средствами, применяют оружие и боевую технику...»

После американской провокации над островом Зеленый Москва приказала впредь жестко пресекать провокации подобного рода. Поэтому перед летчиками истребительных авиачастей на Сахалине командование поставило задачу в случае нового появления американских военных самолетов над южнокурильскими островами вступать с ними в воздушный бой, а затем на остатке горючего идти на землю и катапультироваться над ней.

В этой обстановке заместитель командира истребительного авиаполка Геннадий Осипович и поразил южнокорейский «Боинг» двумя ракетами. Перед этим он выпустил несколькими очередями около 200 снарядов из 23-миллиметровой бортовой пушки по курсу движения авиалайнера. После открытия огня пилот рейса KAL 007 действовал как-то странно — больно уж по-военному. Он резко сбросил скорость до 400 километров в час, словно знал, что советский истребитель Су-15 при скорости меньше 450 километров может свалиться в штопор, а «Боинг» способен продолжать горизонтальный полет и при 350. Осипович был вынужден обогнать его, совершить маневр и поставить точку в летной биографии южнокорейских пилотов...

Во всяком случае так считали в Москве, хотя у самих советских генералов на Дальнем Востоке такой уверенности не было. Генерал армии И. Третьяк рассказывал, что радиотехнические подразделения ДВО потеряли пораженный ракетами южнокорейский самолет. Когда поврежденный «Боинг» стал резко терять высоту, возникла угроза его столкновения с истребителем МиГ-23, подстраховывавшим Су-15 Осиповича. МиГ стал пикировать, и локаторщики ошибочно приняли его за самолет-нарушитель. Момент его падения они не наблюдали. Генералы опирались на доклад Осиповича, доложившего, что первая ракета попала в хвост «Боинга», вторая — поразила один из четырех двигателей и снесла половину левого крыла. Посчитали, что с такими повреждениями самолет не мог не упасть.

До момента визуального контакта Су-15 с «Боингом» советские военные были уверены, что имеют дело с РС-135. Сомнения у Осиповича возникли только тогда, когда он уже атаковал южнокорейский самолет. «На расстоянии пяти километров от цели, — рассказывал он позднее

журналистам, — я получил команду на уничтожение и выпустил первую ракету. Только теперь я смог по-настоящему рассмотреть нарушителя. Он был больше Ил-76, а по очертаниям чем-то напоминал Ту-16. Я знал все военные самолеты противника, все разведывательные, но этот не был похож ни на один из них. Я видел, что передо мной большой самолет с включенными огнями и мигалками». Впрочем, если бы нарушитель своевременно и был идентифицирован как «Боинг-747», это мало что меняло. Вооруженные силы США практиковали тогда использование «Боингов-747», летавших без опознавательных знаков, в качестве самолетов-разведчиков.

Времени размышлять у пилота реактивного истребителя тоже не было, еще немного, и «Боинг» покинул бы воздушное пространство СССР. Командный пункт поторапливал Осиповича. Как он признавался недавно одному из авторов этого материала, «в воздухе некогда думать. Летчик один сидит. Истребитель этот довольно сложный, третьего поколения. Надо работать ручкой управления, следить за двигателем, в то же время прицел перед тобой. Тут некогда рассуждать, партийные собрания проводить. Только действия. Поэтому летчики отрабатывают все на земле до автоматизма».

По мнению бывших советских военачальников, советская сторона первой установила место падения «Боинга». Пограничные катера обнаружили маслянистое пятно в Татарском проливе. Туда оперативно направили группу кораблей и водолазов. А чтобы обмануть американцев, большую группу кораблей направили во вторую точку в Охотском море и сбросили с воздуха два радиобуя, имитировавших работу «черных ящиков» южнокорейского самолета. Американцы, как до сего дня убеждены наши ветераны, «клюнули», что позволило достаточно спокойно провести поисковые работы и поднять со дна Татарского пролива оба «черных ящика».

В частной беседе Иван Моисеевич Третьяк рассказал недавно, что командование ДВО было убеждено тогда, что южнокорейский самолет был подготовлен для разведывательных целей. На его борту находилась аппаратура по наблюдению за подводными объектами и группа инженеров во главе с конструктором. На самолете была заложена взрывчатка на случай, если советским истребителям удастся посадить его на своем аэродроме. В случае же сбития взрывчатка должна была также помочь уничтожить секретную разведывательную аппаратуру. Когда советские специалисты обследовали на дне пролива обломки «Боинга», характер их расположения однозначно свидетельствовал о произошедшем на борту взрыве в момент удара о воду.

И если советские военные структуры сработали оперативно в рамках тогдашнего правового поля (требования закона о госгранице), то аппарат ЦК КПСС продемонстрировал свою прогрессирующую неспособность адекватно отвечать на вызовы времени. В распоряжение высших советских властей Генеральный штаб предоставил немало фактов, которые можно было умело обыграть во внешнеполитической пропаганде в своих интересах. Осипович с горечью сказал недавно в телеинтервью: «Наши сразу неправильно повели себя. Чего испугались какую-то Америку. Подумаешь... Что ее пугаться. Ее даже Усама бен Ладен бьет как хочет. А мы испугались, хотя ведь тогда С О В Е Т С К И Й С О Ю З был»...

Фактов, дающих основания подозревать американские разведслужбы в использовании южнокорейского «Боинга» в своей специальной операции, было достаточно. Их, кстати, американская и южнокорейская стороны так и не опровергли или не попытались объяснить. Советские военные специалисты обратили внимание, в частности, на то, что с полетом «Боинга-747» были согласованы орбиты спутника «Феррет-Д» и запущенного накануне челночного космического корабля «Челленджер». Каждый этап действий южнокорейского самолета совпадал с появлением в данной зоне спутника-шпиона. Когда он покинул международный коридор, «Феррет», прослушивал радиоэлектронные средства на Чукотке и Камчатке, работавшие в обычном режиме боевого дежурства. На следующем витке «Феррет» над Камчаткой в тот момент, когда самолет пролетал над военными объектами южной части полуострова, фиксировал увеличение интенсивности работы радиолокационных средств. Третий виток «Феррета» совпал с полетом «Боинга» над Сахалином и позволил ему следить за работой дополнительно включенных средств противовоздушной обороны на Сахалине и Курильских островах.

Маршрут полета погибшего «Боинга» позволяет предположить, что пытался совершать маневры уклонения от радаров советской системы ПВО, не отвечал на ее запросы, обменивался сигналами с самолетом радиоэлектронной разведки RC-135 ВВС США, подошедшим к советскому воздушному пространству с восточной стороны Курильских островов. Южнокорейские пилоты, говорившие по радио на английском языке, при сближении с барражирующим в районе Камчатского полуострова американским самолетом-разведчиком вдруг перешли на телеграфный ключ, отбивая некое шифрованное сообщение. В начале седьмого, когда «Боинг» направился к Сахалину, с его борта была передана радиограмма: «Мы благополучно прошли юг Камчатки». А через час: «Пересекаем южную часть Сахалина».

По очень странному стечению обстоятельств «Боинг» ни разу не вошел ни над Камчаткой, ни над Сахалином в зоны поражения советских зенитно-ракетных подразделений. Он обходил позиции и пусковых установок С-200, и дежурной батареи зенитно-ракетной бригады, вооруженной комплексами «Круг».

Отклонение самолета от международной трассы более чем на 200 морских миль не могли не заметить американские службы управления воздушным движением. Рейс KAL 007 непрерывно находился в зоне контроля американской радионавигационной системы «Лоран-С». Однако американцы не сделали ни одной попытки предупредить южнокорейский экипаж об отклонении от международной трассы, хотя не могли не понимать, чем грозит вторжение в воздушное пространство СССР.

Можно было парировать и американские заявления о том, что рейс KAL 007 находился за пределами досягаемости радиолокационных систем наземных диспетчерских служб. Сами американские газеты сообщали, что между Федеральным авиационным управлением США и Пентагоном была договоренность об использовании военного радаров на Аляске для отслеживания полетов пассажирских самолетов и их предупреждении об уклонении от курса при перелете вдоль советского побережья от Аляски в азиатские страны. Аналогичные договоренности существовали между диспетчерской службой гражданской авиации Японии и ее военными. Так что крайне маловероятно, что все прозевали «ошибку» экипажа южнокорейского «Боинга».

Но все эти факты советская пропаганда не сумела или не захотела наступательно использовать в своих интересах. Аппарат ЦК КПСС проявил традиционную в эти годы неповоротливость и медлительность. Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, по свидетельству заместителя министра иностранных дел Г.М. Корниенко, колебался — надо ли признавать факт сбития южнокорейского самолета. МИД выступал «за», но возражал министр обороны Дмитрий Устинов. Глава военного ведомства в телефонном разговоре с генсеком посоветовал ему не беспокоиться, заявив: «Все будет в порядке, никто никогда ничего не узнает».

2 сентября советские газеты опубликовали сообщение ТАСС: «В ночь с 31 августа на 1 сентября с. г. самолет неустановленной принадлежности со стороны Тихого океана вошел в воздушное пространство над полуостровом Камчатка, затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над о. Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных

огней, на запросы не отвечал и в связи с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

В администрации США быстро поняли, что из гибели «Боинга» можно извлечь политическую выгоду и дискредитировать Советский Союз перед всей мировой общественностью. Американцы первыми обнародовали радиопереговоры Осиповича с командным пунктом. При переводе на английский язык они пошли на выгодные им сокращения и неточности. В Кремле, вместо того чтобы обнародовать полный текст переговоров с качественным переводом, пошли на примитивный подлог. Наверху кому-то не понравились слова Осиповича о том, что он видел аэронавигационные огни «Боинга», опознавательную «мигалку». Поэтому решили подстраховаться и перед отправкой маршалу Огаркову пленки с записью радиопереговоров Осиповича с КП ее в Хабаровске... переделали. Летчика заставили говорить под шум электробритвы, что он не видит горящей мигалки. Мелкая и бессмысленная ложь. Американцы сразу же разоблачили ее. И в глазах зарубежной общественности советские руководители в очередной раз выглядели лгунами и фальсификаторами.

2 сентября Политбюро собралось на свое заседание. Его вел из-за обострявшейся тяжелой болезни Андропова Константин Черненко. Приведем некоторые фрагменты протокольной записи, чтобы понять ход мыслей кремлевских небожителей. Министр обороны Дмитрий Устинов в начале заседания пытался оправдать действия своих подчиненных: *«Могу заверить Политбюро, что наши летчики действовали в полном соответствии с требованиями военного долга... Наши действия были абсолютно правильными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного самолета чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам. Но в данном случае их действия были вполне оправданы, потому что самолету в соответствии с международными правилами неоднократно давались указания пойти на посадку на наш аэродром».*

Секретарь ЦК по сельскому хозяйству Михаил Горбачев со «знанием дела» добавляет: *«Самолет долго находился над нашей территорией.*

Если он сбился с курса, американцы могли поставить нас в известность, но они этого не сделали».

Поддержанный Горбачевым глава военного ведомства продолжает: *«Наши летчики давали им многочисленные предупреждения и над Камчаткой, и над Сахалином. Самолет шел без предупредительных огней (в действительности аэронавигационные огни горели, и Осипович докладывал о них на КП. — Авт.). В окнах самолета света не было. Были произведены предупредительные выстрелы трассирующими снарядами, что предусмотрено международными правилами (на самом деле укладка снарядов, как рассказал генерал Анатолий Корнуков, была такая: 30 процентов — бронебойные, 70 — осколочно-фугасные. — Авт.). Затем летчик сообщил на землю, что самолет боевой и его надо поразить (!). Мое мнение состоит в том, что нам надо в этой ситуации дать необходимые сообщения в нашей печати. Но дрогнуть нам нельзя».*

Как видим, Устинов вольно или невольно вводит в заблуждение своих соратников по Политбюро: то ли стремясь по старой цэковской привычке снять с себя ответственность, то ли сам введенный в заблуждение своими подчиненными.

Члены Политбюро продолжают обмен мнениями. Председатель Совета Министров СССР Николай Тихонов: *«Мне непонятно, на что рассчитывал сеульский летчик. Он же понимал, что идет на верную смерть. Он ведь видел и сигналы наших самолетов, и их требования приземлиться. На мой взгляд, это продуманная, сознательная провокация, рассчитанная на осложнение и обострение международной обстановки».*

Дмитрий Устинов: *«О том, что думали южнокорейцы, трудно сказать. Но то, что это осознанная провокация, вполне возможно. Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах».*

Министр иностранных дел Андрей Громыко: *«Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя».*

Министр культуры Петр Демичев: *«Они, конечно, знают, что это был боевой выстрел».*

Первый секретарь Московского горкома КПСС Виктор Гришин: *«А что говорил южнокорейский летчик?»*

Дмитрий Устинов: *«Мы ничего не слышали».*

Председатель Совета Министров РСФСР Виталий Воротников: *«Не была ли нарушена связь у южнокорейского самолета?»*

Дмитрий Устинов: *«Об этом никто не может сказать».*

Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Николай Огарков, дезавуируя министра, вступает в разговор: *«У нас есть сведения, что южнокорейский самолет разговаривал с землей»*. Но на его замечание не реагируют...

Михаила Горбачева интересует, а «зафиксировали они боевой выстрел»? Председатель КГБ Виктор Чебриков, видимо опираясь на доклады советской внешней разведки (Первое главное управление КГБ), успокаивает членов Политбюро: «Нет, не зафиксировали».

Знакомство со стенограммой заседания Политбюро оставляет удручающее впечатление. Интеллектом и осведомленностью кремлевские руководители того периода явно не отличались. Поэтому неудивительно, почему они проиграли Соединенным Штатам холодную войну. Министр обороны не совсем в курсе деталей событий, разыгравшихся в небе на Сахалине. Руководитель госбезопасности, которому положено по должности руководить внешней разведкой, не знает, что американцы в состоянии прослушивать радиопереговоры советской авиации с наземными командными пунктами...

7 сентября под градом обвинений с американской стороны Кремль в официальном заявлении Советского правительства признает ответственность за происшедшее и выражает сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных людей». Но это не позволяет перехватить инициативу в пропагандистском поединке с американцами. Перелом не наступает и после показанной 8 сентября по советскому телевидению пресс-конференции начальника Генерального штаба. Инициативу прочно удерживали дипломаты и пропагандистские службы США, грамотно использовавшие промахи советского политического руководства в целях дискредитации нашего государства и обоснования своих новых военных программ.

Под впечатлением происшествия с «Боингом-747» советское руководство вскоре изменило порядок применения силы в отношении иностранных самолетов, нарушивших воздушное пространство СССР. Разрешалось открывать огонь только по военным самолетам капиталистических стран, да и то на применение оружия накладывалось немало ограничений. В боекомплекты истребителей приказано было включить трассирующие снаряды. Бюрократическая казуистика связывала «по рукам и ногам» командиров соединений Войск ПВО страны.

Позднее именно такой перестраховочный подход Кремля позволил немецкому летчику-авантюристу Матиасу Русту безнаказанно совершить полет на легкомоторном самолете «Цессна-172» до Москвы и сесть

на Красной площади. Кстати, вполне вероятно, что это могло быть продолжением специальной операции западных спецслужб в отношении СССР, и мы постараемся в будущем году рассказать об этом в связи с недавним сенсационным признанием на одном из центральных телеканалов Сергея Мельникова, 28 мая 1987 года дежурного генерала на центральном пункте ПВО. По его словам, бывший председатель КГБ Владимир Крючков в разговоре в доверительной форме сообщил ему, что «лично готовил эту операцию по указанию Горбачева»...

А после распада СССР новые российские власти фактически присоединились к общепринятой на Западе трактовке событий. Во время визита в ноябре 1992 года в Сеул Президент России Борис Ельцин признал ошибочными действия советского военного командования и выразил глубокое сожаление по поводу трагедии, разыгравшейся над Сахалином.

Справедливости ради надо отметить, что прямых доказательств шпионской миссии «Боинга» советская сторона так и не добыла — по крайней мере по официальной советской версии. Среди обломков сбитого южнокорейского самолета детали разведывательной аппаратуры обнаружены не были. Ничего не дала и расшифровка «черных ящиков», поднятых нашими водолазами с океанского дна. В декабре 1983 года в докладной записке на имя генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова министр обороны Дмитрий Устинов и председатель КГБ Виктор Чебриков сообщали: *«При расшифровке данных регистрирующей аппаратуры обнаружить достоверность преднамеренного вторжения в наше воздушное пространство нам не удалось. Мы не получили также прямых доказательств того, что самолет летел с разведывательной целью. С учетом того, что данные “черных ящиков” могут быть использованы не только Советским Союзом, но и западными странами для обоснования своих противоположных точек зрения о целях полета “Боинга”, рекомендуем эти данные засекретить».*

После распада СССР южнокорейцам «черные ящики» вернули — но без их содержимого! Это, кстати, стало поводом для скандала в Кремле. Борис Ельцин, как рассказывал начальник его службы охраны Александр Коржаков, крайне возмутился, когда выяснилось, что в «черных ящиках», переданных им в торжественной обстановке руководству Южной Кореи, пленки отсутствовали. Кто и почему изъяс пленки и куда они исчезли, люди Коржакова так и не установили. По мнению Коржакова, дипломатический конфуз с «черными ящиками» стал одним из поводов к увольнению главы президентской администрации Юрия Петрова, по инициативе которого Борис Ельцин и преподнес Сеулу «подарок».

Сегодня, спустя 30 лет после трагедии, существует несколько альтернативных точек зрения, в основе которых результаты независимых расследований. По мнению некоторых российских журналистов и отставных офицеров, пытавшихся самостоятельно разобраться в обстоятельствах трагедии, вина за гибель пассажирского «Боинга» лежит все же на южнокорейских властях, которые санкционировали его участие в специальной операции американской разведки. Системный анализ ставших достоянием гласности некоторых подробностей полета южнокорейского самолета выявил ряд фактов, позволяющих подозревать официальных представителей США и Южной Кореи в неискренности. Но, подчеркнем, чтобы избежать обвинений в необъективности, все это только косвенные доказательства.

Американский журнал «Сайенс дифенс мэгэзин» писал еще в 1983 году, вскоре после трагедии: *«Южнокорейский самолет незадолго до инцидента — 11—14 августа 1983 года побывал на американской военно-воздушной базе Эндрюс, где был оснащен специальным оборудованием. При этой операции присутствовали представители не только Агентства национальной безопасности и ЦРУ, но и специалисты разведуправления ВВС США, Управления национальной разведки и других ведомств. В самолете было установлено совершенно секретное устройство, предназначенное для связи с самолетом-разведчиком RC-135».*

Дэвид Пирсон, которого считают одним из наиболее серьезных на Западе исследователей сахалинской трагедии, писал по этому вопросу: *«11 августа в 10.30 утра на базу ВВС Эндрюс под Вашингтоном прибыл, как говорят, самолет авиакомпании КАЛ, сопровождаемый разведывательным самолетом RC-135. Сразу же после прибытия он был отбуксирован в дальний конец аэродрома к зданию номер 1752. Там заправляет делами фирма “И-Системс”. Это — базирующийся в Далласе, штат Техас, подрядчик Пентагона и ЦРУ. Ее специализация — электронное оборудование. Полагают, что корейский самолет был оснащен там электронным оборудованием, тип которого не уточняется. 14 августа, в 6.40 вечера, самолет вылетел с Эндрюс, опять-таки в компании RC-135».*

Видимо, необходимостью обслуживать это спецоборудование и объясняется тот факт, что экипаж рейса KAL-007 был увеличен с 18 до 29 человек, в то время как в японской авиакомпании самолет такого же типа на трассе Нью-Йорк — Сеул обслуживали 15 человек, а в компании «Пан-Американ» — 12 человек. В пользу версии о шпионской миссии KAL-007 говорит и заминка на сорок минут с вылетом из аэропорта

в Анкоридже. По странному стечению обстоятельств благодаря этим сорока минутам «Боинг-747» оказался у границы СССР именно тогда, когда над Камчаткой должен был проходить по орбите американский разведывательный спутник «Феррет-Д».

* * *

Российские журналисты, проводившие свои независимые расследования, нашли немало интересных фактов, позволяющих сомневаться в неискренности американских должностных лиц, которые отрицали причастность спецслужб к полету южнокорейского «Боинга» 1 сентября 1983 года.

Командир экипажа (по оплошности или стремясь дать подсказку на случай своей гибели?) оставил в Анкоридже план перелета в Сеул со своими рукописными заметками. В них немало зацепок, дающих право предполагать, что отклонение «Боинга» от маршрута не было случайным и пилот готовился к нему еще до взлета из аэропорта на Аляске.

Радиосвязь между центром диспетчерской службы Анкориджа и рейсом KAL-007, по американской версии, прервалась сразу же после набора самолетом высоты из-за выхода из строя всех пяти установленных на «Боинге-747» радиопередатчиков. Но когда самолет вошел в зону обслуживания токийской авиадиспетчерской службы, радиообмен вдруг восстановился, и до момента гибели самолет выходил на связь с Токио двадцать раз.

Над Сахалином пассажирский лайнер попал в зону действия ПВО Японии. Будучи захваченным лучом радара с военной базы в Ваккане, ответчик южнокорейского «Боинга» передал сигнал, которым обозначали себя обычно американские самолеты-разведчики.

В пользу версии о выполнении сбитым южнокорейским «Боингом» некоего задания американских спецслужб говорит и немало других свидетельств. Так, шпионский характер миссии KAL 007 признал в книге «Правда о полете KAL 007» отставной сотрудник японской военной разведки Иосиро Танака, руководивший до своего выхода на пенсию электронным прослушиванием военных объектов СССР со станции слежения в Ваккане, на самом севере острова Хоккайдо (именно она зафиксировала переговоры пилотов советских истребителей 1 сентября 1983 г.). Южнокорейский самолет, утверждал японский разведчик, преднамеренно вошел в воздушное пространство СССР, чтобы привести в действие систему противовоздушной обороны и позволить американ-

ским средствам радиоэлектронной разведки засечь советские радары, зафиксировать параметры их работы.

Из истории холодной войны известно и немало других свидетельств использования западными разведками гражданских самолетов для сбора разведанных в СССР. Например, бывший шеф французской контрразведки полковник М.Ле Руа-Финвиль в своей книге откровенно рассказал о том, как пилоты авиакомпании *Air France*, осуществляя в во времена существования СССР полеты на линии Париж—Москва, иногда уходили из разрешенного воздушного коридора и производили фотосъемку советских военных объектов, для чего на некоторых самолетах компании были тайно установлены специальные фотокамеры.

В инциденте с южнокорейским «Боингом» обращает на себя внимание поведение американских властей. Японские службы гражданской авиации передали в распоряжение Международной организации гражданской авиации оригиналы всех магнитофонных записей своих переговоров с рейсом KAL-007. Правительства США и Японии опубликовали полностью записи подслушанных телефонных разговоров и радиопереговоров советских военных. Но американцы не предоставили в распоряжение комиссии международных экспертов оригиналы магнитофонных пленок, на которых были записаны радиопереговоры их наземной станции на Аляске, под предлогом их уничтожения. Власти США скрывают до сих пор и план полета своего PC-135, данные о радиолокационном наблюдении за этим самолетом-разведчиком, находившимся в районе событий. Информация якобы тоже не сохранилась.

Без этих сведений получить объективную картину произошедшего 1 сентября очень сложно. Для специалистов очевидно, что приблизиться к истине возможно только при системном анализе по крайней мере четырех записей: радиообмена Осиповича с командным пунктом, разговоров между членами экипажа южнокорейского «Боинга», их переговоров со следовавшим за ними с интервалом в четверть часа по этой же трассе пилотом рейса KAL 015, а также американскими и японскими наземными службами.

В истории с «Боингом» странно и то, что расследованием гибели южнокорейского самолета, вылетевшего из американского аэропорта, должно было заняться — по сложившейся практике — Национальное управление безопасности на транспорте США. Но ему было рекомендовано сверху не приступать к расследованию. Делом почему-то занялся Государственный департамент США, хотя это не входит в его функцио-

нальные задачи, да и необходимыми в таких случаях специалистами он не располагал. Словом, оснований для подозрений в адрес американских спецслужб немало.

Самую экзотическую версию событий выдвинул Мишель Брюн, французский эксперт, проводивший исследование инцидента по заказу частной американской организации «Фонд в поддержку конституционного правительства». По нашему мнению, Брюна кто-то умело дезинформировал, чтобы навести на ложный след. Но чтобы не быть обвиненными в предвзятости и односторонности, упомянем о его версии.

Южнокорейский лайнер, считает француз, не был сбит советским истребителем у Сахалина, а потерпел катастрофу несколько позднее — в районе Сангарского пролива у японских берегов, приблизительно в 400 милях к югу от Сахалина, неподалеку от японского города Ниигата.

Это якобы подтверждает полученная Брюном по японским каналам подлинная копия переговоров, которые вел пилот южнокорейского «Боинга». Из ее анализа следует, что самолет находился в воздухе еще около 50 мин после того, как его поразили две ракеты с советского истребителя. С диспетчером в городе Ниигата второй пилот погибшего «Боинга» вел обычный радиообмен через сорок минут после официально признанного времени гибели самолета. Брюн, побывавший в Ниигате, выяснил, что к его побережью море прибило осенью 1983 года обломки конструкции салона пассажирского авиалайнера.

По мнению сторонников этой версии, советские и американские власти по взаимной договоренности скрывают, что 1 сентября 1983 года в воздушном пространстве СССР в районе Сахалина произошел воздушный бой, в ходе которого советские истребители сбили три американских военных самолета. В подтверждение своей точки зрения Брюн указывает на то, что некоторые из обломков, прибитых морем к японским берегам, оказались обломками не пассажирского «Боинга-747», а военных самолетов. Так, обломок номер 31 — кусок закрылка, с прямоугольной передней кромкой. Единственный самолет, у которого закрылки имеют такую кромку, — американский истребитель F-111 или EF-111 — самолет, оснащенный средствами радиоэлектронной борьбы. Другой обломок тоже мог принадлежать только военному самолету США. Это сиденье с номером 34 катапульты пилота от МакДоннелл-Дуглас ACES II Zero Zero или похожей модели с отстрелянными пороховыми зарядами. В Вакканай на Хоккайдо вместе с обломками самолета прибило остатки оперения боевой ракеты (стабилизатор) с инфракрасным наведением

с английской маркировкой. Находка хранилась в управлении морской безопасности в Вакканае.

Брюн заинтересовался в связи с этим направленностью морских течений в этом районе и с удивлением установил, что обломки «Боинга», сбитого у Сахалина, никак не могло прибить к берегам Хоккайдо через девять дней, поперек течения и против господствующих ветров. В сентябре в районе островов Монерона и Сахалина течение гонит волны с юга на север, то есть в сторону материка.

Советской стороной, утверждал Брюн, в числе плавающих обломков самолета рейса KAL-007 были переданы представителям Южной Кореи два спасательных плотика (один на десять человек, другой одноместный), пилон для подкрыльного оружия, какая-то часть конструкции сверхзвукового истребителя и куски фюзеляжа, окрашенные в белый, голубой и золотой цвета (цвета самолетов американских ВМС). Пассажирский «Боинг-747» спасательных плотиков на борту не имел.

Близка к версии Брюна точка зрения бывшего сотрудника Госдепартамента США Джона Кеппела, также располагавшего сведениями о боестолкновении между советскими и американскими самолетами 1 сентября 1983 года. Кеппел утверждал, что в тот день средствами советской ПВО было сбито два самолета ВВС США: один, вероятнее всего, — RC-135, а другой — самолет разведки и РЭБ EF-111A Raven. Смелость утверждения отставного дипломата настораживает. Известно, что американские власти не церемонятся с теми из своих, кто начинает «много говорить»: можно лишиться не только хорошей пенсии, но и самой жизни...

Что касается причин падения южнокорейского пассажирского авиалайнера, то Брюн и некоторые другие эксперты склоняются к мнению, что он стал жертвой трагической случайности. Пораженный двумя ракетами советского истребителя, он продолжал тянуть к аэропорту Японии или Южной Кореи и был добит кем-то спустя 50 минут после официальной гибели. У советских истребителей не было технической возможности догнать его у берегов Японии.

Альтернативные версии случившегося так и не стали предметом серьезного разбирательства. Мишель Брюн еще в августе 1989 года представил в ИКАО — Международную организацию гражданской авиации — свою версию в виде официального доклада. Но ответа оттуда до сих пор не получил.

Проигнорировано и предположение некоторых независимых исследователей относительно того, что пассажирский авиалайнер, воз-

можно, лежит у японского острова Кюрокусима, недалеко от острова Садо. Именно туда 1 сентября 1983 года в далекий от Монерона квадрат Японского моря был направлен специальный самолет американских ВМС, использующийся обычно в спасательных операциях. Этот полет был зафиксирован японскими радарам.

Много странного и в частных рассказах наших водолазов, работавших на месте, по советской официальной версии, падения южнокорейского «Боинга» — в нейтральных водах у острова Монерон. Кстати, советский ВМФ начал там поиск обломков самолетов только спустя неделю, а глубоководные аппараты для съемки дна и поднятия тел и обломков были доставлены к месту трагедии только через месяц. Все это время по этой акватории моря свободно ходили американские и японские суда и корабли, которые могли — гипотетически — сбросить на дно Татарского пролива все, что угодно. Еще быстрее это можно было сделать самолетами ВМС.

Среди обломков не было найдено ни одной обгорелой вещи. Да и по составу находок у водолазов складывалось впечатление, что самолет был кем-то загружен случайными, уже ненужными вещами. Тела погибших пассажиров найти не удалось, хотя в других аналогичных случаях морских падений самолетов останки людей, как правило, находились.

Один из водолазов рассказывал журналистам «Известий», проведшим свое собственное и, пожалуй, самое обстоятельное в России расследование: *«У меня совершенно четкое впечатление: самолет был начинен мусором, и людей скорее всего не было там. Почему? Ну, вот если разбивается самолет, даже — маленький. Как правило, должны оставаться чемоданы, сумочки, хотя бы ручки от чемоданов... А там было такое, что, я считаю, не должны везти в самолете нормальные люди. Ну, скажем, рулон амальгамы — как с помойки... Одежда вся, как со свалки — из нее вырваны куски. Или как будто простреленная — пробита во многих местах. Я лично никаких останков не встречал. Мы же месяц почти работали! И — практически ничего. Мало было и носильных вещей — курток там, плащей, туфель — очень мало. А то, что находили, — какое-то рваньё! Вот нашли, скажем, россыпь пудрениц. Они остались целыми, открывались. Но, что странно, у всех — разбитые внутри зеркальца. Пластмассовые корпуса абсолютно целые, а зеркальца — все разбитые. Или зонты: все в чехлах, в целых чехлах — даже не надорванных. А сами — измятые, нерабочие... Ножи, вилки покореженные. Это какой же силы удар должен был быть?!»*

Не менее интересен рассказ корреспонденту «Известий» начальника водолазной службы производственного объединения «Арктимор-нефтегазразведка» Владимира Захарченко: *«Глубина там был 174 метра. Грунт ровный, плотный — песок и мелкая ракушка. Безо всяких перепадов глубины. И буквально на третий день мы нашли самолет. У меня было представление такое, что он будет целый. Ну, может, чуть покореженный.. Водолазы зайдут внутрь этого самолета и все увидят, что там есть. Но на самом деле он был очень сильно разрушен — разнесен, что называется, в щепки. Самое крупное, что мы увидели, — несущие конструкции, особо прочные — длина полтора-два метра, ширина 50—60 сантиметров. А остальное — разбито на мелкие кусочки... Но самое главное — это не то, что мы там видели, а чего не видели — водолазы практически не обнаружили человеческих трупов, останков»...*

Отсутствие тел — это одна из основных загадок гибели «Боинга». У нее может быть два объяснения. Первое — на борту не находилось пассажиров. Но его легко опровергнуть, так как сохранилось немало свидетелей, способных подтвердить наличие пассажиров на борту рейса KAL 007. Второе — опытным южнокорейским пилотам удалось все же посадить «Боинг», и пассажиры были эвакуированы. Это предположение легло в основу еще одной версии событий в районе Сахалина. На наш взгляд, это самая правдоподобная и логически стройная гипотеза.

Согласно ей, пассажирский самолет, незадолго до этого оснащенный в США специальным радиоэлектронным оборудованием, участвовал — с согласия южнокорейского руководства — в американской разведывательной операции. Пассажиры «Боинга», разумеется, об этом и не подозревали. Знал только экипаж самолета. Этим, возможно, и объясняется подавленное состояние пилота накануне рейса. Незадолго до полета, как сообщалось в СМИ, он неожиданно застраховал свою жизнь на большую сумму и вышел в свой последний рейс в плохом настроении.

После поражения «Боинга» двумя ракетами с истребителя Осиповича он не рухнул в океан, а некоторое время находился еще в воздухе. Этим и объясняется тот факт, что имеются записи переговоров его экипажа с наземными службами спустя несколько десятков минут после попадания ракет. Советские радиотехнические подразделения в эти минуты «вели» по ошибке пикирующий МиГ-23, потеряв на своих экранах южнокорейский самолет.

После приводнения «Боинга» американцы скрытно эвакуировали экипаж и пассажиров, а нашим военным оперативно подбросили за-

ранее подготовленную — на крайний случай — «обманку»: масляное пятно, мелкие обломки старого пассажирского самолета, неношенная обувь, кроссовки, пачка связанных паспортов, пустые женские косметички, несколько фрагментов трупов из морга... Далее дело было за американскими дипломатами и специалистами из внешнепропагандистских структур, которые мастерски переиграли слабеющий аппарат ЦК КПСС.

Подобной версии придерживается, в частности, представитель Международного комитета по спасению жертв рейса KAL-007 Бен Торри. «Мы, — утверждает он, — проанализировали записи переговоров пилотов и диспетчеров... и эти данные подтверждают показания информаторов и свидетелей о том, что в то утро какой-то самолет сел неподалеку от острова Монерон».

Английская радиокомпания Би-би-си, всегда очень осмотрительная и осторожная в своих суждениях, в передаче 1 сентября 2003 года, ссылаясь на мнение Бен Торри, признала, что в истории с «Боингом» далеко не все так просто. Пр процитируем фрагмент передачи: *«Отсюда — и появляющиеся все чаще сообщения о том, что после ракетной атаки самолет вовсе не потерял управление, и летчики контролировали его еще как минимум 12 минут. В теории этого времени вполне достаточно на аварийную посадку — был бы аэродром. Представитель Международного комитета по спасению жертв рейса KAL-007 Бен Торри почти уверен: такой аэродром рядом с местом трагедии был... В то утро какой-то самолет сел неподалеку от острова Монерон. Бен Торри и его единомышленники уверены, что этот самолет и был тем самым корейским “Боингом”. По его словам, пассажиров рейса сняли с борта лайнера и увезли в неизвестном направлении, а саму машину взорвали, разложив потом осколки по морскому дну».*

Но это тоже только версия, пока американские спецслужбы не откроют свои архивы, а это произойдет, по законам США, не ранее 2033 года.

Прошло 30 лет. Основные участники событий — кто на пенсии, кто умер. Подполковник Геннадий Николаевич Осипович давно уже не служит в авиации. Вскоре после истории с «Боингом» его решили перевести служить на родину в город Майкоп. Опасались провокации со стороны местных корейцев, тем более что угрозы были. На Сахалине выходцев из Кореи жило немало. Интересно, что они раньше всех узнали о гибели «Боинга». Как вспоминали офицеры, служившие в то время на острове, первую информацию о случившемся они получили не из

советских СМИ, а от сахалинских корейцев. Им уже было известно, что с аэродрома около поселка Сокол взлетал истребитель, сбивший южно-корейский самолет. Поэтому корейцы из поселка Гастелло двинулись к военному аэродрому и организовали там митинг протеста.

На новом месте службы с Осиповичем случился несчастный случай. Он перегонял истребитель с авиационного завода в Ташкенте, где работало много корейцев. У самолета неожиданно остановился в полете двигатель. Внизу — склады боеприпасов. Офицер успел отвернуть самолет в сторону. Но катапультироваться пришлось уже с малой высоты. При приземлении Геннадий Николаевич повредил позвоночник. Летать по здоровью он не мог и решил уйти в запас.

По факту катастрофы истребителя проводилось расследование. В числе причин аварии отрабатывали и «корейский след», но затем все спустили на тормозах. Так «корейский фактор», возможно, дважды сыграл свою роковую роль в судьбе военного летчика.

Родина «щедро» отблагодарила офицера за честное и самоотверженное выполнение воинского долга. Геннадию Осиповичу с Сахалина переслали на новое место службы в качестве награды за уничтожение нарушителя государственной границы 196 рублей! Должны были двести, но на почте четыре рубля удержали за пересылку.

Но боевой летчик не в обиде. *«Не только ко мне такое отношение, — сказал он мне (Александру Колеснику. — Авт.) при встрече. — Это было в советское время ко всем, сплошь и рядом. Но и демократию эту я не признаю до сих пор, не понимаю ее. Непонятно, где правда, где неправда. Посмотришь, человек — вор, а он считается уважаемым человеком. Его уважать надо, “взять” нельзя».* Впрочем, о смысле произошедшего с нами в последние десятилетия задумывается не только он...

Не услышанный маршал

Генерал-полковник в отставке Михаил Терещенко неоднократно выступал на страницах «Красной звезды». В 1977—1979 годах Михаил Никитович был начальником штаба Белорусского военного округа, в 1979—1984 годах — первым заместителем начальника штаба Объединенных Вооруженных сил государств — участников Варшавского договора, с 1984 по 1988 год находился на должности начальника штаба — первого заместителя главнокомандующего войсками Западного стратегического направления. Ему довелось непосредственно работать под руководством маршала Н.В. Огаркова. Михаил Никитович (умер 10 июля 2010 года) не раз делился своими воспоминаниями

о работе с Огарковым и о той непростой обстановке, которая сложилась в верхнем эшелоне командования Вооруженными силами СССР в условиях начавшейся в Кремле борьбы за «наследство Брежнева».

В 1960-е годы талант Н.В. Огаркова, новатора-реформатора, не остался незамеченным, вскоре он стал командующим войсками Приволжского военного округа (1965—1968 гг.), а затем с апреля 1968 года первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР (1968—1974 гг.). Период службы Николая Васильевича в Генеральном штабе был наполнен большой, напряженной и эффективной работой.

Работа в войсках на различных штабных и командных должностях, оперативно-стратегическое мышление и интуиция, чувство новизны, способность к глубокому анализу обстановки, умение использовать боевой опыт и идти на оправданный риск при решении задач в экстремальных условиях позволили Огаркову 8 января 1977 года занять пост начальника Генерального штаба Вооруженных сил. За семь лет работы в этой должности он так же, как и раньше, продемонстрировал способность и искусство сплачивать большие коллективы органов управления, твердо направлять их работу. Обладая высокой работоспособностью, предельно требовательный к себе, он умел подбирать, учить и ценить кадры, поддерживать их разумную инициативу.

На этом высоком посту Огаркова не покидала мысль о необходимости реформирования армии и флота. Этот процесс назревал давно. В те годы Николай Васильевич много работал над повышением боевой и мобилизационной готовности Вооруженных сил, вносил конкретные меры противодействия американским планам размещения ракет «Першинг-2» и крылатых ракет. Тогда в европейской части СССР были развернуты новые ракеты средней дальности, получившие на Западе название СС-20.

Важно, что после жарких дискуссий часть новых идей была воплощена в жизнь, что положительно сказалось на общем состоянии войск, авиации, сил ПВО и флота. Так, вместо двух систем ПВО (территории страны и Вооруженных сил) в военных округах и группах войск была создана единая система противовоздушной обороны при единоличной ответственности за нее соответствующего командующего войсками военного округа (группы войск). Продолжалась отработка единого управления ВВС и ПВО с объединенных командных пунктов (ОКП ВВС и ПВО), создаваемых на стратегических направлениях (ТВД). По инициативе Огаркова много делалось и в плане дальнейшего повышения устойчивости и живучести системы управления войсками в целом.

Летом 1984 года положительно решился вопрос о создании в мирное время главных командований войск стратегических направлений (Западного, Юго-Западного и Южного; Главное командование войск Дальнего Востока было создано в 1978 году) как органов оперативно-стратегического управления вооруженными силами на театрах военных действий.

Став главнокомандующим войсками Западного стратегического направления, Николай Васильевич трудился ответственно, с присущей ему добросовестностью и с полной самоотдачей. Мы, его ближайшие помощники, видели, что он свое перемещение по должности воспринял достойно, с пониманием необходимости укрепления руководства войсками на театрах военных действий. Немало вложил труда, энергии и знаний, своего опыта в формирование Управления главнокомандования, в организацию его практической деятельности, сосредоточивая усилия на резком повышении боевой готовности и подготовки войск с учетом условий театра военных действий и сложившейся на то время военно-политической обстановки в Европе.

Маршал оперативно и с напором организует и проводит инспекторскую проверку Центральной группы войск. Откровенно говоря, группа войск нас разочаровала общей неустроенностью, запущенностью солдатского быта. Потом — поездка в ГСВГ с такими же целями, и там такая же картина. Затем — СГВ, где быт и обустроенность оказались еще хуже. Огарков решает: в феврале 1985-го (всего через три месяца) на базе Прикарпатского военного округа провести специальный сбор, на котором показать руководящему составу, каким должен быть образцовый солдатский быт.

За многие годы у меня сложилось твердое убеждение: Огарков — личность, видный военачальник и государственный деятель. Это был блистательный эрудит, восхищавший окружающих феноменальной памятью, огромной работоспособностью и интеллигентностью. К этим высоким качествам профессионального военного следует, конечно, добавить необыкновенно привлекательные человеческие черты маршала: коммуникабельность, внимательность к подчиненным, доброжелательность. И еще. Николай Васильевич не был злопамятен, мстителен, мелочен. И, может быть, в первую очередь это объясняло то неподдельное, искреннее уважение, которым он пользовался в офицерском корпусе. Вот таким запомнился Николай Васильевич — реформатор, человек кристальной чистоты и честности.

Практика и стиль его работы хорошо воспринимались на местах. Это дало возможность решить одну из главных задач — непосредственно приблизить руководство к войскам, положительно решить проблему взаимодействия с войсками союзных армий (хотя они не были подчинены), все это отработать в оперативных планах, а также реально создать систему управления коалиционными войсками на ТВД как в мирное, так и на военное время. Система связи и управления войсками на ТВД фактически была создана заново на пустом месте, ибо ее не было раньше. Она создавалась усилиями тысяч высококвалифицированных связистов — солдат и офицеров.

В тех условиях чрезвычайно важно было иметь твердое, гарантированно надежное управление силами и средствами ПВО и ВВС на ТВД. Инициатором идей по созданию новой системы на стратегическом направлении (ТВД) был генерал-лейтенант В.В. Литвинов, лично разработавший принципы построения такой системы. Мы предпринимали все меры к тому, чтобы противовоздушная оборона на территории в пределах стратегического направления была построена по территориальному принципу, с возложением ответственности за ее организацию в границах ТВД на главкома войск направления (этим вводилась новая инстанция, берущая на себя ответственность за противовоздушную оборону); в границах военного округа — на соответствующего командующего войсками округа. Это признавалось более гибкой, надежной и легкоуправляемой системой, способной успешно решать свойственные ей задачи. В этих целях проводили систематически тренировки, включая силы и средства ПВО союзных армий.

Вносили существенные коррективы в организацию и проведение мероприятий по оперативной подготовке генералов, офицеров и штабов. Нам удалось в этом плане сделать резкий крен на совместные учения со штабами и войсками всех четырех союзных армий, но по согласованию с генеральными (главным) штабами ННА ГДР, Войска Польского, Чехословацкой народной армии и Советской Армии, ибо союзные войска Главному командованию направления (еще раз подчеркну) не подчинялись.

В стиле работы главных командований видов Вооруженных сил, штабов военных округов и групп войск на то время фактически мало что изменилось. Вся отработанная годами система оставалась в действии. За руководством военных округов (групп войск) не только сохранялось право непосредственного обращения к министру обороны, в Генеральный штаб и к главным командованиям видов Вооруженных сил, но и

даже поощрялось. Хотя четко был определен круг вопросов, которые должны были решаться через главные командования направлений. Это подкреплялось и тем, что все вопросы материального обеспечения, а также кадровые вопросы решались в центре, прежде всего в аппаратах главкоматов видов Вооруженных сил. Даже система планирования оперативной и боевой подготовки не претерпела никаких изменений. Такая практика автоматически создавала условия для различных конфликтов, вела к параллелизму в работе, принижала роль главкоматов направлений и главкоматов видов Вооруженных сил.

Как ни странно, Главное командование ОВС государств — участников Варшавского договора, будучи одним из инициаторов создания главных командований направлений, с появлением последних стало всячески препятствовать их контактам с руководством союзных армий. И Генеральный штаб Вооруженных сил СССР к тому времени не выработал более четких установок по этому поводу, занимая как бы двойственную позицию в отношении новых органов управления. Любые контакты с генеральными штабами союзных армий должны были предварительно санкционироваться Генеральным штабом в Москве. Все это не могло не сказываться негативно на общих делах.

В силу ряда объективных, а больше всего субъективных причин радикальных крупномасштабных реформ в армии и на флоте в те годы не удалось провести, взял верх консерватизм центра. Почти все проведенные в Вооруженных силах оргмероприятия, о которых упоминалось вначале, были отменены, и все отброшено назад. Это было крупной ошибкой, ибо затормозило развитие Вооруженных сил на многие годы. Одновременно началась сплошная замена руководящего состава главных командований направлений, неоднократная смена командующих группами войск, военных округов и Балтийского флота, а также высших должностных лиц Министерства обороны и Генерального штаба.

В конце 1988 года, в одно и то же время (одновременно), были отправлены в отставку главнокомандующие войсками трех направлений (Западного, Юго-Западного и Южного), начальники штабов и начальники политических управлений названных главкоматов. Осенью того же года переводится в группу генеральных инспекторов начальник Генерального штаба, а Главком Сухопутных войск отправляется в отставку. Годом позже, также в одно и то же время, переводятся в группу генеральных инспекторов Главком и начальник штаба ОВС стран — участниц Варшавского договора, а также Главком ВВС...

К этой кадровой перетряске следует добавить тот факт, что за четыре года (с 1984 по 1988 г.) четыре раза сменились главнокомандующие Группой советских войск в Германии, трижды менялись командующие Северной и Центральной группами войск, Белорусского и Прикарпатского военных округов. Что это такое — объяснений не требует, да и вряд ли это было вызвано необходимостью укрепления руководства Вооруженными Силами, скорее наоборот — их ослаблением.

Произошло сокращение численности главкоматов направлений, вывод из их непосредственного подчинения военных округов (групп войск). Все это впоследствии превратило главные командования лишь в формальные органы руководства, а с распадом стратегической группировки советских и союзных войск в Восточной и Центральной Европе управление главного командования войск Западного направления было упразднено.

В 1991 году, оценивая сложившуюся ситуацию в Вооруженных силах, Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев с горечью говорил: «Наши оппоненты требовали немедленной ломки как структуры, так и системы управления Вооруженными Силами, в том числе главных командований войск направлений. Система послевоенной безопасности страны, на которую нашим народом было затрачено столько сил и средств, рухнула... Шла под откос значительная часть военного опыта, теории и практики нашего военного дела...»

В то время наши оппоненты настойчиво оказывали давление, а сепаратисты и сторонники прозападной ориентации предпринимали яростные попытки ускоренной департизации воинских коллективов. Главная их цель сводилась к тому, чтобы разрушить сложившуюся систему руководства страной, максимально ослабить Вооруженные силы и органы безопасности. Все это происходило на фоне нерешительности и непоследовательности в действиях аппарата ЦК КПСС, и как следствие — стремительная потеря влияния Центра на развитие событий в стране. Корни разрушения великой державы и сепаратизма следовало бы корчевать с их ростков незамедлительно и твердо. Однако в силу почти сплошной замены руководящих лиц в партийных, советских и военных органах руководство было ослаблено, и оно не могло взять на себя миссию по стабилизации политической ситуации в стране, да, очевидно, в борьбе за власть и не было в этом заинтересовано. До этих пор нет ясного ответа на вопрос о причинах перерождения многих руководителей в верхних звеньях управления...

Нерешительная, мягко говоря, позиция бывших руководителей СССР, постоянные односторонние уступки с их стороны в 80—90-х годах привели к легкому осуществлению намерений по развалу Советского Союза. Все это претворялось под шум «демократизации», «гласности» и «перестройки» путем клеветы и инсинуаций, грубого обворовывания народа, экономического обвала, под видом кардинальных реформ одностороннего разоружения, а фактически развала мощных Вооруженных сил.

Но вслух об этом наши руководители не говорили. Тогдашний министр обороны называл сокращение Вооруженных сил оптимизацией и «революционным процессом». Так ли это? Верил ли министр обороны своим словам? Думаю, что нет и нет! В действительности это были навязанные командой Горбачева целеустремленные действия по преднамеренному массированному разрушению Вооруженных сил. Знаю Дмитрия Тимофеевича как твердого, целеустремленного и принципиального военачальника, но, к сожалению, в той судьбоносной для страны ситуации он, возможно из соображений партийной дисциплины, не проявил присущих ему качеств.

Могло ли быть иначе, если бы во главе Вооруженных сил оставались военачальники наподобие маршалов Огаркова и Ахромеева? Однозначно судить не берусь... Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения.

* * *

«Перемещение по горизонтали»

На должность главкома Западного стратегического направления Николай Васильевича Огаркова назначили тихо, сочтя, что его самого можно и не спрашивать об этом. Когда маршала пригласили в ЦК КПСС и Константин Черненко поздравил его с назначением, теперь уже бывший начальник Генерального штаба спросил у генсека, почему с ним никто об этом смещении предварительно не поговорил. Хотя бы по телефону. Черненко ответил: «Считайте, что никакого смещения с должности начальника Генштаба нет. Есть перемещение в должности по горизонтали, так надо в интересах Родины. Вы прекрасно знаете значение Западного направления».

И все-таки это было понижение. Что за ним стояло? Огромный авторитет маршала в Вооруженных силах? Присущая ему самостоятельность мышления? Прямота суждений, сопряженная с оригиналь-

ностью идей, не всякому понятных? Эти вопросы я задал человеку, который хорошо знал Огаркова, — генерал-полковнику в отставке Михаилу Никитовичу Терещенко. Мой собеседник в манере истинного военного интеллигента, привыкшего оперировать лишь абсолютно достоверной информацией, не стал вдаваться в предположения. Он предпочел этому констатацию фактов, которые, как известно, сами за себя говорят.

— Судьба предоставила мне прекрасную возможность более тридцати лет работать вместе с Николаем Васильевичем Огарковым, в том числе в 1984—1988 годах начальником штаба Главного командования Западного стратегического направления. За эти годы у меня сложилось твердое убеждение: Огарков — личность, видный военачальник и государственный деятель.

И еще. Николай Васильевич не был злопамятен, мстителен, мелочен. И, может быть, в первую очередь это объясняло то неподдельное, искреннее уважение, которым он пользовался в офицерском корпусе.

— *Назначение Огаркова в Легницу, помнится, было весьма и весьма неожиданным. Как эту новость восприняли в Генеральном штабе, в ближайшем окружении маршала?*

— Назначение состоялось 5 сентября 1984 года. Да, это было для всех неожиданностью. Ведь речь шла о перемещении двух крупных военачальников. Первый шел, так сказать, по горизонтали. А второй — маршал Ахромеев Сергей Федорович — из первых замов становился начальником Генштаба. Примечательно, что данная перестановка проходила как-то спешно, ее будто подталкивали сверху. Видимо, за этим стояли непростая военно-политическая обстановка в Европе и решимость нашей высшей власти произвести назревшее тогда сосредоточение руководства войсками на отдельных стратегических направлениях. Но, может быть, и не только это.

Я хорошо помню, как проходили проводы Николая Васильевича. Они были очень теплыми. Ахромеев, уже в должности начальника Генштаба, обратился к собравшимся и сказал о большом вкладе Огаркова в укрепление обороны страны. Отметил он и исключительную важность работы на новом месте. Было шампанское. Николай Васильевич обошел всех со своим бокалом. Один из генералов выразил было ему сожаление по поводу его ухода. На что маршал отреагировал резко: «Я не нуждаюсь в соболезнованиях. Назначен я на ответственную должность и исполнять ее буду со всем пониманием важности такого шага».

В этом, подчеркну, был весь Огарков — государственный деятель, отдававший талант и энергию службе Родине. Кто-то потом писал, что он, дескать, потерпел фиаско, провалился со своими нововведениями. Нет, не было никакого фиаско. Так же, как и в случае с маршалом Жуковым, которого направляли на самые трудные участки фронта. Хотя, конечно, один отличительный нюанс тут есть: Жуков оставался заместителем Верховного. Но этот нюанс лишь подчеркивает, что военачальников, занимающих ключевые посты (пусть и на периферии), целесообразно включать в состав высших центральных органов коллегиального управления.

— *В чем суть нововведений, о которых вы говорите?*

— Для газетного интервью эта тема, наверное, великовата. Поэтому я постараюсь быть предельно кратким. Главная идея Огаркова состояла в том, чтобы все нити управления войсками сконцентрировать в общевойсковом штабе и под его организующим началом в штабах родов войск и служб. Для этого предлагалось командующему (или командиру) иметь только одного первого заместителя — в лице начальника штаба. Огарков считал, что только он, начальник штаба, может быть основным докладчиком командующему по всем вопросам и вносить соответствующие предложения по ним. Кроме того, технические службы предусматривалось подчинить заместителю командующего по технической части (эту должность еще требовалось ввести повсеместно, вплоть до военного округа и Министерства обороны). Сейчас это существует на практике.

Начальников инженерных и химических войск с их штабами предлагалось ввести в общевойсковой штаб на уровне служб, отделов или управлений соответственно. Эти же принципы, но с учетом уже существовавшей структуры, распространялись и на тыловые органы. Впоследствии указанные идеи были частично реализованы в войсках.

В целом, хочу это особо подчеркнуть, Огарков поднимал организующую роль общевойсковых штабов, стремился штабную работу сделать привлекательной, престижной и результативной. Согласитесь, что это весьма актуально и сейчас.

Николай Васильевич был новатором и в методике. Он со всей твердостью настаивал на том, чтобы войска учили тому, что необходимо на войне. Чтобы учили преимущественно на местности, в обстановке, приближенной к боевой, «час за час», то есть без лишних скачков во времени. Практическая организация занятий — вот чему он уделял главное внимание.

— *К подобным лексическим оборотам мы вроде уж давно привыкли. Они есть, наверное, в каждой директиве по организации учебного процесса. А что же раньше, в 60—70-е годы, они встречали непонимание?*

— Порой и одного понимания недостаточно. Чтобы внедрить в практику новую идею, надо показать ее ярко, на примере. А в этом-то Огарков был силен. Еще сорок лет назад, в 1962 году, я, будучи слушателем Военной академии Генерального штаба, был включен в состав инспектирующей группы для поездки в Белорусский военный округ. Генерал-майор Огарков возглавлял тогда штаб БВО. Программой проверки предусматривалось фронтовое КШУ, на котором Николай Васильевич и должен был продемонстрировать свои идеи по совершенствованию системы боевого управления войсками. На этом учении я впервые слушал доклад Огаркова. Стройный, подтянутый, смелый, он излагал все на память. В общем, впечатление оставил о себе сильное.

Потом было продолжение, весьма последовательное. После окончания ВАГШ я работал в штабе Сухопутных войск. Помню, вызывает Штеменко: «Там Пеньковский (генерал армии, командующий БВО. — *Авт.*) с Огарковым придумали что-то невероятное. Поезжай, разберись, подготовь справку для Чуйкова. Он придет позже с группой — доложишь».

Прилетели. Встретил Огарков. Действительно, в центре внимания учения — совершенствование системы боевого управления. В районе Бобруйска и Барановичей были развернуты дивизии. Наступление велось с полным боевым обеспечением, бомбометанием, применением артиллерии. Появился Чуйков с командой. Стали дотошно изучать методику. Оценили в целом высоко, новизну заметили.

Позже, когда Огарков занимал более высокие должности, вплоть до начальника Генштаба, он последовательно продолжил свою линию. То есть везде добивался четкого разграничения функций, ясного определения места и роли каждой структуры, активной работы в войсках по принципу: старший учит младшего. Его мысль шла дальше, к реформированию армии и флота, он чувствовал, что этот процесс назрел. У него было много сторонников. Но и противники были. В частности, со стороны главного командования ВВС и ПВО. Вот почему в итоге не все вышло так, как было задумано.

— *Что вам запомнилось более всего из периода совместной работы с маршалом Огарковым в Легнице, в главкомате Западного стратегического направления?*

— Прежде всего, конечно, оперативность, напор, с которыми Огарков приступил к работе на новом месте. Он прибыл 25 сентября, а в октябре уже инспектировал Центральную группу войск...

Хорошо запомнился и эпизод в Войске Польском. Мы были втроем: Огарков, Уткин (генерал-полковник, член Военного совета. — *Авт.*) и я. На прощальном обеде Николай Васильевич прямо высказал претензию полякам насчет бюста Рокоссовского перед входом в Дом офицеров в Легнице. По его мнению, изваяние искажало внешность и человеческую натуру советского и польского маршала. Отреагировали. Осенью 1987 года появился новый бронзовый бюст — добротный, с четкими, ясными чертами красивого лица.

— *Вам приходилось не соглашаться с Огарковым?*

— Да, мы не раз дискутировали. Были острые моменты. Но никогда это не выносилось за пределы нашего личного общения. Огарков отлично умел слушать. Он вообще был очень внимательным человеком.

Беседу вел Вадим Маркушин

* * *

В свое время доводилось встречаться с Николаем Васильевичем Огарковым и журналисту «Красной звезды» Александру Кочукову.

Помню наш разговор о фронтовом начальнике Генштаба маршале Александре Михайловиче Василевском, о «школе маршала Шапошникова», во многом определившей стиль работы «мозга армии» в период Великой Отечественной войны. О Николае Васильевиче Огаркове у меня тогда сложилось твердое убеждение как о человеке философского склада ума, умеющего взглянуть на проблемы широко, глубоко, по-государственному. Это подтверждают рассказы о маршале его непосредственных сослуживцев.

Герой Советского Союза генерал армии **В.И. Варенников:**

— Первоначально между министром обороны СССР Дмитрием Федоровичем Устиновым и начальником Генерального штаба складывались хорошие, добрые, деловые отношения.

Реформирование Вооруженных сил СССР в то время в основном проводилось под руководством Н.В. Огаркова. Будучи в течение ряда лет первым заместителем начальника Генштаба, он хорошо изучил актуальные проблемы, которые являлись тормозом в дальнейшем развитии армии и флота, и теперь принимал конкретные, энергичные меры с

тем, чтобы сбросить тормозящие «оковы», повысить боеготовность и боеспособность Вооруженных сил.

Думаю, не случайно, что в это время в западной прессе все чаще стали появляться хвалебные статьи об Огаркове, противопоставляющие его Устинову. На Западе не были заинтересованы, естественно, в укреплении нашего военного потенциала и пытались по-иезуитски сравить советских военачальников. К примеру, западногерманский журнал «Штерн» писал, что назначение Устинова министром обороны — это ошибка Брежнева, что уже прошло три года, как Устинов на своем посту, но никак себя не проявил и не проявит, потому что рядом с ним находится начальник Генерального штаба — одаренный, на десять лет моложе его человек. В журнале прямо говорилось: «Огарков — восходящая звезда...»

Понятно, что это была провокация. Но с характером министра устоять перед такой провокацией было не просто. К тому же имелись «наушники» и в самом военном ведомстве, и на Старой площади (там размещался аппарат ЦК КПСС. — *Авт.*). Так что отношения между двумя высшими военными руководителями в личном плане были сложными, возникало немало обид и недоразумений, необоснованных претензий к начальнику Генштаба.

Несмотря на все это, Огарков в течение четырех лет подготовил и провел несколько самых крупных в истории наших Вооруженных сил учений на всех основных стратегических направлениях. На основе анализа этих учений, а также с учетом развития техники и вооружения и общей военно-политической обстановки, опираясь на лучших специалистов Генштаба, Николаю Васильевичу удалось впервые в истории Генерального штаба создать пятитомник — теорию «Основ подготовки и ведения операций» (операции всех видов — фронтовых, групп фронтов, воздушных, противовоздушных, морских и так далее). Особое внимание он уделял развитию теории управления стратегическими ядерными силами, а также противоракетной обороне.

Огарков фактически создал в Генеральном штабе Центр оперативно-стратегических исследований.

Особое внимание Огарков уделял вопросам укрепления деятельности главных командований видов Вооруженных сил и главных командований стратегических направлений, а также их штабов. Важное место в деятельности военачальника занимали военные округа, группы войск, флоты и отдельные армии.

Если брать в целом реформирование Вооруженных сил, когда начальником Генерального штаба был маршал Огарков, то оно проходило

успешно и положительно сказалось на жизни армии и флота, их боевом потенциале. Конечно, в ходе реформ отдельные положения поправлялись, открывался путь более целесообразным структурам, формам и методам действий.

Николай Васильевич постоянно заботился о подготовке высшего командного состава Вооруженных сил, штабов всех звеньев, а также старался, чтобы войска всегда были в высшей степени боеспособны. Он лично участвовал в разработке, подготовке и проведении крупнейших оперативно-стратегических учений и маневров с применением всех видов Вооруженных сил, военно-научных органов, военно-промышленных организаций и министерств оборонной промышленности. Кстати, в ряде стратегических тренировок принимал личное участие генеральный секретарь ЦК как Верховный Главнокомандующий.

В числе крупнейших было оперативно-стратегическое учение под кодовым названием «Запад-81», проведенное в 1981 году, которое по своему размаху, привлечению войск и сил флота, а также по методу проведения являлось единственным в истории Вооруженных сил. По своим масштабам оно может быть сравнимо лишь с крупными операциями времен Великой Отечественной войны. Это учение было уникальным еще и потому, что все новые образцы вооружений Сухопутных войск, авиации и флота применялись с максимальным напряжением. На нем впервые были опробованы автоматизированная система управления и некоторые виды высокоточного оружия. Инициатором всего этого был маршал Огарков, человек энергичный, целеустремленный, широчайшей эрудиции.

Развитие вооружения и боевой техники в ту пору неоправданно приписывалось одному лишь маршалу Устинову. И это неверно.

Подтверждением личных заслуг Николая Васильевича в деле разработки новых видов оружия, приемов и способов их боевого применения является факт присуждения ему в 1981 году Ленинской премии.

Говоря о Николае Васильевиче, нельзя умолчать, конечно, о вводе наших войск в Афганистан. Руководство Генерального штаба было против такого авантюристического акта. Огарков предпринимал огромные усилия, чтобы уговорить Дмитрия Федоровича Устинова не делать этого. Когда «уговоры» и «переговоры» не удались, Николай Васильевич 8 декабря 1979 года, видимо, по инициативе Громыко или Андропова, был приглашен на совещание к Брежневу.

В течение доброго часа начальник Генштаба доказывал бесперспективность ввода наших войск в Афганистан. Его выслушали и поблаго-

дарили. А через два дня новое совещание у Брежнева — и опять приглашают Огаркова.

Позже Николай Васильевич говорил, что создалось впечатление, будто Устинов с Брежневым все обговорили и предварительное решение уже было принято. В этой связи мне хотелось бы привести выдержку из книги воспоминаний советского посла в США, а в дальнейшем секретаря ЦК КПСС Анатолия Федоровича Добрынина «Сугубо доверительно»:

«...Характерно, что Генеральный штаб и бывавшие в Афганистане советские военные решительно возражали против ввода войск, доказывая опасность и нецелесообразность втягивания советских регулярных войск в затяжную гражданскую войну в Афганистане в трудных условиях гористой местности. Высшие чины генералитета — Огарков, Ахромеев, Варенников — даже обратились с необычным коллективным рапортом по этому поводу к министру обороны Устинову. В ответ они услышали раздраженный крик: “...Не рассуждать! Выполняйте решение Политбюро”».

С сожалением следует отметить, что люди, не разделявшие реформаторских взглядов Николая Васильевича, и их интриги в конце концов подтолкнули министра обороны к тому, чтобы инициировать перед Политбюро вопрос о замене начальника Генерального штаба. Конечно, это сильно навредило общему делу. Как показали дальнейшие события, из всего состава коллегии Министерства обороны только один Огарков был способен принципиально до конца отстаивать коренные интересы Вооруженных сил...

В 1984 году Николая Васильевича назначили главнокомандующим войсками Западного стратегического направления, где в его оперативном подчинении находилось четыре группы войск и несколько перво-разрядных военных округов, значительные силы ВВС и ПВО, Балтийский флот... Это было около 35—40 процентов общей численности Вооруженных сил СССР.

Понимая роль и место Западного стратегического направления, Огарков полностью отдался новой интересной и ответственной работе, совершенно не показывая вида, что он значительно ущемлен по службе...

Генерал армии А.Д. Лизичев:

— Маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков был крупным военным деятелем. Впервые я услышал о нем в середине 60-х годов от тогдашнего министра обороны маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского и генерала армии А.А. Епишева. Речь зашла о кадровой политике, и оба военачальника положительно отзывались об Огаркове.

В январе 1977 года Николай Васильевич возглавил Генеральный штаб, и с этого периода началось наше личное общение. Постепенно наши отношения стали доверительными.

У нас был всегда обстоятельный обмен мнениями по взаимодействию органов управления — как в центре, так и в войсках между штабами и политорганами в интересах укрепления боевой готовности соединений и объединений, воспитания личного состава армии и флота.

В целях улучшения взаимодействия между основными ведомствами страны, занятыми решением важнейших проблем обороны государства, по согласованию с руководством ЦК КПСС и Совмина СССР Николай Васильевич создал на базе Генерального штаба «пятерку» — группу представителей этих госструктур, которые готовили анализ военно-политической обстановки в мире и конкретные предложения руководству страны по всем важнейшим проблемам внешней безопасности СССР для принятия оптимальных решений. Это была очень эффективная форма работы.

Следует сказать также о такой важной области его политической и государственной деятельности, как переговорный процесс по ограничению стратегических и обычных вооружений. В нем Николай Васильевич принимал самое непосредственное участие.

Став начальником Генерального штаба, маршал Огарков активизировал разработку новых позиций для советской делегации в Женеве и переговоров на высшем уровне. В результате всех этих усилий в 1979 году удалось подписать функциональный документ — Договор ОСВ-2. Николай Васильевич вплоть до 1984 года внимательно следил за проблемами ограничения и сокращения вооружений, сочетая решения по ним с укреплением безопасности Родины.

Вместе с главкомом ОВС государств — участников Варшавского договора маршалом Куликовым, начальником Главного политуправления генералом армии Епишевым маршал Огарков активно участвовал в разрешении острого политического конфликта, возникшего летом 1980 года в Польше.

И еще немало добрых дел совершил маршал Огарков. В 1984 году он был назначен главкомом Западного стратегического направления, которым командовал четыре года. Он по-прежнему как в нашей стране, так и за рубежом оставался непререкаемым авторитетом, а дух его, его взгляды будоражили умы, вдохновляли на самоотверженный труд многих генералов и офицеров во имя безопасности Родины.

Генерал армии В.Н. Лобов:

— В первый раз я встретился с Маршалом Советского Союза Николаем Васильевичем Огарковым в 1979 году, когда учился на выпускном курсе Академии Генерального штаба. Хотя перед тем он уже круто вмешался в мою судьбу...

— *Кем вы тогда были? Где служили?*

— Я был генерал-майором, командовал корпусом. В 1977 году мне шел сорок третий год, а в Военную академию Генерального штаба принимали тридцативосьмилетних заместителей командиров дивизий и до 40 лет — командиров соединений...

— *Но ведь не всем удавалось достичь таких вершин в таком возрасте. Это, думается, было скорее исключение, чем правило. Большинство становились военачальниками высоких рангов несколько позже... И они уже не могли поступить в Академию Генштаба?*

— Нет, не могли. Маршал Огарков это прекрасно понимал, он думал о перспективе, а потому и предложил в порядке изучения направить в академию «людей в возрасте». Таким образом, в 1977 году я и оказался в академии...

— *А года через полтора, как вы сказали, вас пригласили к начальнику Генштаба для беседы...*

— Да. Беседа заняла примерно час: маршал расспрашивал, как идет учеба, как здоровье, где я служил и так далее...

— *Владимир Николаевич, нельзя ли поподробнее об этой беседе? Все-таки «дистанция огромного размера» — маршал и генерал-майор, начальник Генштаба и слушатель...*

— Очень теплая была встреча — прямо такая дружеская, в полном смысле этого слова. Он очень располагал к себе, очень симпатичный был человек, исключительно эрудированный, интеллигентный, приятный во всех отношениях. Сели за стол, чай был, баранки... Огарков интересовался не только моей службой, тем, как я учусь, какие предметы предпочитаю, не тяжело ли мне было, но и о семье спрашивал — как в Архангельске жили, под Ленинградом, в Забайкалье... Час незаметно пролетел. Я потом узнал, что он и других слушателей приглашал, тоже доверительно беседовал.

— *Ваш разговор с начальником Генштаба имел потом какое-то продолжение?*

— Разумеется. Кстати, и его ближайшие подчиненные брали с него пример. Помню, тема дипломной работы для меня в академии была определена очень серьезная — «Подготовка и планирование стратегической операции на континентальном театре военных действий». После защиты

председатель госкомиссии генерал армии Валентин Иванович Варенников, первый замначальника Генштаба, мне говорит: «Ну а теперь давай поговорим». Три с половиной часа пролетели как миг. По всем ступеням разговор был — от рядового солдата до структур министерства... Я Варенникову об этом как-то напомнил, а он: «Ты думаешь, Генштаб как работает? Начальник Генерального штаба внимательно изучает кадры!»

— *Чем обернулось для вас это изучение?*

— Окончил я академию, получил назначение на Дальний Восток. В руках отпускной билет, контейнер упаковал — все как положено. И ночью — звонок: утром прибыть к министру обороны.

В 9 часов я был у Устинова. Там были Огарков, начальник Главного управления кадров Шкадов... Министр поинтересовался, как я учебу окончил, как защитил дипломную работу. А потом сказал: отпуска тебе не видать, завтра в 8 утра ты должен быть в Белоруссии. И поставил пять задач: прибыть туда, принять армию, перевести ее на новый штат, перевооружить, принять еще одно соединение и готовиться к большим экспериментальным учениям.

— *Это была рекомендация Огаркова?*

— Очевидно. Потом министр говорит: «Николай Васильевич тебе все расскажет в деталях». Я вышел, подождал Огаркова, прошел в его кабинет. «Вот видишь, — сказал маршал, — как судьба складывается? Должен был быть там — теперь в другом месте да еще и без отпуска...» Я возьми и скажи: «Так контейнер у меня уже отправлен...» — «Владимир Николаевич! Это же Генеральный штаб — все уже переадресовано!» Посмеялись, тоже по чашечке чая выпили, и он детально рассказал, что и как нужно делать...

— *Вроде бы в Советской Армии проводилось немало учений. Почему здесь была такая озабоченность?*

— До той поры учения максимально проводились в масштабах дивизии. Но, чтобы армейские, чтобы такую махину поднять, — этого еще не было. А ведь прошло уже без малого четыре десятилетия, как война закончилась, много новой техники, вооружения нового появилось, были утверждены новые полевые, боевые уставы — но все это не проверено реально, с боевой стрельбой... И мне теперь предстояло это дело сделать.

— *Про первую встречу маршал вам не напоминал?*

— Он спросил, мол, как у тебя с подготовкой и планированием, тем самым показывая, что помнит и меня, и мой диплом, — и смеется. Говорю: такая махина, еще не разобрался. «Разберешься!» — отвечает. — Не распыляйся только».

Началась служба. Прибыл в Белоруссию, принял армию, и периодически, раз в два-три месяца, мы с ним переговаривались по телефону... Как дела, где что?

— *Вы звонили, докладывали?*

— Нет, он звонил. Сказал, что сам будет на меня выходить... Оно и понятно — у него дел полно, и потому он сам определяет, когда может мне четверть часа выделить. Так что он меня как бы вел... Напутствия все давал.

— *Как понимаю, с задачей вы справились?*

— Конечно, хотя это было и нелегко. Ведь, когда я перевел все на новые штаты, принял еще одну дивизию, мне нужно было также сформировать десантно-штурмовую бригаду и отдельный батальон — новое совершенно образование, вертолеты... Огарков прилетал три раза — смотрел, как формируется бригада, разговаривал с десантниками, с местными властями... Естественно, как исполнителю всех этих дел, он советовал мне, как лучше, как все обустроить, какие полигоны задействовать...

— *А что учения, о которых вы говорили?*

— По различным причинам эти маневры все откладывались. Потом наступил 1980 год, вы помните, что за время, и мне тогда пришлось развертывать армию... Маршал мне лично ставил задачи по телефону... Особое внимание он обращал на меры безопасности, на то, что следует беречь людей. Понятно, махина же — больше 100 000 человек. Я этими делами занимался, развернул армию и три месяца стоял в полном составе...

— *Он к вам тогда не приезжал?*

— Нет, к сожалению, не мог, но все время интересовался, помогал, даже присылал своих специалистов на помощь. Не для контроля, а именно помогать. Говорил: «Если возникнут какие-то вопросы, вот такой-то тебе поможет, проконсультирует». Тогда вопрос встал о боевом слаживании — новые моменты были...

— *Но уже приближались знаменитые маневры «Запад-81»...*

— Да, в декабре прилетел начальник Генштаба, сказал, что надо готовить армию к учениям с боевой стрельбой. В мае я получил уже непосредственную боевую задачу, и он тогда часто бывал на полигоне. Несколько раз меня заслушал, спрашивал, как и что я собираюсь делать, советовал... Ну, не только он — там были генералы армии Гареев, Варенников, маршал артиллерии Передельский. Но маршал Огарков главный был над всеми, а я — главный по армии, которая была на острие...

— *Вы не могли бы рассказать о тех учениях?*

— Скажу, что участок прорыва составлял шестнадцать километров. В боевой стрельбе участвовало 998 орудий разного калибра, на огневую подготовку, которая длилась 1 час 30 минут, было спланировано полтора боекомплекта. То есть 120 снарядов. К тому же стреляли и с прямой наводки, и танки, и авиация, и вертолеты... Это была очень сложная задача. Огонь велся только по реально разведанным целям. Я не знал, что там, впереди, творится, — только разведку посылал, она засекала... Все было по-боевому сделано.

Мой наблюдательный пункт был от переднего края в семистах метрах — оттуда веяло жаром, как будто из доменной печи. Люди, кто управлял, некоторые в шоке были — кто-то даже сел в угол, закрылся руками. Кстати, по НП попало семь снарядов.

— *На учениях вам тогда вплотную пришлось работать с маршалом Огарковым?*

— Естественно. И я ему до сих пор благодарен за ту школу, которую тогда от него получил. Ведь был у него богатейший фронтовой опыт, а как начальник Генштаба — это просто глыба. Но тут же я видел, как маршал по-человечески, душевно разговаривал с солдатами. Приезжал, всем интересовался — дотошный человек был в этом плане. Но что бы ни происходило, он к делу подходил без всяких предвзятостей. Искренне все у него получалось.

— *Какую-то помощь он во время «боя» вам оказывал? Руководил вашими действиями?*

— Да ну, что вы! Я же там управлял реально — а что такое вклиниваться в реальное управление? Можно все перемешать, перепутать. Он прекрасно это знал, понимал как бы изнутри, а потому только раза два во время боевой работы говорил: «Владимир Николаевич, держись! Смотри, не расслабляйся!»

Потом, после учений, когда разбор был проведен, войска сосредоточены, он мне позвонил, нашел возможность и несколько добрых слов сказать, и дать свои указания...

Потом еще были встречи. В частности, перед назначением меня командующим войсками Среднеазиатского военного округа я у него тоже был.

— *Это уже 1984 год...*

— Накануне драмы этой, когда его освобождали от должности, мы были на сборах в Министерстве обороны. Проводил их маршал

Устинов. Огарков занимался вопросами реформирования... Вопрос, в частности, касался подчинения округам соединений ПВО. Были проведены эксперименты, в том числе и в САВО, результат был положительным. На сборах нам говорили, что так и должно быть, так мы будем делать дальше.

Сборы заканчиваются в пятницу, и вдруг говорят: нет, завтра продолжение. Приходим утром — уже разговоры идут, что Огарков освобожден от должности. Смотрим, он сидит на переднем ряду со всеми. Схемы в зале развешены совсем уже другие. И что меня поразило? Можно было бы и по-иному, а тут выходят на трибуну и говорят: на все, что вчера было вам доложено, наплевать и забыть. Все должно быть по-прежнему...

— *Вы тогда с Огарковым не разговаривали?*

— Ну почему же? Подошел к нему в перерыве, поздоровался. Самообладание у него было железное. «Вот, — говорит, — Владимир Николаевич, военная судьба у нас какая... Ничего, теперь я опять буду на главном направлении — Западное направление у меня. Но ты учись! Учись!» — и смеется.

«Чему учиться, товарищ маршал?»

«Учись хорошему! А самое хорошее — это хорошие отношения. У тебя всегда должны быть с людьми хорошие отношения! Никогда не забывай, что вокруг тебя — люди. Они все делают, и их надо уважать».

Еще поговорили — и разъехались...

— *Маршал сильно переживал свое смещение?*

— Конечно, внутренне он переживал, и, может быть, даже болезненно, но виду не подавал. Держал себя с исключительным мужеством, с достоинством... К тому же подчеркнуто уважительно относился к подчиненным, к генералитету.

— *Владимир Николаевич, разрешите такой вопрос. Наши выдающиеся военачальники известны также чеканными военными афоризмами, мудрыми определениями. У Суворова, например, знаменитые «быстрота, глазомер, натиск»... Шапошников обозначил Генштаб как «мозг армии». А вот маршал Огарков...*

— Знаете, главное ведь не слова. Это был в полном смысле военачальник современного толка, человек с глубоким интеллектом, огромными знаниями. У него было удивительное качество, я бы сказал: «Чувство держания мира перед собой». Он как бы видел его весь, где, что и как происходит, воспринимал его глобально... У него была личная реакция на все происходящее в мире. И еще — огромная человечность.

Карта для генсека

В мае 1983 года секретарь ЦК КПСС Горбачев настоял на своей поездке в Канаду, хотя государственной необходимости не было. Тогдашний генсек Юрий Андропов был против этого визита, но потом согласился на семь дней вместо запланированных десяти. Несомненно, Горбачева в Канаде ждали. Он уже пятый год находился на Старой площади. В течение года он прошел путь от кандидата в члены до члена Политбюро, что было редкостью для штатного секретаря ЦК КПСС, курировавшего сельское хозяйство. Перспективность относительно молодого советского политика была налицо. Это и вызвало повышенный интерес к нему со стороны канадского премьер-министра и не только его.

Александр Яковлев, в те годы посол СССР в Канаде, в интервью еженедельнику «Коммерсантъ-Власть» от 14 марта 2000 года объяснял: «Первым западным политиком, который с симпатией отнесся к Горбачеву, была не Тэтчер, а канадский премьер Трюдо. Михаил Сергеевич приезжал в Канаду, когда я был там послом. Своим свободным поведением он поразил канадских руководителей. Вместо одной запланированной его встречи с Трюдо состоялось три».

В разговорах с канадцами Горбачев особо не стеснялся. На одном из приемов он раскритиковал ввод советских войск в Афганистан. Учитывая, что Андропов был одним из инициаторов этой акции, Горбачев фактически «подставился». В Политбюро ЦК КПСС подобные вещи «карались» быстро и жестко. Примеров этому более чем достаточно.

Несомненно, Пьер Трюдо нашел время для трех встреч с Горбачевым не для того, чтобы слушать его критические высказывания и беспредметный дипломатический «треп». Тот же Яковлев пояснял, что Горбачев «говорит вроде как интересно-интересно. А как попробуешь сделать запись беседы, как это принято в дипломатической практике, в ней — ничего, кроме, может быть, одной ключевой фразы (message), ради которой он вел весь разговор».

На каждой встрече у Трюдо, вероятно, присутствовали разные люди, в том числе и из США, которые пытались оценить советского политика. Не случайно в 1991 году в аппарате ЦК КПСС в кулуарах шептались, что «первые смотрины» Горбачева с участием американцев состоялись в Канаде. После встреч с Горбачевым Трюдо «не раз говорил руководителям других стран, что на Горбачева следует обратить внимание».

Это не значит, что шла речь о его вербовке западными спецслужбами в Канаде в 1983 году или в Англии в 1984 году. Необходимость в прямой вербовке отсутствовала. Американцы и особенно англичане и без этого

владеют методиками прямого и косвенного воздействия на человека, помимо его согласия.

Одно несомненно: личность Горбачева изучалась еще до его поездки в Канаду и Англию. По собственному опыту мне было известно, что даже комсомольские активисты были в зоне внимания западных спецслужб. Это я хорошо понял, когда был в составе молодежной делегации ЦК комсомола Литвы в Англии в 1973 году.

Горбачев, сумевший в 40 лет стать первым секретарем одного из крупнейших краев России и членом ЦК КПСС, не мог не заинтересовать английскую МИ-6 и американское ЦРУ. По утверждению бывшего заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Владимира Севрука, с которым мне приходилось неоднократно общаться в Минске в 1994—1995 годах, пара Михаил и Раиса Горбачевы попала в поле зрения экспертов ЦРУ в период их пребывания по приглашению итальянских коммунистов в Италии в августе — сентябре 1971 года.

Сам Горбачев в поле зрения западных спецслужб должен был попасть, как только он в апреле 1970 года был избран первым секретарем Ставропольского крайкома партии. Известно, что иностранные спецслужбы всегда проявляли особое внимание к представителям высшего эшелона советской власти. Ставропольский край с его правительственными здравницами, несомненно, также должен был находиться в поле зрения зарубежных спецслужб. На отдыхе человек, даже если он и член Политбюро, расслабляется и при надлежащей постановке агентурной работы можно получить информацию, до которой в Москве не добраться.

Нет сомнений, что в 1971 году Михаила Сергеевича и Раису Максимовну в Италии ждали уже в аэропорту. А далее в ходе многодневной поездки по Апенинскому полуострову легко было создать массу ситуаций для общения и проверки реакции объектов изучения. Эксперты МИ-6 уже много лет славятся своим умением составления психологических портретов политических противников. На пятки им наступают психоаналитики из США, которые в ходе Гарвардского проекта отрабатывали эффективные методики определения психотипологии человеческих личностей.

По итогам поездки Горбачевых по Италии, вероятно, были составлены их психологические портреты. Они уточнялись во время поездки Горбачева во главе партийной делегации в 1972 года в Бельгию. Вероятно, не был обделен Михаил Сергеевич вниманием и во время поездок в ФРГ (1975 год) и Францию (1976 год).

Но самый богатый информационный урожай западные эксперты могли собрать в сентябре 1977 года, в ходе поездки четы Горбачевых по Франции. Туда они приехали на отдых по приглашению французских коммунистов. По Франции они путешествовали на легковой машине с переводчиком. Всего за 21 день Горбачевы проехали 5 тысяч километров, посетили десяток городов. Вероятно, не раз им встречались на пути семейные пары, прилично говорящие по-русски и умеющие расположить к душевной беседе. Потом в западных спецлабораториях психологи, врачи-психиатры, антропологи и другие специалисты по человеческим душам на основании этой информации пытались распознать характер Горбачевых и их уязвимые места.

Анализ событий, происходивших во время визита Горбачева в Англию в декабре 1984 года, показывает, что его там также ждали. Между тем Горбачев возглавлял малозначимую делегацию Верховного Совета СССР. В нее входили председатель комиссии по энергетике Верховного Совета СССР Евгений Велихов, заведующий отделом информации ЦК КПСС Леонид Замятин, Александр Яковлев, ставший годом ранее директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Центральной темой своего визита в Лондон Горбачев сделал разоружение. Однако никаких полномочий делать заявления от имени Верховного Совета СССР по этому поводу Горбачев не имел.

Тем не менее Горбачев был принят премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер в особой загородной резиденции в Чеккерсе. Она предназначалась только для тех иностранных представителей, «с которыми премьер-министр намеревалась провести особо важную и вместе с тем доверительную беседу». Об этом написал Леонид Замятин в своей книге «Горби и Мэгги». Яковлев в уже цитируемом интервью «Коммерсанту» объяснял это тем, что успех встречи с Тэтчер был предопределен поездкой Горбачева в Канаду.

Во время встречи с «железной леди», как тогда называли Маргарет Тэтчер, произошло невероятное. Вот как описывал этот эпизод в своих мемуарах «Омут памяти» участник этой встречи Яковлев: «Переговоры носили зондажный характер до тех пор, пока на одном заседании в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил на стол карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании... Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянув-

шую паузу прервал Горбачев: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». — «Да», — ответила несколько растерянная Тэтчер».

Бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев описывает это осторожнее: «...В загородной резиденции британского премьер-министра Чеккерсе у камина, перед которым Горбачев расстелил заготовленные диаграммы и выкладки ядерного “overkill” (многократного взаимного уничтожения), и началась, как он пишет, “наша с Маргарет эпопея”».

Сбросив туфли и забравшись в кресло с ногами, “железная леди” явно увлеклась не столько разглядыванием таблицы, где заштрихованные квадратики изображали ядерные боеголовки, сколько общением с этим нестандартным “новым русским”. И хотя в Москве еще доживал свой век смертельно больной генсек и еще неизвестно было, как лягут карты политической судьбы Горбачева, Маргарет сразу же направилась за океан, чтобы немедленно поделиться со своим другом Роном впечатлениями от вероятного будущего советского лидера».

Не отрицает этого факта и сам Горбачев в мемуарах «Жизнь и реформы»: «Я разложил перед премьер-министром Великобритании большую карту, на которую в тысячных долях были нанесены все запасы ядерного оружия. И каждой из таких вот клеточек, говорил я, вполне достаточно, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле. Значит, накопленными ядерными запасами все живое можно уничтожить 1000 раз!»

Невероятно, но Яковлев, Грачев и Горбачев рассказывают о факте раскрытия сверхсекретных сведений государственной важности, как об обыденной вещи. Возникает вопрос: на каком основании и кто предоставил Горбачеву сверхсекретные материалы? Почему он не побоялся привезти их в Лондон?

Сам факт переговоров Горбачева с Тэтчер на основе сверхсекретной карты Генштаба кажется на первый взгляд невероятным. Прежде всего потому, что подобная «откровенность» могла стоить Михаилу Сергеевичу не только места, но и «головы». В период, когда генеральным секретарем ЦК КПСС был Константин Черненко (после смерти Андропова в феврале 1984 г. — *Ред.*), позиции Горбачева стали достаточно шаткими. Он только номинально выполнял обязанности «второго» секретаря, которые он получил при Андропове. Более того, по негласному указанию генсека Черненко Генпрокуратура и МВД СССР вели проверку по некоторым «ставропольским эпизодам» в деятельности Горбачева.

В Политбюро ЦК КПСС вопросы обороны тогда курировал Григорий Романов, который ревниво отслеживал все действия Горбачева. Ну а если бы министр обороны Устинов узнал о карте Генштаба в Чеккерсе, то последствия для Горбачева были бы самыми печальными. Это подтвердил и Яковлев, который в том же интервью еженедельнику «Коммерсантъ-Власть» утверждал, что в «черненко-ский период» Михаил Сергеевич вел себя достаточно осторожно: «Как бы ни был слаб Черненко, его власть была настолько большой, что, имея повод, он мог принять в отношении Горбачева самые радикальные кадровые решения...»

В январе 2009 года я проконсультировался с генерал-полковником в отставке Леонидом Ивашовым по этому эпизоду. Ивашов, в те годы работавший в аппарате министра обороны, считает подобное невозможным. В Генштабе наличие подобного рода документов особой важности проверялось ежедневно. Вынос совершенно секретных карт из здания Генштаба был категорически запрещен.

Однако были исключения. По словам Ивашова, в феврале 1987 года министр обороны СССР Маршал Советского Союза Сергей Соколов был вызван к генсеку Горбачеву с двумя картами, на которых была обозначена организация противовоздушной обороны СССР на западном направлении. После встречи Горбачев попросил оставить ему эти карты — они якобы ему были нужны.

После того как Ивашов узнал о том, что карты оставлены у Горбачева, он позвонил помощнику генсека и спросил, когда можно ждать их возвращения. Помощник ответил, что в сейфах, от которых у него ключи, этих карт нет, а Горбачев говорит, что карты ему еще нужны.

В результате этого в Министерстве обороны были вынуждены создать специальную комиссию, которая официально подтвердила факт передачи карт генеральному секретарю ЦК КПСС. Заверенный акт этой комиссии должен храниться в одном из архивных дел военного ведомства. Второй экземпляр был передан ЦК КПСС и, по всей вероятности, сохранился в Архиве Президента РФ.

Нелишне будет напомнить, что 28 мая 1987 года, через три месяца после того случая с картами, состоялся загадочный пролет 19-летнего немецкого пилота Матиаса Руста над северо-западной территорией СССР, закончившийся скандальной посадкой на Красной площади. Эксперты считают, что Руст летел так, как если бы ему было досконально известно расположение советских радиолокационных станций.

По утверждению Ивашова, с картами нанесения ядерных ударов по европейским странам официально был ознакомлен только один руко-

водитель иностранного государства. Они были продемонстрированы в 1975 году новому канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту во время его визита в Москву, дабы тот понял всю уязвимость территории Западной Германии в случае мирового ядерного конфликта.

Демонстрация оказала настолько сильное впечатление на Шмидта, что он запомнил ее на всю жизнь. В 2007 году бывший канцлер заявил в интервью журналу *Zeit Magazin Leben*, что советские баллистические ракеты средней дальности SS-20 (РСД-10 «Пионер») в основном были нацелены на Германию. Каждая из ракет была оснащена тремя ядерными боезарядами, так что одной ракетой можно было одновременно уничтожить крупнейшие промышленные центры Германии: Дюссельдорф, Кельн и Дортмунд.

Показ карт Шмидту состоялся только после согласования вопроса на самом высоком уровне (решение принимал лично генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев) и соблюдения процедур по обеспечению режима секретности. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в Великобритании могла быть разыграна мистификация с поддельной картой. О ее цели мы можем только догадываться: возможно, речь шла о том, чтобы продемонстрировать «политический вес» Михаила Сергеевича, показав, что он имеет доступ к сверхсекретной информации.

В принципе по материалам западной и советской прессы можно было в 1984 году подготовить справку о возможном сценарии ядерной войны в Европе, а какой-нибудь отставной офицер вполне мог на карте Европы и европейской части СССР нарисовать стрелки, диаграммы, таблицы, как это принято у военных, и поставить соответствующий гриф «Совершенно секретно». Надо думать, британские эксперты разъяснили позднее Тэтчер «что к чему». Но впечатление от этого поступка советского гостя у нее осталось.

Поездки Горбачева в Канаду и Англию западные спецслужбы постарались использовать для того, чтобы существенно обновить информацию о нем. Более того, каждое его слово, каждое движение было зафиксировано и впоследствии должным образом использовано для выработки соответствующих методик воздействия. Например, англичане выяснили, что Михаил Сергеевич расслабляется, если в комнате растоплен камин. Впоследствии, обратим внимание, горящий камин всегда оказывался в нужное время и в нужном месте во время большинства встреч Горбачева с президентами США. Не случайно известный американский специалист в области психологии профессор Влади-

мир Лефевр (бывший наш соотечественник) впоследствии признался, что его привлекали для подготовки психологической стороны встречи Рейгана и Горбачева в Рейкьявике в октябре 1986 года.

Западные политики старались использовать психологический портрет Михаила Сергеевича. Они восхищались его идеями, соглашались с обоснованностью подходов, но добивались, чтобы первым на уступки шел он. Эта тактика себя оправдала. Джордж Буш-старший в своих мемуарах пишет, что основная тактика его поведения с Горбачевым заключалась в налаживании личных, якобы доверительных, отношений (тактика личного шарма). Они должны были скрывать жесткую бескомпромиссную позицию США в обеспечении своих национальных интересов, и эту задачу они, признаем, решили...

Владислав Швед

«Несговорчивый министр»

Герой Советского Союза Маршал Советского Союза **Сергей Леонидович Соколов**, отметивший 1 июля 2001 года свое столетие, почти семьдесят лет находится в боевом строю. В настоящее время — в качестве советника при Министерстве обороны РФ.

Он длительное время находился на ключевых должностях в Вооруженных силах. С октября 1965 года — командующий войсками Ленинградского военного округа, с апреля 1967-го — первый заместитель министра обороны СССР. 22 декабря 1984 года Константин Черненко назначил Сергея Леонидовича министром обороны вместо скоропостижно скончавшегося Дмитрия Устинова, последнего из когорты сталинских наркомов. Но вскоре, в марте 1985 года, Черненко скончался, и маршалу Соколову пришлось работать при новом генсеке, одержимом идеей перестройки великой державы по известным только ему лекалам. Пост главы военного ведомства Сергей Леонидович утратил 30 мая 1987 года, после скандального полета Матиаса Руста, все обстоятельства которого до сих пор не выяснены. Некоторые аналитики считают, что это была провокация, призванная помочь Горбачеву «зачистить» советский генералитет и облегчить ему решение задачи по радикальному сокращению военного потенциала «Красной империи».

Сергей Леонидович не любит рассказывать о себе и событиях того периода, поэтому мы обратились к его друзьям-сослуживцам.

Герой Советского Союза Маршал Советского Союза **Василий Петров**:

— В апреле 1966 года министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский приказал начальнику ГОУ решить с руководящим

составом Вооруженных сил «летучку». Утром при входе в здание Генерального штаба я встретил своего давнего знакомого начальника штаба ЛенВО генерала Паршикова.

— Алексей Михайлович, — обратился я к нему, — ты познакомил бы меня со своим командующим.

— Хорошо. А вот и он...

Я представился моложавому, подтянутому, атлетически сложенному генерал-полковнику Сергею Леонидовичу Соколову...

Генералы Огарков, Соколов и я последними заканчивали оформление решения. К нам подошел министр обороны и, улыбаясь, заметил:

— Огарков и Соколов, безусловно, хотят решить только на «отлично». А как дела у Петрова?

— Трудновато, товарищ Маршал Советского Союза. Театра военных действий не знаю — в Германии не воевал и не служил, а здесь сплошные населенные пункты...

— Вы решаете задачу в роли командующего фронтом. Обход и охват населенных пунктов — дело тактики...

Генерал Соколов сложил свою карту и подошел ко мне в готовности выручить меня, но этого не потребовалось — я уже самостоятельно управился с делом.

Так произошло наше первое знакомство с Сергеем Леонидовичем. Про себя я тогда отметил, что он, кажется, не очень разговорчив, но, видно, щедр душой. Последнее не раз подтверждалось впоследствии.

В 1967 году, когда министром обороны был назначен маршал А.А. Гречко, одновременно был опубликован указ о присвоении воинского звания генерал армии С.Л. Соколову и И.Г. Павловскому и о назначении их заместителями министра обороны.

В течение последующего десятилетия я продолжал службу в войсках Дальнего Востока, где, как после мне стало известно, начинал свою службу и Сергей Леонидович.

В истории Вооруженных сил конец шестидесятых и семидесятые годы были периодом возрождения войск Дальнего Востока и Забайкалья. Одновременно с многими оргмероприятиями проводилась бурная работа по обучению войск и оперативной подготовке штабов. Были приняты важные решения по оборудованию театра военных действий, в том числе строительству БАМа, портов, аэродромов, складов, баз, по освоению северной воздушной трассы, созданию промышленности военного назначения. Во всех этих делах принимал активное участие Сергей Леонидович.

К концу шестидесятых годов по поручению министра обороны Сергей Леонидович с группой генералов и офицеров облетал северную трассу от Мурманска до Анадыря, решая проблемы ее развития как второго воздушного пути на восток. Я вылетел встретить его на полуострове Шмидта, но по условиям погоды остановился в Анадыре. Ночью мне докладывают, что самолет Соколова приземлился на аэродром полуострова Шмидта в крайне нелетную погоду. Я немедленно ему доложил, что аэродром Анадырь закрыт, сильный ветер.

К вечеру следующего дня ветер стих, мы приняли его самолет. После официальных приветствий и представлений он потребовал вертолет, чтобы побывать на ряде позиций ЗРВ дивизии ПВО страны. На мое предупреждение, что светлого времени осталось мало и мы не успеем облететь позиции, ответ был непреклонным: «Хотя бы на одной из них, но побываем».

Через 15 минут мы были на позиции дивизиона. Первый вопрос командиру: «От кого и по каким средствам вы получаете оповещение о воздушных целях и соответствующие команды?»

Он потребовал продемонстрировать проход команд и сигналов с КП командира дивизии на позиции дивизионов. Возвратясь, поднял одну авиаэскадрилью по тревоге и приказал удалиться в глубь океана на 100 км, сделать разворот и обозначить нападение авиации противника на аэродром Анадырь. Вторая авиационная эскадрилья осталась на аэродроме, новой задачи не получала. С получением сигналов от РТС о целях была поднята и вторая авиационная эскадрилья. Она не успела произвести взлет, как была подвергнута удару.

— Делайте сами вывод, — обращаясь к комдиву, сказал Сергей Леонидович.

Когда я предложил ужин, Соколов возразил:

— Нет, мы еще побываем на КП дивизии, послушаем начальника гарнизона...

— А завтра? — спросил я.

— Полетим в Провидение (т.е. 500 км назад), подготовьте Ил-14. Вылет в 7 утра.

Утром была хорошая погода. Но, когда мы выходили из самолета, внезапно хлынул проливной океанский дождь. Пришлось сушиться в госпитале, поэтому обед был в самолете.

В Анадыре мы посетили арсенал в подземном сооружении протяженностью более полутора километров. Сергей Леонидович решил пройти пешком. Он любитель быстрой ходьбы, и я, еле успевая, вспомнил, как

Суворов подвергал новичков-офицеров испытанию на выносливость, приказывая его сопровождать, и намеренно шел напрямую через заборы, овраги и дворы, легко их сам преодолевая...

Помню и то, как в конце семидесятых годов на учения в Монголии Сергей Леонидович прибыл в 30-градусный мороз в шинели, фуражке и в этой же одежде находился все 10 дней. Мы удивлялись его выносливости и богатырскому здоровью...

Почти все восьмидесятые годы мне пришлось работать под непосредственным руководством Сергея Леонидовича. Мы близко познакомились, убедились в совпадении наших жизненных позиций и дальнейших перспектив строительства Вооруженных сил. Мы были убеждены, что нельзя в этих вопросах замыкаться лишь на особенностях своей страны, надо учитывать, что происходит в целом в мире, в том числе и у наших противников.

В декабре 1984 года маршал Соколов был назначен министром обороны. К сожалению, раскрыть все свои способности в должности министра обороны ему не удалось, всему причина — перестройка...

Из воспоминаний генерала армии Алексея Лизичева:

— Назначение маршала Соколова на пост министра обороны СССР произошло в сложный для страны период. Один за другим ушли из жизни два генеральных секретаря ЦК КПСС, да и третий генсек, мягко говоря, не отличался крепким здоровьем. К тому же Константин Устинович Черненко в силу возраста и уровня подготовки не мог предложить реального выхода из глубокого тупика, куда зашли советско-американские отношения, особенно переговоры по ограничению ядерных вооружений.

С начала 80-х годов военные расходы США превысили 640 млрд долларов, а в 1985—1989 годах они должны были составить, как было объявлено, 2 триллиона долларов — почти столько же, сколько было израсходовано на эти цели за 35 послевоенных лет.

Администрация Рейгана не скрывала, что все это делалось в расчете на обретение военного превосходства над СССР, и нам во что бы то ни стало следовало поддерживать военный паритет. Решением этой очень сложной задачи и занимались наши военные руководители во главе с маршалом С.Л. Соколовым.

К сожалению, избрание Горбачева новым генеральным секретарем ЦК КПСС мало что изменило в межгосударственных делах между СССР и США. Новый генсек еще не имел четкой программы в области внешней политики страны, хотя и выражал недовольство тем, что в ней от-

существовали динамизм и стратегический простор для широкого маневра с целью перелома опасного противостояния СССР и США и изменения общей напряженной международной обстановки. «Новое мышление» только зарождалось. Оно проявилось в полной мере, когда с поста министра иностранных дел ушел мудрый А.А. Громыко и его место занял Э.А. Шеварднадзе, готовый без особых возражений осуществлять на практике указания Горбачева во внешней политике.

Поскольку инициативы по военным вопросам, исходящие от Горбачева, не всегда были достаточно продуманными, между членами «тройки» (министр иностранных дел Шеварднадзе, министр обороны Соколов и курировавший оборонную промышленность секретарь ЦК Л.Н. Зайков), которая в рамках Политбюро занималась вопросами переговоров с США по ядерным и обычным вооружениям, начались споры. Сергей Леонидович принципиально отстаивал интересы наших Вооруженных сил и соответственно страны. Шеварднадзе готов был пойти на недопустимые уступки США, а Зайков по негласному поручению Горбачева чаще всего выступал как арбитр.

Когда споры стали особенно жаркими, министр обороны пригласил меня, в ту пору начальника Главного политуправления, вместе с ним отправиться к Шеварднадзе. Под натиском веских, неопровержимых доводов Сергея Леонидовича Шеварднадзе вынужден был несколько поступиться своей позицией. Казалось, мы достигли «консенсуса», но это только казалось. После памятной встречи я почувствовал «прохладу» в своих отношениях с Горбачевым, который сдавал американцам в ущерб СССР одну позицию за другой...

Тандем Горбачев — Шеварднадзе, фактически полностью определявший внешнеполитический курс страны, решил избавиться и от «несговорчивого» министра обороны. Ждали удобного момента. Помог тот известный случай, который не прояснен до сих пор: «пролет Руста».

«Разбор полетов» в Политбюро, как признается А.Ф. Добрынин, исполнявший в то время обязанности секретаря ЦК КПСС, тщательно готовился. В ход были пущены все закулисные маневры. «Ведущую» роль тут играли Шеварднадзе, Лигачев и, конечно же, сам Горбачев.

Главнокомандующего ПВО страны дважды Героя Советского Союза главного маршала авиации А.И. Колдунова сняли с занимаемого им поста на самом заседании Политбюро. В заключение заседания с резкой речью выступил Горбачев. Обращаясь к маршалу Соколову, он сказал:

— Сергей Леонидович, я не сомневаюсь в вашей личной честности. Однако в сложившейся ситуации я на вашем месте подал бы в отставку.

Маршал Соколов тут же заявил, что он просит принять его отставку. Не мешкая, Горбачев от имени Политбюро принял эту отставку...

После короткого перерыва Горбачев предложил вместо маршала Соколова назначить на этот пост генерала армии Дмитрия Тимофеевича Язова.

Так совершился «тихий переворот» в руководстве Вооруженных сил СССР, поскольку вместе с Соколовым были вынуждены уйти в отставку и наиболее видные военачальники, противники «реформы» Горбачева и его больших уступок американцам на переговорах.

Лично мне состояние здоровья не позволило долго находиться на посту начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота, и я попросил перевести меня в группу генеральных инспекторов Минобороны СССР. Старшим этой группы к тому времени был маршал Соколов. Он по-прежнему пользовался любовью и уважением у всех генералов, его авторитет был высок и непререкаем.

Александр Кочуков

Разрушить СССР замышлял еще Даллес

В прессе, в том числе в «Красной звезде», не раз приводилась цитата из статьи или выступления директора ЦРУ Аллена Даллеса относительно приоритетов американской послевоенной доктрины против СССР. Но приходилось встречать также утверждение о том, что так называемая «речь Даллеса в 1945 году» является фальшивкой, запущенной в общественное сознание в конце 1980-х годов, в разгар борьбы за вектор дальнейшего общественно-политического развития СССР.

Цитата, приписываемая директору ЦРУ Аллену Даллесу, «кочует» уже много лет из одного издания в другое и ее смысл соответствовал многолетней стратегии США в отношении Советского Союза в годы холодной войны. Но журналистское расследование, в ходе которого пришлось неофициально побеседовать не с одним ветераном отечественных спецслужб, не привело к однозначному результату, хотя и позволило пролить больше света на личность самого Аллена Даллеса, игравшего важную роль в определении внешней политики США в 1930—1950-е годы.

Впервые высказывание, очень схожее по смыслу с «цитатой из Даллеса», появилось в СССР в художественной литературе. В 1965 году в Киеве в издательстве «Радяньский письменник» вышел роман Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин». В его второй части, «В плену у черных рыцарей», американский генерал Думбрайт, инспектирующий разведшколу, и произносит слова, которые можно рассматривать как вольное

изложение установок Даллеса на развертывание идеологической войны против СССР.

Позднее нечто подобное произносит другой литературный персонаж — один из отрицательных героев романа Анатолия Иванова «Вечный зов». Читал ли писатель произведение своего украинского собрата по перу или был знаком с каким-то документом из архивов КГБ о планах ЦРУ — неизвестно. Но случайные совпадения в нашей жизни случаются крайне редко, так что скорее всего цитата, приписываемая сегодня Аллену Даллесу, была введена в писательский и журналистский обиход еще во времена Брежнева кем-то из спецслужб. Люди же творческие ее охотно использовали, тем более что она отвечала их убеждениям и в общем-то соответствовала тогдашней стратегии «психологической войны» против СССР.

На рубеже 80—90-х годов «высказывание Даллеса» с прямым указанием на авторство директора ЦРУ появляется в общественно-политических статьях противников Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Тогда же и появляется название документа, датируемого декабрем 1945 года: «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР». Но что это: статья, глава из книги, докладная записка или устное выступление, нигде не указывается.

Объективности ради надо признать, что с лингвистической точки зрения подлинность цитируемого высказывания Даллеса вызывает некоторые сомнения. Цитата очень эмоциональна, но для англоязычной риторики нехарактерная. «Носители» английского языка несколько иначе строили бы фразы. И здесь не спасают даже ссылки на переводческий стиль, различия в системах русского и английского языков. Скорее всего, мы имеем дело, если это действительно мысли Даллеса, не с переводом с английского на русский язык письменного текста, а с вольным пересказом кем-то услышанного устного выступления.

В ходе журналистского расследования доводилось слышать мнение некоторых ветеранов спецслужб, допускающих возможность того, что в распоряжении КГБ СССР могло оказаться изложение речи Даллеса на каком-то закрытом заседании. Источником мог быть советский разведчик или перебежчик из одной из американских спецслужб. Разумеется, его имя еще долго не может быть открыто, но потребности пропагандистской машины внутри СССР требовали сигнала тревоги для широких слоев общественности. Напомним, что в начале 60-х годов в Советском Союзе заговорили об идеологических диверсиях против СССР, и потребовалось документальное подтверждение, как тогда было

принято говорить, «коварных замыслов империализма». Выдержку из агентурного сообщения слегка отредактировали, придали эмоциональности через выражения вроде упоминания о планируемой «грандиозной по своему масштабу трагедии гибели самого непокорного на земле народа» и по каналам соответствующих подразделений КГБ вбросили в среду советских литераторов и журналистов.

Но самое интересное, что удалось выяснить в ходе нашего расследования, так это масштаб личности самого Аллена Даллеса. Подавляющему большинству россиян о нем известно немного. Из имеющейся литературы можно узнать, что он родился в 1893 году, а умер в 1969-м. В довоенный период сотрудничал с крупной нью-йоркской юридической фирмой «Салливен и Кромвель». С началом Второй мировой был привлечен к работе в Управлении стратегических служб (так тогда именовалась американская разведка).

Дотошный исследователь может найти упоминание об активном участии Даллеса в американской секретной операции «Санрайз Кроссворд», в рамках которой Вашингтон вел весной 1945 года тайные переговоры с немцами о возможности сепаратного мира и использовании военных возможностей Германии против СССР, уверенно устанавливающего свой контроль над Восточной Европой. Немного известно об успешной вербовке Даллесом в Швейцарии сотрудника германского МИД Фрица Кольбе, который передал американцам значительный объем информации, притом не только о деятельности МИДа, но и о работе немецких ученых в области ядерного и ракетного оружия. В связи с этим будет уместно привести высказывание коллеги Даллеса — генерал-майора Кеннета Стронга, руководившего в то время американской военной разведкой в Западной Европе. Он считал Даллеса «наиболее выдающимся американским профессиональным разведчиком своего времени, хотя и более склонным к оперативному сбору и анализу информации, чем к долговременным разведывательным проектам».

Несмотря на бесспорные успехи в разведке Даллес после войны уходит из УСС и вновь занят на юридическом поприще. Но вскоре — с началом холодной войны — возвращается в разведку. В Центральном разведывательном управлении США он — не то с 1947 года (с момента создания ЦРУ), не то с 49-го. В феврале 1953 года становится директором ведущей американской разведслужбы. Именно ему американские разведчики обязаны строительством их новой штаб-квартиры в Лэнгли. После провала вторжения на Кубу в 1961 году вынужден уйти в отставку.

Его родной брат, Джон Фостер Даллес, в те же годы — государственный секретарь США. Заметим, третий в семье госсекретарь — вслед за дедом и дядей (так что в демократических Штатах клановость отнюдь не меньше российской).

Но в жизни директора ЦРУ была еще одна сторона, о которой не принято говорить, хотя в «узких кругах» о ней хорошо известно. Принадлежавший благодаря своему происхождению к американскому истеблишменту Даллес достаточно молодых лет играл важную роль в деятельности «Совета по международным отношениям» — Council of Foreign Relations, который с 20-х годов вырабатывает коллективными усилиями его членов (крупнейшие финансисты и промышленники, политики, военачальники, владельцы СМИ) стратегию США на мировой арене с конечной установкой на создание системы глобального управления планетой из американской метрополии.

СМО сегодня — одна из трех основных наднациональных теневых структур (помимо Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии), а возник он в Нью-Йорке в 1921 году как филиал «Фонда Карнеги за вселенский мир». В СМИ проходила информация, что у истоков Совета стояли также члены некоего эзотерического «Общества круглого стола», преобразованного в 1919 году в Париже в Институт международных отношений с отделениями во Франции, Великобритании и США. Американское отделение и стало организационной базой СМО, который в годы холодной войны стал главным мозговым центром в выработке американской стратегии в отношении СССР и всего подконтрольного Москве «социалистического лагеря».

В СМО Аллен Даллес занимал с 1927 года должность одного из директоров, с 1933 по 1944 год был секретарем Совета, а с 1945 по 1950 год его президентом. Позднее, уже возглавляя ЦРУ, он оставался одним из директоров СМО. Возможно, именно на одном из его закрытых заседаний в конце 1945 года, как нам неофициально сказал один из наших собеседников, Даллес и высказал свое мнение о приоритетах в подрывной деятельности против Советского Союза. В этом случае информация о его выступлении могла позднее дойти по каналам спецслужб до Москвы. Литературно обработанные для советского читателя взгляды Даллеса на пути разложения населения СССР и стали основой так называемых «Размышлений о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», которые гуляют сегодня по просторам русскоязычного Интернета.

Оговоримся, это всего лишь наше умозаключение, основанное на конфиденциальных беседах с ветеранами былых сражений на фронтах холодной войны. Документальных подтверждений этой версии мы обнаружить не смогли. Что же касается Совета по международным отношениям, то наивно будет думать, что его архивы станут в ближайшие столетия доступны историкам.

Аллен Даллес вообще легендарная фигура в среде американского истеблишмента. Ему крупно везло на интересные встречи и непосредственное участие в событиях всемирной важности. Некоторые исследователи утверждают, что весной 1917 года, когда он трудился в американском представительстве в Берне, туда позвонил мужчина, представившийся Владимиром Лениным, и попросил о встрече. Но молодой Даллес принял его за очередного психически неуравновешенного русского эмигранта, просящего денег, — а таковых в нейтральной Швейцарии было предостаточно, и во встрече отказал. Как знать, чем бы завершилась встреча двух этих незаурядных личностей.

В 20—30-е годы Даллес был вовлечен в сложную геополитическую игру, которую вели влиятельные круги американского истеблишмента на Европейском континенте. Джон Лофтус и Марк Ааронс в своем исследовании «Тайная война против евреев» отмечают немаловажную роль Даллеса в приходе нацистов к власти в Германии. Приведем небольшой отрывок из их работы:

«Нацисты могли бы остаться небольшой политической партией, а Германия — слабым, безоружным государством, нуждающимся в средствах, если бы не мощные инвестиции иностранного капитала. Наши источники, связанные с разведкой, полагают, что по-настоящему главным событием этого периода был альянс между американскими нефтяными компаниями и Саудовской Аравией. Именно это событие стало основополагающим условием для будущей войны и Катастрофы, устроенной нацистами.

В исторических трудах даже не упоминается о тайном сотрудничестве Ибн Сауда, Джека Филби и Аллена Даллеса. Именно они были секретным источником нефти, капиталов и международного влияния, действовавшими закулисно и выведшими Гитлера на мировую сцену. Эти люди, снабжавшие топливом нацистскую военную машину в 30-х годах, были теми же самыми людьми, которые лишили евреев последней надежды на бегство в Палестину. Наши источники утверждают, что эти партнеры по нефтяным сделкам были законченными

негодьями, несущими большую долю ответственности за Катастрофу, но сумевшие избежать суда истории».

Поясним: Джек Филби — удачливый английский бизнесмен и искатель приключений (кстати, метаморфоза истории: Джек Филби — отец Кима Филби, талантливого советского разведчика — в данном случае «яблоко» укатилось далеко от «яблони»). Считается, что Джек Филби «завербовал» Аллена Даллеса еще в 20-х годах в качестве «агента влияния» на американскую политику с целью не допустить поддержки официальным Вашингтоном идеи создания еврейского национального очага, а затем привлек к реализации проекта по сбыту саудовской нефти.

В те годы Аллен Даллес, выполняя деликатные миссии, нередко бывал в Европе. Ему довелось даже встречаться с Муссолини и новоизбранным германским канцлером Адольфом Гитлером. Речь шла не только о геополитике, но и о больших деньгах. Брат Даллеса Джон Фостер был директором небезызвестного немецкого концерна «И.Г. Фарбен» (владел пакетами акций в некоторых нефтяных компаниях США), а сам Аллен стоял во главе совета директоров крупного немецкого банка.

«Братья Даллес, — пишут Лофтус и Ааронс, — были одними из тех, кто убедил американских бизнесменов нарушить постановление американского правительства об инвестициях в Германии. Это началось еще со времен Версальского договора... После окончания первой мировой войны правительство побежденной Германии обещало выплатить военные репарации союзникам в золоте, однако у Германии не было золота. Германское правительство было вынуждено брать заем в золоте у клиентов юридической компании “Салливен и Кромвель” в Соединенных Штатах. Именно с этой фирмой братья Даллес сотрудничали как консультанты по международным финансовым вопросам. Почти 70 процентов всех денег, поступивших в Германию в течение 30-х годов, исходили от инвесторов в Соединенных Штатах, большинство из которых были клиентами “Салливен и Кромвель”»...

Чем дальше во времени уходят от нас события холодной войны, тем больше открывается обстоятельств тех драматических десятилетий, завершившихся распадом СССР. Но многие детали тайного механизма Истории останутся скрытыми от общественности, и далеко не на все загадки, касающиеся противостояния двух социальных систем, нашему поколению удастся найти правильные ответы.

Николай Ефимов

Спецназ идет в бой

Полковник Олег Луценко — спецназовец до мозга костей. Первая половина его офицерской службы прошла в «краповых беретах» — в подразделениях специального назначения Внутренних войск МВД СССР, в том числе в отряде специального назначения «Витязь», в формировании которого он принял самое активное участие. Вторая половина офицерской календарной выслуги лет, уже в погонах с двумя просветами, заработана в легендарной «Альфе» — ныне Управлении «А» Центра специального назначения ФСБ России. За плечами полковника Луценко — огромное количество специальных заданий в различных «горячих точках» бывшего СССР. О нем и событиях, участником которых он был, наш рассказ.

Комендатура особого назначения

В остросюжетном фильме «В зоне особого внимания», вышедшем на экраны в 1977 году, фигурирует комендатура «Северных», военнослужащие которой захватывают две разведывательно-диверсионные группы «Южных». В этой киноленте много вымысла при показе и разведчиков-десантников, и тех, кто идет за ними по следу. Однако суть задач комендатуры отображена точно. Олег Владимирович Луценко отслужил срочную службу в 1975—1977 годах именно в подобной 346-й отдельной военной комендатуре недалеко от города Николаева, что на Украине. Эта комендатура была предназначена для поддержания дисциплины и организованности в войсках этого стратегического района, а в военное время — для действий противодиверсионной направленности в районе дислокации дивизии Ракетных войск стратегического назначения.

Где бы ни служили люди в Советской армии, даже в ВДВ и в морской пехоте, они все равно время от времени привлекались к хозяйственным работам. А вот отдельная комендантская рота, где служил Луценко, на хозработы не направлялась.

— За два года солдатской службы я ни разу в руках не держал ни лопату, ни метлу на хозработах, — вспоминает Олег Владимирович. — У нас все время отдавалось боевой подготовке.

Олег шел в армию, имея первый юношеский разряд по самбо. В больших соревнованиях ему участвовать не довелось, поскольку рос в сельской местности Запорожья. Его поселок городского типа Кирилловка в первую очередь был известен как курорт всесоюзного значения на берегу Азовского моря. О кирилловской школе самбо в СССР знали меньше, но она была, и довольно хорошая. Кстати,

спортивные традиции поддерживаются — сейчас каратисты из Кирилловки, которых тренирует Руслан Галыгин, занимают призовые места на чемпионатах Украины.

А в то время рукопашный бой на основе карате еще практически нигде в Советской армии не культивировался. В стране этот вид единоборства был под запретом, в подразделениях специального назначения — в зачаточном состоянии. Однако стремление овладеть японским видом единоборства охватывало все большее число парней, появилось оно и в тех армейских подразделениях, где рукопашный бой был одним из основных разделов программы физподготовки. Инициатива сержантов и солдат 346-й комендатуры насчет занятий карате офицерами и прапорщиками была поддержана. Так что азы рукопашного боя на основе карате Луценко начал изучать на срочной службе.

В районе дислокации дивизии РВСН под Николаевым тогда непрерывно возводились новые объекты и реконструировались существующие. Выполнял эти задачи стройбат, значительная часть которого состояла из бывших осужденных.

— Однажды нас подняли по тревоге и отправили в подразделение стройбата, — рассказывает Луценко. — Приезжаем, а в казарме уже три трупа. Первый из увидевших нас стройбатовцев орет: «Бей рексов!» И тут же рота «воинов-строителей» примерно в 200 штыков (точнее, лопат) ринулась на нас, которых было в комендантском взводе порядка 30 человек...

КМС по боксу сержант Сергей Капелюш дает молниеносный отпор прыгнувшему на него с топором бузотеру — перехватывает топор и мощнейшим ударом в челюсть отправляет того в глубокий нокаут. На остальных это подействовало. Однако случалось и по-другому, когда одним ударом восстановить порядок и дисциплину не получалось. Тогда в рукопашную шел весь взвод, бился до победного конца, и Луценко со своими сослуживцами мысленно благодарил командование за ежедневные, до седьмого пота тренировки. За два года службы таких выездов были десятки.

Комендант служил срочную в Пограничных войсках. Ему очень запомнился его командир на границе, который окончил Саратовское училище. И когда Луценко решил идти в военный вуз, почти завершив срочную службу, комендант посоветовал Олегу ехать в Саратов. Комендант уверял, что если у него был такой блестящий командир — выпускник Саратовского высшего военного командного училища внутренних войск МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского, значит, это училище — одно из самых лучших.

...Четыре курсантских года пролетели быстро, и вот уже новоиспеченный лейтенант Луценко получил командную общевоинскую специальность офицера мотострелковых войск — ту же, что и выпускники мотострелковых курсантских рот. Однако в дополнение был выдана справка о том, что Луценко прошел курс обучения по программе подготовки подразделений специального назначения по борьбе с терроризмом, знает методику проведения занятий по борьбе с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации и другими особо дерзкими преступными проявлениями. Молодой офицер получил распределение в отдельную мотострелковую дивизию особого назначения внутренних войск МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Все у него было впереди.

В 80-е годы ОМСДОН входила в состав МВД, но в основном выполняла задачи Комитета государственной безопасности. Первый ее полк был предназначен для охраны объектов КГБ. Один из батальонов дивизии Дзержинского, отдельный мотострелковый батальон особого назначения, охранял ЦК КПСС, где на КПП лицом к лицу стояли прапорщик госбезопасности и солдат внутренних войск этого батальона. Нередко эти солдаты затем становились прапорщиками КГБ и продолжали охранять ЦК. Интересно, что высочайший уровень воинской дисциплины обеспечивался в ОМСБОН не только скрупулезным отбором в него личного состава, но и тем, что в каждом взводе был заместитель командира взвода по политической части из числа сержантов. А 5-й полк имел основную задачу на особый период, содержание которой и сегодня за «семью печатями».

О том, что в системе КГБ СССР существует группа Зайцева, Луценко узнал еще курсантом. Долгое время у «Альфы» не было своего учебного центра, и ее личный состав тренировался в Ярославской области в учебном центре Пограничных войск и в учебном центре дивизии Дзержинского в деревне Новая. И там уже офицер Луценко увидел, как классно работают сотрудники «Альфы».

Сначала альфовцы в общении держали дистанцию, но через некоторое время пошло сближение, а затем появились дружеские отношения. И роту спецназа, в которой служил Луценко, по инициативе руководства «Альфы» стали привлекать к выполнению различных совместных задач.

— Вместе с «Альфой» мы летали на выполнение специальных задач, смотрели, как действовали сотрудники «Альфы», учились у них, реально оценивая, что мы можем и чего не умеем, — вспоминает Олег Влади-

мирович. — Кстати, именно тогда я и узнал, что собой представляет и на что способна «Альфа».

А через некоторое время «Витязь» стал кузницей кадров для «Альфы». По мнению Олега Владимировича (и не только его), «Витязь» остается одним из базовых подразделений для Управления «А» Центра специального назначения ФСБ России и сегодня.

В СССР запахло порохом

В 1987 году начали «мутить воду» крымские татары. Луценко назначили первым командиром группы «Крым», которая должна была в случае необходимости вылететь в любой конец страны по недопущению экстремистских проявлений со стороны лиц крымско-татарской национальности. Пришлось тренировать всех, в том числе и милицию, и систему УИН, и внештатные подразделения других силовых структур. Гасить пламя конфликтов, которые разгорались в разных регионах, пришлось частям ВВ, и эту аббревиатуру стали расшифровывать как воюющие войска. Разумеется, в самые жаркие места бросали спецназ — в Баку, Сумгаит, Фергану. В то же время началась череда захватов заложников в системе УИН: в п. Кизел Пермской области, в п. Лесном Кировской области, в Семипалатинске, в Армавире (там против спецназа бандиты приготовили емкости с серной кислотой на случай штурма). Затем произошел захват заложников в Псковской области, куда Луценко полетел с солдатами, которые отслужили всего по полгода, потому что весь остальной личный состав роты был в разъездах...

4 июня 1989 года, когда Луценко случайно оказался выходным — готовился к встрече с будущей женой, — к нему зашла соседка по коммуналке: мол, во всей дивизии посыльные к офицерам уже прибежали, а старики говорят, что в военном городке такого подъема не было со времен Великой Отечественной войны.

«А за тобой почему никого не послали?» — удивилась она, и тут раздался звонок — посыльный прибыл к Луценко. И сообщил, что объявлена боевая тревога и что вылет роты с аэродрома Чкаловский в Фергану состоится через два часа. Значит, личная жизнь вновь откладывается...

— Летчики меня пропустили в пилотскую кабину, и когда мы летели над Ферганой, увидели горящие всюду костры, — вспоминает Луценко. — Приземлившись примерно в 2 часа ночи, боевым охранением сразу взяли самолет под охрану.

Агрессивно настроенная толпа местных жителей, прорвавшаяся на аэродром, первым делом захотела выяснить, нет ли среди прилетевших турок-месхетинцев. Десантники, стоявшие на аэродроме, ничего про-

тив толпы не предпринимали — им после событий в Тбилиси запретили что-либо предпринимать. К тому же экстремисты обложили дома наших офицеров и военные городки. Одним словом, возможности активно действовать у десантников не было. Тбилисский синдром, который поразил тогда наше правительство, мешал оперативно выполнять задачи не только ВДВ, но и внутренним войскам.

«Дзержинцев» на автобусах привезли в Ферганское УВД, где расположились в чайхане во дворе управления. Из кухни вышел старший сержант милиции в поварском колпаке. «Чего вы сюда приехали? Вам сегодня головы здесь отрежут», — сказал он, тут же получил за «гостеприимство», что полагалось, и больше глупостей не говорил. Затем спецназовцы отправились на БТР и автобусах в Ташлакский район Ферганы.

По дороге всюду встречались перевернутые машины, горевшие добротные дома турок-месхетинцев с асфальтированными дворами, с автопоилками на 10—15 голов крупного рогатого скота. И лежали обгоревшие трупы несчастных турок-месхетинцев. Тяжко на все это было смотреть...

В местном доме культуры находилось множество раненых, в том числе тяжело, и никто им помощь не оказывал. Спецназовцы состыковались с подразделением ташкентской части внутренних войск, которое прибыло туда раньше. Из Ташкента также накануне приехал спецвзвод милиции, состоящий из бывших воинов-афганцев. Они рассказали, что в этом райцентре была самая жесточайшая резня и сотни людей ранены. При этом местным милиционерам кричали примерно так: «Э, милиция, смотри, что мы делаем, а ты с нами ничего сделать не можешь!»

Ташкентские милиционеры сразу по прибытии потеряли троих убитыми, прибывший затем в райцентр полк внутренних войск был вооружен автоматами, но под воздействием тбилисского синдрома личному составу не выдали боеприпасы. Против тысячи военнослужащих выступила многотысячная разъяренная толпа. Полк не дрогнул. И что говорить о судьбах солдат в этом противостоянии, если даже командир части получил пулевое ранение в голову.

В той обстановке времени на раскачку у спецназа не было. Действовать надо было с ходу, смело и решительно, чтобы навести порядок и защитить оставшихся в живых турок-месхетинцев — граждан СССР. И спецназовцы приступили к выполнению задач, им совершенно несвойственных, понимая при этом, что никто, кроме них, эти задачи не решит.

— Мы заезжали в районы, контролируемые местными экстремистами, вступали в бои местного значения, но без стрельбы по ним, ограничиваясь только применением спецсредств и приемов рукопашного боя, поскольку стрелять после тбилисских событий 1989 года было запрещено. Разрешали лишь использовать спецсредства типа «Черемухи».

Случалось, что на маршруте движения колонны появлялись экстремисты, которые из ружья дробью стреляли по кабинам и по колесам машин. К счастью для наших спецназовцев, у боевиков тогда было еще немного оружия. Однажды такие «стрелки» открыли огонь, обгоняя колонну на мотоцикле. Бывший однокашник и однополчанин Луценко командир роты спецназа Софринской бригады капитан Чернышов бросил в них гранату. Она взорвалась точно над мотоциклом, и он покатился дальше уже без седока. Заместитель командира полка поинтересовался, какое именно спецсредство было применено.

«Штурмовая граната “Заря”», — ответили спецназовцы. Заместитель командира охарактеризовал ее как отличное средство. Но когда узнал, что она способна, если взорвется возле головы, эту самую голову оторвать, запретил ее применять. Позже он пострадал в Баку, когда призывал «граждан» остановиться, а «граждане» кинули в него бутылку с зажигательной смесью... А вот начхим полка Геннадий Шакуро интеллигентность перед экстремистами тогда демонстрировать не стал. Предупредил боевика, вооруженного двумя бутылками с зажигательной смесью: мол, еще одно движение, и... Боевик бросил-таки бутылки в строй солдат. И тут же поплатился за это.

Однажды спецназовцы получили задачу сопроводить колонну автобусов с турками-месхетинцами из турецкого квартала Маргелана в лагерь беженцев. Колонна направилась в этот квартал через город, командир роты Лысюк следовал впереди, Луценко находился в замыкающем автобусе. Вдруг на одном из поворотов на дорогу выскочила толпа человек 300—400 с палками, камнями и бутылками с зажигательной смесью. Лысюк дал команду увеличить скорость, и бутылки полетели мимо. Только последний автобус, где старшим был Луценко, толпа смогла отрезать и остановить. Асфальт тем временем запылал от разбившихся бутылок с зажигательным «коктейлем». Луценко выскочил из автобуса с прапорщиками Мормулем и Кухаром. Они открыли огонь из автоматов поверх голов нападавших, толпа опешила. А инструкторы прапорщики Алексей Куликов и Михаил Песков смело схватились с толпой врукопашную и вдвоем в считанные секунды уложили человек восемь. При этом Куликов получил серьезное ранение руки — ему специально

наточенной и превращенной в холодное оружие косой хотели ткнуть в печень, к счастью, он смог защититься. А Песков умудрился в схватке добыть трофей — боевой нож в виде маленького ятагана с арабской вязью, выгравированной на лезвии. Для закрепления успеха замполит роты старший лейтенант Полыскалов бросил штурмовую гранату, которая воздействует светом и шумом (до 180 дБ на расстоянии до 10 м), но не поражает осколками. Правда, гранату он бросал левой рукой из автобуса, и она взорвалась недалеко от Луценко.

— Хотя я тогда и «поплыл», замполит все сделал правильно, — убежден Олег Владимирович. — Взрыв обескуражил нападавших, они отпрянули от автобуса, мы швырнули еще несколько штурмовых гранат, применили «Черемуху», и толпа побежала. Некоторые стали отползать по арыкам вдоль заводского забора, мы открыли огонь из автоматов и пистолетов по забору, и осколки кирпичей посыпались на уползающих. Задача была выполнена: толпа рассеялась. Тогда мы вернулись в автобус и догнали своих. Умелым применением спецсредств, дерзкими, смелыми и решительными действиями обеспечили выполнение боевой задачи.

Республиканский КГБ отправлял спецназовцев на многие операции, которые приносили успех. Но успокаиваться было рано. Поступила информация, что экстремисты, следуя по горным дорогам, держат курс на лагерь турок-месхетинцев, находившийся в 400 км от Ферганы на территории Таджикистана. Остановить их предстояло спецназу.

Над Ферганской долиной летели высоко, чтобы экстремисты не смогли их достать с земли. Увидели колонну, начали снижаться. При снижении по вертолетам начали стрелять, одну лопасть вертолета, в котором сидел Луценко, похоже, пробили. Этот вертолет приземлился, остальные пять продолжали висеть в воздухе.

Во время приземления Луценко увидел группу залегших местных с автоматами. Спецназовцы зашли им в тыл, и Луценко уже принял решение открыть огонь, как вдруг заметил, что у одного из предполагаемых боевиков из-под халата краснеет милицейский кант.

«Всем руки за голову, лицом вниз!» — скомандовал Луценко.

В ответ услышал: мол, не стреляйте, мы — сотрудники милиции. А там позади разъяренная толпа. Она насчитывала человек 400—500 и готовилась атаковать эту вот повстречавшуюся милицию и спецназ.

Спецназовцы открыли огонь. Естественно, не по людям, а сначала в воздух. Толпа не останавливалась, и спецназ стал стрелять по местности перед толпой. Но она все равно продолжала движение. По мере приближения стало понятно, что в ней практически все обкуренные

«дурью» либо пьяные. Тогда Луценко обозначил для солдат рубеж, при пересечении толпой которого придется открывать огонь на поражение. Солдат у него было пятеро. Надо было спасти их жизни.

«В тюрьме, если за это посадят, возможно, выживем, а здесь, если стрелять не будем, — нет», — кратко объяснил подчиненным свой приказ Луценко. Но когда толпа дошла до обозначенного рубежа, Луценко с подчиненными достали спецсредства «Заря» и применили их против экстремистов. Это был последний шанс обойтись без трупов.

От взрывов толпа рванула вспять, Лысюк с вертолета тоже стал бросать «зорьки». Затем метнул «Черемуху-12», которая оказалась неисправной, ее разорвало, и в толпу полетели «маленькие НУРСы». Люди с криками «Шарик с хвостиком!» стали разбегаться кто куда. Тем временем по команде Луценко солдаты расстреляли первую и последнюю машину экстремистов, а затем и остальные автомобили колонны. Двигатели задымались, машины просели на пробитой резине, а спецназовцы — Луценко и пятеро его подчиненных — продолжали держать толпу на прицеле.

Вдруг к Олегу Владимировичу прорвался главарь из этой толпы. Его привел в чувство старший сержант Андрей Гришанов, впоследствии мастер спорта по рукопашному бою и командир Санкт-Петербургского ОМОН.

Затем спецназовцы толпу, как отару, согнали в гурт, любые попытки переместиться тут же резко пресекались предупредительной очередью из автоматов.

— Вдруг приезжают местные силовики и сообщают о требовании прокурора отпустить этих людей, которые, мол, готовы разойтись, — рассказывает Луценко. — Я не соглашаюсь, потому что остается только взять экстремистов под руки и отвести в суд. Тем более что все уже сделано без единой потери.

Тут приземлились вертолеты, подошел Лысюк, представители командования дивизии, местный прокурор. Последний распорядился всех отпустить.

Спецназовцев сменили курсанты Новосибирского училища, а Луценко с сослуживцами вместе с местными и московскими сотрудниками КГБ приступили к задержанию руководителей бандформирований в Фергане, Коканде, Маргелане. Толпа же, вечером получив пополнение, на следующее утро напала на курсантский взвод. Курсанты, чтобы удержать ситуацию под контролем, семерых ранили и двоих убили. Их

командир потом писал ворох объяснительных, и только благодаря воле командующего внутренними войсками МВД СССР не попал под суд.

За две недели после ферганских событий, в ходе которых, по официальным данным, погибло 103 человека, был установлен порядок. Однако туркам-месхецам пришлось покинуть свои дома и стать беженцами. Осужденных за те события было намного меньше, чем самых активных участников.

На побережье Каспия

Распрощавшись с Ферганской долиной с борта взявшего курс на Москву самолета, Луценко с сослуживцами надеялись вскоре по прилете домой отоспаться. Однако приземлиться им было суждено в тот раз не в столице. Самолет еще находился в воздухе, когда на борт поступила информация о том, что массовые беспорядки начались в Новом Узене (Мангышлакская область Казахстана). Поэтому приземлились спецназовцы в Шевченко, перегрузились в Ан и на низкой высоте прошли до Нового Узеня.

Волнения там были вызваны уже другими обстоятельствами. Местная администрация вошла в сговор с многочисленными северокавказскими группировками (чеченскими, дагестанскими). В результате поступающие в город овощи и любое другое продовольствие кавказцы скупали, а затем через свои коммерческие магазины продавали по завышенной цене, делясь барышами с местным руководством. А на прилавках местных государственных магазинов, кроме хлеба, спичек, соли и маринованных арбузов в трехлитровых банках, ничего не было.

Население пошло в наступление. Местная милиция трех человек застрелила. Когда приземлился самолет со спецназом дивизии Дзержинского, их встретили сотрудники КГБ. Они объяснили ситуацию, ввели в оперативную обстановку. По сути, в городе начинался голодный бунт, переросший в межнациональный конфликт. И спецназу внутренних войск пришлось участвовать в его подавлении.

— Вспоминая о тех событиях сейчас, полагаю, что мы поступали тогда не совсем справедливо, — убежден Луценко. — Союзным и республиканским властям надо было заняться коррупционерами, а они сначала попустительствовали беззаконию в этом городе, а затем, когда население возмутилось, использовали против него силу. С другой стороны, мы обеспечили своими действиями безопасность людей.

Во время тех событий около 40 спецназовцев взяли под контроль ситуацию, когда у одного из рабочих поселков, населенных преимущественно кавказцами, собралась агрессивно настроенная десятитысячная толпа.

А вот на станции Мангышлак рядом с городом-портом Шевченко (ныне Актау) голодный бунт перерос в настоящие экстремистские действия — с призывами убивать некоренных жителей республики, поджигать их дома, захватить основные объекты города... И снова УРСН восстанавливала порядок на станции, после чего спецназовцев в Шевченко встречали с радостью, бросая на броню цветы.

В городе и окрестностях наступило спокойствие. После этого спецназу позволили отдышаться на базе отдыха местного управления госбезопасности. Сначала накормили в гражданской столовой, причем без ограничения ассортимента и количества блюд, что для солдат спецназа было похоже на чудо. Затем устроили купание в море, сауну, катамараны, фрукты и овощи — словом, была «восточная сказка». Закончилась она через сутки, когда рота возвратилась в Москву.

По прибытии Луценко разрешили уйти в отпуск, а рота тем временем была срочно направлена в Сухуми. Уже в июле 1989 года обострившаяся неприязнь между абхазцами и проживающими в Абхазии грузинами могла привести к масштабному кровопролитию. Операцию по наведению порядка и изъятию оружия у населения возглавил командующий внутренними войсками генерал-полковник Юрий Шаталин. У населения было собрано примерно 10 тысяч стволов. В ходе той операции подразделение впервые было обстреляно из пулемета. Командир роты Лысюк с помощью СВД заставил пулемет замолчать.

Закончили сбор оружия, провели ряд арестов. Все оружие передали местному УВД, руководство которого решило складировать около 4 тысяч стволов в одной из камер СИЗО. Впоследствии обитатели изолятора узнали, где находится оружие, и в 1990 году захватили его и заложников, вооружив всех, кто к ним примкнул. Спецназу внутренних войск вместе с «Альфой» пришлось штурмовать Сухумский СИЗО...

Луценко назначили командиром первой учебной роты специального назначения. Через две недели после приема должности — подъем по боевой тревоге, и всю дивизию направляют в столицу Азербайджана. Батальон спецназа внутренних войск вместе с «Альфой» и «Вымпелом» на одном самолете вылетели в Баку. Там начались боевые действия, и все, что прежде видели спецназовцы в конфликтных регионах, показалось цветочками.

Одна группа спецназа осталась в Баку, другая убыла в Нагорный Карабах. В составе третьей группы была рота Луценко, она вместе со своим командиром и с комбатом Лысюком была переброшена в Нахичевань, где совместно с сотрудниками «Альфы» и «Вымпела» устраивала

засады с целью не допустить перехода государственной границы диверсантами и террористами, переброски из Ирана оружия и боеприпасов, арестовывать лидеров экстремистов, поставщиков оружия и вражеских агентов, изымать у них деньги и оружие, освобождать заложников. Эти задачи — сами по себе непростые — приходилось выполнять в условиях разрушенной границы с Ираном на участке Нахичеванского погранотряда. Решая их, спецназовцы приняли сигнал «Военная опасность», когда дикторша Нахичеванского ТВ в чадре просила военной помощи у Ирана. За эту операцию каждому офицеру и сержанту дали полную степень отличника Пограничных войск, а рядовым — по одной степени.

Старшим оперативным начальником в Нахичеванской группе был заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведки) генерал-майор Вячеслав Широнин, который в своей книге «КГБ против ЦРУ, или под колпаком контрразведки» написал следующее: «Помню, в тот раз на аэродроме Шереметьево мне представились командиры спецназов «Альфы» Александр Мирошниченко, «Витязя» Сергей Лысюк и «Вымпела» Александр Городилов. Среди находящихся в строю спецназовцев я с удовлетворением увидел капитанов Виктора Блинова и Олега Луценко, с которыми уже брал несколько серьезных преступников». Луценко до сих пор гордится тем, что его, тогда капитана внутренних войск, упомянул сам заместитель начальника контрразведки СССР.

Рота профи

После событий 1990 года в Азербайджане Президент СССР Михаил Горбачев принял решение о проведении эксперимента по созданию подразделений, состоящих из солдат-профессионалов. К реализации решения приступили прежде всего во внутренних войсках МВД СССР, точнее в их спецназе. Так появилась отдельная рота специального назначения Главного управления внутренних войск МВД СССР при ОМСДОН имени Ф.Э. Дзержинского — первое в СССР подразделение, в котором весь личный состав проходил службу по контракту.

В первую очередь надо было найти командира, и командующий внутренними войсками генерал-полковник Шаталин вызвал Луценко. «Олег, я предлагаю тебе стать командиром первой в СССР профессиональной роты спецназа, — сказал он. — Во-первых, я с тобой общался. Во-вторых, Поспелов (полковник Вячеслав Поспелов — офицер по особым поручениям командующего внутренними войсками. — *Авт.*) и твой командир Лысюк считают, что, кроме тебя, поставить некого. Мол, если Луценко, который шесть лет служил срочную и до сих пор,

уже 14 лет, по сути, живет в казарме, не знает, с чего начинать строить профессиональную армию, то и никто другой не знает».

Хотя должность была майорской, а Луценко уже был майором, он согласился возглавить это подразделение, тем более что командующий обещал во всем помогать и разрешил по любым проблемам обращаться к нему через порученца или адъютанта.

Луценко имел право набирать в эту роту солдат из числа спортсменов-разрядников, выслуживших полтора-два года в подразделениях специального назначения ВВ, разведподразделениях ВДВ, в морской пехоте, спецназе ГРУ ГШ, в подразделениях повышенной боеготовности Пограничных войск и РВСН в возрасте от 19 до 28 лет. Или выслуживших в указанных подразделениях всю срочную службу и находящихся в запасе. Костяк роты — парней, за чьими плечами служба в спецназе, в том числе в Афганистане, — Луценко набрать удалось. Однако в целом на «гражданке» желающих пойти рядовым спецназа с окладом в 300 рублей нашлось немного. Рекламная кампания, которая могла бы привлечь фанатов рукопашного боя и военного дела со всей страны, была ограничена из-за скудности средств несколькими публикациями в газетах.

— Чтобы укомплектовать подразделение, прислали нам в роту около 90 солдат-срочников из всех внутренних войск, — вспоминает Олег Владимирович. — Большинство из них проходили службу в конвойных частях и частях по охране важных государственных объектов, приемами рукопашного боя владели слабо, в физическом отношении были подготовлены недостаточно. Из них я отобрал 11 человек. А костяк подразделения составили солдаты «Витязя». В результате мы смогли набрать не больше половины полагающегося по штату личного состава.

А вскоре снова было Закавказье. В Степанакерте Олегу Владимировичу принесли листовку, где за голову командира «краповых беретов» назначалась премия в 50 тысяч рублей (тогда это было немало). Начало командировки было занимательным.

Первым делом изучили оперативную обстановку. Армянские НВФ противостояли сформированному бакинскому ОМОНу, бойцам которого, по слухам, платили чуть ли не до 10 тыс. рублей. Имели место столкновения федуинов и с силами центрального подчинения. Обстановка накалилась так, что после вывода войск из Афганистана в августе 1990 года были впервые применены НУРы с вертолетов на территории СССР — в Казахском районе Нагорного Карабаха.

Во время конфликта в Нагорном Карабахе погибли два однокашника Луценко по училищу — капитаны Осетров и Липатов. Оба посмертно

были награждены орденом Красного Знамени. А лейтенант Бабака из Софринской бригады получил звание Героя Советского Союза, прикрыв отход своих бойцов и приняв огонь на себя...

Личный состав роты был разбит по группам в три — пять человек, которые действовали на удалении до 60 км от Степанакерта и более. Охраняли коменданта Карабаха генерал-майора Сафонов, нейтрализовывали расчеты градобойных орудий, а где расчеты разбежались, там выводились из строя сами градобойные орудия. Работали также по федуинской вертушке проведением специальных операций, задерживая их десятками.

Однажды Луценко в присутствии тогдашнего руководства МВД Нагорного Карабаха, то есть представителей Азербайджана, была поставлена задача выехать в населенный пункт Мардакерт и уничтожить там пост ГАИ. Постовые несли службу в форме сотрудников милиции СССР, но, по убеждению руководства МВД НКАО, этот пост ГАИ якобы работал в интересах армянских боевиков.

Задача ставилась на тактическом фоне — мол, подходите к посту, на котором в кунгах под прикрытием сотрудников ГАИ находятся 15 боевиков. Уничтожаете пост ГАИ, а дальше работаете по этим 15 боевикам. Затем передвигаетесь дальше на полтора километра, где в районе кошар находятся еще 20 боевиков. Работаете по ним и двигаетесь в таком-то направлении, где будет еще одна группа...

Как-то поступила информация, что в небольшом населенном пункте Яциога, где жили в основном старики, азербайджанский ОМОН провел свою операцию по поиску боевиков, в результате чего в этом селении расстреляны семеро стариков, подожжены дома.

— Рано утром мы прибыли в эту армянскую деревню, над которой еще не развеялся дым догорающего пожарища, — вспоминает Луценко. — Когда наши дозоры поднялись выше в гору, то увидели, как на этой возвышенности по горному серпантину передвигается какая-то военная колонна. Глянув в бинокль, мы поняли, что это идет тот самый азербайджанский ОМОН.

Быстро спустившись с горы, спецназовцы устроили засаду и остановили колонну. Сидящие в машинах омовцы были одеты кто во что: в «гражданку», в милицейскую форму, в военную. Они попытались сопротивляться, но спецназовцы с помощью приемов рукопашного боя положили их на землю и обезоружили. Изымая оружие, спецназовцы увидели, что на стволах — свежий нагар, что в отверстиях магазинов нет блеска капсюлей, то есть магазины неполные. Выходит, где-то эти ребята «повоевали». Кроме Яциога, больше «воевать» было негде.

Руководство комендатуры, которому подчинялся спецназ, почему-то отпустило старших должностных лиц этого отряда, оставив задержанными рядовых омовцев. Когда спецназовцы въехали с задержанными в Шушу, высыпал буквально весь город, спецназу перекрыли дорогу. До боестолкновения с местным населением оставалось совсем чуть-чуть. Однако Луценко понимал, что на дворе — особая эпоха, точнее, тот ее этап, когда в конфликтных регионах еще действовал тбилисский синдром, то есть запрет на применение оружия военными в борьбе с экстремистами. Если спецназовцы решат открыть огонь, власти им не простят гибель вооруженных камнями местных жителей. И объяснить, что этими камнями и палками пытались разбить головы солдат и офицеров Внутренних войск, не удастся. В Шуше было достаточно вооруженных и автоматами местных жителей, и пулеметов Луценко насчитал целых пять.

Приехал глава администрации Шуши — довольно высокого для азербайджанца роста, в темно-синем плаще. Луценко предупредил подчиненных о необходимости избегать провокаций. Но тут провокацию устроил сам руководитель районного масштаба, в довольно грубой форме зацепив ствол автомата одного из подчиненных Луценко. Солдат подумал, что это посягательство на его оружие, развернулся и оттолкнул босса так, что тот грохнулся в дверь своей персональной «Волги». Толпа ахнула. И тут подъезжает руководство из Степанакерта.

«Коль вы окружены, вам надо освободить задержанных, сдать оружие, и вас выпустят», — начинают советовать Луценко прибывшие руководители.

Он замечает по этому поводу, что задержаны фактически преступники, которые расстреляли мирных жителей и сожгли деревню. Во-вторых, при любой попытке отобрать оружие у кого-то из спецназовцев Луценко откроет огонь без всякого разрешения командования.

Может, вышестоящее руководство просто-напросто желало спецназовцам добра и видело для них единственный выход из Шуши именно таким, после сдачи оружия. Позже такая нерешительность имела место в Грозном в ноябре 1991 года, и ее последствия известны...

Попытка отобрать оружие у спецназа все-таки была — группа местных рискнула напасть. Рукопашный бой был коротким и результативным — нападавшие получили профессиональный отпор. Спецназовцев все-таки вынудили освободить бакинских омовцев. Поскольку их все равно пришлось бы передать прокуратуре области, спецназ их отпустил, отдал захваченное у них оружие, а свое спецназовцы оставили при себе и выехали из города. На выезде раздался мощный взрыв. То ли

им решили припугнуть спецназовцев, то ли попытались уничтожить, заложив примерно 100 кг тротила или даже больше в водосточную трубу под дорогой на горном участке. Воронка оказалась приличной — метров 7—8 в диаметре. Рвануло за несколько мгновений до подъезда к тому месту покидавших Шушу спецназовцев.

За ту командировку только перед подразделением Луценко трижды взрывали дорогу. Почему взрывы всегда проходили перед спецназом, Олег Владимирович сказать не берется. Может, спецназовцев просто хотели поугатать, может, по-своему их боялись. Скорее всего, обе конфликтующие стороны, армяне и азербайджанцы, будучи гражданами СССР, опасались, что отвечать за содеянное придется по суровым советским законам, в общем, были еще недостаточно дерзкими. В любом случае такого сопротивления, как в Чечне, спецназовцы не получали. На фоне последующей чеченской кампании это все выглядело несерьезно, но именно в такого характера борьбе с экстремизмом и терроризмом того времени рождался наш антитеррористический спецназ.

Командировки в «горячие точки» Луценко и его подчиненных в то время были непродолжительными. 22 ноября 1990 года они улетели, а 27 декабря, перед Новым годом, вернулись домой без потерь. Кстати, в этом смысле Луценко везло. Куда бы он в составе спецназа ВВ, а затем «Альфы» ни летал, нигде в ходе специальных операций с его участием не было ни одной утраты...

В мае 1991 года террористический комитет «Карабах» готовил покушение в Ростове-на-Дону на коменданта Нагорного Карабаха генерал-майора Сафонова. Однако вместо него террорист расстрелял начальника тыла Северо-Кавказского округа Внутренних войск МВД СССР. Тут же спецназу дивизии была поставлена задача взять под охрану командующего Внутренними войсками генерал-полковника Шаталина, у которого в то время не было охраны, и министра внутренних дел Бориса Пуго. Вот так и вошла рота спецназа в лето рокового для страны 1991 года.

ГКЧП

Начиная с лета 1990 года Лысюк и Луценко выдвигали идею о том, что батальона и профессиональной роты спецназа не хватит для предстоящих задач и что нужно создать отряд специального назначения, позаимствовав название у спецназа ГРУ ГШ. Они встретились с командующим, тот дал «добро», и офицеры спецназа приступили к реализации задуманного. Личному составу роты, которой командовал Луценко, предложили остаться служить в отряде прапорщиками. Олега Владимировича Лысюк хотел было назначить начальником штаба отряда вместо

увольняющегося по здоровью майора Сергея Житихина — кавалера ордена Красного Знамени, но Луценко отказался от этой должности, потому что считал: штабист из него — никакой. В итоге пошел с понижением начальником отделения специальных операций — заместителем начальника штаба по спецоперациям. Именно в этом новом качестве — отряда специального назначения «Витязь» — спецназовцы дивизии Дзержинского встретили появление ГКЧП...

Луценко лежал в госпитале, когда к нему в палату пришел Лысюк и сказал, что, мол, хватит лежать — ситуация складывается серьезная. Олег Владимирович сразу же выписался и 19 августа прибыл в подразделение.

Вместе с руководством «Альфы» командиры «Витязя» получили задачу совершить марш к Белому дому, расчистить коридор и создать условия для прохода «Альфы» в Белый дом, где было сосредоточено все руководство Российской Федерации во главе с Ельциным.

— Мы произвели расчет личного состава на бронетранспортерах, получили противотанковые гранатометы «Муха» в дополнение к штатным РПГ-7, противотанковые гранаты, — вспоминает Луценко. — Держали связь с «Альфой», находясь в дивизии. А радиообмена становилось все меньше и меньше, и мы поняли: что-то уже происходит.

Два раза отряд поднимался в полном составе по подготовленному расчету, делал круг по дивизии на выезд, но возвращался восвояси. В итоге поступила команда «Отбой». Попутно замполиты снимали портреты Горбачева, а затем возвращали их на место.

Служба в «Витязе» у Луценко продолжилась, но атмосфера в отряде изменилась, потому что начался исход из дивизии на «гражданку» лучших офицеров «Витязя», а потом и всей ОМСДОН. Вал увольнений офицеров «по собственному желанию» в Москве связан был с тем, что будущее военной службы становилось неопределенным, а коммерческие структуры крепили и набирали обороты.

В один из дней Лысюк приехал в отряд и сказал, что новый командующий Внутренними войсками, который сменил Шаталина, заявил, что спецназ ему не нужен и скорее всего будет расформирован. И без того туманное будущее спецназовцев погрузилось во тьму.

Серьезным деморализующим фактором стала командировка в ноябре 1991 года в Грозный, когда личный состав ОМСДОН прилетел, как «Витязь», в милицеской форме, а новое командование Внутренних войск и Советской Армии было нерешительным. Зато решительными были чеченские незаконные вооруженные формирования. Но это уже другая история...

Александр Тихонов

Часть II

«ТИТАНИК» ИДЕТ КО ДНУ

Танки в Москве

В воскресенье 18 августа 1991 года вице-президент СССР Геннадий Янаев подписал указ, в соответствии с которым он стал и.о. главы государства в связи «с невозможностью по состоянию здоровья» исполнения М.С. Горбачевым своих обязанностей президента. Утром 19 августа государственные телевидение и радио сообщили об этом населению. Стало также известно, что «в отдельных местностях СССР» вводится чрезвычайное положение на срок 6 месяцев и в Москве образован Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР «в целях управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения». В столицу по решению министра обороны вошла бронетехника.

Объявление о «болезни Горбачева» фактически отменяло намеченную на 20 августа церемонию подписания договора о Союзе суверенных государств (ожидалось, что новый Союзный договор подпишут Белоруссия, Казахстан, РСФСР, Таджикистан и Узбекистан, а осенью к ним присоединятся Азербайджан, Киргизия, Украина и Туркмения). Возможно, члены ГКЧП искренне хотели предотвратить, как они считали, общенациональную катастрофу, к которой вело, по их мнению, создание «обновленного» Союза, но вольно или невольно начавшиеся события только ускорили распад великой державы на одной шестой земной суши.

Три дня правления ГКЧП (19—21 августа 1991 года) показали стране бездарность и безволие правящей верхушки СССР и окончательно дискредитировали высшую государственную власть. Вице-президент, премьер-министр, руководители силовых ведомств, секретари ЦК Компартии оказались, к удивлению всего мира, неспособными управлять государством в экстремальных условиях, возникновению которых они сами во многом способствовали. Население воочию увидело поразительную беспомощность тех, кто управлял ядерной супердержавой. Что, кроме горечи и стыда за великую страну, могла вызвать, к примеру, пресс-конференция и.о. президента, косноязычного, с трясущимися руками. Такая власть была неизбежно обречена на поражение и свержение...

Чем глубже современные исследователи проникают в скрытые механизмы тех августовских событий, тем больше вопросов у них появляется. Мало помогают и ставшие доступными материалы следствия по делу ГКЧП, беседы с непосредственными участниками тех событий. Да и фигур на «шахматной доске» оказалось, как постепенно выясняется, значительно больше, чем представлялось поначалу.

В ходе журналистских расследований вместо треугольника ГКЧП — Горбачев со товарищи — российские «демократы» все отчетливее проявлялся многогранник. Выясняется, что СМИ в своих материалах об августовских событиях уже два десятилетия представляют общественности, выражаясь шахматными терминами, «пешек», «коней» и в лучшем случае «слонов», а многие «тяжелые фигуры» до сих пор остаются за кадром. Установить их поименно, документировав свои выводы соответствующими «уликами», журналисты и историки, к сожалению, пока не смогли. Как говорится, «подозреваемые» намечены, но называть их преждевременно...

Один из предварительных выводов, которые все же исследователям удалось сделать, можно сформулировать так: социальные процессы, которые привели к тем трем драматическим дням, потрясшим СССР, значительно сложнее, чем их представляет большинство и «левых», и «правых» публицистов. Мы, говоря словами Юрия Владимировича Андропова, слишком плохо знаем общество, в котором живем (и жили в советское время).

Не может не поражать, как быстро и потрясающе удачно подавляющее большинство руководящих работников Совета Министров СССР, аппарата ЦК КПСС, ее региональных комитетов адаптировалось к новым экономическим условиям. Они «рассосались» по сотням совместных предприятий, инофирм, коммерческих банков... В этих «островках» рыночной экономики они безбедно существуют по сей день вместе с многочисленными родственниками и знакомыми...

Возможно, было бы поучительно опубликовать большим тиражом протоколы допросов участников ГКЧП, чтобы каждый гражданин РФ мог самостоятельно составить представление не только об их политических взглядах, но и о человеческих качествах.

При анализе причин отстранения КПСС от власти и последующем распаде СССР нельзя не сказать и о роли в новейшей истории страны такого фактора, как организованная преступность, масштабы и влияние которой значительно больше, чем можно представить даже после просмотра отечественных телебоевиков о российской мафии. Во второй

половине 80-х годов Александр Гуров (тогда подполковник милиции) бесстрашно предупреждал с газетных страниц о росте влияния криминальных сообществ во всех союзных республиках. Но тогда Горбачев и соответствующие силовые структуры оказались глухи, поразительно глухи к призывам остановить воротил теневой экономики и оргпреступности, «пока лев еще не прыгнул». Впрочем, может быть, на Олимпе власти, в отличие от наивного милицейского офицера, знали больше и понимали, что уже слишком поздно. Ведь почувствовавших запах крови «гиен» зарождавшегося еще в 1970-е годы российского капитализма не сумел остановить даже Андропов.

Хроника событий, связанных с созданием и бесславной кончиной ГКЧП, выглядит так.

12 июня

Борис Ельцин побеждает на первых выборах президента РСФСР. Он получает 57,3 процента голосов. Вице-президентом становится военный летчик полковник Александр Руцкой, получивший известность своим участием в афганской войне. Основной соперник Ельцина — бывший председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков (кандидатом в вице-президенты баллотировался с ним первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Борис Громов) — всего 16,85 процента.

17 июня

Подготовлен проект нового Союзного договора, который направля-ется на рассмотрение Верховных Советов союзных республик.

Премьер-министр СССР Валентин Павлов обращается к Верховному Совету СССР с просьбой о предоставлении дополнительных полномочий Кабинету министров СССР, в частности права на законодательную инициативу и на принятие «временных решений».

«Шестой год так называемой перестройки привел страну к развалу экономики и политической системы. В экономике происходят процессы, которые привели страну на грань катастрофы. Падают выпуск продукции, национальный доход. Упала дисциплина на производстве. Расстроена денежная система. Практически потеряно управление народным хозяйством. Объявленные суверенитеты привели страну к гражданской войне, в результате мы имеем сотни погибших и около миллиона беженцев».

Из проекта постановления Кабинета министров СССР, которое предполагалось принять при предоставлении правительству дополнительных полномочий летом 1991 года.

18 июня

Борис Ельцин прибывает с рабочим визитом в США.

20 июня

Государственный секретарь США Джеймс Бейкер предупреждает в Берлине министра иностранных дел СССР Александра Бессмертных со ссылкой на разведывательные источники о возможной попытке отстранить Горбачева от власти и «причастности к заговору» премьер-министра Павлова, министра обороны и председателя КГБ. Аналогичную информацию посол США в Москве Мэтлок передает Горбачеву.

8 июля

Президент СССР Михаил Горбачев встречается с руководителями 9 союзных республик с целью обсудить вопрос о подписании Союзного договора.

17 июля

Михаил Горбачев безуспешно ведет переговоры в Лондоне с лидерами семи ведущих держав о финансовой помощи СССР (стране предстоит в начале 90-х годов ежегодно выплачивать по долгам до 15 млрд долларов).

20 июля

Борис Ельцин подписывает указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» (запрет, по существу, касается КПСС, имевшей мощную сеть первичных организаций).

«В тяжелое для страны время у группы лиц созрело решение выступить, с тем чтобы изменить положение дел, изменить неблагоприятное, тяжелое — кризисное — развитие обстановки... Поступала также информация о том, что после распада Союза начнется массированное давление извне на отдельные территории совсем недавно единого Союза для установления на них иностранного влияния с далеко идущими целями.

Поступали сведения о глубоко настораживающих задумках в отношении нашей страны. Так, по некоторым из них, население Советского Союза слишком велико, и его следовало бы разными путями сократить... По этим расчетам, население нашей страны было бы целесообразно сократить до 150—160 млн. человек. Определялся срок — в течение 25—30 лет. Территория нашей страны, ее недра и другие богатства в рамках общечеловеческих ценностей должны стать достоянием определенных частей мира. То есть мы должны как бы поделиться этими общечеловеческими ценностями».

Из протокола допроса Владимира Крючкова 17 декабря 1991 года.

23 июля

В подмосковной резиденции Горбачева Ново-Огарево завершена работа над окончательным вариантом проекта Договора о Союзе суверенных государств.

В этот же день газета «Советская Россия» опубликовала «Слово к народу», своего рода идейный манифест будущих членов ГКЧП. Среди подписавших его — генерал-полковник Борис Громов и генерал армии Валентин Варенников.

25—26 июля

На пленуме ЦК КПСС рассмотрен проект новой Программы партии, принимается решение о созыве внеочередного XXIX съезда КПСС (один из вопросов повестки дня — выборы руководящих органов партии, появляется реальная угроза для Михаила Горбачева не быть переизбранным на посту генерального секретаря ЦК КПСС).

29 июля

На встрече М. Горбачева с Б. Ельциным и президентом Казахстана Н. Назарбаевым в Ново-Огарево достигается договоренность о подписании Союзного договора 20 августа и о последующей замене В. Павлова, председателя КГБ В. Крюкова, министров обороны и внутренних дел (содержание разговора становится известным оппонентам Горбачева).

«29 июля 1991 года в Ново-Огарево состоялась встреча, которая носила принципиальный характер. Михаил Горбачев должен был уезжать в отпуск в Форос. Сразу же после его возвращения из Крыма на 20 августа было назначено подписание нового Союзного договора. Сейчас мы имели возможность еще раз обсудить самые острые вопросы...

Видимо, Горбачеву нелегко давался этот разговор, он был весь напряжен. Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: “А какой вице-президент из Янаева?!” Михаил Сергеевич сказал: “Крюкова и Пуго мы уберем...”

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер-министра. Горбачев спросил: “А кого вы видите на этой должности?” Я предложил Нурсултана Абишевича Назарбаева на должность премьер-министра нового Союза. Горбачев сначала удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен. “Другие кандидатуры вместе обсудим после 20 августа”, — закончил он разговор.

Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути».

Из книги Бориса Ельцина «Записки президента».

30—31 июля

В СССР с официальным визитом находится президент США Джордж Буш.

3 августа

На заседании Кабинета министров СССР при обсуждении вопросов обеспечения населения продовольствием и работы финансовой системы М. Горбачев заявляет о необходимости принять меры, вплоть до чрезвычайных.

В телевизионном выступлении президент СССР сообщает о своем предложении руководителям советских республик открыть Союзный договор для подписания 20 августа (ожидается, что договор подпишут Белоруссия, Казахстан, РСФСР, Таджикистан и Узбекистан, осенью — Азербайджан, Киргизия, Украина и Туркмения).

4 августа

Горбачев убывает на отдых в свою крымскую резиденцию Форос. Председатель КГБ СССР В.А. Крючков в 2003 году в одном из газетных интервью утверждал, что Горбачев при отлете сказал провожавшим его руководителям СССР: «Готовьте документы по введению чрезвычайного положения. Будем вводить, потому что так дальше нельзя!» По словам Крюčkова, где-то накануне проводов генсека он неожиданно услышал от него еще и такие слова: «Да-а-а. Советская власть — все для меня! Партия для меня — все! Да я от поста президента откажусь в любое время, потому что самое главное для меня — это партия... Я же коммунист!»

«Начало 1991 года. Предусматривалось 4 варианта введения чрезвычайного положения. Первый — в Москве и других регионах, второй — по всей стране. Третий — прямое президентское правление в столице и отдельных территориях. И четвертый — прямое президентское правление по всей стране. Эти четыре варианта были Горбачеву доложены. И он сказал: "Хорошо. Пусть пока постоит..."»

Скажите, зачем он 4 августа улетает в Форос — при такой-то ситуации в стране? Смешно. Неужели нельзя было после подписания Союзного договора уйти в отпуск... Он улетает. А 3 числа, перед его отъездом, проводится заседание Кабинета министров, и на этом заседании Горбачев говорит: «Да, ситуация трудная, но мы пойдем на все, включая введение чрезвычайного положения». И документы, которые были обнародованы 19 августа нами, ГКЧП, это же документы, которые готовили для Горбачева! Не могли мы за одну ночь эти документы

изготовить! Понимаете, какая вещь. У меня-то до сих пор складывается впечатление, что он подталкивал нас к этому».

Из беседы Геннадия Янаева с заместителем главного редактора журнала «Журналист» Виталием Челышевым (2001 г.).

5 августа

На спецобъекте КГБ на окраине Москвы (гостиница для приема иностранных гостей) происходит встреча будущих членов ГКЧП, принимается решение ввести в СССР в срок до 20 августа чрезвычайное положение, чтобы не допустить подписания Союзного договора как означающего, по их мнению, распад СССР.

6—15 августа

Группа ответственных работников КГБ и Минобороны разрабатывает комплекс мероприятий по введению чрезвычайного положения (информация о подготовке чрезвычайного положения «просачивается», очевидно, к руководству РСФСР).

В эти дни (между 8 и 15 августа), по утверждению бывшего начальника охраны президента России А.В. Коржакова, Ельцин приезжал на Лубянку для доверительного разговора с Крючковым. О чем они могли говорить, неизвестно. Некоторые исследователи предполагают, что, возможно, обоих беспокоило, хотя и по разным причинам, намерение Горбачева заменить Павлова на посту премьер-министра первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Позднее Борис Ельцин говорил, что в ходе «игры» он обманул Крюčkова.

Полковник 1-го главного управления КГБ СССР Леонид Веселовский, прикомандированный к управлению делами ЦК КПСС для организации внешнеэкономической деятельности партийных коммерческих структур, неожиданно уходит с работы и выезжает в Швейцарию.

«...По данным следствия, Управление делами ЦК КПСС успело создать до августовского путча более 100 партийных фирм и коммерческих банков и раздать им в виде стартового капитала 3 миллиарда полновесных советских рублей».

«Московские новости», № 18, 2001.

15 августа, четверг

Центральные газеты публикуют проект договора о Союзе суверенных государств.

16 августа, пятница

Александр Яковлев, выведенный на XXVIII съезде КПСС (июль 1990 г.) из состава Политбюро и Секретариата ЦК, объявляет о выходе из рядов партии. В интервью «Московскому комсомольцу» (17.08.1991) он заявляет: «Я думаю, мы приближаемся к какой-то развязке».

Секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов (куратор оборонной промышленности) беседует в 11.30—13.00 в здании КГБ СССР с Владимиром Крючковым, ими принимается окончательное решение начать действовать. В тот же день председатель КГБ встречается с министром обороны маршалом Язовым.

17 августа, суббота

Начальник 7-го управления КГБ генерал-лейтенант Е.М. Расщепов, в подчинении которого находилась Группа «А», вызвал к себе ее командира, генерал-майора В.Ф. Карпухина. Расщепова интересовало, знает ли командир «Альфы» расположение объектов и помещений на военном аэродроме «Чкаловский» под Москвой.

Затем по приказанию Расщепова Карпухин убыл в Министерство обороны с целью согласовать систему обеспечения безопасности при проведении возможной встречи президента РСФСР и руководителей СССР. В военном ведомстве генерала Карпухина просили выделить группу в 25—30 сотрудников для обеспечения охраны этого мероприятия на аэродроме, где 18 августа должен был приземлиться самолет Ельцина, возвращавшегося из Алма-Аты. Правда, не исключалось, что переговоры могут пройти в другом месте: во Внуково или Архангельском.

На спецобъекте КГБ на юго-западе Москвы в 16.00 происходит новая встреча будущих руководителей ГКЧП, тон беседы задает Крючков. Он предлагает направить кого-то из собравшихся к Горбачеву в Крым с целью убедить его в целесообразности передать на один месяц власть в СССР создаваемому Комитету по чрезвычайному положению. Далее, после стабилизации обстановки, Горбачев смог бы, по словам Крюčkова, продолжить управлять страной. Идея возвращения Горбачева во власть поддержки не встретила, но все же решили лететь в Форос для разговора с генсеком. Решено было добиваться от него немедленного введения чрезвычайного положения и отказа от подписания нового Союзного договора до проведения референдума.

«Генпрокурор все время говорит о том, что существовало два варианта: или Горбачев подписывает указ о введении ЧП, или подает в отставку. Вариантов действительно было два, но... Михаилу Сергеевичу предлагалось самому подписать указ или поручить это кому-то другому...»

Похожий сценарий развития событий Горбачев разработал еще в марте (1991 г. — Авт.), когда в Москву вводились войска. Михаил Сергеевич в любой ситуации прежде всего хотел остаться в белых перчатках и на белом коне».

Из интервью Валентина Павлова журналисту Андрею Ванденко (1993 г.).

18 августа, воскресенье

В 8 часов утра министр обороны Д. Т. Язов беседует с командующим ВДВ генерал-лейтенантом П. С. Грачевым и командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником Н. В. Калинин, им ставятся задачи в связи с предстоящим введением чрезвычайного положения.

В 13.00 первый заместитель председателя Совета обороны СССР О. Д. Бакланов, секретарь ЦК КПСС О. С. Шенин, руководитель аппарата Президента СССР В. И. Болдин, генерал армии В. И. Варенников и начальник Службы охраны КГБ генерал Ю. С. Плеханов вылетают с аэродрома «Чкаловский» на самолете Ту-154, закрепленным за министром обороны Язовым, в Крым для переговоров с Горбачевым, чтобы заручиться его согласием на введение чрезвычайного положения.

Около 17 часов они встречаются с Горбачевым. Горбачев отказывается дать им свое согласие. По словам Олега Дмитриевича Бакланова, Горбачев заявил членам ГКЧП, что не может ехать в Москву, потому что он сидит в корсете и у него отнялась нога. Также президент сказал им, что в любом случае прилетит в Москву на подписание договора, даже если ему отрежут ногу.

В 16.30 на президентской даче были отключены все виды стационарной связи, включая канал, обеспечивавший управление стратегическими ядерными силами СССР. Тем не менее есть достоверные свидетельства в пользу версии, что Горбачев всего лишь выжидал, какой оборот примут события. Каким-то каналом связи он все же располагал. Так, он, якобы лишенный связи, смог позвонить по телефону А. И. Вольскому (тот в 1983—1984 годах был помощником по экономике генерального секретаря ЦК Андропова, а в конце 1980-х возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью).

Состоялось, видимо, еще несколько телефонных разговоров Горбачёва. На сессии Верховного Совета СССР 28 августа 1991 года первый заместитель премьер-министра Владимир Щербаков сообщил, что говорил с президентом СССР 19 августа. «Это — счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции», — воскликнул он эмоционально, поддавшись сумбурной атмосфере зала. Имелась в виду пресс-конференция членов ГКЧП 19 августа. Тогдашний вице-президент РСФСР Александр Руцкой также проговаривался после тех августовских событий о том,

что говорил с Горбачевым по телефону в период его «форосского заточения».

В 23.00 в кремлевском кабинете премьер-министра Валентина Павлова инициаторы введения чрезвычайного положения принимают решение объявить утром населению страны о создании ГКЧП. Вице-президент СССР Геннадий Янаев колеблется и лишь после уговоров собравшихся членов ГКЧП подписывает проект Указа о вступлении в должность президента. Он сказал при этом, что берет на себя ответственность максимум на 3—5 дней, а дальше пусть Верховный Совет решает... (На следующий день на пресс-конференции членов ГКЧП Геннадий Иванович заявил: «Сейчас Горбачев просто немного переутомился, но надеемся что он вскоре вернется, и мы еще вместе поработаем».) На совещании в Кремле присутствовал и председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, который срочно прилетел на вертолете с отдыха на Валдае.

Борис Ельцин по завершении визита в Казахстан к Нурсултану Назарбаеву возвращается на самолете в Москву и размещается на ночь на своей подмосковной даче в Архангельском. Вопреки первоначальным намерениям руководства КГБ и Министерства обороны командир Группы «Альфа» не получает команды на «обеспечение беседы» президента РСФСР с членами ГКЧП на военном аэродроме «Чкаловский».

19 августа, понедельник

Ранним утром в Москву вводятся подразделения двух дивизий МВО — Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой (всего около 4 тыс. человек, около 650 танков, БМП и БТР). Как позднее утверждал Валентин Павлов, «ГКЧП решения о введении бронетехники в город не принимал. Еще предстоит выяснить, кто отдал эту команду».

Председатель КГБ Крючков в 5.00 лично отменяет приказ спецгруппе «Альфа» о задержании Бориса Ельцина в Архангельском (группа имела задачу по особому сигналу захватить президента РСФСР «с целью обеспечения безопасности переговоров с советским руководством»).

По Центральному телевидению и радио в 6.00 передается сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Российские руководители прибывают в Белый дом, где размещаются органы власти РСФСР. Борис Ельцин с танка № 110 Таманской мсд зачитывает обращение к гражданам России с призывом к всеобщей бессрочной забастовке.

«...Потом случился путч. Я уверен, что Горбачев был в курсе этой инициативы. Но почему он не встревожился? Среди многих гипотез я бы

остановился на одной, я сказал бы, неявной. Может быть, Горбачев был в курсе заговора и заранее просчитал варианты развития ситуации?»

Из интервью Александра Яковлева итальянскому журналисту Фернандо Медзетти («Il Nuovo», 2001 г.).

20 августа, вторник

В готовности к действиям по задержанию руководителей РСФСР (с вечера 18 августа) продолжают находиться спецподразделения КГБ, на подмосковные аэродромы в Кубинке и Чкаловском перебрасываются парашютно-десантные подразделения, в Москве с вечера вводится комендантский час.

Вследствие противодействия со стороны заместителя генерального секретаря ЦК КПСС Владимира Ивашко членам ГКЧП не удается провести пленум ЦК КПСС в поддержку своих действий.

В первой половине дня у первого заместителя председателя КГБ СССР Г.Е. Агеева состоялось совещание, на котором впервые, по утверждению некоторых участников тех событий, открыто пошла речь об установлении контроля над Белым домом, где размещалось руководство РСФСР во главе с Ельциным («...захватить Белый дом, интернировать правительство и руководство России»). Для выполнения задачи командиру Группы «А» решено было придать ряд других спецподразделений КГБ и части Внутренних войск МВД СССР, начало операции назначили на три часа ночи 21 августа.

После совещания на Лубянке сотрудники КГБ, привлеченные к планированию операции (ее назвали операцией «Гром»), выехали в Министерство обороны, где в 14 часов состоялось еще одно совещание — под руководством заместителя министра обороны генерал-полковника В.А. Здесь же находились советник президента СССР маршал С.Ф. Ахромеев и начальник Генерального штаба генерал армии М.А. Моисеев. Обстановку вокруг Белого дома доложил заместитель командующего ВДВ по боевой подготовке и военно-учебным заведениям генерал-майор А.И. Лебедь, который, выполняя приказ командующего ВДВ генерал-лейтенанта П.С. Грачева, во главе батальона 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии взял под охрану здание Верховного Совета РСФСР.

План штурма выглядел примерно так: подразделения Внутренних войск МВД расчищают с помощью специальной техники и водометов проходы к Белому дому, через «пробитые» коридоры спецназовцы КГБ подходят к зданию и врываются в него. И хотя вокруг Белого дома

скопилось до пятидесяти тысяч сторонников Ельцина, а в самом здании — до 500 вооруженных защитников, у противников ГКЧП шансов против группы «Альфа» не было. Но выполнение приказа повлекло бы за собой значительные человеческие жертвы, и руководство ГКЧП, включая В.А. Крючкова и маршала Д.Т. Язова, в этой ситуации приказа на проведение операции не отдали...

21 августа, среда

Рано утром министр обороны Маршал Советского Союза Д. Язов, получив информацию о решении председателя КГБ не привлекать спецподразделения Комитета к захвату Белого дома, принимает решение вывести армейские подразделения с улиц Москвы. Автономные действия тульских десантников без поддержки профессионалов из «Альфы» шансов на успех не имели бы.

В 5.00 в Министерстве обороны проходит заседание коллегии, на котором три главкома — маршал авиации Е.И. Шапошников (ВВС), адмирал флота В.Н. Чернавин (ВМФ) и генерал армии Ю.П. Максимов (РВСН) — высказываются за свертывания военного участия в действиях ГКЧП.

Наиболее решительно и бескомпромиссно были настроены О. Бакланов, В. Варенников и С. Ахромеев. В первой половине дня у министра обороны побывала «делегация»: А. Лукьянов, О. Бакланов, В. Крючков и О. Шенин. Они пытались убедить Дмитрия Тимофеевича не сдаваться и продолжать действовать. Но маршал якобы им бросил в сердцах: «Мы проиграли. Умели нашкодить, надо уметь и отвечать. Полечу к Михаилу Сергеевичу виниться».

Вскоре А. Лукьянов, О. Бакланов, В. Крючков и Д. Язов вылетели в Форос для встречи с президентом СССР, но он отказался с ними говорить. Поздно вечером Горбачев возвращается на самолете в Москву, сразу с аэродрома он едет на дачу, где сжигает более 40 блокнотов с личными записями. В Москве начинаются аресты членов ГКЧП.

«Вся эта ситуация была закономерным завершением истории СССР. Следствием репрессий и застоя. Если бы Брежнев был слабее здоровьем и отдал бы богу душу раньше, не было бы ни путча, ни краха СССР...

Власть оказалась в руках невежественных людей. Это был звездный час недалеких проходимцев. Они были со всех сторон. Но погоду и игру делали не они. В каждой команде были авантюристы. Шефы, интеллектуальные импотенты, которые были на виду, не могли оце-

нивать свои поступки и их последствия. А люди из окружения делали это блестяще. У них были контакты между собой, они делали игру, пытались переиграть друг друга. По большому счету именно ими, серыми кардиналами, были инспирированы события августа 1991 года. И когда Ельцин посылал своих людей на переговоры с людьми Янаева, они сознательно делали все, чтобы ни о чем не договориться...

Гэкачепистов просто спровоцировали на эту громкую акцию. Сделать это было нетрудно. Их систематически накручивали люди из окружения...

Запад не успел очухаться. Пока они вынашивали свои злокозненные планы, Союз развалился. Что они действительно делали, так это ускоряли процесс краха старой системы. Они создали пятую колонну в лице интеллигенции. Ей, глупой и ни на что не способной, показывали красоты западной жизни. И она своими впечатлениями накачивала народ. А в это время за ее спиной другие люди делили собственность».

Из версии, изложенной журналу “Коммерсантъ-Власть” на условиях анонимности одним из ближайших соратников Бориса Ельцина поры 91-го» («Заговор бюрократов», 24.12.2001).

22 августа, четверг

Самоубийство министра внутренних дел СССР Бориса Путо и его жены (некоторые исследователи ставят под вопрос эту официальную версию, предполагая, что министра, осведомленного о многих кремлевских тайнах, «убрали»).

23 августа

Главнокомандующий ВВС маршал авиации Евгений Шапошников назначается М. Горбачевым по предложению Б. Ельцина министром обороны СССР. Начальник Генерального штаба генерал армии М.А. Моисеев только сутки пробыл в должности исполняющего обязанности министра обороны; его обвиняют в причастности к «делу ГКЧП» и снимают с поста начальника Генштаба.

Первым заместителем министра обороны СССР — председателем Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам — становится генерал-лейтенант П.С. Грачев. Спустя два дня начальником Генштаба был назначен начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе генерал армии В.Н. Лобов, ранее, в 1987—1988 годах, занимавший должность первого заместителя начальника Генштаба.

24 августа, суббота

Самоубийство советника президента СССР Маршала Советского Союза Сергея Ахромеева.

25 августа, воскресенье

Михаил Горбачев слагает с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС.

26 августа, понедельник

Самоубийство управляющего делами ЦК КПСС Николая Кручины, отвечавшего за денежные средства и имущество партии.

6 ноября

Президент РСФСР Б. Ельцин своим указом прекращает деятельность КПСС и Коммунистической партии РСФСР на территории РСФСР.

14 ноября

Руководители семи республик СССР (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) принимают решение по заключению договора о создании Союза суверенных государств как конфедерации со столицей в Минске. Подписание намечено на 9 декабря 1991 года.

1 декабря

На референдуме в Украине победили сторонники независимости.

8 декабря

Главы трех республик СССР (Белоруссии, России и Украины) на встрече в Беловежской Пуще констатировали, что «переговоры о подготовке нового Союзного Договора зашли в тупик», а «объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом». Ими было заключено Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

21 декабря

На встрече руководителей республик СССР в Алма-Ате (Казахстан) к СНГ присоединились Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан.

25 декабря

М.С. Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР «по принципиальным соображениям». Он подписал указ о сложении с себя полномочий Верховного главнокомандующего Советскими Вооруженными силами и передал управление стратегическим ядерным оружием президенту России.

«Советский Союз мог бы просуществовать 113 лет, если б ему не мешали, и 205 — если бы помогли».

*Из результатов исследования директора Института проблем управления Российской академии наук академика Ивери Прангишвили.
Николай Ефимов*

Получен приказ об аресте Ельцина...

Наш собеседник — Сергей Алексеевич Гончаров, служивший с 1978 по 1993 год в спецподразделении КГБ СССР «Альфа».

— *Что знало заранее о начинающихся в августе 91-го событиях командование легендарной «Альфы»?*

— Ничего. Но после того как Ельцин был избран председателем Верховного Совета России, обстановка стала непонятной: она нагнеталась, нас начали дергать боевыми усилениями, тревогами. Мы почувствовали: в стране что-то назревает.

— *Раньше такие усиления бывали?*

— Это входило в практику «Альфы» в случае особых «ЧП». В то время каких-то осязаемых «ЧП» не было, но подразделение постоянно поднимали по боевой тревоге, и практически весь личный состав постоянно находился на месте.

— *Когда для вас начались сами события?*

— В ночь на 19 августа мы были на дежурстве — я и начальник отдела Владимир Зайцев. Часа, наверное, в 22.00 наш командир Виктор Карпухин сказал: «Меня вызывают в штаб. Будет какое-то задание — поднимайте личный состав по тревоге, готовьте боеприпасы, готовьте операцию». Какую, никто понять не мог.

— *А штаб — это...*

— Штаб на Лубянке, где присутствовали и военные: Ачалов, Грачев, Лебедь... Возглавлял его председатель КГБ Крючков, по крайней мере он являлся тем основным человеком, который, видимо, имел хотя бы внутреннее понимание, что делает.

— *Что происходило дальше?*

— Где-то после полуночи Карпухин вернулся, вызвал нас в кабинет, раскрыл карту Московской области, показал очерченный красным район, на котором было написано «Архангельское». «Пока не для распространения, — сказал он. — Получен приказ об аресте Ельцина». Я почувствовал какую-то неприятную тревогу..

— *А каковы вообще были настроения в коллективе?*

— Как везде: каждый имел свои внутренние убеждения, какие-то свои симпатии, и разброс мнений был довольно-таки полярным.

— *Приказ был получен письменный или устный?*

— В то время письменные приказы не отдавались! Было такое убеждение, что офицеру достаточно получить любой приказ — и он будет его выполнять. Карпухин сказал: отобрать 60 лучших бойцов, подготовить все боекомплекты. В 4 часа мы выдвигаемся в район Архангельского. В 4 мы выехали: два ПАЗа, две легковые машины. Куда едем, знали только мы, три человека. Мы с Карпухиным сели в головную машину, где была спецсвязь. Дорога была свободной, поэтому двигались, не включая спецсигналы, и на место прибыли минут через 35—40.

— *Связь со штабом поддерживалась постоянно?*

— Конечно! Карпухин доложил, что группа прибыла, и нам последовало указание провести рекогносцировку и определиться, как будем проводить операцию: или по месту, где находится «объект», или проработать вариант, когда он будет выдвигаться с дачи. Володя Зайцев и уже покойный ныне, к сожалению, Анатолий Савельев взяли разведчиков и выдвинулись в район элитного поселка... По радиии доложили, что они определили, где именно находится дача, и что охрана не представляется серьезной. Два или три человека, вооруженных автоматами, ходят там по периметру...

— *Охрана была комитетская?*

— Нет, коржаковская. Зайцев и Савельев доложили, что готов марш-рут, по которому можно выдвинуться... Карпухин сообщил в штаб, что к операции готовы. Последовала команда: «Ждите указаний!» Начало светать, грибки пошли. Увидев людей в необычной форме — в «сферах», вооруженных, — они были в шоке. Стали от нас шараться, возвращаться домой, и, как я понял, пошла информация — наверное, дошла и туда. Виктор Федорович опять докладывает: «Светает, что делать?» Ему говорят: «Перезвоните позже!»

— *А как вы на это реагировали?*

— Говорю: «Федорыч, звони опять! Все понимают, что нас уже расшифровали!» Карпухин звонит. Ему говорят: «Выдвигайтесь на позиции варианта № 2» — это по захвату на момент выдвижения... Снимаем ребят — они все обеспокоенные, ситуация непонятна: подготовились к операции — и вдруг отбой. Садимся опять в машины, выдвигаемся километра на два, начинаем маскироваться. Но как это сделать такому количеству вооруженных людей? Деревенские на нас смотрели с опаской, не выходили за водой... Проработали операцию, как блокировать выдвижение, Карпухин доложил, что готовы. Было 6 часов, светло, все видно, в Москву поток машин идет. Из штаба опять: «Ждите указаний, будет приказ!»

— *А вокруг что делалось, все тихо было?*

— К 7—7.30 к Архангельскому начали стягиваться машины черного цвета с охраной. Видим, какие-то большие люди, послали разведку. Оказывается, прибыли Полторанин, Хасбулатов и кто-то еще. Докладываем. Нам опять: «Ждите указаний!» Все! Мы не понимаем, что от нас хотят, как проводить операцию!

— *Долго они все были на даче у Ельцина?*

— Нет, где-то около 8 утра разведчики сообщают: «Колонна — два бронированных ЗИЛа, две “Волги” с охраной и охрана прибывших туда лиц — выдвигается на трассу. Готовьтесь к операции!» Карпухин, уже в нервном возбуждении, звонит в штаб. Опять: «Ждите команды!» — «Что ждать, колонна через пять минут проедет!» — «Ждите команды!» Когда мы уже визуально их увидели, Карпухин опять сдергивает трубку. Ему опять: «Ждите команды!»

— *«Альфа» могла успешно провести эту операцию?*

— Сто процентов — и по первому, и по второму варианту! После того как они совершенно спокойно проехали мимо нас на большой скорости, Карпухин снимает трубку: «Что теперь делать?» — «Подождите, мы перезвоним!» Буквально через пять минут: «Возьмите частью ваших офицеров под охрану Архангельское». — «Зачем?!» — «Выполняйте, что вам сказали! Остальные — в подразделение!» Часов в 10 или в 11 мы возвратились...

— *Сергей Алексеевич, как объяснить все произошедшее?*

— При той неуправляемости, при той полнейшей неразберихе, что творилась в стране, уже никто не мог взять на себя ответственность, принять решение! Таких людей не было.

— *Вот вам и «ключ» ко всему произошедшему. Но ведь впереди «Альфу» ждали не менее странные события?*

— Этот день прошел спокойно, а рано утром 20 августа Карпухина вызывают в штаб, и он пропадает там часов 8 или 9. Возвращается — на нем лица нет. Говорит мне и второму заместителю, Мише Головатову: «Мужики, нам, наверное, в три часа ночи предстоит штурмовать Белый дом. Готовьте операцию! “Альфа” — основная, нам будут приданы спецназ Минобороны, люди из ВДВ, МВД, бронетехника и будет оказана вертолетная поддержка». — «Виктор Федорыч, а план-то какой?» — «Повторяю: по всей видимости, будем штурмовать Белый дом!» Я говорю: «Штурмовать, а дальше чего?» — «Я знаю так же, как и вы! Поступил приказ — я его выполняю. Готовьте план операции! Меня опять вызывают! Ах да, не забудьте сообщить ребятам из “Вымпела” — они тоже находятся в нашем подчинении».

— *Что в это время происходило в районе Белого дома?*

— Об этом мы только по радио и слышали. Приглашаем начальника отдела Александра Мирошниченко: «Бери людей, переодевайтесь в “гражданку”, берите незаметную машину, езжайте к Белому дому, посмотрите, что можно сделать...» Где-то через час Мирошниченко докладывает, что там находятся тысячи человек, возведены баррикады... Более пятидесяти процентов — молодежь, часть в «неадекватном» состоянии. Спрашиваем: возможно ли подойти к Белому дому? Да, это возможно, но народ все прибывает.

— *То есть энтузиазма в ваших рядах изначально не было?*

— Я другое скажу: в то время каждый большой руководитель выгадывал, или, по крайней мере, думал, какую сторону занимать: за Ельцина или против? Просчитывал, что за ним, что против него, и что будет, если он не на того поставит. Чисто по-человечески это понятно, потому что обстановка была совершенно неадекватная, потому никто ни за что не хотел отвечать... Мы это поняли после того, как получили доклады людей, которые должны были нас поддерживать. Подсчитав силы, которые нам были приданы для проведения операции, мы с Михаилом стали созваниваться с этими подразделениями.

— *Силы, как вы сказали, были определены серьезные...*

— Да, но летчики сразу заявили: мы, конечно, взлетим и можем долбануть по верхним этажам Белого дома неуправляемыми ракетами, но думаем, что многие ракеты попадут в американское посольство. А что потом будет с вами? Мы поняли, что они над нами просто издеваются: мол, вы там решайте, но без нас... У других, как оказалось, не заводились танки, кто-то не мог выйти из части по какой-то иной причине, то есть каждый старался отодвинуть от себя данную ситуацию. Кстати, генерал Лебедь в этой ситуации тоже вел себя так: я, мол, сделаю, но...

— *Не вдаваясь в подробности, что могло получиться в итоге?*

— Я думаю, что российское руководство имело возможность совершенно спокойно уйти — оно не стало бы ждать прихода нашего подразделения. А все остальные, которые были в здании — «афганцы», казаки и т.д., оказали бы какое-то сопротивление, но думаю, что это был бы чисто символический акт. Нас беспокоило то, что творилось у стен Белого дома...

— *Что ж там происходило?*

— Скажу, во-первых, что все боялись «Альфы». Информация, наоборот, в какой-то степени просачивалась, и люди, сидевшие у костров, говорили: если «Альфа» пойдет, то всех замесят. Куда бежать? То есть был страх, какое-то чувство обреченности... Но главное, что народу там

было слишком много! Мы созвонились с московским руководством, с больницами и поняли, что в случае штурма при большом количестве убитых и раненых никто не готов ни вывозить, ни лечить людей. Ответили нам однозначно: мы не в курсе, не готовы... Учитывая количество людей, которые были у Белого дома, там бы были огромнейшие жертвы.

— *Но все же. Вот, выполнили бы вы задачу, а что дальше?*

— Этот же вопрос наш командир в штабе задал: мол, когда мы это сделаем, как будем отходить, потому что представляем, что будет в Москве с этой толпой... На этот вопрос никто ответить не мог. Мы поняли, что все «стрелки» этой операции нацелены на нас — все были уверены, что «Альфа» пройдет этот свой этап, а потом что будет, то будет...

— *Опять-таки, как ко всему этому отнесся личный состав?*

— Мы с Головатовым пригласили начальников отделов. Сказали, что в три часа ночи должен быть штурм. Идите в отделы, собирайте людей. Мы ведь помним, что было в Вильнюсе в январе 91-го, когда мы оказались «крайними», и не скрываем, что, по всей видимости, и сейчас так же будет.

— *Думаю, это понимали и в подразделениях?*

— Да, уже минут через 30—35 начальники отделов доложили, что в той ситуации, которую мы сейчас имеем, личный состав в основе своей выполнить данный приказ не готов.

— *И все равно — вы ждете, готовитесь?*

— Да, ждем. Где-то после часа ночи приезжает Карпухин, весь на нервах. «Виктор Федорович, вот — план, вот — “Вымпел”, а все остальные динамят... Наверное, в этой ситуации мы не будем выполнять приказ, потому что видим, чем это закончится, так же, как и вы!» — «Я понял, идите!» Было ясно, что он, командир, который за все отвечает, должен сам определиться — ведь голову снимут с него. В конечном итоге так и получилось... Минут через 20 вызывает: «Я еду в штаб докладывать наше решение! Вы оставайтесь, ни одному человеку подразделение не покидать! Готовьтесь к операции!» — «Есть готовиться к операции!»

— *То есть, что могло произойти дальше, было еще совершенно непонятно?*

— Карпухин уехал, и потянулось время. Сидим в автобусах — в казках, в бронежилетах, с оружием, потому что не исключаем, что приказ подтвердят, может быть, уже в довольно жесткой форме, и я не готов сказать, что могло быть дальше... Неразбериха ведь была полнейшая, а главное — отсутствие руководителей, которые могли отдать четкую, ясную команду... Запрашиваем наших разведчиков: «Что-нибудь меня-

ется на площади?» — «Танцы, пляски, люди ожидают, что будет какое-то шоу...». В 3 часа — время «Ч» — команды не поступило. Нам стало легче. Мы поняли, что, по всей видимости, команда так и не поступит. Где-то после 4 часов утра приезжает Карпухин, уже более-менее спокойный: «Все, ребята, отбой. Людей не отпускать, сдайте только оружие, бронежилеты не снимайте. Будем ждать дальнейших указаний». И среда, 21 августа, для нас так и закончилась ожиданием дальнейших указаний...

Беседовал Александр Бондаренко

Дмитрий Язов: «Ни Крючков, ни Пуго никого не собирались сажать...»

Представлять нашим читателям министра обороны СССР 1987—1991 годов нет смысла: биография Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова достаточно известна не только по статьям в энциклопедиях, но и подробно изложена в книге «Удары судьбы», написанной им в 1999 году. По просьбе «Красной звезды» Дмитрий Тимофеевич не раз выступал на страницах главной военной газеты России и отвечал на вопросы, интересующие очень многих, о Родине, Вооруженных силах и о себе самом.

— *Вопрос, который обычно задают фронтовикам: какой из дней Великой Отечественной войны оказался для вас самым памятным?*

— Как и для всех, конечно, День Победы. И еще — первый день пребывания на фронте. Когда мы прибыли на фронт, нас сразу завели в лес — и перед нашими глазами расстреляли за трусость одного офицера. Вот таким оказался тот памятный день...

— *Когда вы познакомились с Михаилом Сергеевичем Горбачевым?*

— Да какое там знакомство... В 1985 году Сергей Леонидович Соколов проводил на полигоне в Белоруссии учение и сбор командного состава. Министр представлял всех командующих — в том числе и меня как командующего войсками Дальневосточного военного округа. Потом Горбачев был на Дальнем Востоке. Я ему докладывал о положении дел в округе, сопровождал его на авиационном заводе, заводе атомных подводных лодок, он был в одном из полков 270-й дивизии. По-моему, полк, которым тогда командовал подполковник Анатолий Ушаков — затем он стал генералом, заместителем начальника штаба Ленинградского округа, — ему понравился.

— *Какое же впечатление произвел тогда на вас Горбачев?*

— Положительное впечатление! Я ему доложил, какой мог быть перед нами противник, состав войск округа, состояние боевой и политиче-

ской подготовки, дисциплины. Сказал, что по сравнению с прошлым годом положение дел с дисциплиной по учитываемым данным стало хуже процентов на 12. Горбачев меня перебил: «Когда Ставропольский край был на 7-м месте — по улицам было невозможно пройти. А когда стали на 57-м месте — навели порядок! Вы на правильном пути, не надо ничего скрывать!» Некоторые потом окрестили это «уроком правды»...

— *А до этого вам приходилось встречаться с руководителями государств уровня?*

— Конечно! Например, когда я был командующим войсками Среднеазиатского военного округа, то ежедневно общался с членом Политбюро Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым, руководителем Казахской ССР — кстати, я был членом бюро ЦК Компартии Казахстана... Очень хорошие, дружеские отношения связывали меня с руководителями и других союзных республик, на территории которых дислоцировались войска округа.

— *Кстати, как в Казахстане и Средней Азии относились к Советской Армии? Сейчас ведь кое-где идут разговоры о «российской оккупации»... А тогда?*

— Да вы что! Какие могли быть оккупанты?! Никто никогда об этом не говорил. Вот в Алма-Ате находилось училище имени Конева — располагалось в деревянных казармах, учебные корпуса тоже были деревяшки... С помощью Казахстана я буквально все в нем перестроил. Министр деньги потом на это выделил, перевели их в Казахстан, а они никому оказались не нужны! На региональные, если так можно сказать, деньги мы обустроили и многие воинские части. Вообще военные пользовались в Средней Азии глубочайшим уважением. Впрочем, как и по всей стране, — вы же помните. Особенным почетом в Казахстане пользовалась 8-я Панфиловская дивизия, некогда сформированная в Алма-Ате и защищавшая Москву. В центре города ей установлен замечательный памятник — с Кремлем и надписью: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Может быть, Ключков эти слова в действительности и не произносил, но они выражают суть его подвига.

— *«Оккупацией» называют теперь и бывшее наше военное присутствие в странах Восточной Европы. Действительно, было ли это присутствие оправданно?*

— Мы пришли туда не по чьей-то прихоти, а разгромив фашизм, освободив народы этих государств, выражаясь штампом, от «коричневой чумы». В Германии остались те войска, которые туда пришли. Какое-то количество наших войск осталось и в других странах, которые

мы освобождали. Это позволило их народам по своей воле избрать те правительства, которые отвечали интересам строительства новой жизни, а не каких-то бывших гитлеровских прислужников. Не секрет ведь, что уже во время войны между нашими союзниками шли закулисные переговоры, кому что должно принадлежать. Не случайно в свое время Черчилль хотел открыть второй фронт через Балканы, чтобы поставить Восточную Европу в зависимость от Англии. Кстати, еще в войну наши союзники издали приказ собирать немецкое оружие и готовить немцев для возможного удара по Красной Армии...

— *Понятно, что группы войск были форпостом, обеспечивавшим безопасность наших границ. Но почему вы, министр обороны СССР, позволили с такой поспешностью их ликвидировать?*

— Вывод наших войск из Восточной Европы — предательство со стороны Горбачева и Шеварднадзе! Меня, министра обороны, на переговоры в Архыз, где они встречались с Колем и Геншером, не пригласили. Уже после 91-го все добил и до конца... Объяснив, что нам не на что содержать войска в Европе, тогдашние политики отдали эти деньги в распоряжение Березовского, Гусинского, Ходорковского... Я, кстати, согласился бы с Ельциным, что наши войска в Европе не нужны, если бы американцы не оставались там до сих пор.

— *Вы упомянули Бориса Николаевича Ельцина. Вы, наверное, были с ним знакомы?*

— Ну конечно! Как кандидаты в члены Политбюро, мы на всех заседаниях рядом сидели. Вот только впечатлений у меня от него практически не осталось. Я был на том знаменитом пленуме, когда Ельцин выступал и был выведен из состава Политбюро. Он ничего особенного тогда не сказал: «Мы топчемся на месте, какая там перестройка, никакой перестройки нет!» Ну и все... Так и надо было его выступление опубликовать! Дословно, стенограммой. А Горбачев не решился...

— *В июне 1987 года вас назначили министром обороны СССР. Как это произошло?*

— Вы понимаете, что я никогда и ни у кого на эту должность не просился. Получилось так: пригласили на заседание Политбюро, посвященное полету Руста. Докладывал первый заместитель министра генерал Лушев, потом — главком Войск ПВО Колдунов, командующий Московским округом ПВО Царьков. Горбачев всех неоднократно прерывал... Затем он предоставил слово Сергею Леонидовичу Соколову. Тот начал докладывать: мол, да, тут просмотрели, а Горбачев говорит:

«И вам надо определиться с войсками. Пора уходить!» Члены Политбюро пошли в Ореховую комнату, а мы — в приемную. Минут через 15—20 выходит заведующий отделом ЦК Савинкин, берет меня за руку — и ведет. Куликов заметил вслед: «Вот, повел министра!» Зашел я, представился. Горбачев говорит: «Мы решили назначить вас министром обороны!» Говорю: «Я не готов к этой должности! Я всего-навсего в Центральном аппарате три месяца. Не знаю того-то, того-то...»

— *Все же сомнительно, чтобы во главе оборонного ведомства тогда могли поставить неподготовленного человека...*

— Нет, войска-то я, конечно, знал — командовал Центральной группой, войсками Среднеазиатского и Дальневосточного округов, служил в Забайкальском, Закавказском служил, Ленинградском... Знал боевую подготовку, но системы заказов оружия, системы закупки, взаимодействия с военно-промышленным комплексом мне были неизвестны. Горбачев говорит: «Ну, мы тебе лишние сутки дадим для вхождения в должность». Все засмеялись. «Ну ладно! Ты, — кивнул он на Зайкова, — и ты, Толя, — на Лукьянова, — в 16 часов представите Язова коллегии. Все, вопрос решен!»

— *«Правой рукой» министра обороны был начальник Генерального штаба...*

— Маршал Ахромеев был не только мой товарищ, с которым мы вместе учились, но и друг. В книге «Удары судьбы» я написал так: «Я знал Сергея Федоровича как одного из самых честнейших, талантливейших военачальников, всю свою жизнь он посвятил службе в рядах Вооруженных сил... Это был маршал, который учил нас побеждать врага и в мирное время».

— *А какого мнения вы были о его предшественнике в должности начальника Генштаба — маршале Огаркове?*

— К Огаркову отношение у меня было такое же, как к Ахромееву, — самое наилучшее! Я непричастен к размолвкам между Устиновым и Огарковым, Огарковым и Куликовым, я вообще не в курсе тех дел... Скажу одно: он был настоящим военным. Кстати, вы же понимаете, что разного рода трения могут возникнуть между людьми любого ранга. Вот один военачальник написал, что меня на должность «назначила» якобы Раиса Максимовна, потому что я стихотворения рассказывал. Неясно, кого этим оскорбить попытались? Да, я использовал в каких-то выступлениях стихотворения — «Перед атакой» или «Комбат» Юлии Друниной, или Алексея Маркова. Ведь одно дело, когда выступаешь перед солдатами: «бу-бу-бу...», а совсем иное:

Слышишь, парень, надежно ль
идешь?
За ошибку свою или промах
Не всегда снисхожденья
найдешь
У товарищей и у знакомых.
Надо быть наготове, мой друг,
Ложный шаг не всегда
простится,
Как саперу, которому вдруг
В минном поле пришлось
оступиться.

Но некоторым, видимо, это не нравилось — сам ни черта не знает и хочет, чтобы и никто другой не знал!

— *Вашу бытность завершился вывод войск из Афганистана. Сейчас ту войну принято называть трагической ошибкой...*

— Никакой трагической ошибки не было! Была просьба афганского руководства — Тараки, Амина — войска туда ввести, и по просьбе афганского руководства десять лет мы их там держали. Кстати, после того, как войска вывели, Наджибулла несколько раз просил их вернуть. Известно и то, что американцы все возможное делали, чтобы мы как можно больше потерь несли. На них тогда и бен Ладен работал — занимал людей штурмовать Джелалабад, готовил талибов...

— *В полной ли мере использовался в Советской Армии опыт Афганистана?*

— Нет, конечно, но кое в чем использовался. В основном там были блокпосты, охрана коммуникаций, охрана городков — этому мы научились. Что можно было взять положительного для нашего оружия, мы взяли — например, сделали «Нону», которая стреляет навесными снарядами, минами. Там был накоплен хороший опыт партийно-политической и воспитательной работы... Я бы не стал говорить, что мы все уставы переделали под Афганистан — в широком масштабе этот опыт применять нельзя, но и сейчас он очень помогает в Чечне.

— *И на Западе, и у нас пишут, что в СССР был переизбыток вооружения. Действительно, не слишком ли много всего у нас было?*

— А кого это волнует? Ну много было — так что? В 1905 году по поводу падения Порт-Артура Ленин писал: «Канули в вечность те времена, когда войны велись полуоторванной от народа кастой. Войны ведутся теперь народами». Так вот, в советское время мы имели столько оружия, сколько было необходимо для развертывания мас-

совой армии. Мы просто не имели права забывать об уроках Великой Отечественной войны.

— *Но ведь при вас сокращали наше самое современное стратегическое вооружение...*

— Сокращение оружия — дело большой политики. Вопросы сокращения ракет меньшей и средней дальности были обсуждены в Рейкьявике еще до моего прихода на должность министра, так что я как-то повлиять на это уже не мог... Меня и не приглашали — подписывать поехали Ахромеев, Шеварднадзе и другие... Мы тогда целую ракетную армию сократили и в других армиях сократили очень много ракет средней и меньшей дальности. И фронтовая ракета «Ока» попала под сокращение тоже до меня...

— *И тут напрашивается вопрос о ваших взаимоотношениях с Главным разведывательным управлением Генштаба...*

— Ну вот, вы уже затрагиваете самое святое! Ежедневно начальник ГРУ докладывал мне всю обстановку. Достаточно? Могу добавить — я уверен, что самые высококвалифицированные, самые образованные люди у нас работали в ГРУ. Когда началась ночью «Буря в пустыне», я обо всем знал до деталей. Часа в 2 или в 3 звонит Горбачев: «Ты в курсе дела?» — «Да, я в курсе!» Мы знали все, что тогда делалось, но мы не могли влиять на развитие событий.

— *А как реагировало на происходящее руководство страны?*

— Ну у них там, наверное, все было согласовано. Во всяком случае тревоги, беспокойства ни у Горбачева, ни у Шеварднадзе это не вызвало.

— *Вы видели, что отношение Горбачева к Вооруженным силам постепенно меняется в худшую сторону?*

— Да, началась сплошная демагогия, заявки о «генералах-дармоедах»... Мы с Ахромеевым неоднократно заходили к нему: «Пожалуйста, мы готовы сократить...» И мы действительно сократили управление одной из армий, управления двух округов.

Но мы говорили и о другом: «Почему у нас солдаты работают в промышленности? Зачем нам строительные отряды? Пусть этим государство занимается!»

Мы говорили: «Мы можем оставить два танковых завода — зачем нам четыре? Зачем семь авиационных заводов, когда достаточно четырех?»

Горбачев уклонялся от решений — ему надо было уничтожить сам строй под видом «улучшения социализма». Армия ему просто мешала...

— *В книге Владимира Александровича Крюкова «Личность и власть» приводятся слова из доклада ЦРУ того периода. Развал стра-*

ны, утверждалось в нем, уже не в состоянии остановить высшее руководство советских Вооруженных сил. Как вы прокомментируете то утверждение?

— Вообще-то правильно сказано. Но этот вопрос лучше Крючкову задать! Вооруженные силы не предназначены для ведения войны внутри государства — это я всегда знал. И что в 1991 году армия могла сделать, скажите, пожалуйста?

— *Кто его знает. Военных переворотов в России с начала XIX века не бывало...*

— Вот так! И мы не собирались делать, в мыслях не допускали никакого военного переворота!

— *Но ведь именно ввод танков в Москву спровоцировал ответные действия — баррикады у Белого дома и так далее... Чья, кстати, это была идея — ввести бронетехнику?*

— Идея — ГКЧП, а конкретно команду давал я. Войска мы вводили для охраны — разве не знаете, как у нас мародерничают? Вообще, прошло 13 лет, пора бы уже и не мусолить этот вопрос... Если же я скажу, что люди на картошке были — еще больше недоумения будет! На самом деле в то время эти две дивизии картошку себе заготавливали, потому что государство армию практически уже не обеспечивало. В танках на месте были только механики-водители, да кое-где — командиры. Так мы их и ввели...

— *Тогда, в августе 1991-го, многие — по разным причинам, правда, — ждали от ГКЧП решительных действий. Например, что будет интернирование...*

— Вопрос опять-таки не ко мне! Вся соль в том, что ни Крючков, ни Путо никого не собирались сажать. Выбрали бригаду связи ВДВ и по инициативе Павла Грачева троих или четверых задержали — этим все и закончилось. Не готовился никто к чему-то более серьезному, не было заговора!

— *Хватит истории. Чем вы занимаетесь сейчас, находясь, так сказать, на заслуженном отдыхе? Хотя понятно, что ваш образ жизни «отдыхом» не назовешь...*

— Действительно так. Я — президент фонда «Офицерское братство» ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил «Мегапир» — есть у нас такая общественная организация. Работу проводим большую: издаем книги к 60-летию битв под Москвой, Сталинградом, Курском, снятия блокады Ленинграда, проводим конференции...

— *Если уж мы опять вернулись к войне, то задам вопрос, интересующий многих наших читателей: смотрели ли вы телесериал «Штрафбат» и какого вы о нем мнения?*

— Не смотрел и смотреть не хочу, хотя отдельные моменты видел. Сценарий писали совершенно некомпетентные люди! После приказа № 227 в армиях были штрафные роты — не штрафбаты, в них были сержанты и солдаты, а командирами не штрафники, а кадровые офицеры. Во фронтах были штрафные батальоны, где были проштрафившиеся офицеры. Командирами там опять-таки были кадровые офицеры. Заградотряды же были из войск НКВД, и они отвечали за охрану тыла: немцы бомбили, мосты разрушали, пожары были — нужно было поддерживать порядок, вылавливать диверсантов, шпионов. Разумеется, они задерживали и тех, кто бежал с фронта. Этих людей пересылали на пункты формирования, а офицеров, если те бежали, передавали специальным органам трибуналов, которые определяли их дальнейшую судьбу... А создатели «Штрафбата» старались еще раз скомпрометировать советскую власть и Сталина, который создал государство, создал экономику — и мы победили нацизм, освободили Европу.

Беседу вел Александр Бондаренко

**Владимир Крючков: «Мы думали,
что советская власть будет существовать вечно»**

Биографию генерала армии **Владимира Александровича Крючкова** можно найти в любой энциклопедии, в автобиографическом двухтомнике «Личное дело», знакомом многим нашим читателям. И при встрече мы попросили этого известного государственного и общественного деятеля, руководителя советской разведки в 1974—1988 годах, председателя КГБ СССР в 1988—1991 годах ответить на ряд вопросов, интересующих людей, не равнодушных к судьбе нашего Отечества.

— *Когда вы познакомились с Юрием Владимировичем Андроповым? Каково было ваше первое о нем впечатление?*

— Первая моя встреча с Юрием Владимировичем произошла в 1955 году в Москве, когда он пригласил меня к себе как будущего сотрудника нашего посольства в Венгрии. Потом — уже в Будапеште, куда я прибыл на работу в октябре того же года. С тех пор 29 с лишним лет мы были вместе — ближе или дальше... Первые впечатления у меня были очень сильные. Сразу чувствовалось, что это человек с большим пытливым умом, огромным интеллектом. По поводу одной шутки он сильно рассмеялся, и я подумал, что так могут смеяться только искренние люди, чистые душой. По тому, как он интересовался моей семьей, я понял, что он еще и заботливый человек. Когда же по ходу нашей беседы он поговорил с кем-то по телефону, то я почувствовал, что это человек

масштаба не только Венгрии... Мне повезло, что моя судьба оказалась надолго связана с Юрием Владимировичем.

— *Какие качества вы назовете главными в его характере?*

— Он полностью отдавал себя делу, работе, и других забот у него, казалось, не было. Не знаю, уделял ли он какое-то внимание своей семье... Он мог часами беседовать с товарищами, умел слушать, задавал вопросы, уточнял, сам наполняясь багажом знаний, и давал тому, с кем вел беседу, ориентиры того, чем следует заниматься. Это был человек очень широкой эрудиции. Случалось, что какой-нибудь специалист по тому или иному вопросу пытался подчеркнуть, что он здесь стоит выше, чем Андропов. Но Юрий Владимирович умел удивительно обозначать вопросы, которые углубляли тему и порой высвечивали, что на самом деле стоил его собеседник... Его подход даже к проблеме, которую он не знал, был настолько интересен, глубок и разносторонен, что люди понимали, что имеют дело с неординарным человеком. К тому же он всегда был сдержан, вежлив и тактичен. Не помню, чтобы он кого-то оскорбил, унизил. Правда, иногда он выходил из себя, но не по отношению к тому, с кем разговаривал, а по какой-то проблеме — и тут-то он давал волю своему красноречию. Он говорил: «Ну что ж, слов нормальных не хватает, перехожу на другой лексикон!»

— *В 1956 году вы, молодой дипломат, работали в Венгрии. Как вы сегодня оцениваете тогдашние события?*

— Мне кажется, мы тогда не смогли понять, что это была первая серьезная попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны! После нее прошло 11 лет, и, казалось бы, мир должен идти по той колее, в которую вошел по ее результатам. Но мы этот момент как-то упустили — ни советская, ни венгерская пропаганда ничего не сказали по этому поводу. Хотя выходец из одного графского семейства именно так мне тогда и заявил: «Итоги войны были не во всем справедливы, и, вероятно, придет время, когда их надо будет пересматривать. Может быть, сейчас мы начали это делать». Я не придавал его словам должного значения... Народный строй тогда еще по-настоящему не утвердился, а «бывшие» теряли силу и торопились что-то сделать, чтобы отвоевать утерянные позиции.

— *Вы считаете, что тогдашняя политика Советского Союза была правильной?*

— Если бы мы потеряли позиции в Венгрии, потом еще где-то, то, думаю, что то, что произошло у нас в стране в 1990-х годах, наступило бы значительно раньше. Говорить, что в Венгрии была революция, а мы

совершили контрреволюцию, — глубокая ошибка. Против народной власти, против ее институтов поднялась сравнительно маленькая часть венгерского населения, а большая была за эту власть... Кстати, как председатель КГБ СССР, я хорошо знаю, что в 1990—1991 годах наши люди не помышляли о том, чтобы уничтожить советскую власть и установить другую — об этом думала весьма небольшая часть населения. Когда я сравниваю то, что было в 1956-м в Венгрии и в 1991-м у нас, картина примерно та же: один процент активного населения ломает жизнь 99 процентам...

— *Но разве нельзя было обойтись без «силового решения»?*

— Я считаю, что другого выхода не было. На пять дней в конце октября — начале ноября 1956 года наши войска ушли из Будапешта, и за эти дни там были убиты сотни людей. А если бы, допустим, произошла полная и стремительная смена строя, то думаю, что кровавых жертв было бы намного больше.

— *Вы заговорили о крушении СССР. Считаете ли вы, что причиной тому стало так называемое перерождение партийной номенклатуры?*

— Это одна из причин. Нельзя сказать, что номенклатура в целом возглавила борьбу против советской власти, против строя, против мировоззрения, которого мы придерживались. Но часть ее была в числе тех, кто рушил Советское государство, перерожденцев было немало: Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и другие, пониже рангом... Конечно, переродились они не за один день и даже не за два года, а за больший срок. Мы думали, что Советская власть будет существовать вечно, что ей ничто не угрожает, а если кто-то только поднимет голову — его остановят. И мы освободили народ, трудящихся от задачи защиты Отечества, того строя, при котором он жил. Мы воспитали народ в таком духе, что он оказался неспособным — ни идейно, ни политически, ни организационно — защищать свою народную власть. Когда опасность возникла, люди подумали: «Верхи справятся! Все будет в порядке...» Не вышло.

— *Считаете ли вы в этой связи правильным решение о запрете контроля КГБ над партийными органами?*

— В принципе это было правильное решение — спецслужбы, специальные органы, в том числе и КГБ, не должны стоять над обществом, хотя бы над какой-то его частью. Но совершена была другая ошибка. Когда поступали сигналы, органы госбезопасности могли проверять рядовых граждан, принимать соответствующие меры. Но функционеры партийных, профсоюзных, комсомольских и некоторых других

общественных организаций, начиная с любого выборного поста, были «неприкасаемы». Их проверку можно было начинать только с согласия верхов, а пока его получишь... Таким образом, из-за недостатков нашего законодательства значительная часть «функционеров» ушла из-под контроля, и именно в той среде рождались люди, которые после сыграли огромную роль в разгроме существовавшего строя.

— *Кстати, кого можно было считать самым осведомленным человеком в СССР?*

— Трудно сказать, смотря в чем... Я помню, как выступал на XXVIII съезде КПСС и бросил такую фразу: мол, нас обвиняют в том, что КГБ не все знает, не информирован, не туда смотрит... Я сказал, что мы сможем куда надо и видим многое, но не всегда можем сделать то, что нужно, — даже по отношению к тем, кто в этом зале сидит. Раздались одобрительные аплодисменты... КГБ был очень осведомленной организацией, и, пожалуй, ее руководитель вменял столько информации, сколько может вместить мозг человека. Но...

— *А сколько в СССР после 1945 года было разведок?*

— Две: внешняя разведка, которую потом стали называть внешней неполитической, и военная. Но и контрразведка использовала свои возможности для добычи информации разведывательного характера... Были небольшие разведывательные подразделения в некоторых других структурах органов госбезопасности. Но всю разведдеятельность координировали две организации: ПГУ в КГБ и военные разведчики в Министерстве обороны. Мои предшественники по линии разведки проделали огромную работу и создали такую базу, такую кадровую основу, которые позволяли нам решать задачи просто удивительного свойства! Если, допустим, переводить на деньги, то отдельные операции приносили нам даже не сотни миллионов, а миллиарды долларов дохода! Я считаю, что разведка была самым рентабельным хозяйством в нашей стране. Тратишь рубль, а получаешь тысячу и даже больше... Почему? Дело мастера боится!

— *В числе ваших предшественников был и Лаврентий Берия...*

— Я слышал от многих из тех, кто работал с Берией, да и от Андропова, что Хрущев приписал ему много преступных деяний, которые он не совершал. Любой его проступок называли преступлением, а каждое преступление называли ужасным. Берия не был шпионом, это придумано. Я думаю, Хрущеву нужно было во что бы то ни стало убрать его не только с политической арены — морально, психологически, но и физически. «Нет человека — нет проблемы». Кстати, это самый ошибочный

тезис! Если нет человека — это еще большая проблема. Идея забудется, проблема заглохнет, но человек обязательно всплывет, рано или поздно. Берия был способным организатором, и наиболее трудные дела Сталин поручал ему, это бесспорно. Он приложил руку к организации атомной промышленности, слыл среди ученых большим специалистом, даже не будучи образованным в этом вопросе. Конечно, он не лишен был карьеристских устремлений, но это может быть партийный, морально-нравственный проступок, а не преступление, за это не расстреливают. Я думаю, дело Берии в целом было расследовано необъективно, и это далеко не блестящая страница в деятельности Хрущева.

— *А как вы относитесь к личности Сталина?*

— Я только что закончил книгу и долго думал, как ее назвать. Хотел: «Роль личности в новейшей российской истории», но это длинно, и я назвал ее «Личность и власть». Я взял 8 человек — тех, кого знал лично, от Сталина до Путина... Сталина я, конечно, не знал лично, но видел его на Красной площади в 1952 году. Я думал, что по нему в книге у меня будет примерно 40 процентов негатива и 60 — позитива. Когда же стал готовить материалы, освежать в памяти то, что было при Сталине и что в настоящее время говорят и пишут о нем, негатива оставалось все меньше и меньше. Негатив — это репрессии, тут ничего не скажешь, хотя демократы и это сильно преувеличили: чуть ли не 120 миллионов было подвергнуто репрессиям... Я считаю, что это был человек очень способный, неординарный. Однажды меня попросили одной фразой дать характеристику Ленину и Сталину. Вот она: «Ленин — гений-теоретик и гений-практик. Сталин — гений-практик и гений-теоретик». Видите разницу? О том, что это была выдающаяся личность, говорили Черчилль, Рузвельт, де Голль... Надо анализировать все направления деятельности Сталина, и он останется в истории как явление в целом позитивное. Но репрессии...

— *Что вы считаете главным своим успехом в работе в КГБ?*

— Когда я пришел на пост председателя КГБ, развитие ситуации в нашей стране уже вошло в нездоровую колею, так что я не смог сделать того, о чем думал... Но считаю, я сделал все возможное, чтобы спасти державу, когда надо было — рисковал жизнью, здоровьем, положением моей семьи... Полтора десятка лет я был начальником разведки, и это была весьма важная часть моей жизни. Думаю, на счету у меня было немало добрых и интересных дел, но это не только моя заслуга — это была работа коллектива. А на посту председателя КГБ мне удалось довершить начатую Андроповым работу по совершенствованию и фор-

мированию законодательства, на базе которого комитет мог спокойно работать дальше. Мне также, думаю, удалось внести позитивный вклад в воспитание коллектива чекистов... Поэтому в 1991-м и в последующие годы чекистами — и бывшими, и работающими — недостойного было сделано намного меньше, чем представителями других слоев... В том, что сотрудникам органов госбезопасности присущи верность и преданность нашим идеалам, нашему народу, Отечеству, я вижу какую-то долю и своей работы.

— *Известно, что вы немало сделали для развития научно-технической разведки...*

— Она получила мощное развитие еще до меня, и я с благодарностью вспоминаю тех товарищей, которые это делали. Вообще, научно-техническая разведка, которой занимаются разведки всех стран, — это составная часть научно-технической революции. Мы создали институт, ряд новых направлений, взяли в разработку отдельные проблемы, и самое главное — мы встроили работу научно-технической разведки в нашу народно-хозяйственную структуру. По решению ЦК КПСС при Совете Министров было создано специальное подразделение, которое занималось реализацией и внедрением того, что добывала научно-техническая разведка. Это было очень сложное дело, потому что мы добывали секретную информацию и должны были внедрять ее так, чтобы это не вызывало никаких международных осложнений... Действительно, я придавал большое значение развитию научно-технической разведки, но, конечно, прекрасно понимал и другое: она только часть той работы, которой занималась наша разведка.

— *Есть мнение, что некоторые наши ученые буквально паразитировали на материалах научно-технической разведки...*

— Я думаю, что они мало паразитировали, надо было больше паразитировать! Ведь в СССР было два подхода к тому, что делается на Западе: первый — надо обязательно все перенимать, учитывать и внедрять в нашу науку и технику; второй — надо не обращать внимания на то, что делает Запад, идти своим путем, и тогда у нас будет больше собственных оригинальных фундаментальных исследований. Я считаю, что оба подхода были односторонними: надо было сочетать и то, и другое. Брать и учитывать все полезное, а то, что мы сами можем делать, — делать самим. Ведь если бы мы в свое время не добыли материалы по атомной проблематике, то, наверное, опоздали бы в соревновании с Западом... Так что, я думаю, ученые правильно делали, когда паразитировали, и неправильно, когда недостаточно учитывали то, что делается на Западе.

Хотя амбиции у некоторых были невероятные! Мол, это бьет по нашим фундаментальным исследованиям, мы разучимся самостоятельно раскрывать тайны. Помню, как спорил с ними...

— *Вы были в курсе планов ядерного нападения США на СССР в 1960—1970-е годы?*

— Да, все они до нас доходили. Но когда у нас появились ядерные и водородные бомбы, то это уже вносило элемент спокойствия в обстановку, в наши отношения со Штатами и другими ядерными странами. Но мы получали сведения и о том, что американцы вынашивают планы в отношении то Китая, то каких-то стран третьего мира. Часть из них действительно отражала реальность, серьезные намерения, а часть была просто дезинформацией, призванной утихомирить тех, кто поднимает голос против США.

— *Мы вплотную подошли к вопросам о разведывательной работе... Как вы оцениваете уровень своих тогдашних противников? Какую разведку поставили бы вы на первое место?*

— Я думаю, что разведка США ни в организационном, ни в содержательном, ни в кадровом отношении не является идеалом — американцы всегда работали грубовато. Они неизменно уповали на материальный фактор, во время первой беседы могли предложить своему собеседнику миллион... У них в работе не было достаточного интеллекта, тонкости, терпения. Пожалуй, в этом отношении от американской разведки выгодно отличалась английская, где работали творчески, деликатно, проявляя терпение и выдержку... Другие спецслужбы я не беру. А что касается советской разведки, я думаю, мы выгодно отличались от американцев тем, что у нас не было грубых моментов в работе. Подготовка кадров была, считаю, выше, чем у американцев: наши разведчики хорошо знали страну пребывания, объект, по которому работали, имели, как правило, пару высших образований, знали несколько языков и в противоборстве с представителями других разведок обычно выигрывали... Может, я не вполне объективен, потому как говорю о своих товарищах, но я на первое место поставил бы нашу разведку.

— *Ну а какую контрразведку называли бы вы лучшей?*

— Американскую. Это мощь и сила — и в кадровом составе, и по техническим возможностям. Чтобы установить слежку за разведчиком, они все используют, вплоть до самолетов и вертолетов. Такую роскошь мы себе позволить не могли. Финансовая сторона их совершенно не смущала, численность штатов им не ограничивали. К тому же американская контрразведка работает в куда более выгодных условиях, чем

наша, я уверен, даже сейчас. Там слово или иное действие контрразведки является обязательным, должно учитываться другими организациями. С контрразведкой там не спорят и не шутят! А у нас, чтобы провести операцию, нужно было пройти целый лабиринт мероприятий, чтобы убедить какого-то начальника нам не мешать... Я считаю, что американцы правильно поступают.

— *При такой контрразведывательной обстановке провалы неизбежны... Как вы относились к провалившимся разведчикам?*

— Знаете, человеку свойственно ошибаться, поэтому надо внимательно все оценивать... Хотя было время, когда мы вообще от наших нелегалов отказывались. Им запрещали переходить на советскую основу — мол, вы сами по себе. Мы с Андроповым долго обсуждали эту проблему и пришли к выводу, что разведчик должен чувствовать Родину, которая в трудный момент его защитит. Поэтому впоследствии, если наш разведчик попадался, он переходил на советскую основу: я — советский гражданин. Все! Это было, я считаю, небольшой революцией. Мы официально вступались за своего человека, поднимали вопрос, добивались его освобождения, обменивали его на другого, платили деньги... Более того, мы сразу пускали в ход контрмеры. Я не помню ни одного случая, чтобы нам не удавалось бы освободить нелегала. Когда мы пошли по этой колее, это вдохнуло в разведчиков уверенность...

— *Ну а что, вы считаете, следует делать с предателями?*

— Я думаю, надо делать то, что делалось при советской власти. В 1970—1980-е годы нам удалось выйти на агентурную сеть западных спецслужб и за какие-то 9—10 лет разоблачить столько агентуры противника, сколько не было разоблачено за все годы советской власти, причем очень серьезной...

— *Каким же образом вам это удалось?*

— Это была заслуга разведки и внешней контрразведки, из которой тогда убрали небезызвестного Калугина, а при нем была совершенно другая ситуация, при нем это было бы невозможно... Нам удалось проникнуть в те ячейки зарубежных спецслужб, которые занимались этой работой, и получать довольно конкретные данные. Многие из предателей были преданы суду, большинство из них приговорено к смертной казни. Причем, удивительное дело, иногда нам казалось, что, может, не стоит строго наказывать кого-то из тех, кто встал на путь предательства. Но знаете, суды были непреклонны! Никакого нашего давления не было — они сами выносили строгие приговоры за предательство. Иногда нам даже казалось, что слишком строгие. Мне кажется, разо-

блажив эту агентурную сеть, мы внесли достойный вклад в укрепление нашей государственной безопасности.

— *Что же стало с теми, кто ограничился сроком?*

— В 1991 году Ельцин помиловал всех тех, кто был осужден по 64-й статье (измена Родине). Кстати мы, ГКЧПисты, тоже сидели по этой статье, но... Тех освободили, они поехали на Запад и, занимаясь антироссийской деятельностью, изображают из себя «борцов за демократию».

— *А что вы можете сказать про Олега Калугина, заочно осужденного на 15 лет?*

— Я незнаком с уголовным делом, по которому он был осужден, но думаю, что на противника он работал не один год... В свое время Андропов внял нашим мольбам и освободил Первое главное управление от Калугина, перевел его на работу в Ленинград. Тогда еще, наверное, не было тех веских доказательств, которые могли бы его уличить... Хотя сколько мы сделали, чтобы показать истинное его лицо! Но демагогия, популизм, безответственность тогда уже настолько проникали в наше общество, что мало что можно было доказать.

— *Мы говорили о противнике... А что представляли собой ваши союзники — разведки восточноевропейских государств?*

— Они выполняли очень большую и очень полезную работу, успешно решали задачи, которые перед ними стояли. Разведка ГДР по многим позициям и направлениям добивалась таких успехов, которым могли бы и мы позавидовать. Конечно, они занимались тем, что представляло для них конкретный интерес, не было такого глобального подхода, как у нас... Однако тем сотрудничеством, которое было между нами, мы могли не без основания гордиться. У нас был хороший обмен информацией, но мы никогда не делились конкретикой — хочу это подчеркнуть. Был даже такой случай, когда один из товарищей предложил мне принять всю их агентуру, но мы отказались. Они действовали сами по себе, мы — сами, и, думаю, бывало, когда мы, сами того не зная, могли помешать друг другу. Но в целом это было всестороннее, исключительно полезное и плодотворное сотрудничество, в полном смысле братское отношение и готовность взаимно помогать...

— *Можно ли считать справедливыми сегодняшние гонения в Германии на сотрудников «Штази»?*

— Горбачев и Ельцин, решая вопрос о поглощении ГДР Западной Германией, даже не подумали о том, чтобы защитить этих людей. Хотя в свое время мы поднимали перед ними такой вопрос. Но как только западные немцы получили в свое распоряжение всю информацию по

спецслужбам ГДР, они стали их преследовать. По некоторым данным, гонениям подвергалось порядка 100 000 сотрудников. Я выезжал в 1991 году в ФРГ, вел переговоры с представителями немецких властей, объяснял, что это несправедливый подход, он не соответствует нормам международного права: они не вправе судить тех, кто работал на свое государство, признанное международным сообществом. Со мной соглашались, но тем не менее некоторые бывшие сотрудники до сих пор отбывают наказание, других они провоцируют...

— *Еще один вопрос о наших бывших союзниках — можно ли было предотвратить расправу над Чаушеску?*

— Нет, нам ее предотвратить было невозможно. Это был необычный человек — явление, хотя и «не подарок», ясное дело. Незадолго до его смерти Румыния рассчиталась со всеми своими внешними долгами, а ведь когда-то она и нам должна была приличную сумму. Теперь она была свободной и готова пойти по линии развития мощными, ускоренными темпами. Но я думаю, что это не устраивало не только тех, кто на этом паразитировал в Румынии, но и тех, кто от этого что-то имел на Западе, кто опять-таки желал пересмотра итогов Второй мировой войны... Кстати, председатель суда, осудившего Чаушеску, потом покончил с собой.

— *Н-да... Вернемся к событиям в нашей стране. Как вы расцениваете создание в КГБ 5-го «идеологического» управления?*

— Оно было создано еще в 1967 году, и это был в целом позитивный шаг, потому что борьба против Конституции, по которой живет общество и государство, — это не проступок, а преступление. Причем после создания управления усиления борьбы с так называемыми диссидентами не было, число привлекаемых лиц сокращалось. Впрочем, в 2002 году «Красная звезда» рассказывала об этом в интервью с генералом армии Филиппом Денисовичем Бобковым... Но мне теперь кажется, что наши товарищи допустили одну ошибку: надо было поработать с общественностью, придать гласности деятельность КГБ на этом направлении, объяснить, почему это происходит, и дать понять нашему обществу, что это в его интересах. А мы все пустили по слишком закрытым каналам. Это была ошибка, допущенная, мне кажется, в том числе и Андроповым.

— *Интересно, а КГБ масонами занимался?*

— Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, а потом выяснилось, что это серьезное дело, которым надо бы заниматься... Комитет заинтересовался этой проблемой, но, чтобы ее размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею занялось и высшее

политическое руководство. А там такого желания не было. Поэтому наша информация надлежащим образом не оценивалась, не изучалась...

— *Когда же КГБ обнаружил рост антикоммунистических настроений в советском обществе?*

— Горбачев пришел в 85-м, началась политика «ускорения», потом — «перестройки», и я думаю, что где-то в конце 1986 — начале 1987 года рост антикоммунистических настроений был замечен.

— *Бытует версия, что Горбачев — «человек Андропова»...*

— Бросьте! Они встречались, когда Андропов выезжал на лечение в Ставропольский край, но, когда встал вопрос о переводе Горбачева в Москву, инициатором этого был Кулаков, поддержал его Суслов, потому что они работали когда-то вместе. Затем Ефремов, бывший первый секретарь Ставропольского крайкома, Брежнев... На последующих этапах за Горбачева ратовали и Рыжков, и Лигачев. Андропов не возражал. Но вот в последнее время, когда Андропов в нем разобрался, он все меньше говорил о Горбачеве, а в последние месяцы у него уже вырывались негативные высказывания: торопыга, спешит, ему будет трудно. Он никогда не называл Горбачева преемником...

— *Кого же Юрий Владимирович видел в этом качестве?*

— Каждый человек, по Эйнштейну, верит в собственное бессмертие, и Юрий Владимирович не думал, что вскоре умрет. Он считал, что есть еще какое-то время... Кстати, между прочим, это относится и к Сталину... Но ясно, что на Горбачеве он не остановился. Я думаю, любой из состава Политбюро, кроме Горбачева, не допустил бы того, что произошло со страной. Тот же Романов — очень толковый человек, с трезвыми, конкретными суждениями. Можно было взять любого, кроме пожилого, — надо было кончать с «пятилеткой похорон генсеков».

— *И все же считают, что Горбачев пытался продолжить — но не сумел — андроповскую программу реформирования общества...*

— Никакой цельной программы у Андропова не было, он считал, что сначала надо разобраться в обществе, в котором мы живем. Я бы сказал, что это сильный подход! Он считал, что надо постепенно определиться, и спустя 4—5 лет... Как он сказал однажды: «Надо подумать, как нам идти дальше». Андропов и не утверждал никогда, что у него есть цельная программа... А вот Горбачев бросался из стороны в сторону, не имея ни программы, ни представления, ни поддержки. Но я думаю, что это своего рода игра: сбить с толку общество, людей, породить хаос, а потом...

— *Еще вопрос об Андропове: некоторые авторы считают, что он был мощным экстрасенсом...*

— Чего только не говорят! Для Юрия Владимировича никакая мистика ни в какой мере не была характерна — он ни в какие приметы даже не верил. Все это из области фантастики...

— *Насчет веры... Горбачев вам доверял?*

— Думаю, на первых порах — да. Он был откровенен со мной, и одно время казалось, что влияние Яковлева падает — под влиянием той информации, которую давал КГБ, под нажимом со стороны Минобороны, МИД. Одно время даже Шеварднадзе, это мало кто знает, выступал против него. А потом что-то случилось, Горбачев взял курс на Яковлева, его влияние становилось все более сильным, и в конце концов они сомкнулись в единых действиях...

— *Имел ли Горбачев какую-либо опору в кадрах КГБ?*

— Думаю, не имел — не потому, что не хотел, а потому, что у него не получалось. Он понял, что КГБ не поддержит его в тех действиях, которые он предпринимал, а потому пытался осуществить свои планы какими-то обходными путями... Если вы проанализируете всю ситуацию, то убедитесь, что это так. Это, кстати, один из результатов того воспитательного процесса, который мы проводили в КГБ.

— *Ну а каким же образом кандидат в члены Политбюро Ельцин превратился в лидера оппозиции?*

— В моей новой книге этому посвящена целая глава. Тут сочетаются многие факторы. Во-первых, его личные особенности. Это человек необычный — не с точки зрения его умственных способностей, а по характеру, по поведению, по всему... Очень властолюбивый, карьерный. Для Ельцина власть — это все, и когда ее нет, он падает духом, не справляется с ситуацией. Я думаю, что Ельцин — человек, которым можно манипулировать. Демократы взяли его для своих манипуляций и, со своей точки зрения, сделали очень верный ход... Хотя он думал, что у него все гораздо проще получится, — помните, как он в 1992 году заявил: «Если положение коренным образом не изменится и люди не станут лучше жить, я лягу на рельсы». И что?.. Еще такой момент — очень неприязненные отношения Горбачева и Ельцина. Они ненавидели друг друга, а Горбачев был слабее Ельцина, и тот его задавил...

— *Времена перестройки памятны нам и громкой кампанией по «реабилитации жертв сталинских репрессий». Как вы считаете, имела ли она иные цели, кроме официально объявленной?*

— Я думаю, что Советское государство разрушали системно, с разных сторон. Одно из направлений — использование того периода, когда были эти «незаконные репрессии». Объективного подхода здесь не было...

А ведь в происходивших тогда событиях сыграли свою роль очень важные обстоятельства. В частности, убийство Кирова. Я считаю, что Сталин тут ни при чем, но ему тогда показалось, что это не простое убийство, и с этого началась вся круговерть. Потом дальше: коллективизация со всеми ее проблемами и сопротивлением кулаков, тяжелая ситуация на международной арене. Было очевидно, что против нас готовится война и что страна должна быть единой. Вот и возникло желание разобраться с теми, кто мешает...

Я думаю, рано или поздно мы бы еще вернулись к этому вопросу, стали бы разбираться, но более объективно. Ведь реабилитировали всех, в том числе и тех, кто совершил уголовные преступления. С 1931 по 1953 год было привлечено к уголовной ответственности 3 миллиона человек, около 800 000 из них расстреляно — за самые разные преступления! Если взять историю Запада, там массовых репрессий было гораздо больше, чем у нас, но, видимо, некоторые посчитали, что это хороший повод, чтобы ударить по Советскому Союзу.

— *Когда же у нас появились те самые «агенты влияния», о которых вы говорили?*

— Думаю, что еще в эпоху Хрущева, в результате «оттепели». Запад, в частности США, тогда убедился, что открытой конфронтацией СССР не разрушишь, это надо попытаться сделать изнутри, как говорил в свое время Даллес. И они пошли по этому пути... Размягчение общества особенно обозначилось после 1975 года, когда подписали хельсинкский документ, и там была «третья корзина» — «права человека». Кстати, недавно бывший директор ЦРУ Гейтс сказал, что начало разрушения Советского Союза надо отсчитывать именно с 1975 года.

— *Пытался ли КГБ бороться с «агентами влияния»?*

— А как ты с ними будешь бороться, если по некоторым позициям они выше тебя стоят?

— *Тогда о тех, с кем возможно было бороться... Известно, что была обнаружена американская «прослушка» на линии связи КГБ.*

— Кстати, без разведки мы об этом никогда бы не узнали! Аппаратура, которая была там установлена, стоила сотни миллионов долларов. Я думаю, если бы нам не удалось ее обнаружить, то значительная часть секретной информации спокойно бы перекачивалась в Вашингтон, что, конечно, нанесло бы нам колоссальный ущерб... Не помню, сколько она там оставалась, — она ведь предназначалась к работе в «особый период», но тем не менее могла бы работать и в обычное время.

— *Обратимся к другому «особому периоду». Скажите, Владимир Александрович, у кого возникла идея создания ГКЧП?*

— Да ни у кого... 4 августа Горбачев уехал на отдых и нам сказал, что надо следить за ситуацией в стране — она тяжелая. И вдруг 15-го числа публикуется проект Союзного договора руководителей шести союзных республик. Мы были поражены! Стало ясно, что после его подписания Советского Союза не будет, хотя казалось, что референдум 17 марта абсолютно прояснил этот вопрос... Тогда полетели в Форос к Горбачеву с просьбой прояснить ситуацию. Михаил Сергеевич отвечал, что договор будет подписан. И вот в этой ситуации, в этой спешке — до 20 августа осталось всего два дня — было принято решение пойти на то, чтобы создать такой орган... Причем я не помню кого-то конкретно, кто бы сказал: «Давайте создадим!» — просто все понимали, что надо спасать, и пошли на этот шаг ради спасения...

— *Горбачев знал об этом?*

— Да, 18-го, когда к нему приехали наши товарищи, он узнал про идею ГКЧП и сказал: «Ну давайте, черт с вами, валяйте, действуйте».

— *Вопрос, интересующий многих: почему вы не отдали приказ «Альфе» на задержание лидеров оппозиции?*

— Действия ГКЧП были выступлением в защиту Союза, основанным на конституционных нормах. Если бы мы начали арестовывать одного, другого, третьего, то это действительно походило бы на путч. На этот шаг мы не пошли. Но главное — мы тогда себе сказали, что если будет опасность пролития крови, мы сойдем с дорожки на любой стадии развития. Так оно и получилось — когда 20-го была пролита кровь, мы решили остановиться. Мы поняли, что та сторона может пойти на любые жертвы...

Беседу вел Александр Бондаренко

Генерал армии Валентин Варенников: «Мы спасали Великую страну»

Валентин Иванович Варенников с 1989 года занимал должность главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны СССР. В 1994 году единственным из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, предстал перед судом и был оправдан за отсутствием состава преступления, в связи с тем, что он выполнял приказ вышестоящего начальника. Ушел из жизни 6 мая 2009 года.

В августе 1991 года произошло событие, которое могло предотвратить величайшую геополитическую катастрофу XX века — распад Союза ССР. Но история, к сожалению, распорядилась иначе, и наш народ был ввергнут в пучину страданий. В результате насильственного разлома Советского Союза наш народ понес неисчислимые бедствия. За пределами России остались десятки миллионов этнических россиян. Но самое главное — разорваны все артерии, связывающие нашу огромную державу, созданную еще монархами, а не только советской властью.

Глубокая экономическая интеграция, кровная связь всех народов, классическое сплетение культур, науки, искусства, образования, спорта — все это разрублено. Великая империя, огромная надежная семья народов, которая отстояла не только свою честь и независимость в годы Великой Отечественной войны, но и обеспечила сказочные темпы развития до и после войны, в одночасье исчезла.

«Козлом отпущения» за развал СССР сделаны ныне в глазах общественного мнения члены Государственного комитета по чрезвычайному положению (приснопамятный ГКЧП), который был создан в ночь с 18 на 19 августа и просуществовал всего трое суток, пытаясь хоть как-то не допустить разрушения великой страны. Общественности навязывается мнение о том, что после выступления ГКЧП другого пути не было, как «Беловежье». Мол, уже Советский Союз спасти было невозможно.

Это неправда. Другой путь был. Это показывает новейшая российская история. Владимир Владимирович Путин, приняв страну в страшном катастрофическом состоянии, когда ничто не существовало в рамках закона, смог решительно приостановить падение и разрушение страны. К 2000 году существовали уже почти самостоятельно, хотя и считались субъектами России, целые регионы, шли разговоры о создании Уральской республики, Сибирской республики, Дальневосточной республики. Обстановка была в целом значительно тяжелее, чем в 1991 году. Но мужественный, умный и твердый поступок нового главы государства позволил выхватить страну из бездны. Он не дал ей развалиться. Нынешний глава российского государства спас Россию. И мы должны, обязаны это честно признать.

Это показывает, что даже в более тяжелом в сравнении с 1991 годом состоянии страну оказалось возможным спасти. Но те, кто правил тогда, 15 лет назад, оказались не на высоте исторической задачи. Какая была обстановка летом 1991 года?

В июне 1991 года на закрытом заседании Верховного Совета СССР председатель Комитета государственной безопасности СССР В.А. Крюч-

ков зачитал доклад Юрия Владимировича Андропова, который им был сделан в 1977 году членам Политбюро ЦК КПСС, где говорилось, что в стране действуют агенты влияния (т.е. «пятая колонна») и что они представляют большую опасность, так как разрушают общественный и государственный строй. И далее Крючков от себя добавил, что эти агенты влияния сегодня уже привели нашу страну на грань полного развала. Было непонятно, правда, к кому Владимир Александрович апеллировал — ведь задача обеспечения государственной безопасности полностью возложена на возглавляемое им ведомство.

3 августа Горбачев собирает президиум Кабинета министров СССР и объявляет: «В стране обстановка крайне тяжелая. Я еду в Крым отдыхать, а вы за это время обязаны навести порядок!» Естественно, Горбачев понимал, что члены Кабинета министров, как и руководство страны в целом, несомненно, будут действовать, что-то будут предпринимать. И если у них получится, он заявит: «Это — я! Я им ставил задачу». А если не получится, то скажет: «Вот видите, я им поставил задачу, а они?!» То есть он был верен своей манере — уходить от ответственности.

4 августа представители государственного руководства по традиции проводили Горбачева на отдых, а уже на следующий день схватились за голову: «Что делать?» В течение 10 дней сустились, разрабатывали документы, составляли планы выхода из тяжелого кризиса.

17 августа группа государственных руководителей и приглашенные собрались у В.А. Крюčkова на объекте на окраине Москвы и решили: четверем представителям от совещания вылететь в Крым к Горбачеву и убедить его в необходимости решить два вопроса. Первый — не подписывать 20 августа Союзный договор в Ново-Огареве, так как его готовы были подписать только шесть республик из 15. Второй вопрос — объявить чрезвычайное положение в тех районах страны и отраслях народного хозяйства, где это требуется (чтобы не повторились такие события, как в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и т.п.).

При этом предполагалось действовать в соответствии с принятым Съездом народных депутатов СССР 4 апреля 1990 года Законом «О режиме чрезвычайного положения».

18 августа состоялась встреча с Горбачевым в Крыму. Он отказался от предложений участвовать в наших действиях. Ему предлагалось полететь с нами в Москву для совместного принятия решения. Он также отказался, сославшись на плохое самочувствие. Но заявил: «Действуйте, как считаете нужным, черт с вами!» (Буквально его слова — и ничего другого не прозвучало.)

В ночь с 18 на 19 августа руководство страны, учитывая отказ Горбачева участвовать в действиях, вынуждено было создать Государственный комитет по чрезвычайному положению. Такого типа государственные структуры в то время имели право создавать два лица: президент СССР или председатель Кабинета министров СССР. Руководитель Кабинета министров В.С. Павлов взял ответственность на себя, создал комитет и сам вошел в его состав.

19 августа утром объявляется о создании ГКЧП и обнародуются его документы. В Москве в целях недопущения мародерства объявлено чрезвычайное положение на основании Закона СССР «О режиме чрезвычайного положения». Надо иметь в виду, что при введении чрезвычайного положения во многих странах мира предусматривается использование войск. Поэтому наше решение временно задействовать в столице некоторое количество военнослужащих и военной техники не выходило за рамки общепринятой практики.

20 августа министр обороны СССР вызвал меня из Киева в Москву, чтобы помочь навести порядок. Во второй половине этого дня я уже был на совещании в Генштабе, где генерал В.А. Ачалов по заданию министра обороны разбирал вопрос: как подразделению «Альфа» войти в здание Белого дома, чтобы разоружить 500 гражданских лиц, которые вооружены российским руководством автоматами и пулеметами? Войти, но чтобы не было жертв среди лиц, которые толпились вокруг этого здания. «Альфа» заняла исходное положение и готова была выполнить задачу. Ждали сигнала. Но сигнала не было — не знали, как проделать «коридор» в многолюдной толпе без жертв.

В ночь с 20 на 21 августа на Садовом кольце в районе моста неподалеку от Смоленской площади погибли три москвича. Что произошло? То, что по Садовому кольцу курсирует военный патруль в составе роты на боевых машинах пехоты, было известно в Белом доме. И кто-то решил создать западню под мостом (когда рота втянется под мост, закрыть вход и выход из-под моста) и поджечь БМП. И этот замысел был реализован. Заранее оповестив журналистов и расставив теле- и кинокамеры, «Юпитеры», привлекли толпу ни о чем не подозревающих зевак. Роту под мостом «захлопнули», забросали БМП бутылками с горючей смесью, камнями, металлическими предметами. Закрывали брезентом смотровые щели и т.п. Рота все-таки вырвалась и, прервав патрулирование, нашла спасение у стен Белого дома, вокруг которого стояли танковая рота Московского военного округа и батальон десантников (по плану

охраны объектов в период чрезвычайного положения). Во время этого инцидента погибли три молодых человека.

После трагедии на Садовом кольце у Смоленского моста на ночном совещании у В.А. Крючкова принимается решение прекратить все действия до утра, чтобы не допустить новых жертв. Министр обороны отдал распоряжение — введенные войска в Москву для охраны объектов утром 21 августа вывести из города в пункты постоянной дислокации.

Наступила патовая ситуация. И вместо решительных действий председатель Верховного Совета СССР и председатель КГБ принимают решение лететь к Горбачеву в Крым, чтобы убедить его в необходимости «включиться» в события, от которых зависит судьба государства. С ними полетел министр обороны.

Вслед за ними на другом самолете вылетает к Горбачеву и тогдашний российский вице-президент Александр Руцкой с небольшой командой. Почему Минобороны дало разрешение на вылет самолета с Руцким, так и осталось непонятным.

В итоге Горбачев принял только председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова, а затем Руцкого. Остальных, пригласив их в свой и во второй самолет, приказал арестовать. Ни у председателя КГБ, ни у министра обороны личной охраны не было.

В те дни покончили жизнь самоубийством советник президента по военным вопросам Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев и министр внутренних дел Б.К. Пуго. В этих самоубийствах я лично очень сомневаюсь, хотя и читал две последние записки Сергея Федоровича.

Какую власть хотело захватить руководство страны? Ведь вся власть уже у них, по сути, была: вице-президент СССР, председатель Правительства, председатель Верховного Совета, председатель Комитета госбезопасности, министр обороны, главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны, министр внутренних дел...

Появление ГКЧП было, на мой взгляд, объективной неизбежностью. Критическая, именно чрезвычайная обстановка требовала принятия мер, а тогдашний глава государства бездействовал.

Конечно, оглядываясь назад — на действия ГКЧП, надо признать, что у него были два принципиальных недостатка.

Во-первых, ГКЧП, как орган государственного управления страной в чрезвычайных условиях, фактически не состоялся. Он был формально создан, были продекларированы прекрасные документы, но страной никто не управлял. Даже свои документы комитет не разъяснял народу, не доводил до общественного сознания цели и задачи, которые

он преследует. Вполне понятно, что в головах наших сограждан был туман — совершенно непонятно, что творится в стране.

Во-вторых, руководители ГКЧП в дни событий не заняли по отношению к дискредитировавшему себя лидеру страны жесткую позицию. Но они шли «на цыпочках» — как бы не огорчить президента.

К сожалению, в ГКЧП не было таких личностей, как Ю.В. Андропов или хотя бы В.Е. Семичастный. Последнего на пост председателя КГБ поставил Н.С. Хрущев. Но, когда Никита Сергеевич «зарылся», не стал ни с кем советоваться и, делая одну ошибку за другой, наносил своими решениями ущерб государству, Семичастный содействовал тому, чтобы Хрущев спокойно ушел в отставку. Ведь долг перед народом и ответственность за безопасность страны, конечно, должны быть выше личных отношений.

Владислав Ачалов:

«Это был хорошо разыгранный спектакль»

Наш собеседник — Владислав Алексеевич Ачалов, генерал-полковник в отставке, бывший заместитель министра обороны СССР, активный участник событий августа 1991 года.

— *Событиям пятнадцатилетней давности, как думается, до сих пор не дано объективной оценки — слишком много здесь замешано политики. А также, впрочем, и личных интересов. Но давайте, как люди военные, рассмотрим организационную сторону операции «ГКЧП»...*

— Да если бы это был военный переворот, никто бы и пальцем пошевелинуть не смог — с нашим-то колоссальным опытом, полученным в «горячих точках»! Если б все готовилось по-нормальному, то был бы и план ввода войск, и план захвата власти... Так что, когда началась вся эта возня, я никак не думал, что это может приобрести такой характер.

— *А когда это все началось?*

— Весной 1991 года.

— *Непосредственно подготовка началась?*

— Нет! Перед событиями я был в отпуске в Ялте и каждый день получал доклады из Министерства обороны. Никаких мероприятий на подготовку использования войск не было — это была работа идеологическая. Оценивалась внутривнутриполитическая и внешнеполитическая обстановка в стране, делались выводы и готовились предложения... А вывод был тот, что страна так дальше жить не может: народ уже ни во что не верит, назревает гражданская война.

— *Вы принимали участие в подготовке документов ГКЧП?*

— Нет, в их разработке я не участвовал — когда я приехал, они уже были готовы. Потом я читал эти документы, читал и протоколы допросов всех самых активных участников событий... Знаете, это было как крик раненого журавля или лебедя — они хотели сделать что-то нужное, важное, большое...

— *Как же развивались события, в которых вы участвовали?*

— 17-го состоялось заседание правительства, и Павлов затем приехал на совещание на объект КГБ — это рядом с магазином «Лейпциг». Министр обороны маршал Язов взял на совещание меня и генерала армии Варенникова. Были почти все члены Политбюро. Павлов реально обрисовал обстановку: страна остается голодной и холодной, люди, по сути дела, без средств на существование. Урожая мы собираем, по сути, половину, вторая половина остается на земле... На заседании правительства все, кроме одного или двоих, были за введение в стране чрезвычайного положения.

— *В какой обстановке проходило это совещание?*

— Некоторые говорят, что было застолье. Нет, на столе стояла бутылка виски, его никто и не пил, пили только чай и кофе. Потом Крючкова пригласили к телефону ВЧ, и я слышал, как он говорил: «Да, Михаил Сергеевич, мы тут обсуждаем проблему — Павлов рассказывает о заседании правительства». Когда Владимир Александрович закончил разговор, он сказал: «Ну вот, Михаил Сергеевич всем передает привет». После того решали, кто к Горбачеву поедет, чтобы вводить чрезвычайное положение.

— *То есть Михаил Сергеевич все изначально знал и поддерживал такой вариант решения проблемы?*

— Некоторые сразу сказали, что надо иметь и запасной вариант, что Горбачев может «подставить», — мы ведь его знали. Я тоже был одним из кандидатов, кто мог к нему полететь...

— *Что же помешало?*

— Мы обсудили ситуацию в регионах: где как могут откликнуться на введение чрезвычайного положения. Больше всего недоверия было к Звиаду Гамсахурдия, ждали, что он может там выкинуть, а это был мой регион... Министр мне сказал: «В случае чего ты мне нужен здесь». Поэтому полетел Валентин Иванович.

— *А что в это время, говоря военным языком, делал противник?*

— Ельцин находился в Алма-Ате. Была информация, что он там играет в теннис... Решили: встретить его во Внуково или на Чкаловском должен министр обороны или Крючков, поговорить с ним. А чтобы не было эксцессов, Грачев, как командующий ВДВ, должен был обеспе-

чить своими разведчиками «внешнее кольцо безопасности». Но потом подумали: хорошо, если он будет трезвый, а если... Тогда разговора не получится. Чтобы это предотвратить, решили — пусть он летит, садится, как и положено...

— *То есть никто его арестовывать или — об этом очень много тогда кричали — «ликвидировать» не собирался?*

— Да ну, ерунда какая! Кстати, я видел список на интернирование, почти 80 человек. По нему почему-то именно к нам, в Медвежьи Озера, — будто специзольаторов не было — привезли Уражцева, Гдляна. Но это второстепенные люди. Я даже министра спросил, зачем они нам нужны? В списке не было ни руководства Верховного Совета, ни руководства страны... Потом, конечно, все говорили — да и я сам говорил, что такого списка нет.

— *Считайте «репликой в сторону»: Ленин, помнится, писал, что «нельзя играть в восстание»...*

— Но поначалу, когда я только вернулся из Ялты, все казалось серьезно. Когда 17-го числа, в субботу, мы ехали домой после совещания на объекте КГБ, Язов мне говорит: «Организуй завтра совещание, принеси положение о введении чрезвычайного положения». Утром мы, по-моему, в 8 часов собрались, я оповестил генералов, кто куда полетит. Инструктаж министра был очень коротким: в случае каких-либо недо-разумений не допустить провокаций, не допустить втягивания в них войск. Положение о введении ЧП размножили на ксероксе, каждому отдали, на самолеты — и все улетели.

— *Это было 18 августа...*

— Да. Вечером позвонил Дмитрий Тимофеевич: «Поехали на совещание». Мы приехали — они как раз возвращались от Горбачева. Случилось то, что мы предвидели...

— *Михаил Сергеевич не поддержал создание ГКЧП?*

— Это был хорошо разыгранный спектакль, которым кто-то умело дирижировал. Посмотрите, кстати, воспоминания зарубежных политиков о Горбачеве. Сейчас он признает, что у него сохранялись и охрана, и связь... А тогда, помните, «форосский узник»!

— *Все-таки о чем шла речь в Форосе? Кто говорил с Горбачевым?*

— К нему летали Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников. Разговор начался около пяти вечера, беседовали минут тридцать. Беседа, естественно, не стенографировалась. Горбачеву предложили издать указ о введении чрезвычайного положения в стране, передать на время пре-

зидентские полномочия Янаеву, как вице-президенту. Но Михаил Сергеевич никакие бумаги подписывать не стал, хотя и дал понять, что разделяет обеспокоенность ситуацией в СССР. Прощаясь, как вспоминал Валентин Иванович Варенников, сказал им: «Черт с вами, действуйте».

— *Для членов будущего ГКЧП уклончивая позиция Горбачева оказалась моральным ударом...*

— Да, Янаев и Павлов сидели тогда податые. Они, видимо, рассчитывали, что Бакланов — он тогда был заместителем председателя Совета обороны при Президенте СССР — привезет письменное согласие на передачу власти Янаеву, а тут надо было самим брать ответственность на себя... Я спросил позднее у Язова: «Товарищ министр, как мы могли с ними связаться?»

— *А как возникла идея ввести танки в город?*

— Дело было так. В воскресенье закончилось совещание. Янаев подписал документы и вдруг обращается ко мне — я сидел в форме: «Ну что, генерал, вводи войска в Москву!»

— *План ввода войск уже был отработан?*

— Никаких планов ввода войск не было! Зачем войска?!

— *А что еще можно было сделать в той ситуации?*

— Знаете, если бы Лукьянов сразу собрал Верховный Совет, все было бы совершенно законно! И тогда бы Союз сохранили...

— *Как вы поступили после такого указания?*

— Я убыл к себе, переговорил с Грачевым, с Калининным — командующим войсками Московского округа... Через некоторое время звонит Калинин: «Я получил команду на ввод двух дивизий в Москву!» Я ничего еще не успел ему сказать, звонит Язов: «Зайди ко мне!» Понимаю, что предложения тут уже спрашивать не будут. «Владислав Алексеевич, я дал команду, — сказал министр. — Садитесь на управление войсками». Ну если он дал команду, не буду же я говорить — зачем?

— *Сейчас понятно, что это было ошибочное решение. А тогда?*

— Я сразу сказал Крючкову: «Сейчас понедельник, первый час ночи. Надо поднять войска по тревоге, поставить задачу, вывести в запасный район, сформировать колонны... Мы сможем войти только в 8—9 часов, когда в Москву будет съезжаться транспорт с дач, отовсюду... Это самое плохое! Дров можем наломать!» Но команда есть команда. Войска вошли — две дивизии. Понятно, не целиком — всего четыре тысячи военнослужащих, но танков много — более трехсот, свыше четырехсот бронетранспортеров и БМП.

— *Какие задачи им были поставлены?*

— Мы определили, какие объекты следует немедленно взять под охрану. Ну, Кремль — это брал на себя Комитет. Роту спецназа ВДВ я направил на Останкинский телецентр, чтобы там не было каких-нибудь провокаций... Были взяты под контроль мэрия, Верховный Совет, Центральный банк — всего пять объектов. Войска вошли в город, и началось развитие событий, которое вы все знаете.

— *Помнится, шла истерия по поводу готовящегося штурма Белого дома...*

— Эту операцию планировали, и ее должен был проводить я, хотя как таковой это операцией не назовешь. Просто было намерение разблокировать... Думаете, это было бы сложно? Обладая достаточным опытом и авторитетом среди десантников, я бы поставил задачу своим гвардейцам — и все было бы сделано без шума и пыли, даже без стрельбы...

— *То есть вы все-таки готовились к штурму?*

— Во вторник 20-го, утром, у меня было совещание, такой вопрос прорабатывался. Тогда пустили слух, что Лебедь то ли сдался, то ли застрелился...

— *Какова была тогда роль Александра Ивановича?*

— Лебедь был замкомандующего ВДВ по боевой подготовке, и я направил его к Белому дому с батальоном, по-моему, 51-го Тульского полка. Я же был депутатом, и делом моей чести было не допустить кровопролития... Скажу, что как солдат, как командир-десантник, Лебедь заслуживал тогда всякой похвалы! Потом уже стали говорить, что он там сыграл такую роль, спас демократию. Никто ничего не спасал! Лебедь был солдат!

— *Доводилось слышать утверждения защитников Белого дома, что 20 августа около 20 часов Александр Иванович в штатском приходил в Белый дом и сообщил о намеченном на три часа ночи штурме и нежелании армии в нем участвовать...*

— Не знаю, сомневаюсь, что Александр Иванович вел тогда свою игру; может, в порядке военной хитрости хотел сам посмотреть, насколько укреплен Белый дом.

— *То есть в принципе Белый дом можно было взять?*

— Да, можно было совершить такую авантюру, если бы не наша партийная дисциплина, офицерская совесть и честь. Накануне операции по разблокированию я сам туда выехал и посмотрел. Разная была публика, даже бомжи туда были подтянуты, видимо, для массовки. Теперь уже

не секрет, кто и какие деньги туда возил, сколько там водки было, как людей подкармливали...

В конечном счете в те тяжелые часы, в ночь с 20-го на 21-е, много решала позиция КГБ, их спецподразделения должны были идти на штурм, армия и внутренние войска обеспечивали лишь внешнее оцепление. К 1991 году у них были и свои тяжелые вооружения. Сейчас мало кто уже помнит, что в июне 1990 года по постановлению Совета Министров СССР в состав войск Комитета стали передавать армейские соединения. Где-то в сентябре 27-я мотострелковая бригада из подмосковного Теплого Стана тоже попала в состав войск специального назначения КГБ, а это и танки, и артиллерия. Крючков мог при желании решить вопрос только своими силами.

— *А почему не решил?*

— Вопрос не ко мне, я с ним на эту тему не говорил. Приходилось, правда, значительно позднее общаться с его коллегами. Думаю, что он вел какую-то свою игру, не во всем согласованную с Горбачевым. То, что он хотел сохранить СССР, — это несомненно. Надеялся, возможно, что удастся переиграть Ельцина, используя оперативные позиции Комитета, — не секрет сегодня, что в осведомителях у чекистов было немало видных деятелей российской демократии.

Мне рассказывали, что утром 19 августа на совещании в центральном аппарате КГБ Владимир Александрович высказал надежду, что с Ельциным, возможно, удастся договориться. В те дни — до утра 21-го, Крючков не раз имел телефонные беседы с президентом РСФСР. О чем конкретно шел разговор, не знали даже заместители Крючкова...

Вопрос о взятии под контроль здания Верховного Совета РСФСР, ставшего оплотом сопротивления ГКЧП, решался во вторник, 20 августа. Примерно в 13 часов началось совещание по этому вопросу. Шло оно три часа, были от КГБ Грушко, Агеев, командир «Альфы» Карпунин, командир еще одного спецподразделения Бесков, от МВД — первый замминистра Борис Громов (он курировал внутренние войска), от Минобороны вернувшийся из Киева Валентин Иванович Варенников, Лебедь. Мы прикинули, как можно было бы действовать, чтобы с минимальной кровью зачистить здание, начало операции наметили на три часа ночи.

Затем ребята из «Альфы» побывали в районе Белого дома, десантники тоже проводили рекогносцировку. Стало ясно, что ситуация меняется не в нашу пользу: защитников здания стало больше, есть огнестрельное оружие, баррикады укреплены. Без больших потерь с обеих сторон не

обойтись, а там, в Белом доме, полно иностранных журналистов, разного рода знаменитости.

Я тогда сказал министру: «Не дай бог, что начнется, — людей много, крови будет много!» Язов мне в ответ: «Езжай к Крючкову!»

— *Как Владимир Александрович воспринял это?*

— Мы с Варенниковым приехали к нему ночью с 20-го на 21-е... Я доложил реальную картину: «Втягивается армия, втягиваются силовые структуры...» У него, разумеется, тоже была информация. И все тогда уже как бы остановилось... Уже после событий узнал, что командиры «Альфы» и «Вымпела», Карпухин и Бесков, также обращались к заместителю председателя КГБ Агееву с предложением отменить операцию. «Альфа», не получив приказа, так и не выдвинулась на исходные позиции для штурма.

Тут еще на Садовом кольце произошло столкновение армейского патруля со сторонниками Ельцина, пришлось стрелять поверх голов, обошлось, к счастью, без жертв. Но около часа ночи в туннеле на пересечении Садового кольца с Новым Арбатом погибли трое защитников Белого дома, попытались остановить БТРы в движении. Мальчишка-водитель растерялся, в общем, попали под гусеницы...

В половине третьего ночи приехал с Варенниковым на Лубянку, к Крючкову. У него собрались Бакланов, Шенин, Громов и руководство КГБ. Бакланов встретил нас словами: «Что, трусили?» Пытался ему объяснить: много людей, политизированы и решительны, проливной дождь, в этих условиях начинать... Борис Громов сообщил, что его дивизия имени Дзержинского в центр Москвы не выдвигалась и внутренние войска в штурме участвовать не будут.

Я доложил позицию Язова: «Уважаемые товарищи, я вам должен передать указание министра обороны, что он из игры выходит, он в этих авантюрах участвовать не будет».

Слышу в ответ: «Как, это предательство?!»

— Я передал вам то, что просил передать министр.

Крючков был несколько растерян, было видно, что на себя он ответственность тоже брать не хочет, говорит: «Что же, операцию надо отменять и еще раз все обдумать».

— *А вы бы без «Альфы» взяли?*

— Конечно, если бы был приказ, штурм бы начали, крови было бы много... Но я такой приказ отдать не мог, надо мной было начальство.

— *Ну да, «мятежных генералов» у нас никогда не жаловали...*

— Кстати, когда уже было ясно, что все закончилось — в ту ночь на среду, — я дал команду уничтожить все лишние служебные бумаги, переговорил с командующими войсками округов... Вдруг ко мне в кабинет забегают мой однокашник по Академии Генштаба — помнится, там мы его между собой звали Хохотунчиком за его постоянную улыбочку. «Владислав, что делать?!»

Говорю: «Вспомни нашу историю! Что было с теми, кто руку поднимал на правителей? Их или вешали, или расстреливали». Принесли нам кофе, он кофе не допил, убежал. Утром партийный билет бросил...

— *Да, в жизни каждый решает для себя по-своему...*

— 21-го в пять утра Язов провел заседание коллегии Министерства обороны, настроение у всех было подавленное. Шапошников, главком ВВС, высказался за вывод войск из Москвы. Главком ВМФ Чернавин и главком РВСН Максимов поддерживали Шапошникова. Язов согласился, в восемь часов подразделения с бронетехникой начали покидать город.

На коллегии также решили, что министру надо лететь к Горбачеву, объясниться... Последнее заседание ГКЧП прошло в здании Министерства обороны. Крючков предлагал продолжать «вязкую борьбу», Язов — лететь в Форос. Бакланов и Тизяков набросились на него с упреками, но Крючков поддерживает Дмитрия Тимофеевича: Горбачев-де должен понимать, что без нас он — ничто.

Но всем, думаю, уже было ясно, что игра проиграна. Сказалось и то, что в Кремле многие хитрили. Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР, тянул с проведением внеочередного заседания, на котором должны были поддержать ГКЧП, а Ивашко, заместитель генерального секретаря ЦК КПСС, — с проведением пленума ЦК, ведь затея с ГКЧП поддержки партийных комитетов так и не получила. Пропагандистская машина вообще бездействовала...

— *Извините, но, несмотря на «большие звезды», и Дмитрий Тимофеевич, и вы, и тот же Бакланов, оказались пешками в чужой игре... Арестованы вы не были?*

— Я был депутатом Верховного Совета РСФСР, и меня не дали в обиду депутаты. Ведь я был солдат, а удел солдата — выполнять приказы. Вот, пожалуй, и все, о чем вы просили рассказать. Могу лишь добавить, что Белый дом можно было без всякой крови поставить под контроль 19-го утром, и тогда, может быть, мы жили бы с вами сегодня в другой стране...

Беседовал Александр Бондаренко

Владислав Алексеевич Ачалов не раз бывал в редакции любимой им «Красной звезды». Водно из его последних посещений, буквально за несколько месяцев до своей неожиданной кончины (23 июня 2011 года — всего на 66-м году жизни), речь вновь зашла о «тайнах ГКЧП».

Напомним, что в январе 1989 года с должности первого заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа генерал Ачалов был назначен командующим Воздушно-десантными войсками, а в декабре 1990 года он стал заместителем министра обороны СССР, отвечал за управление войсками в «горячих точках». Поэтому по долгу службы он был осведомлен о многих хитросплетениях в жизни политического закулисья.

Владислав Александрович вновь подтвердил свое мнение о причастности Горбачева к возникновению ГКЧП. Идея принятия чрезвычайных мер по наведению порядка в стране вызревала еще с весны 1991 года. Так говорили нам и другие непосредственные участники событий, с которыми приходилось встречаться авторам этой книги.

Если суммировать сказанное, то выделяются некоторые примечательные моменты в политической мозаике 1991 года. Документы ГКЧП были разработаны по поручению Горбачева. Это говорил не раз Геннадий Янаев. А последний председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов утверждал, что ГКЧП был создан фактически на совещании у Горбачева в марте 1991 года, ссылаясь на воспоминания 1-го секретаря МГК КПСС Юрия Прокофьева. Сам Михаил Сергеевич особенно не опровергал, что вопрос о режиме чрезвычайного положения вызревал в то время. Но, по его словам, тогда подготавливались только практические шаги по реализации Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», которые не предполагали антиконституционных действий, и он никогда не давал согласие на введение чрезвычайного положения.

Если строго придерживаться хронологии событий, то надо отметить, что идея введения чрезвычайного положения в стране, видимо, появилась даже не весной 91-го, а еще в конце 1990 года, когда стало ясно, что ситуация в советском обществе может скоро выйти из-под контроля. Известно, что 9 декабря того года В.А. Крючков вызывал к себе генерал-майора Вячеслава Жижина, заместителя начальника Первого главного управления (разведка), и полковника Алексея Егорова. Жижин ранее занимал должность начальника секретариата председателя КГБ, т.е. был

одним из самых доверенных лиц Владимира Александровича. Крючков поручил им со ссылкой на поручение президента СССР подготовить записку о первоочередных мерах по стабилизации обстановки в СССР на случай введения чрезвычайного положения.

Роль председателя КГБ в тех событиях вполне объяснима. Крючков, как никто другой из советских руководителей, был осведомлен о реальной ситуации стране и не мог не осознавать, что приближается катастрофа.

Но большинство будущих членов ГКЧП плыло по течению, предпочитая не проявлять особой инициативы. Сказывалась привычка ждать указаний сверху и полагаться на вожда. С вождем же тогда Советской державе не повезло. Горбачев, ставший благодаря Андрею Андреевичу Громыко во главе ЦК партии, явно не знал, что делать. Утрачивая контроль над ситуацией, он вынужденно лавировал между различными группами влияния в рамках советской номенклатуры, оказавшейся в целом, как социальная группа, не способной ответить на вызовы времени.

Что касается министра обороны, то он, как типичный советский военачальник послевоенного времени, стремился избегать вовлеченности во внутрипартийную борьбу и не горел желанием стать «новым Пиночетом». Верный партийной и воинской дисциплине фронтовик Язов не хотел поначалу участвовать в реализации затеи с ГКЧП. Это, кстати, признавал М.С. Горбачев, который, будучи уже в отставке, в одном из своих интервью поведал, что маршал возражал против создания ГКЧП, так как считал, что этим будет крупно подставлен генсек. Но В. Крючков при личной встрече дал ему послушать негласно записанный разговор Горбачева, Ельцина и Назарбаева, где, в частности, шла речь и об отставке министра обороны «по старости», и это сработало...

«Ключики» были найдены и к Валентину Сергеевичу Павлову, премьер-министру СССР. На заседании Верховного Совета СССР 28 августа 1991 года его первый заместитель В.И. Щербаков рассказал такой эпизод. На заседании правительства в первый день существования ГКЧП Павлов поделился с коллегами такой информацией: *«В последнее время готовился военный переворот. В рамках Садового кольца сосредоточено большое количество вооруженных боевиков. У них имеется оружие — одних “Стингеров” на три батальона. У них же были изъяты списки людей, подлежащих устранению в этой ситуации. Вы все, сидящие здесь, члены правительства, в этих списках, только в разных. Мы это все предотвратили введением чрезвычайного положения».*

А уже наедине с Щербаковым Павлов рассказал ему, как он попал в состав ГКЧП: «18 августа я провожаю сына, который должен улетать. Сидим, пьем. Звонит Крючков: срочно, немедленно в Кремль, аварийная обстановка, готовится вооруженный переворот. Надо немедленно членам Совета безопасности принять решение о введении чрезвычайного положения».

Павлов, по его словам, прибыл в Кремль, туда же приехали прилетевшие из Крыма от Горбачева О.Д. Бакланов, О.С. Шенин, В.И. Болдин и В.И. Варенников. Говорят: тот болен. Владимир Александрович Крючков проинформировал собравшихся (источник этой информации, Валентин Павлов, оговорился, скончался в 2003 году, и как оно было на самом деле, выяснить уже невозможно): *«По моим сведениям, сейчас на улицах идет концентрация вооруженных боевиков. Они скапливаются у здания правительства, у Киевского вокзала, у гостиницы “Украина”, здания СЭВ, Центрального телеграфа и так далее. Вот списки, изъятые оперативным путем».*

В дополнение к его информации доложил генерал Ю.С. Плеханов: «Мы независимо от того видим, что идет концентрация боевиков вокруг здания правительства и Кремля, изъяли только два списка».

Любопытно также, что посланцы ГКЧП, побывавшие у Горбачева в Форосе 18 августа, в частных разговорах позднее утверждали, что Михаил Сергеевич в разговоре не отмел с ходу предложение о введении чрезвычайного положения. Он в привычной для него манере «ходил вокруг да около», но будто бы сам предложил название временного органа по управлению страной — ГКЧП и даже от руки написал его состав, включив в него, в частности, вице-президента Геннадия Янаева.

Напоследок, при прощании, пожал всем руки и бросил фразу: «Черт с вами. Действуйте!» В интерпретации Г.И. Янаева фраза звучала так: «Ну, черт с вами, давайте делайте, но имейте в виду, что надо будет собирать потом Верховный Совет быстро, потому что, ну, в общем, надо чтоб было... законно все». Янаеву об этом рассказал, видимо, один из участников той поездки. Записи беседы, конечно, нет. Большинство участников встречи (Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов), да и сам Янаев уже ушли из жизни...

Сумбурные и неумелые действия членов ГКЧП 19–20 августа показали, что продуманного плана действий у них не было. Отсутствовал и подлинный лидер, готовый и способный взять на себя управление страной. Это дало основание многим исследователям считать все это

«спектаклем», необходимым Горбачеву для ускорения дискредитации своих противников из «лагеря консерваторов», окончательного вытеснения аппарата ЦК КПСС из системы управления страной и ее ускоренного перевода на рельсы «рыночной экономики».

Бывший главный редактор газеты «Московская правда», а затем первый российский министр печати Михаил Полторанин неоднократно высказывался в беседах с журналистами на эту тему и характеризовал затею с ГКЧП как «спектакль». По его мнению, за так называемым путем стояли Горбачев с Ельциным вместе, и он «был разыгран». Это было сделано, чтобы разрушить КПСС как систему. Однако события стали выходить из-под контроля из-за позиции В. Крюкова, который «попытался обдурить Ельцина».

Но у председателя КГБ, как, впрочем, и у министра обороны, судя по развитию последующих событий, не хватило политической воли и силы духа взять ответственность за возможные последствия штурма на себя. А ведь речь шла о судьбе всей державы. Установить контроль над Белым домом подразделения специального назначения могли, притом, возможно, и без кровопролития. Ведь уже на самой ранней стадии событий внутри Белого дома оказались спецподразделения, военнослужащие которых якобы пришли на защиту «российской демократии». Штурм Белого дома в привычном понимании этого термина и не надо было предпринимать. Находившиеся там спецназовцы ждали команды на задержание Ельцина и его приближенных. Однако команды не последовало...

В воспоминаниях Полторанина есть такой интересный эпизод: 20 августа, когда в Белом доме всерьез опасаются начала решительных действий ГКЧП, Геннадий Бурбулис (в августе 1991 года — Государственный секретарь РСФСР — секретарь Государственного Совета при Президенте РСФСР и один из самых близких на тот момент людей к Ельцину) звонит в присутствии Полторанина председателю КГБ Владимиру Крюкову. Поражает фраза, произнесенная им (если, конечно, Полторанин правдив): «Если не прекратишь, я тебе жопу натяну на голову». Это само по себе характеризует нравственный облик людей, противостоящих ГКЧП.

Арестованным Владимир Александрович Крюков проявил себя мягким и интеллигентным человеком — эти качества, наверное, его и сгубили как шефа госбезопасности. 25 августа он написал письмо Горбачеву, там были и такие строки: «Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас и отчаяние...»

Словом, в истории тех августовских дней, итогом которых стал распад СССР, много загадок. И судя по опросам общественного мнения, граждане России не имеют четкого мнения о причинах этой величайшей геополитической катастрофы XX века. В августе 2011 года на сайте газеты «Красная звезда» пользователем Интернета был задан вопрос о причинах распада СССР. И вот как распределились ответы. Распад СССР — следствие: деградации советской элиты — 29 %, ошибок Михаила Горбачева — 26 %, операции западных спецслужб — 23 %, ущербности советской модели развития — 12 %, борьбы за власть в руководстве КПСС — 9 %, других факторов — 1 %.

Николай Ефимов

«Он был в Кремле самым совестливым» (судьба маршала Ахромеева)

Как без знания глубинных истоков Великой французской революции нельзя понять, как сын конюха Мюрат стал маршалом Франции, так и без учета того, что произошло в нашей стране после 1917 года, невозможно в полной мере уяснить, как крестьянский сын Сергей Ахромеев стал Маршалом Советского Союза.

Как и все молодые люди нашего поколения, Сергей Федорович воспитывался на героике революционного движения, Гражданской войны, Хасана, Халхин-Гола, испанских республиканцев, вдохновляющем труде отцов и матерей по строительству новой жизни. Некоторые современные политики, мечущиеся историки, журналисты ничего, кроме тоталитаризма, не могут разглядеть в 1920—1930-х годах. Но тот, кто, независимо от своих политических наклонностей, хочет по-настоящему разобраться в нашей истории, не может не обратить внимания на то, что подавляющее большинство народа, веками пребывавшего в угнетении и бесправии, впервые в истории получило широчайший доступ к образованию, культуре.

Не только дворяне и буржуа, как это было прежде, но и люди, бывшие на самом дне российского общества, обрели возможность проявить себя во всех сферах государственной и общественной жизни. Это вызывало огромный энтузиазм, воодушевление, дерзание и творчество во всех отраслях общественной жизни. Да, были и негативные проявления насильственной коллективизации, имели место жестокие репрессии. Но их масштабы и последствия стали известны гораздо позже. Мы, молодые люди того времени, не всегда знали обо всем и не так остро ощущали многие трагические события, касающиеся других людей.

Несмотря на идеологический пресс, именно в 30-е, военные и послевоенные годы были созданы выдающиеся литературные и музыкальные произведения, которым жить в веках. В последние 10—15 лет этого нет и в помине. Поколение Сергея Ахромеева воспитывалось на книгах Н. Островского, А. Фадеева, Ф. Гладкова, А. Толстого, А. Гайдара, К. Симонова...

Разве можно воспитать достойного гражданина и воина на примере солдата Чонкина В. Войновича, книгах Г. Владимова, последних романах В. Астафьева и подобных им писателей, исправно получавших и получающих между тем всевозможные премии?

Ахромеев начал военную службу в 1940 году, поступив в военно-морское училище. Но с началом войны, в самые тяжкие для нашей Родины дни, вместе с другими курсантами был направлен в морскую пехоту — защищать Ленинград. Воспитание и жизненная закалка 30-х годов формировали беспредельную преданность Родине и характер многих тысяч таких людей, как Сергей Ахромеев. Он воевал в составе Ленинградского, Сталинградского, Южного и 4-го Украинского фронтов.

В свое время маршал Жуков говорил, что высшее достоинство человека состоит не в том, чтобы взлететь на большую должность и мучить этим себя и других, а в том, чтобы на любом посту хорошо и исправно делать порученное дело. Этого принципа всю жизнь придерживался и Сергей Федорович Ахромеев.

На любой должности, на любом посту он работал не просто добросовестно, усердно, а самоотверженно, всего себя без остатка подчиняя интересам дела. Говорят, когда у одного великого человека перед смертью спросили, как он мог на протяжении всего одной жизни столько сделать и написать, он ответил: «Если бы любой другой человек столько работал, как я, он бы достиг значительно большего». Об этом не раз приходилось вспоминать, когда возникли противоречивые разговоры вокруг присвоения Ахромееву высшего воинского звания — Маршал Советского Союза на должности первого заместителя начальника Генерального штаба, чего в истории нашей страны никогда еще не было.

Приводили в противовес пример с А.И. Антоновым, который во время войны был и первым заместителем начальника, и начальником Генерального штаба, однако маршальского звания не удостоился. Во время Великой Отечественной войны этого высшего воинского звания, включая самого И.В. Сталина, удостоились только девять военачальников. Конечно, и Антонов заслуживал этого звания. Но в таких делах нередко имели значение не только заслуги, но и соответствующая

конъюнктура в высших кругах. И в случае с Ахромеевым сыграло роль определенное стечение обстоятельств. Но независимо от этого можно со всей определенностью сказать, что Сергей Федорович достиг вершин исключительно своей кровью, потом и трудом.

Маршал Ахромеев всю жизнь благодарил судьбу за то, что оказался в числе выживших на фронтах Великой Отечественной войны, и всегда чувствовал огромную ответственность за то, чтобы никогда больше не повторились ошибки 1941—1942 годов, постоянно думал и неустанно работал над тем, чтобы подготовить новое достойное поколение офицеров.

Сергей Федорович на протяжении всей войны был в самом ее пекле. Командовал взводом, был адъютантом, старшим (начальником штаба) батальона, командиром батальона: почти 4 года усердно и умело воевал. Был награжден орденом Красной Звезды. В те времена не очень-то баловали наградами. И тем обиднее, что в наше время некоторые ветераны увешивают одежду различного рода значками, среди которых боевых наград и не разглядишь.

...На должностях командарма и начальника штаба округа особо проявились также отменные оперативные способности Сергея Федоровича, умение мыслить широко и масштабно. На это обратили внимание, и по предложению начальника Генерального штаба генерала армии В.Г. Куликова Ахромеев был назначен, может быть, на самую трудную и ответственную должность в Вооруженных силах — начальника Главного оперативного управления — заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил. Успешно проработав в этой должности с 1974 по 1979 год, он становится первым заместителем начальника Генерального штаба.

Работая в Генеральном штабе под руководством В.Г. Куликова и Н.В. Огаркова, Ахромеев много сделал для повышения качества стратегического планирования, оперативности и организованности в управлении войсками (силами) и в целом боевой готовности Вооруженных сил.

Став в 1984 году начальником Генерального штаба, он особенно много внимания уделял повышению эффективности оперативной подготовки, качества учений и маневров, в том числе опытных и исследовательских, заботился об органическом соединении оперативной подготовки и военно-научной работы. За исследование и разработку новых систем автоматизированного управления Вооруженными силами он был удостоен Ленинской премии.

Аттестуя в 1978 году своего заместителя, начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Огарков писал, что Ахромеев хорошо

знает состояние и перспективы развития Вооруженных сил вероятного противника, что этот волевой, решительный генерал ответственности и трудностей в работе не боится.

В должности первого заместителя начальника Генерального штаба Ахромееву пришлось больше всего заниматься делами Афганистана, где он вместе с Маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым в короткие сроки выполнил сложнейшую работу по подготовке и вводу войск 40-й армии в Афганистан, оказанию помощи в строительстве афганской республиканской армии, координации военных действий советских и правительственных войск. Он, как всегда, неутомимо работал в высших органах военного управления, плодотворно сотрудничал с нашими дипломатами во главе с Ф.А. Табеевым, часто бывал в самых напряженных зонах боевых действий, проявляя мужество и личную храбрость. По итогам работы в Афганистане Ахромееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

У каждого военачальника есть особенности. Ахромеев был сторонником незыблемости армейских устоев, у него была своего рода аллергия ко всякого рода реформаторским подходам, порою даже когда от них уже нельзя было уклониться. На этой почве возникали и определенные противоречия, но в конечном счете он мог и соглашаться, когда новые предложения были жизненными и обоснованными.

Должность начальника Генерального штаба, кроме руководства Вооруженными силами, требовала также большого внимания к военно-политическим делам. С середины 1980-х годов начинался новый этап в жизни нашей страны, не бывало активизировались переговорные процессы по сокращению вооружений и международному контролю за военной сферой деятельности. Работа в этой области отнимала много времени, рождала множество конфликтных ситуаций во взаимодействии с Министерством иностранных дел, высшими партийными и правительственными органами, вызывала постоянное нервное напряжение.

Ахромеев вначале с энтузиазмом поддержал некоторые начинания нового генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, направленные на оздоровление международной обстановки и укрепление стратегической стабильности. Даже когда мы, его соратники, выражали свое несогласие с установками типа: «Война теперь уже не является продолжением политики». Или когда международными договорами ограничивалась деятельность сухопутных войск, но вне всякого контроля оставались военно-морские силы, где США имели огромное преимущество.

Сергей Федорович, будучи человеком дисциплинированным, исполнительным, считал возможным мириться с некоторыми «крайностями» решений нового лидера СССР. Ради того, чтобы не обострять отношений с политическим руководством и сохранить возможность позитивного влияния на него. Он понимал, что многое делается уже неправильно, в ущерб интересам нашей страны, но, будучи сам человеком честным, был уверен, что такими должны быть и другие люди. Маршал Ахромеев наивно полагал, что все это делается по недоразумению, по чьим-то необъективным докладам. Он стремился отрешиться от мысли, что кто-то умышленно действует во вред нашей стране или совершает предательство.

С.Ф. Ахромеев был действительно беспредельно предан Советскому государству и своему народу, верен их традициям. И сколько я его помню, на протяжении многих десятилетий любой разговор на тему о том, что в нашем государстве или Вооруженных силах что-то не ладится, он встречал с протестом и негодованием. В глубине души, возможно, он какое-то неблагоприятное признавал, но было сверх его сил что-то из этого признавать. Такую ортодоксальность не все могут принять. Но несмотря на ее изъяны, все же это более достойно, чем поведение людей, которые колеблются с линией любой партии, приближающейся к власти.

Но по важнейшим вопросам С.Ф. Ахромеев был принципиален и твердо отстаивал интересы страны. Правда, добиться правильных решений не всегда удавалось. Ибо некоторые наиболее важные вопросы решались за кулисами, давали о себе знать всякого рода интриги, и ему не так просто было добиваться принятия и утверждения своих предложений.

Поскольку в последние годы в печати появились обвинения в адрес Ахромеева, будто бы он тоже приложил руку к уничтожению ракет «Ока», которые имели дальность пуска менее 500 км, сошлюсь на такого осведомленного и авторитетного человека, как А.Ф. Добрынин, и его книгу «Сугубо доверительно».

«В апреле 1987 года, — пишет этот заслуженный дипломат, — в Москву приехал госсекретарь США Шульц для переговоров по евро-ракетам. Горбачев попросил маршала Ахромеева и меня подготовить для него памятную записку с изложенными рекомендациями. Мы это сделали. Ахромеев специально подчеркнул, что Шульц, видимо, будет опять настаивать на сокращении ракет СС-23... и что на это нельзя соглашаться. Ахромеев не случайно настаивал на этом — наши военные знали, что Шеварднадзе был склонен уступить американцам в

вопросе о ракетах СС-23 ради достижения быстрейшего компромисса, хотя прямо на Политбюро он так вопрос не ставил, но за кулисами обрабатывал Горбачева.

После длительного разговора Шульц сказал Горбачеву, что он может наконец твердо заявить, что оставшиеся еще спорные вопросы могут быть быстро решены в духе компромисса и что он, Горбачев, может смело приехать в Вашингтон (как это давно планировалось) в ближайшее время для подписания важного соглашения о ликвидации ракет средней дальности, если он согласится включить в соглашение ракеты СС-23. После некоторых колебаний Горбачев, к большому нашему изумлению — Ахромеева и моему, — заявил: “Договорились”. Он пожал руку Шульцу, и они разошлись.

Ахромеев был ошеломлен. Он спросил, не знаю ли я, почему Горбачев в последний момент изменил нашу позицию. Я так же, как и он, был крайне удивлен. Что делать? Решили, что Ахромеев сразу же пойдет к Горбачеву. Через полчаса он вернулся, явно обескураженный. Когда он спросил Горбачева, почему он так неожиданно согласился на уничтожение целого класса наших новых ракет и ничего не получил существенного взамен, Горбачев вначале сказал, что он забыл про предупреждение в нашем меморандуме и что он, видимо, совершил тут ошибку. Ахромеев тут же предложил сообщить Шульцу, благо, он еще не вылетел из Москвы, что произошло недоразумение, и вновь подтвердить нашу старую позицию по этим ракетам. “Ты что, предлагаешь сказать госсекретарю, что я, Генеральный секретарь, некомпетентен в военных вопросах, а после корректировки со стороны советских генералов я теперь меняю свою позицию и отзываю данное уже мною слово?”»

Примерно в таком же духе решались и другие вопросы. Поэтому не удивительно, что за два месяца до трагической гибели маршал Ахромеев подал президенту заявление о своем уходе, откровенно заявив, что в сложившихся условиях шельмования военных, поспешного, одностороннего разоружения он не имеет морального права занимать пост рядом с президентом, отказывается участвовать в разрушении армии и Отечества.

Вообще, уход Ахромеева с поста начальника Генерального штаба почти одновременно со сменой министра обороны был крайне несвоевременным. Сменились два главных лица, стоявшие во главе Вооруженных сил. Тем более что с самого начала у него налаживалась доверительная, согласованная с новым министром обороны Д. Т. Язовым работа. Кроме того, ушли некоторые заместители, помощники начальника Генштаба,

игравшие ключевую роль в Генеральном штабе, что не могло не сказаться на его деятельности.

Назначение Ахромеева помощником Горбачева, видимо, представлялось Сергею Федоровичу как возможность как-то позитивно влиять на генсека. Но маршал попал в окружение таких заядлых интриганов, противостоять которым было непросто, и он при «дворе» серьезного влияния уже не имел.

Как-то в дружеской беседе один из командующих войсками военного округа спросил у Сергея Федоровича: сложился ли тут у вас такой же дружный коллектив, как это было в танковой армии или округе? На что после тяжелого вздоха С.Ф. Ахромеев с печальной улыбкой ответил: «Такое искреннее, бескорыстное товарищество бывает только в войсках».

В целом Сергей Федорович Ахромеев был человеком и военачальником высокой чести и достоинства, до конца верным присяге и своему долгу. Он обладал прекрасной памятью и незаурядным аналитическим умом. Из времен войны известен случай, когда он с гранатой в руках оставался в подбитом танке, пока на выручку не прибыли наши разведчики. Будучи командиром полка и дивизии, даже в обычные дни, когда не было учений, он спал не более 5—6 часов в сутки, а все остальное время работал. Нередко в 4—5 часов утра он вызывал на танкодром или танковую директрису командиров полков. Это рождало, разумеется, и нарекания, но он исходил из того, что пока дело не налажено, служебные обязанности в полной мере не выполнены, ни о каком отдыхе или расслаблении не может быть и речи. Помню полет из Ташкента в Москву после проведенного под его руководством учения, где мы трое суток почти не спали. Сев в самолет, он не позволил себе подремать и до конца полета корпел над документами.

Будучи очень строгим и требовательным к себе и подчиненным, в самой напряженной обстановке он не терял самообладания, проявлял выдержку и всегда был очень тактичным в обращении с подчиненными.

И друзья, и недоброжелатели Сергея Федоровича единодушно отмечали такую его черту, как кристальная честность и порядочность, проявлявшаяся даже в мелочах. На любой должности, которую он занимал, не могло быть и речи о каких-либо злоупотреблениях с его стороны. Когда было издано постановление ЦК КПСС и правительства об обязательной сдаче зарубежных подарков (дороже 500 рублей) в доход государства, он оказался первым и одним из немногих, кто это постановление щепетильно выполнял.

...Человек столь высокой чести и достоинства не мог, конечно, выдержать то, что случилось с нашим государством в 1991 году. 24 августа того жестокого года он оставил записку: *«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца. Ахромеев».*

Все это можно как-то понять: глухота и безразличие одних, цинизм и предательство других довели его до отчаяния, до последнего предела нервного и психического напряжения.

О событиях тех лет его главными действующими лицами написан ряд мемуаров. Примечательно, что почти все из них никакой вины за собой не чувствуют и всячески доказывают, что они все якобы делали правильно. Вот такой парадокс: каждый в отдельности все делал правильно, а от совместных усилий не стало союзного государства, которое наши народы создавали веками.

В свете всего этого тот путь, который Сергей Федорович избрал для ухода из жизни, оправдать, видимо, невозможно, ибо это противоречило его же жизненным принципам. Но только Бог ему судья. И если уж говорить совсем откровенно, то и погиб он прежде всего потому, что был в Кремле самым совестливым среди окружавших его людей.

Генерал армии Махмут Гареев

«Забот Вооруженных сил Горбачев не ведал...»

Генерал-полковник в отставке **Бронислав Александрович Омеличев** с января 1989-го по сентябрь 1992 года являлся первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Это было время распада великой страны, время коренной ломки Советской Армии. Разумеется, ближе всех к этим процессам оказались генералы и офицеры Генштаба. Итак, слово очевидцу тех непростых событий.

— *Бронислав Александрович, вы получили назначение в Генштаб в крайне сложный для страны период. Насколько оно совпало с вашими жизненными планами?*

— Предложение переехать в столицу было для меня неожиданным. Я всего три года отслужил начальником штаба Ленинградского военного округа, и эта должность меня вполне устраивала. Начальнику Генштаба Сергею Федоровичу Ахромееву я сказал: «Товарищ Маршал Советского Союза, я всю службу прошел в строю и не знаю особенностей работы Генерального штаба». Маршал улыбнулся и говорит: «Да, Бронислав Александрович, я так же себя вел, когда меня с должности начальника

штаба Дальневосточного военного округа пригласили сюда работать, но мы — солдаты и должностей не выбираем. Поезжайте в Ленинград, через неделю-полторы будет приказ».

Я встал, сказал «есть» и уехал. Через 10 дней действительно вышел приказ, я прибыл служить в Москву. Шел 1985 год. Сначала был заместителем начальника Главного оперативного управления, потом его начальником, а с января 1989-го по сентябрь 1992 года — первым заместителем начальника Генштаба.

— *Кто вы больше по складу характера: командир или штабной работник?*

— Чего во мне больше — командирского или штабного, судить не берусь. Командирские должности шли вперемежку со штабными. Я командовал полком — потом руководил штабом дивизии; командовал дивизией — возглавлял штаб армии; командовал армией — был начальником штаба округа. Отслужив 8 лет в Генштабе, по достоинству оценил уровень этой работы и уже со скептицизмом вспоминал свое стремление отказаться от назначения.

— *Наверное, служба в Генштабе оставила немало ярких воспоминаний...*

— Самое яркое из них — работа с Сергеем Федоровичем Ахромеевым. Это он сделал из меня настоящего работника Генерального штаба, и никому другому в своей службе я не благодарен так, как ему.

— *Во второй половине 1980-х годов вырабатывалась новая военная доктрина. Работа над ней — это результат осмысления самим Генштабом свежих тенденций в военном деле или реализация установки ЦК КПСС на «новое политическое мышление»?*

— С приходом Горбачева к власти в военной политике стали происходить серьезные изменения. Они были связаны прежде всего с попыткой ограничить Вооруженные силы в количественном и в какой-то мере качественном отношении. Главная задача Генштаба состояла в том, чтобы, выполняя указания советского руководства, минимизировать потери, не допустить ослабления боеспособности армии, а значит, и обороноспособности страны. Принимая какие-то решения, особенно о сокращении стратегических ядерных сил, сухопутных группировок от Атлантики до Урала, мы старались учесть долгосрочные последствия их реализации.

— *Идея отказа от применения ядерного оружия первыми — это тоже идея советского политического руководства?*

— Да, с приходом Горбачева был дан толчок процессу ядерного разоружения. До него переговоры шли около 8 лет, не принося никаких

результатов. Будучи первым заместителем начальника Генштаба, я возглавлял рабочую группу, входящую в состав группы Политбюро во главе с секретарем ЦК КПСС Зайковым. Она занималась вопросами военной политики и разоружения. Заседания проводились в Генштабе, в моем рабочем кабинете. В ее состав входили два человека от ЦК партии, заместитель министра иностранных дел, представители КГБ, оборонной промышленности.

Думаю, стремление добиться сокращения наступательных ядерных вооружений было оправданным. Ведь оружия накопили сверх нормы, экономика СССР работала с диким перенапряжением. Для того чтобы не отстать от других ядерных держав в гонке вооружений, от нас требовались все новые материальные затраты. Поэтому нужно было садиться за стол переговоров.

— *Если бы в 1989 году — в период падения Берлинской стены — возник военный конфликт между странами НАТО и Организацией Варшавского договора, был ли у противников шанс выстоять против нас в безъядерной войне?*

— Шанса победить Организацию Варшавского договора в военном столкновении у НАТО не было никогда. Мы четко представляли себе, что одна только сухопутная группировка наших войск в Германии такова, что держит в напряжении все войска НАТО в Европе. А ведь мы стояли еще и в Венгрии, Чехословакии, Польше. Войска были боеготовые, укомплектованные, обученные, обеспеченные новейшими образцами техники и вооружения, с хорошо отлаженной системой управления. И никакого применения ядерного оружия для разгрома противника нам не требовалось. Не случайно была прописана четкая политическая линия: никогда не применять ядерное оружие первыми. Сегодня у нас нет такого потенциала в сфере обычных вооружений, и правильно, что нынешняя военная доктрина предусматривает возможность принять решение о применении ядерного оружия при возникновении серьезных угроз для России.

— *Были ли для вас неожиданными распад Организации Варшавского договора и смена общественного строя в восточноевропейских странах?*

— Пока не начался реальный развал социалистической системы, особенно до событий в ГДР, у меня не возникала даже мысль о возможности ликвидации Варшавского договора. Виновником случившегося, безусловно, является политическое руководство СССР тех лет во главе с Горбачевым.

— *Разбирался ли Горбачев в военных вопросах?*

— А в чем он глубоко разбирался? Скажу откровенно, Горбачев не знал Вооруженных сил, забот их не ведал, да и не особенно старался вникать в военные проблемы. Сколько раз маршал Ахромеев, будучи начальником Генштаба, ездил к нему докладывать, какие меры предполагается предпринять по военной линии в связи с политическими новациями. Приезжал из Кремля Сергей Федорович в расстроенных чувствах. Все то, что произошло с нашей великой страной и ее Вооруженными силами, — «заслуга» Горбачева.

Часто приходилось мне сталкиваться с тогдашним министром иностранных дел Шеварднадзе. Проводя политику разоружения, он зачастую шел на неоправданные уступки США. И только благодаря настойчивым усилиям Генштаба, министра обороны, благодаря поддержке КГБ нам удавалось на заседаниях «пятерки» у секретаря ЦК Зайкова хоть как-то ставить преграды на пути этого политика. Было несколько моментов, когда он игнорировал совместно выработанные указания для участников переговоров. Никогда не забуду, как он единолично принял решение о сокращении морской авиации. Переговоры шли о сокращении Сухопутных войск от Атлантики до Урала, а морская авиация относилась к ВМФ, поэтому военное ведомство считало обоснованным вывести ее из предмета переговоров...

— *Доводилось ли вам позднее встречаться с кем-то из своих восточноевропейских товарищей по оружию?*

— Увы, не встречался. Знаю только, что они были очень обижены на руководство нашей страны и Министерство обороны за то, что мы их бросили. Начальник Главного штаба Национальной народной армии ГДР генерал-полковник Фриц Штрелец говорил об этом открыто: «Вы нас предали». Он прав по сути, как это ни горько сегодня признавать. Для офицерского состава ГДР крах их государства был жизненной трагедией. Многие офицеры армий Варшавского договора — это наши воспитанники, закончившие наши военные академии. Все они были, так скажем, прорусски подготовлены. После политических перемен на них пошли гонения. Многие оказались безработными, мало кому посчастливилось обрести достойную работу.

— *В конце 1980-х годов начался массовый вывод советских войск из стран Восточной Европы. Привлекался ли Генштаб к определению оптимальных сроков передислокации войск, и насколько вообще в Кремле прислушивались к мнению военных профессионалов?*

— Да, привлекался. Я сам рассчитывал сроки вывода войск из Венгрии. Для их согласования мы с большой группой генералов и офицеров

вылетели в Будапешт и вместе с начальником венгерского Генштаба генералом Пачеком определили их в 2,5—3 года. Я доложил все начальнику Генштаба, тот — министру обороны, а он в свою очередь — Горбачеву. Но наше политическое руководство это не устроило. В Венгрию был командирован первый заместитель министра обороны, видимо, он получил другие указания, и срок был сокращен до полутора лет.

Надо признать, что вывод войск, особенно нашей основной группировки в ГДР, был осуществлен неорганизованно. С мнением специалистов Генштаба в Кремле считаться тогда не хотели. Немцы готовы были пойти на огромнейшие уступки — даже на то, чтобы оставить часть нашей группировки в восточных районах Германии на длительное время. Мы до сих пор могли бы там присутствовать, даже американцы не возражали. Нам шли навстречу и в экономическом плане, выходили с конкретными предложениями. Но Горбачев на все эти предложения никак не отреагировал. Он все сдал...

— *Возможно, это и привело министра обороны в состав членов ГКЧП. Интересно, а какова была роль Генштаба в тех событиях? Советовались ли с вами по поводу введения чрезвычайного положения?*

— К сожалению, не советовались. Этот вопрос даже не обсуждался в Министерстве обороны. Буквально за неделю до ГКЧП начальник Генштаба генерал армии Моисеев был отправлен в отпуск, и в те драматические дни я исполнял его обязанности. Но не был посвящен ни в один из планов организаторов августовских событий. Для меня до сих пор большая загадка — почему они просто-напросто проигнорировали Генштаб? Может, боялись, что увидим «второе дно» в их намерениях. Много в тех событиях неясного, видимо, всей правды мы так и не узнаем.

— *В декабре 1991 года Горбачев утратил контроль за ситуацией в стране. Возникла опасность анархии и нового смутного времени в ядерной державе. На ваш взгляд, армия в такие судьбоносные для страны моменты вправе оставаться пассивным наблюдателем национальной трагедии?*

— Очень непростой вопрос, все зависит от конкретных исторических обстоятельств, настроений народа. Если говорить по большому счету, армия предназначена для одной-единственной цели — защиты территориальной целостности государства от посягательств внешнего врага любыми способами. И не дело армии вмешиваться во внутривнутриполитические процессы. Есть другие государственные институты, структуры, предназначенные для решения этих задач. Когда же возникает такая серьезная угроза, как развал страны, и все другие пути предотвращения

намечающейся трагедии исчерпаны, военные, возможно, и не должны быть пассивными наблюдателями. Но в нашем случае — к декабрю 1991 года — маршал Язов сидел в тюрьме, Ахромеев трагически погиб, начальник Генштаба Моисеев, так же, как и все заместители министра обороны, многие начальники главных управлений, был снят с должности. Да и что теперь говорить, былого уже не вернешь...

Александр Лебедь: «Служа одновременно Богу и Сатане»

Александр Иванович Лебедь — личность хорошо известная в России. Генерал Воздушно-десантных войск, участник афганской войны, событий на территории СССР до и после его распада. В августе 1996 года совместно с Асланом Масхадовым подписал Хасавюртовские соглашения, которые многие военнослужащие расценили как предательские по отношению к армии и другим силовым структурам РФ, противостоявшим экстремистам на Северном Кавказе. Будучи губернатором Красноярского края, погиб в апреле 2002 года при падении вертолета.

Как бы ни оценивать постсоветский период жизни генерала, его свидетельства, касающиеся августовских событий, весьма ценны для историков. Тогда генерал-майор Лебедь был заместителем командующего Воздушно-десантными войсками по боевой подготовке и военно-учебным заведениям. 19 августа 1991 года, выполняя приказ командующего ВДВ генерал-лейтенанта П. Грачева, обеспечил охрану здания Верховного Совета РСФСР силами батальона 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии. Журналисты, в том числе «Красной звезды», не раз обращались к А. Лебедю с вопросами о том, что происходило 20 августа 1991 года, когда решался вопрос о штурме Белого дома. Александр Иванович дал нам тогда фрагмент своих воспоминаний, знакомство с которыми позволит читателю самостоятельно сделать вывод о тех событиях. Позднее они вошли в воспоминания А.И. Лебеда «За Державу обидно...»

20 августа генерал-майор Лебедь был вызван к 13.45 к заместителю министра обороны Владиславу Ачалову. Далее следует его рассказ.

Пригласили в кабинет. За длинным столом сидело человек 20—25. Генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов расхаживал по кабинету. Он пригласил меня пройти во главу стола и сесть на место. Слева от меня первым сидел генерал армии Валентин Иванович Варенников, справа, в конце стола — весь взъерошенный Грачев, генерал-полковник Б.В. Громов, командир «Альфы» генерал-майор В.Ф. Карпукhin и еще

какие-то люди в форме и штатском. Не знаю, о чем шла речь до этого, но с моим появлением Грачев вскочил и, указывая в мою сторону, сказал: «Вот генерал Лебедь, он длительное время находился у стен здания Верховного Совета, пусть он доложит».

Я стал докладывать, что у здания Верховного Совета находится до 100 тысяч человек. Подступы к зданию укреплены многочисленными баррикадами. В самом здании — хорошо вооруженная охрана. Любые силовые действия приведут к грандиозному кровопролитию. Последнее я доложил чисто интуитивно, предполагая на основании собственного опыта, о чем могла идти речь. Дальше мне докладывать не дали. Меня оборвал Валентин Иванович. Презрительно блеснув на меня очками, он резко заявил: «Генерал, вы обязаны быть оптимистом. А вы приносите сюда пессимизм и неуверенность».

К генералу армии В.И. Варенникову я всегда относился с уважением. Этот человек, прошедший всю войну, Герой Советского Союза, участник Парада Победы, награжденный девятью боевыми орденами. Но в ту минуту блеск его очков меня покоробил. В свое время меня учили неглупые люди, и они считали непреложной истиной, что обстановку надо докладывать не так, как кому-то хочется или нравится, а такой, какая она есть на самом деле. Только в этом случае можно принять правильное решение. Иногда — единственное правильное.

Походив еще немножко, Ачалов объявил, что все ясно, обсуждать больше нечего, и закрыл совещание. Люди стали расходиться. Грачев подозвал меня и приказал держать его в курсе дела. Ачалов приказал остаться мне, командиру «Альфы» В.Ф. Карпухину и заместителю командующего Московским военным округом генерал-лейтенанту А.А. Головневу.

В это время вошел министр обороны в сопровождении маршала Ахромеева. Спросил: «Как дела?» Ачалов доложил, что все ясно, все убыли по местам. Министр что-то еще спросил вполголоса и вышел. Ачалов повернулся к нам троим и предложил провести рекогносцировку подступов к зданию Верховного Совета. Именно предложил, а не приказал. Это было странно и совсем не похоже на Ачалова.

Когда Владислав Алексеевич возглавлял ВДВ, я командовал у него «придворной» Тульской дивизией и знал его как жесткого, властного, уверенного в себе человека. Его распоряжения всегда были четки, определены и лаконичны. В нем чувствовалась хорошая штабная жилка. И вдруг — какое-то расплывчатое предложение самим разработать план рекогносцировки, потом вернуться и доложить.

Мы спустились вниз, сели в машину Карпухина и поехали. Странная это была рекогносцировка. Водитель — в гражданской одежде, я — в камуфляже, Карпухин тоже, но без погон, Головнев — вообще в повседневной форме. Я не понимал, с кем, против кого и зачем буду, возможно, воевать, и поэтому злился. Головнев молчал. Карпухин всю дорогу плевался, что ему постоянно мешают работать, и он впервые в жизни опоздал везде, где только можно.

Собственно, то, что мы делали, и рекогносцировкой-то назвать было нельзя. Просто покатались вокруг здания Верховного Совета, без конца натываясь на ямы, баррикады и бетонные блоки. Потом выехали на противоположный берег Москва-реки. Вышли, закурили, полюбовались еще раз зданием Верховного Совета, оцетинившимся бревнами и арматурой, переглянулись, сели в машину и поехали докладывать.

Все было ясно и одновременно ничего не ясно. С чисто военной точки зрения взять это здание не составляло особого труда. Позднее мне пришлось говорить об этом на заседании одной из парламентских комиссий. Меня тогда спросили:

— Взяли бы вы, товарищ генерал, «Белый Дом»?

Я твердо ответил:

— Взял бы.

На меня посмотрели снисходительно:

— Это как же? У нас защитники, у нас баррикады...

— Посмотрите, какие здесь стены.

— Ну что, красивые стены.

— Да, красивые, только полированные. И потолки тоже красивые, пластиковые. Полы паркетные. Ковры, мягкая мебель...

Возмутились:

— Говорите по существу.

— Я по существу и говорю. С двух направлений в здание вгоняется 2—3 десятка ПТУРов без особого ущерба для окружающей его толпы. Когда вся эта прелесть начнет гореть, хуже того, дымить, и в этом дыму сольются лаки, краски, полироль, шерсть, синтетика, подтяни автоматчиков и жди, когда обитатели здания начнут выпрыгивать из окон. Кому повезет, будет прыгать со второго этажа, а кому не повезет — с 14-го...

Тогда, подумав, согласились.

Итак, с этим вопросом все было ясно. Зато неясно другое: на кой черт это надо?

Мы вернулись в Генштаб, доложили Ачалову. Карпухин сказал, что все понятно, и откланялся. Головнев тоже попросил разрешения идти. Меня Ачалов задержал:

— Ты можешь набросать план блокирования здания Верховного Совета?

Обычно я не слишком подвержен эмоциям, но тут просто глаза вытаращил: вот те на! Уже вторые сутки война идет вовсю, а план только понадобился.

Я спросил:

— Какими силами?

Ачалов было вскинулся, но потом сообразил, что без указания сил и средств спланировать действительно ничего невозможно: есть дивизия — одно планирование, пять дивизий — другое планирование. Владислав Алексеевич сообщил, что в операции примут участие дивизия имени Дзержинского, Тульская воздушно-десантная дивизия, бригада «Теплый Стан», группа «Альфа». План я набросал за пять минут. Прямо на листе крупномасштабной карты тупым простым карандашом. Фасад и правую сторону здания отвел для блокирования дзержинцам, левую и тыльную сторону — тулякам. За дзержинцами поставил «Альф», а бригаду спецназа «Теплый Стан» и часть Тульской дивизии вывел в резерв.

Владислав Алексеевич, великолепный Владислав Алексеевич, всегда требовавший точности, четкости и культуры при работе с картой, на сей раз лишь рассеянно скользнул взглядом по моим каракулям и сразу же одобрил: «Нормально. Я сейчас позвоню Громову. Поезжай, согласуй этот план с ним».

Пока он звонил, я сложил и сунул в карман карту, и через несколько минут мы с заместителем командующего генералом Чиндаровым уже мчались на машине Ачалова в Министерство внутренних дел. Мысленно я не переставал удивляться. На своем веку мне много чего пришлось спланировать, но такой уникальный план, да еще в такие рекордно короткие сроки составлять не доводилось.

В кабинете у Громова находился начальник штаба внутренних войск генерал-лейтенант Дубиняк. Громов рассматривал план не более двух минут и тоже признал его нормальным. Тут я уже и удивляться перестал. Самому мне не приходилось служить с Громовым, но все знавшие его генералы и офицеры в один голос отзывались о нем как о грамотном, скрупулезном и предельно скрытном человеке. Все его операции в Афганистане планировались очень тщательно и строго ограниченным

числом лиц. Если задачу можно было поставить за 15 секунд до ее выполнения, генерал Громов так ее и ставил: не за 20, не за 18, а именно за 15 секунд.

И вот такой человек теперь признает нормальным наскоро состряпанный тупым карандашом план и приказывает Дубиняку согласовать с нами действия. Дубиняк тоже едва взглянул на карту и сказал: «Все ясно, к установленному времени мы будем на месте». Тут мы с Чиндаровым, не сговариваясь, запустили пробные шары:

— А как же таблица позывных должностных лиц, сигналы управления, сигналы взаимодействия?

Ответ Дубиняка был весьма странным:

— Под рукой нет. Ну, ничего! Вы оставьте нам свой городской телефон, мы вам сообщим.

Переглянувшись, мы попросили разрешения идти. Все действительно было ясно. Это как раз та информация, которую надо передавать по городскому телефону в такой обстановке!

На обратном пути мы притормозили возле двух стоящих в колонне танков. По каждой машине ползало десятка два мальчишек. На броне, свесив ноги, сидели экипажи. По некоторым признакам можно было определить, что солдаты пьяны. Около танков кучковалась небольшая толпа — человек 30—35, большинство составляли крепкие молодые парни. Для чего они толкались возле танков и на какой случай — можно было только догадываться.

Мы вернулись в Генштаб, доложили о выполнении поставленной задачи и были отпущены. Всю дорогу до штаба ВДВ молчали. С точки зрения военного человека, творилось что-то невообразимое, дикое, противоестественное. И у истоков этой дикости стояли самые высокие начальники...

21 августа наступила развязка спектакля. Была гениально спланированная и блестяще осуществленная крупномасштабная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выполнили. Именно поэтому столь растерянный вид имели члены так называемого ГКЧП, именно поэтому планирование серьезнейших акций осуществлялось спонтанно, по ходу действий, именно поэтому везде опаздывал прекрасно зарекомендовавший себя до этого командир «Альфы» Герой Советского Союза генерал-майор Виктор Федорович Карпухин, именно поэтому я на протяжении двух дней метался между своим бывшим командующим Ачаловым и настоящим — Грачевым, вы-

полняя команды типа: «Стой там, иди сюда!» — и служа одновременно Богу и Сатане.

Не укладывается в голове ситуация, когда три силовых министра, обладая всей полнотой власти, имея в своем распоряжении фактически все, что угодно, вот так бездарно в течение трех дней просадили все! Остается предположить: или они были вполне сформировавшимися идиотами, или все, что случилось, было для них полнейшей неожиданностью, и они были совершенно не готовы. Первое я начисто отвергаю. Остается второе. При таком раскладе любой средней руки южноамериканский горилла своего бы шанса не упустил.

Для чего нужна была эта провокация? Она позволяла одним махом решить массу колоссальных проблем. Перечислим некоторые: разметать КПСС, разгромить силовые министерства и ликвидировать в конечном счете великую страну, 73 процента граждан которой на референдуме в марте 1991 года однозначно сказали: «Союзу — быть!»

М.С. Горбачев на тот период был непобедим по одной-единственной причине — потому что даром был никому не нужен. Это был отработанный материал. Буш к тому времени уже успел ему объяснить, что архитекторам перестройки был он, Буш, а Горбачев — только прорабом.

К КПСС можно относиться как угодно, но при всех остальных раскладах с ней пришлось бы побарахтаться. Хотя и наполовину сгнившая изнутри, но это была еще могучая организация. Как всякая порядочная рыба, гнила она с головы. Партийная верхушка давно уже отделилась от тела партии и на второй космической скорости рванула к высотам персонального коммунизма, оставив за собой без малого 17 миллионов рядовых баранов, которые сеяли, пахали, ходили в атаки, получали выговоры и инфаркты и не получали никаких льгот, зачастую не подозревая даже об их существовании.

Но... Семнадцатимиллионная партия разбежалась от легкого, даже невооруженного пинка, испарилась, как дым, как утренний туман. Это — имея в армии и МВД процентов на девяносто, а в КГБ — все сто процентов офицеров-коммунистов. Можно ли было победить такую силу, если бы это действительно была партия единомышленников? Нет. Значит, система дошла до ручки, исчерпала себя до конца, и псевдопутч вызвал ее обвал, не исключено, что сверх ожиданий авторов замысла. А потом, когда схватились, дело было сделано, латать стало не за что хватать.

Советский Союз, как шашель дубовый сруб, разъела тройная мораль: думать одно, говорить другое, делать третье. И не стало Советского Со-

юза. Кто не жалеет о его развале, у того нет сердца, а кто думает, что его можно будет восстановить в прежнем виде, у того нет мозгов. Сожалеть есть о чем: быть Гражданином Великой Державы, с множественными недостатками, но Великой, или захудалой «развивающейся» страны — бо-о-льшая разница. Но осталась Россия, а в ней та же шашель...

Пешки «в не очень чистой игре»

О событиях августа 91-го, придавших мощное ускорение процессу распада СССР, еще сложно судить объективно: слишком мало времени прошло после них, слишком серьезно изменили они нашу жизнь, так что эмоции зачастую берут верх над беспристрастностью и фактами. Для будущей нашей «летописи» важно сохранить как можно больше документов той поры, свидетельств очевидцев, которых, естественно, остается все меньше. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы обелить или очернить ту или иную сторону конфликта, а о том, чтобы уберечь нашу историографию от очередного мифотворчества. Среди тех, кто в драматические дни августа 1991-го пришел в Белый дом, ставший основным оплотом сторонников Бориса Ельцина, оказался полковник Анатолий Цыганок, кадровый офицер, получивший военное образование в Омском ВОКУ и Военной академии имени М.В. Фрунзе.

— Анатолий Дмитриевич, как и почему вы, старший преподаватель Военно-инженерной академии имени Куйбышева, оказались в гуще драматических августовских событий?

— В августе я был в отпуске и временно работал в реставрационном кооперативе (зарплата старшего преподавателя в 570 рублей по тем временам уже немного стоила). Приехал в кооператив. Реставрационных работ не было, нас отправили помогать в отделке дома, куда-то в Дегунино. Там днем узнаю, что ГКЧП создан. Понятно без слов: если по радио непрерывно играет классика, то что-то неладно. После работы поехал посмотреть, что делается в центре. Полгода назад я голосовал за Руцкого, мне нравилось, что не все коммунисты ортодоксальные, что есть движение «Коммунисты за демократию». Это было тогда смело.

До вечера был у Белого дома, разговаривал с москвичами, также пришедшими туда, а поздно ночью приехал на набережную Новикова-Прибоя, где была моя служебная квартира. Жена сказала: «Тебя отзывали из отпуска». Позвонил заместителю начальника кафедры, сказал, что только что приехал, метро не работает и что утром приеду в академию. Нужно было выбирать: возвращаться на службу в академию или идти на баррикады. Выбрал баррикады...

— Что представлял собой штаб обороны Дома Советов? Кто в него входил?

— Тогда спонтанно возникло сразу несколько штабов. Первый — общественно-политический штаб под руководством Геннадия Бурбулиса (в него входили Сергей Шахрай, Сергей Степашин, председатель КГБ России Виктор Иваненко), второй — под руководством вице-президента Александра Руцкого. В третьем (он располагался на четвертом этаже Белого дома) работали уже упомянутый Виктор Иваненко и его помощник Андрей Пржедомский.

Существовали также правительственный штаб во главе с Иваном Силаевым и депутатский штаб (Верховного Совета) во главе с Русланом Хасбулатовым; непосредственный руководитель последнего из штабов — Сергей Филатов. Штабы политических партий, общественных движений и объединений (штаб «ДемРоссии», штаб Сергея Ковалева, штаб Моссовета) дополняли эту пеструю картину. Дублирование функций и несогласованность в работе вносили путаницу и неразбериху в управлении.

Департамент охраны Дома Советов был практически парализован многими сотнями указаний, нередко противоречивших друг другу. Отдел безопасности Президиума Верховного Совета РСФСР с задачей охраны явно не справлялся.

В этой ситуации единственно возможным выходом было создание единого центра — для сбора информации, анализа ситуации в ее военном аспекте и выработки профессиональных рекомендаций. Такой центр должен был не только взять на себя всю ответственность за безопасность Верховного Совета и людей, находившихся как внутри, так и снаружи здания, но и организовать оборону Дома Советов.

Этот центр был создан и юридически оформлен президентским распоряжением Ельцина № 22РП от 20 августа о создании штаба обороны Верховного Совета РСФСР. Приказом министра обороны РСФСР № 3 от 20 августа 1991 года «О назначении должностных лиц и организации работы штаба обороны Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам» я был включен в состав штаба. 15 генералов и офицеров образовали аппарат штаба обороны, создавались отделы и службы. В последующем в штабе было задействовано до 60 военнослужащих, работавших, так сказать, на общественных началах, к этому нас никто не принуждал.

Штаб готовился к обороне здания чрезвычайно серьезно — предполагалось, что штурм может начаться во второй половине ночи 20 августа.

Требовалось организовать грамотную с военной точки зрения защиту. На первом этапе (до утра 20 августа) речь шла об охране и обороне Дома Советов; на втором (к вечеру 21 августа) — о разработке плана обороны Москвы в целом.

Штаб организовал общее управление и связь с народным ополчением (к этому времени уже стихийно организовались такие структурные единицы, как «сотни», «баррикады», «отряды»), упорядочил пропуск через баррикады, наладил питание огромной массы людей, обеспечил туалеты. Требовалось прекратить допуск в здание подозрительных элементов, поэтому коменданту приказали прекратить бесцельные переходы и организовать жесткий пропускной режим, невзирая на лица.

С первых часов путча между Белым домом, созданным там штабом обороны и мэрией Москвы установилась непрерывная связь. Со штабом обороны тесно контактировали офицеры милиции из управления охраны Дома Советов. Могу предположить, что о создании штаба сразу стало известно КГБ СССР, выявлявшему тогда наиболее активных противников ГКЧП.

— Что, на ваш взгляд, двигало офицерами, которые, признаем, нарушив воинскую дисциплину, оказались в числе защитников Белого дома? Стремление к демократии? Какие-то обиды на власть? Карьеристские соображения? Кстати, сделал ли кто-нибудь из них карьеру в новой России?

— Штаб обороны комплектовался квалифицированными генералами и офицерами, прибывшими добровольно на защиту демократии, откликнувшись на призыв руководства РСФСР. Следует подчеркнуть, что они рисковали не только своим благополучием и карьерой, они поставили на карту свою жизнь. С первыми добровольцами побеседовал генерал-полковник Константин Кобец, с остальными генералами и офицерами — уже представители возникшего штаба обороны.

Среди них назову генерал-майора Юрия Толстухина (бывшего заместителя командующего Дальней авиации, а на тот момент преподавателя Военной академии Генерального штаба) — он, кстати, был руководителем дипломной работы у Александра Руцкого. Далее — Закиржон Кадыров, боевой офицер, прибыл в полевой форме с тремя орденами Красной Звезды, хотя в то время он уже был генеральным директором внешнеторговой фирмы «Исток».

В штабе обороны основной состав составили 30 человек. Через двадцать лет нас осталось всего 10 человек. Никто не сделал, как вы выразились, карьеры в новой России. Мы постоянно созваниваемся.

Раз в год — 20—21 августа — встречаемся. Александр Семин, заместитель командира 24-й дивизии подводных лодок Северного флота, стал директором оборонного завода. Наш начальник разведки, полковник Геннадий Янкович, руководит службой безопасности крупного издательства. Генерал-майор Владимир Платонов, секретарь партбюро бывшего Штаба Объединенных Вооруженных сил государств — участников Варшавского договора, пишет книги. Александр Цалко занимается реабилитацией больных детей, полковник Александр Шаранин — предпринимательством.

— Почему, на ваш взгляд, к лету 1991-го в армии резко упал авторитет КПСС?

— Авторитет КПСС стал стремительно снижаться в 1990—1991 годы — талоны на продовольствие, сахар, сигареты... За правильными и привлекательными словами о перестройке не последовали дела — точнее то, что делалось партийными верхами, вело лишь к ухудшению жизни людей. Насколько я, бывший войсковой офицер, могу судить, против тогдашней роли КПСС в войсках и на флотах выступало большинство командиров. Примечательно, что из сторонников президента Ельцина у Белого дома примерно 60 процентов были членами партии, протест против тогдашнего руководства КПСС объединил и беспартийных, и членов партии. Они были не столько за Ельцина, сколько против политики Горбачева и его команды.

Что касается политорганов в войсках, то многое зависело от личности того или иного руководителя. Доводилось видеть разных людей. Были и чванливые, заносчивые: мы-де «представители партии», были и противоположности им. Помню ввод войск в Чехословакию в августе 1968 года; в разведбате из ПрибоВО замполит — майор Воронов, фронтовик, три ордена Красной Звезды, офицеры его уважали. Я тогда был начальником оперативного отдела мотострелковой дивизии.

— В августовские дни 1991-го Борис Ельцин назначил министра обороны РСФСР...

— Да, президент РСФСР принял решение создать республиканское министерство обороны, своим указом № 67 он назначил министром генерал-полковника Кобца. В 1982—1986 годах Константин Иванович был начальником войск связи в Дальневосточном военном округе, затем в Москве — первый заместитель начальника войск связи Вооруженных сил, начальник войск связи — заместитель начальника Генштаба. В 1990 году его избрали народным депутатом РСФСР.

История создания военного ведомства в структурах власти РСФСР, как помнится, хронологически такова. В июле 1990 года появился Государственный комитет РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны СССР и КГБ СССР, в конце января 1991 года его преобразовали в Госкомитет по обороне и безопасности, который и возглавил генерал Кобец. В мае 1991 года этот комитет был разделен на Госкомитет РСФСР по делам обороны и КГБ РСФСР.

При формировании нового правительства РСФСР 30 июля 1991 года Государственный комитет по делам обороны переименовали в Государственный комитет РСФСР по оборонным вопросам, на его базе и решили сформировать республиканское министерство обороны в противовес союзному, которое возглавлял маршал Язов, один из членов ГКЧП.

Мое личное отношение к Константину Ивановичу самое лучшее: был интеллигентен, ни криков, ни понуканий, ни хамства. Тогда, 20 августа, генерал Кобец определил задачи: в первую очередь собирать все данные для правительства об обстановке на территории Союза, обратив особое внимание на войска, замыкавшиеся на КГБ СССР. Во-вторых, оценить обстановку в Москве и подготовить предложения по обороне Дома Советов. Кроме того, нашему штабу обороны передали все полномочия по управлению отрядами защитников здания Верховного Совета РСФСР — ни министры, ни народные депутаты больше не имели права отдавать распоряжения по этим вопросам.

— **Существовал ли план защиты здания Верховного Совета РСФСР или полагались на традиционное русское «авось»? Какие силы штаб мог задействовать?**

— Поначалу плана как такового не было, поскольку у нас не было карт. Мы располагали документами милицейского подразделения охраны Дома Советов. К сожалению, они не годились для планирования внешней обороны с использованием войсковых подразделений и для разработки оборонительных планов на территории мегаполиса. Нужны были карты Москвы, Московской области и СССР, на которые можно было бы нанести обстановку.

Помогли единомышленники из Министерства обороны — среди них оказалось много сочувствующих нам. Карты я получил у военных топографов через референта начальника Генштаба Александра Шаравина. Схему обороны мы разрабатывали на плане города Москвы. На этот план наносили не только данные о дислокации войск и расположении штабов, старались обозначить даже каждый отдельный танк и бронетранспортер.

Замысел на организацию обороны Дома Советов и столицы в целом был определен достаточно быстро. Он предполагал организацию обороны Дома Советов и оборудование подступов к нему. На прилегающей территории добровольцы оборудовали шесть баррикад по внутреннему кольцу обороны, на удалении от 100 до 400 метров от внешних стен здания, и двенадцать баррикад по внешнему кольцу обороны, на удалении от 1.200 до 1.600 метров. В каждом секторе находилось от 4 до 10 сотен, подчиненных руководителям зон, получавшим приказы непосредственно от штаба обороны.

В зависимости от времени суток численность обороняющихся колебалась от 6 до 12 тысяч человек. С целью реагирования на изменения оперативной обстановки было создано 5 резервных групп из числа наиболее подготовленных бывших военнослужащих — десантники, морские пехотинцы, 300 человек «афганцев».

К утру 22 августа предусматривалось оборудовать 61 узел заграждений, из них 17 — по периметру Садового кольца. Как военные люди, мы в штабе понимали, что эти баррикады хороши только как декорации к трагедии, которая могла произойти, реши руководители ГКЧП действовать наступательно. Естественно, наши заграждения не смогли бы противостоять боевым машинам. Их бы просто сдвинули вместе с защитниками, поскольку баррикады не были заглублены.

Оружия было мало. Кое-что находилось в распоряжении охраны Дома Советов, часть офицеров милиции и КГБ пришли к нам с табельным оружием. Некоторое количество «стволов» мы получили из московских отделений милиции, часть — «достали». 19 августа в наличии было 120 стволов, к ночи 20—21 августа это количество достигало 550—600 единиц, включая пулеметы.

Казаки, сибиряки-охотники, сами по себе почти профессиональные снайперы, принесли с собой нарезное оружие. Их сразу прикомандировали к капитану 1 ранга Геннадию Захарову, и он разместил стрелков-добровольцев на крыше Белого дома.

Около 14—15 часов 20 августа со штабом связался директор «Мосфильма» Владимир Николаевич Досталь и сообщил, что киностудия готова оказать нам любую помощь. По его словам, около 200 танков и бронетранспортеров, которые использовались для съемок кинокартин на военную тематику, находились на хранении в ближнем Подмоскowie, и все они «на ходу». Доложили об этом генералу Кобцу. В штабе планировали развести «киношную» технику по всем основным узлам и перекресткам Москвы. Время назначили на утро 22 августа.

Отдел авиации нашего штаба вел постоянные переговоры с ассоциацией диспетчеров, которые старались не пропускать на подмосковные аэродромы самолеты военно-транспортной авиации с десанниками, заставляя их ходить по кругу в 160—200 км от Москвы, задерживая посадку или сажая на других аэродромах. А 15 катеров и барж блокировали Москву-реку, действуя под руководством заместителя премьер-министра Михаила Малая. В час ночи 21 августа к Белому дому подошли три буксира и два теплохода. Теплоход «Москва-189» (капитан Шункин) и теплоход «Москва-202» (капитан Белев) прикрывали Дом Советов со стороны Москвы-реки.

— **Какова роль частных охранных агентств в организации защиты Белого дома?**

— 19 августа в 17.30 к нам прибыло 10 человек с оружием из «Колокола» (директор — Владимир Егорович Панкторов). Ребята из «Марса» и «Алекса» несли охрану внутри здания. Это были первые правоохранительные агентства, имевшие право на оружие на основании полученной лицензии.

— **Приходилось ли вам видеть в эти дни в здании Верховного Совета иностранцев? В публикациях на тему августа 91-го можно встретить информацию о том, что американцы передали генералу Кобцу технику, которая позволила прослушивать телефонные переговоры по закрытым линиям связи.**

— В ночь с 20-го на 21 августа несколько военных атташе западных стран, четыре или пять человек, находилось рядом с кабинетом генерала Кобца. Помню, был бельгиец, француз, американец... Они были спокойны за свою безопасность — в случае захвата Белого дома воспользовались бы своим дипломатическим иммунитетом. Дипломаты США оказали нам определенную помощь, если ее можно так назвать, — они перекрыли своими автомобилями с дипломатическими номерами дорогу в районе гостиницы «Мир».

Что касается разговоров о том, что американцы передали защитникам Белого дома какую-то новейшую технику, то мне они кажутся ерундой. У Кобца был высокий авторитет в войсках связи, и он мог использовать их технические возможности, чтобы быть в курсе планов сторонников ГКЧП. Кстати, московские радисты-любители установили связь с коллегами в почти 80 процентах областных и краевых центрах и оперативно передавали нам информацию о развитии ситуации в регионах.

— **Была ли у вашего штаба информация из стана противника?**

— Информаторы штаба обороны находились везде, даже там, где, казалось, их не может быть. Так, например, мы знали о разговоре на заседании под руководством генерал-полковника Ачалова, когда заместитель командующего ВДВ по боевой подготовке и ВВУЗам генерал-майор Александр Лебедь попросил предоставить десантникам российские флаги, под прикрытием которых он собирался подойти вплотную к Белому дому и одним батальоном внезапно его захватить. Об этом мы незамедлительно доложили вице-президенту Руцкому.

Когда вечером в 23 часа 19 августа батальон тульских десантников подошел к Белому дому, его уже встречал представитель Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам полковник Александр Цалко (ранее он возглавлял центр боевого применения и переучивания летного состава в Торжке, избирался народным депутатом СССР) и попросил Лебеда пройти к генерал-полковнику Кобцу. Сначала Александр Иванович ответил отказом, ссылаясь, что подчиняется командующему ВДВ генерал-лейтенанту Павлу Грачеву..

Нам показалось, что Лебедь стремится как можно ближе подойти к зданию, чтобы занять позицию перед нападением. Он пытался оттеснить охрану, состоявшую из сотрудников милиции, пробовал взять их «на горло». Охранник Руцкого Владимир Тараненко позднее вспоминал, что Лебедь кричал: «Я требую пропустить всех моих людей! Я выполняю приказ президента! Меня послал президент, вы должны меня слушать! Не мешайте мне выполнять приказ президента!» Правда, для всех было непонятно, какого президента он имел в виду: Горбачева, Янаева, Ельцина?

Руцкой и Скоков решили не рисковать и дали команду не подпускать десантников к Белому дому. Понимая, что десантники Лебеда могут быть «троянским конем», мы расположили в Доме Советов напротив них свой резерв — 300 ветеранов-афганцев из комитета воинов-интернационалистов, возглавляемого Аушевым.

В 11 часов 20 августа командир подразделения тульских десантников майор Сергеев, никому ничего не объясняя, увел свой батальон. «У меня приказ», — развел он руками. Мы посчитали, что батальон отводят, чтобы он не попал под «дружеский огонь» во время ожидавшегося нами штурма.

— По вашей оценке, много ли было симпатизирующих руководству РСФСР в офицерском корпусе Вооруженных сил и КГБ СССР? Что определяло тогдашний авторитет Бориса Николаевича Ельцина?

— Следует отметить, что Ельцин в полной мере воспользовался шансом, который ему предоставил его соперник в борьбе за власть — генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, который уехал в отпуск, молчаливо согласившись на создание ГКЧП. Разговоры о том, что из Фороса не было связи с внешним миром, — лукавство. Есть личные воспоминания генерала Владимира Романенко, бывшего командующего морской пехотой Черноморского флота: он несколько раз присутствовал при телефонных разговорах Горбачева с командующим Черноморским флотом адмиралом Михаилом Хронопуло.

В те дни сыграло свою роль и появление Бориса Николаевича перед толпой защитников Белого дома, когда он залез на танк и обратился к солдатам и офицерам. Он говорил о присяге на верность народу и призвал военнослужащих сделать верный выбор. Меня тронула фраза о том, что российское оружие не должно быть обогрено кровью народа.

О настроениях в войсках свидетельствует такой факт: большой противолодочный корабль «Таллин» поднял трехцветный флаг России и отказался выполнять указы ГКЧП. Командование войск на Сахалине, на Камчатке и в ряде других регионов заняло такую же позицию. О поддержке руководства РСФСР заявили военнослужащие Ленинградской военно-морской базы, подводники Северного флота, некоторые части Войск ПВО. Командующие Балтийским и Тихоокеанским флотами публично заявили, что несут ответственность только за защиту морских рубежей страны. 20 августа Бориса Николаевича поддержал главком ВВС генерал-полковник авиации Евгений Шапошников.

Члены же ГКЧП отсиживались под охраной в кабинетах. Никто из генералов созданного к тому времени Главного военно-политического управления Вооруженных сил и из руководителей Всесоюзного партийного комитета не рискнул побывать в воинских коллективах Московского гарнизона, встретиться с военнослужащими.

Нерешительность и вялость членов ГКЧП позволили энергичному Ельцину увеличить свою популярность и у мировой общественности, и среди своих соратников, а главное — у населения страны. Сильным ходом стало назначение генерал-полковника Кобца министром обороны России, часть высших офицеров задумалась, а не перейти ли в новую структуру, открывающую возможность карьерного роста? Пошли зондирующие звонки. Важное значение имело и то, что вице-президентом был генерал-майор авиации Руцкой, «афганец», его немало офицеров знало лично...

Судя по телефонным звонкам в наш штаб, у меня сложилось мнение, что руководство РСФСР поддерживали в первую очередь офицеры среднего уровня. В целом же реакция военнослужащих на события была неоднозначной. По нашим оценкам того времени, 45—50 процентов офицерского состава Московского гарнизона, включая центральный аппарат Министерства обороны и МВД, были готовы выполнить все распоряжения ГКЧП, 20—25 процентов — поддержать новую российскую власть, остальные занимали выжидательную позицию.

— **Наиболее драматичным моментом в тех событиях стал вечер 20 августа, когда руководство ГКЧП вроде бы решилось поставить под свой контроль здание Верховного Совета РСФСР. Когда и от кого в вашем штабе стало известно о готовящейся атаке?**

— Штабу обороны «план взятия под охрану» стал известен в 18 часов 20 августа. Майор из 27-й отдельной мотострелковой бригады Московского военного округа (она тогда была включена в состав войск КГБ СССР), не назвавший своей фамилии, заявил корреспондентам, что ночью будет предпринят штурм Дома Советов РСФСР. Его бригада выделяет под эту задачу 30 танков и до 40 БТР, к операции привлекается около тысячи военнослужащих.

До сих пор хорошо помню ту ненастную ночь с 20-го на 21-е. С вечера начался проливной дождь. Я ночью подошел к окну, глянул на потоки воды и подумал, как там на улице люди это выдерживают?

Нам было известно, что руководство ГКЧП предполагало установить контроль над ключевыми объектами столицы силами войск Московского военного округа, 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии и 21-й отдельной десантно-штурмовой бригады. Для штурма Белого дома привлекались спецподразделения КГБ.

— **Если бы группа «Альфа» начала действовать, сумели бы защитники Белого дома удержать здание?**

— Была бы кровь... К счастью, «Альфа» на штурм не пошла. Почему? Доводилось слышать несколько объяснений. Возможно, потому, что, как рассказывал командир «Альфы», ему позвонил председатель КГБ РСФСР Иваненко и сказал: «Ребята, не ввязывайтесь вы в это грязное дело». А, возможно, потому, что и в личной охране Бориса Ельцина, и среди защитников Белого дома у ребят из «Альфы» было много знакомых. Тех, с кем они рядом жили, служили, скитались по общагам...

Главная причина, как мне представляется, в том, что приказ на штурм отдавался устно, а офицеры «Альфы» помнили январские события в Вильнюсе, тогда они выполняли устный приказ и в результате оказались крайними. В ночь на 21 августа сработало, видимо, чувство неуверенности в своей дальнейшей судьбе, оно усилилось, когда тысячи москвичей организовали баррикаду из собственных тел — «живое кольцо».

На армейцев же действовал не только вильнюсский «синдром», но и тбилисский и бакинский. Партийное руководство использовало армию для решения несвойственных ей задач, а потом позволило подвергнуть в СМИ хуле за то, что военные подняли оружие против населения. Не только офицеры, но и генералы не хотели участвовать в политических «разборках».

— Почему, по вашему мнению, Крючков не настоял на штурме?

— Основная причина — сто тысяч людей (ночью) и двести тысяч (днем), собравшихся вокруг Белого дома.

— И все-таки, как вы считаете, почему никто из руководства ГКЧП не отдал команды очистить Белый дом от сторонников российского руководства?

— Прежде всего, ГКЧП не удалось объединить все союзное руководство. Как стало известно уже после событий, председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов и министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных без особого желания участвовали в совещаниях, предпочитая занять выжидательную позицию. А силовики хотели, чтобы кто-нибудь разделил с ними ответственность за возможное пролитие крови. Но ни Янаев, ни Павлов не посмели отдать такой приказ.

— Не сложилось ли у вас впечатления, что массовая поддержка москвичами Бориса Ельцина стала неожиданностью не только для членов ГКЧП, но и для самого руководства РСФСР?

— Приход многих десятков тысяч москвичей к Белому дому был, действительно, неожиданностью не только для противников Ельцина, но и для его окружения. Но оно быстро сориентировалось. Не исключая, что мы оказались пешками в чьей-то чужой и не очень чистой игре. Возникшие к этому времени сотни акционерных банков — создавались они, как сегодня выяснилось, при участии многих партийных руководителей в столице и в регионах, руководителей министерств — приложили, возможно, руку к этой смуте. Им уже была не нужна сильная власть, мыслями они были в иной России. Думаю, для них речь шла о том, как конвертировать свою власть в собственность, встроиться в новые

рыночные условия, которые уже начинали складываться вследствие решений Горбачева по экономическим вопросам...

— В ходе тех событий родилась идея создать Российскую гвардию? Кто ее автор или к ней подтолкнула сама жизнь? Правда ли, что тогда на сторону российской власти переходили целые милицйские подразделения?

— Сама жизнь подтолкнула. Сразу же после провала ГКЧП нам стало ясно, что в Москве самостоятельные действия по созданию подразделений национальной гвардии как противовеса армии могут принять неуправляемый, стихийный характер и привести к расползанию оружия, в том числе в криминальную среду. В соответствии с решением чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР от 21—23 августа Ельцин поручил вице-президенту Руцкому приступить к формированию Российской гвардии. О желании добровольно вступить в гвардию свидетельствовало большое количество телеграмм из различных городов, поступивших 22—25 августа в адрес Верховного Совета и министра обороны РСФСР.

Поддержка со стороны милиции у нас тоже была. Еще во время событий 19—21 августа распоряжением министра внутренних дел РСФСР Виктора Баранникова в Москву были вызваны личный состав и курсанты Орловской, Рязанской, Брянской, Владимирской, Волгоградской и Ивановской школ милиции. Правда, личный состав Владимирской школы сторонники ГКЧП заблокировали при выходе из города, а первый отряд Орловской школы на подходе к Москве столкнулся с заслоном УВД Московской области, выполнявшим распоряжение главы МВД СССР Бориса Пуго не пропускать в столицу сторонников Бориса Ельцина. Возглавлявший отряд начальник Орловской школы Капустянский тогда заявил, что его подчиненные, цитирую, «любой ценой и силой оружия пройдут на помощь народу».

— Какое название гвардии правильное? Писали о создании и национальной гвардии, и российской, и даже народной...

— Правильное название «Российская гвардия». В секретариате Руцкого была создана временная рабочая группа по разработке нормативных документов для ее создания.

— Что должна была представлять гвардия как силовой институт РСФСР, входившей еще в состав СССР? Какие задачи на нее предполагалось возложить?

— Планировалось, что гвардия будет находиться в непосредственном подчинении президента РСФСР. Не подменяя союзных Вооруженных сил, правоохранительных органов РСФСР и СССР, она должна была

опираться на широкую поддержку общественных организаций, трудовых коллективов, военно-патриотических структур.

Организационно в состав Российской гвардии входили бы командование, включая главный штаб, мобильные формирования специального назначения, территориальные воинские формирования постоянной дислокации, службы обеспечения, учебные центры. Согласно разработанной концепции казачьи формирования, военно-патриотические и другие общественные организации стали бы резервом гвардии.

На гвардию возлагалось обеспечение безопасности и нормально функционирования органов государственной власти и управления РСФСР и ее субъектов, участие в реализации предусмотренных законодательством о чрезвычайном положении мер по нормализации обстановки в регионах, охваченных социальными и национальными конфликтами. Кроме того, оказание помощи правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, борьбе с терроризмом, сепаратизмом и организованной преступностью, содействие государственным органам в оказании помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф.

Территориальные формирования гвардии намечалось дислоцировать в десяти территориально-экономических районах страны: Московском (Москва), Центральном (Нижний Новгород), Северо-Западном (Ленинград), Западном (Смоленск), Южном (Волгоград), Уральском (Екатеринбург), Западно-Сибирском (Омск), Восточно-Сибирском (Красноярск), Забайкальском (Улан-Удэ), Дальневосточном (Хабаровск).

В 1991—1995 годах намечалось сформировать 11 бригад (по 3—5 тысяч человек в бригаде), общая численность гвардии не должна была превышать сто тысяч человек. Комплектование личным составом должно было осуществляться преимущественно на контрактно-конкурсной основе из числа граждан РСФСР. В первую очередь, к марту 1992 года, предполагалось сформировать бригаду в Москве на базе дивизии внутренних войск.

— **Замысел создания Российской гвардии так и не был реализован. Что помешало?**

— Сказался комплекс факторов. Александр Руцкой, вице-президент России, которому поручалось подготовить пакет документов по гвардии, с конца сентября 1991 года становился все оппозиционнее. Точнее сказать, стало проявляться его неприятие Геннадия Бурбулиса как госсекретаря (тогда была такая должность), а во время поездки на Алтай Руцкой назвал Егора Гайдара «мальчиком в розовых штаниш-

ках». К концу октября 91-го стало ясно, что за место второго человека в российской властной иерархии идет борьба между государственным секретарем и вице-президентом.

Воздержаться от создания гвардии рекомендовал и генерал Кобец. Горбачев, вернувшийся из Фороса, присвоил ему звание генерала армии, и он был назначен председателем комитета по подготовке и проведению военной реформы при Госсовете СССР (9 сентября должность министра обороны РСФСР была упразднена). Константин Иванович мотивировал свою позицию тем, что во время августовских событий армия подтвердила верность народу и не поддержала путчистов, то есть Вооруженные силы доказали, что могут сами обеспечить функционирование общей системы безопасности.

Против создания в РСФСР частей гвардии выступил также Павел Грачев. После путча он стал генерал-полковником, первым заместителем министра обороны СССР и одновременно председателем Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. Он считал нецелесообразным появление параллельных воинских структур вне Вооруженных сил, а к его мнению Борис Николаевич прислушивался.

— После победы над ГКЧП многие офицеры, близкие к российскому Госкомитету по обороне, были поощрены — они получили внеочередные воинские звания, ордена, стремительно продвинулись по службе...

— Скажу откровенно: вокруг штаба и списков началась странная возня. Стало известно, что список сотрудников штаба вдруг вырос наполовину, к нему оказались прикомандированными полковники и генералы, которых даже на подступах к Белому дому никто не видел... Их основной задачей с 19-го по 22 августа был сбор денежных средств от российских бизнесменов «на оборону». Видимо, на эти деньги покупались продукты питания для защитников здания Верховного Совета РСФСР, а после августовских событий — часы с портретом российского президента и выделялись денежные премии «за оборону Белого дома».

Новый министр внутренних дел РСФСР Андрей Дунаев (Виктор Баранников возглавил МВД СССР) подготовил список на представление к государственным наградам — нескольких десятков человек. Когда об этих представлениях доложили Руцкому, чтобы он походатайствовал перед президентом РСФСР, Александр Владимирович искренне возмутился: «За Героя в Афганистане я четыреста шестьдесят два боевых вылета сделал, а они хотят получить по случаю».

Но через месяц мы узнали, что все военнослужащие, прикомандированные к Госкомитету по обороне до августа 1991 года, получили

очередные воинские звания и государственные награды, включая секретаря-делопроизводителя. А один подполковник-юрист к концу года даже стал генерал-майором. Что касается кадровых офицеров, стоявших у истоков создания штаба обороны Белого дома, то в течение 1992 года все они были уволены по сокращению штатов...

— **Как сложилась ваша судьба? Где вы сейчас работаете, чем занимаетесь?**

— С декабря 1991 года трудился экспертом комитета по подготовке и проведению военной реформы при Госсовете СССР, затем секретарь Госкомиссии по созданию Министерства обороны, армии и флота России; распоряжением мэра Москвы был назначен на должность начальника столичного штаба народных дружин. Сейчас занимаюсь наукой, преподаю в Московском госуниверситете имени Ломоносова, написал несколько книг о войнах ХХI века.

— **Считаете ли вы, что вся правда о событиях августа 1991 года уже сказана?**

— Много белых пятен, нет комплексной оценки этих событий. Историки говорят, еще «слишком рано», политологи привыкли ориентироваться на заказ сверху, а для военной науки этой темы как бы и не существует...

Часть III

СТРЕЛЯЛИ В КОММУНИЗМ...

Россию мы проиграли дважды

Двадцать лет назад перестройка Михаила Горбачева приказала долго жить. Российская Федерация обрела суверенитет. Распался Союз, некогда могучая сверхдержава. Крах ГКЧП. У России определился новый виток развития. Отсчет «эры Ельцина»... Черeda сложных, неординарных событий, их уроки и значимость для истории Отечества легли в основу нашей беседы с доктором философских наук, известным политологом и публицистом **Александром Ципко**.

— *Александр Сергеевич, в пору вспомнить «судьбоносный» телефонный звонок находившегося в полном здравии президента СССР из Фороса сподвижнику по ЦК партии Аркадию Вольскому 18 августа 1991 года. Доводилось слышать: если бы об этом разговоре на следую-*

ший день узнала страна, то из-под ног гзачеписстов, напиравших на «болезнь» Михаила Сергеевича, почва уплыла бы мгновенно. И ситуация, дескать, не приняла бы жуткий окрас: ввод войск в Москву, «живое кольцо» у стен Белого дома... В апофеозе — появление Бориса Ельцина на танке, революционные речи с жестами вождя. Но Вольский сделал заявление лишь 21 августа... В крутые моменты мы снова поднимаемся на те башни, которые в состоянии построить сами?

— Допускаю, что связь полностью не вырубил, имелась возможность пробиться, пусть и выборочно. Но уверен, это было не столь важно. Дело даже не в звонке, а в том, что «девятка» (9-е Управление КГБ СССР, отвечавшее за охрану высших лиц в СССР. — *Авт.*) оказалась на стороне оппонентов президента СССР. Все остальное от лукавого: можешь звонить, но ты уже заключенный. Кто был в ЦК КПСС, знает знаменитый пятый этаж. Было время, я сидел рядом с Горбачевым. Есть зловещие символы: если охрану поменяли, у тебя власти нет. Точнее: к власти пришли другие...

Будем откровенны, много ли в стране поверивших в «болезнь» Горбачева? Большинство людей боялись перемен, неизвестности. Устали от перестройки и от радикализма: бесчисленных глебов якуниных, новодворских и т.д., этих «говорящих голов». Революция с лицом, скажем, Елены Боннэр не имела никаких шансов. После референдума в поддержку целостности СССР Горбачев сам должен был вводить чрезвычайное положение...

Что произошло в августе 91-го? Откровенно — никакой революции не было. Банальный переворот. Старая власть загнала себя в тупик, зашаталась, рядом оказались люди более сильные. Все развивалось при молчаливом согласии населения. Поймите, я уже в таком возрасте, когда надлежит говорить правду. ГКЧП пассивно поддержала страна. Я был тогда на Украине. Люди понимали: корабль дал крен, нужна смена на командном мостике. Горбачев заболтался, все куда-то катится. Возникла потребность в этаким Корнилове, который бы навел порядок...

Примечательно: уже тогда речь шла не о социализме, а о спасении государства и государственности. Но беда в том, что все произошло, как во время корниловского мятежа. Россию мы проиграли дважды. Корнилова никто не поддержал. И в этот раз наши государственники оказались несостоятельными, не выдвинули ни одной значимой фигуры. Я давно знаю Янаева, когда он еще возглавлял обком комсомола. Может, в душе он государственник, но на роль спасителя России никак не тянул.

Удивил дефицит воли у Лукьянова. И уж совсем банкротом выглядел Крючков, который, по-моему, стоял у истоков тех событий. Это неправда, что путч готовили с одобрения Горбачева. У меня была возможность близко общаться с Михаилом Сергеевичем уже после отставки. Иногда экс-президент часами выговаривался, без остановки. К событиям 19 августа он не был готов. Но в критический момент мог, видимо, произнести злополучную фразу: действуйте, черт с вами. Горбачев понимал, что их не остановить, что фактически он смещен.

Вспоминается совместная с Горбачевым поездка в Японию. Обстановка располагала к откровениям, и я спросил, не жалеет ли, что не поддержал ГКЧП ради спасения огромной страны, да и самого себя. Лицо его вдруг стало бледным, взгляд — холодным: «Саша, тебе пора спать». Косвенно это подтверждало: тема по-прежнему его мучает, сговора между ним и гэкачепистами не было.

И все же для меня остается тайной, почему Горбачев не понял, что ради высших интересов нации обязан был поддержать ГКЧП, что за радикалами стоят те, кто стремится уничтожить не коммунизм, а Сверхдержаву.

Конечно, можно говорить, что Горбачев был слабым, недоставало политической воли, что, взявшись за реформы, не удержал власть. Много умного и честного рассказал об ошибках Горбачева его соратник Георгий Шахназаров в своей книге «Мой XX век».

Но правда и в том, что руководство армии сыграло, на мой взгляд, не лучшую роль при распаде страны. И как в 1917-м, когда царь отрекся от трона, ни одна рота солдат не вышла в его поддержку, так и в декабре 1991-го, когда объявили о кончине Союза. А пылкие разговоры о Севастополе, о русском городе — фетиш. Надо было понимать, что, отдавая страну, отдаете базы, и не только Севастополь, Таллин, Ригу... Все отдаете.

— *Но армия, вспомним мудрого Фрунзе, сколок общества. Зеркальное отражение того, что сложилось в народе по поводу перестройки, Горбачева. Этот негатив накопился в душах всех...*

— Абсолютно согласен.

— *И не прошибает ли до озноба мысль о последствиях «идейной нестыковки», скажем, в рядах отдельно взятой Н-ской дивизии РВСН, которой подвластны ядерные «монстры»? Не приведи Господь довести военных до подобного судного дня...*

— Все так, но речь об упущенных возможностях. Распад СССР повлек за собой уничтожение исторически обустроенной России... Знаете,

меня многие разного рода ура-патриоты считают великим либералом, но я, имея полномочия и итоги референдума, распустил бы Верховный Совет РСФСР, который и устроил войну законов. Это Горбачев обязан был сделать, спасая государство, а он побоялся, хотел остаться в истории великим демократом.

— *Теперь, надеюсь, есть повод, не утрачивая «гордости великороссов», поговорить об «особом» пути России. Известно, что наши предки на заре государственности пригласили «владеть и править» Рюрика. Досыта попользовались и заемным умом гольштинцев. Потом, сломя голову, внедряли теорию Маркса с его «бродячими призраками»... Может, и впрямь «ленивы, нелюбопытны», что априори достойны участи, о которой сетовал «блестящего холодного ума» Чаадаев: «Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной»...*

— Как человека русского, славянина, меня тоже тревожит эта проблема. После реформ первой четверти XVIII века миру явилось уже не русское государство. Скорее, своего рода доминион Германии. В книге «Двести лет вместе» Солженицын справедливо пишет, в частности, о преследовании евреев в России. Кто из властей предержащих смотрел сквозь пальцы, как по нескольку дней громили евреев в Киеве, Одессе? Сплошь и рядом немецкие, французские фамилии. Честно скажу, никогда не воспринимал ореол Петра. И Сталина, по понятным причинам, тоже. Во имя государства они крушили наш народ. Первый — во имя «модернизации». Создавая фундамент пресловутому крепостному праву, вырубил четвертую часть населения. Сталин угробил крестьянство как класс.

В отличие от многих европейцев мы не создали национальное государство. Не потому даже, что была многонациональная и многоязычная империя. Основообразующий этнос никогда не правил. Рюрики, которых вы упомянули, почти мифология. Русские князья — славянская кровь. Но после Петра мы теряем контроль над своей страной, царствуют Романовы, а правят иноземцы. Безразличные, презирующие Россию. Посмотрите переписку Екатерины II с Дидро, другими просветителями. Ах, эти русские... Отсюда темень, дикость нравов, «две страны, две культуры» и все остальное.

Мало что изменила революция в октябре 1917-го. Опять русские в партере, а не на сцене. Более всего потрясает, что и славяне, пришедшие при Сталине к власти, как Молотов и другие, против русского народа

творяют преступления похлеще. Зверства, репрессии. Индустриализация, Беломорканал — на костях безвинных жертв. Никакие аргументы не убедят, что во имя «высокой цели» надо было миллионы сгноить, уморить голодом. После войны, я помню, за восемь колосков зерна загоняли на восемь лет в тюрьму. Что мешало дать людям хотя бы подобие нэпа, дабы накормили себя? И кому нужно окровавленное государство, которое строил Сталин сотоварищи?

Возникает страшный вопрос: может ли наш народ быть хозяином своей судьбы? Я не против других этносов, у нас многонациональное государство. Но почему великороссы, наша государствообразующая нация, все время упускают инициативу?

Второй раз в XX веке народ, который называем государственным, сам раздолбал свою страну. Правда, большевики были все же более государственниками, нежели другие. И лозунг о Владивостоке, городе на-шенском, подтверждает. Впрочем, Ленин взывал и к поражению России в мировой войне...

Особо подчеркну, я не сторонник русского национализма, сомнительного тезиса «Россия — для русских». Это очень опасно, мы — Федерация. Около 20 процентов населения — турки, угро-финны... Но в состоянии ли мы, многонациональный народ: русские, татары, евреи, осетины и других великое множество, — договориться, найти консенсус, взять на себя ответственность за судьбы страны? Точного ответа не знаю. Надежда есть. Все-таки ситуация намного лучше, чем в начале 90-х.

В народе проснулся инстинкт государственности. Медленно, но исцеляется боль, вызванная распадом СССР, колоссальными внешними долгами, утратой значительной части территорий. Так издавна повелось: Россия нищая, но всегда обладала суверенитетом. Независимость, национальное достоинство — возможно, главное благо, наши ценности буквально на генетическом уровне.

Спасать государство призваны в первую очередь представители силовых структур. У них патриотическая жилка. Воспитаны на идеях служения Отечеству. Мне кажется, исторический шанс у нас есть. Но надо понимать — едва не последний. Хорошо, что «первый всенародный» все же оказался дальновидным политиком. Нашел в себе силы уйти, осознав, кто способен поднять Россию на развалинах бывшей супердержавы. И эта нота внушает сдержанный оптимизм.

— *Недавно отметили очередную годовщину принятия Декларации о государственном суверенитете РФ. Были флаги, приемы. «По случаю» привычно потянуло пропустить чарку. Однако «именин сердца», ка-*

жется, не получилось. Сказывается догмат восприятия событий, или более уместны слова древнего старца: «Все тщета, как ловля ветра»?

— Вы интересуетесь мнением человека, который еще в СССР, в 90-м году, предупреждал: идея российского суверенитета убийственна. От чего независимость? Русских от собственного государства, которое создавали 300 лет? Независимость русских от победы над фашистской Германией? От собственных богатств, как 10 процентов общесоюзных запасов газа, оставленных в Каракумах, которые, кстати, сами открыли, освоили? Можно ли, уничтожив великое государство, радоваться по этому поводу? Нонсенс.

— Александр Сергеевич, прошли годы, как было заявлено о желании России войти в «общеевропейский дом», обрести базовые ценности новой ориентации. Почему долго, унижительно топчемся, простите за своеволие, у порога этого «храма Соломона»?

— Мне кажется, очень важен психологический аспект. Был «железный занавес». Стратегия осажденной крепости. Люди томились десятилетиями. Многим представлялось, что вне глухих препон — другой, прекрасный мир. Если они разломают стены, то их примут «радостно у входа» на равных. Отсюда и логика Горбачева — во многом романтика, с недостаточным государственным сознанием. За что надо винить великую партию. Воспитала лидера, кстати, в духе западноевропейской марксистской идеологии. Наивной, чуждой, в которой нет ни толики русского духа. Никто в мире так не критиковал, не показывал фарисейство марксизма, как русские мыслители.

Насколько же мы разнимся цивилизационно, чтобы не войти в тот самый «храм»? Основная часть населения — русские, православные. Но это христианский мир. Культура, литература и мышление принципиально не отличаются от западного. Никуда не деться: все наши великие философы, писатели — это тоже Запад. Вспомните Пушкина, который в лицейском возрасте знал наизусть почти всю французскую поэзию. Но современный Запад эгоистичен. Не желает рисковать благами. Еще хватает сил «переварить» Польшу, Чехию, Венгрию. Но боится нашего огромного пространства, нашей непредсказуемости, спонтанных движений. Обманчиво считать, что там рукоплещут нашей приватизации.

Кстати, я сторонник частной собственности. Но европейская собственность — заработанная. А тут разделили в «своем кругу», а то и превратили в некий «общак». Запад этого боится. И не следует негодовать, что после начального этапа рыночных реформ от нас дистанцируются. Вряд ли что изменится в ближайшем будущем. Тактика прежней при-

ватизации ведь не сдана в утиль... Если мы станем более благоразумны, будем действовать исключительно в национальных интересах, тогда и на Западе к нам отнесутся по-другому.

— *Александр Сергеевич, не секрет, что в мутной пене «обновления» зародились будущие олигархи, шаманы финансовых «пирамид»... Почему был отвергнут щадящий вариант реформ, как в странах бывшего соцлагеря, почему не удалось помешать номенклатуре срастись с «те-невиками», волостными баронами, бандитскими «авторитетами»? Почему, около десяти лет разглагольствуя о «чистоте эксперимента», открывали жестокой «амальгаме» шлюзы во власть?*

— Борис Николаевич Ельцин очень сложный человек. К сожалению, в его книгах, в том числе и в «Президентском марафоне», не вся правда. Мотивация его поступков противоречива. По тому, как он решил вопрос преемственности, можно, бесспорно, судить о проявлениях чувства национального достоинства. Хотя политику в 1991—1993 годах проводил известно какую. Чего только стоит появление того же Егора Гайдара. Может, читателям будет интересно узнать детали. О них мне рассказывал Николай Федоров в 1994-м. А дело начиналось в бане (увы, таков был стиль высшего руководства), где с участием Бурбулиса, Полторанина и упомянутого Федорова обсуждались важные проблемы. Впервые назвали имя претендента на премьерское кресло. Борис Николаевич возмутился. Но затем Запад пообещал под «младореформатора» солидные кредиты. Егор пришел с планом уничтожения ВПК. Об этом он сам пишет в книге «Государство и эволюция».

Что такое пустить цены на самотек при сломанных общественно-политических структурах? Пролог коллапса. И неправда, что к началу «великого десятилетия», которое потрясло страну и каждого из нас в отдельности, ничего не было в стране. Мы до сих пор добираем из того, что осталось от советских времен. Тогда имелись громадные нефтяные запасы и т.д. Безбожно врут те, кто утверждает обратное. Откуда же взялись миллиардные состояния? В стране все было. Ни одна страна Восточной Европы на пути реформ сразу не отменила монополию на внешнюю торговлю. А у нас сделали. Чтобы вывезти национальные богатства? Вопрос звучит риторически.

Еще одна шарада — назначение Андрея Козырева главой МИДа. Может, он и способный, но человек своеобразный. Для него Родина — весь мир. Надо знать американцев, которые ценят людей с государственным мышлением. Знакомые работники Госдепа рассказывали мне, как впервые столкнулись с неведомой проблемой. Министр иностранных

дел великой державы — России господин Козырев обратился в Государственный департамент США с просьбой выделить... стипендию для его жены сроком на три года. Они за голову схватились. Даже африканские вожди на подобное не решались. И такой министр оставался «на плаву» пять лет. За это время созданы предпосылки трагедии на Балканах и многое другое...

— *С ними вроде ясно. Хотя и Горбачева не очень жалуют: задачи «вселенского масштаба» по причине интеллектуальных потенций оказались не по плечу...*

— Миллионы россиян должны быть благодарны ему за демократизацию страны. Горбачев, по сути, второй раз освободил наш народ от крепостного права. Нельзя забывать, коммунизм в сталинском варианте — тоже своего рода крепостничество. Это мое глубокое убеждение, как человека, хорошо знающего ту систему изнутри.

— *Многие наши читатели, особенно старшего поколения, вряд ли согласятся с вами, Александр Сергеевич. Коммунистическая идея, подобно учению Христа, — извечная мечта нормального человека о Добре и Справедливости. Впрочем, это тема отдельной большой беседы: насколько капитализм гуманнее и вообще может ли восторжествовать в обществе Социальная Справедливость... Но вернемся к Михаилу Горбачеву, к его сложной и противоречивой личности. Почему у него, русского по происхождению, никогда не было русского патриотизма?*

— Начиная перестройку и, скажу откровенно, проигрывая интеллектуально демократам, он отчужденно относился к патриотам. Мне доводилось писать, что мы стоим перед дилеммой: авторитет марксизма-ленинизма или государства. Итог известен. А вот китайцы взяли за основу национальную идею. Что получилось, видят все. Почему Горбачев боялся подобного? Все бы поддержали. Допускаю, сказался советский интернационализм в худшем варианте. Но это не значит, будто Горбачев враждебен России.

— *Мировоззрение «продвинутых» людей всегда подпитывалось идеями Булгакова, Ильина, Бердяева...*

— Михаил Сергеевич был типичный советский коммунист. Продукт системы. Винить надо ее. Первые большевики люто ненавидели патриотизм. Достаточно почитать письма Короленко. За патриотизм большевики ставили к стенке. Кто был против Брестского мира, расстреливали. А чему учила партийная печать? «Наша Родина — Октябрь!» Если так, то чего следовало ожидать?

— *За минувшее десятилетие нельзя не видеть противоречий в действиях Запада. Нас пока не принимают как до конца полноправных в общеевропейском доме...*

— *Высокая преступность, коррупция...*

— *То есть вроде жестко наставляют на истинный путь. И в то же время... Вы не усматриваете противоречий, когда, вопреки теологическим традициям, одна рука прекрасно ведает, что делает другая? Или все оправдывал великий соблазн уничтожить могучего оппонента в мировых спорах?*

— Запад очень разный. В любой стране мира, как и у нас, есть правые, левые, государственники... Конечно, разрушить стратегического противника — цель для них приоритетная. Страх перед сильным противником диктовал правила игры. И тем не менее внутренняя политика, к примеру, в США — во главу угла. В программе республиканцев: запрет абортов, сохранение семьи, религия, мораль... А демократы? Очень похоже на нашу «ДемРоссию». Разрушение традиций, космополитизм, Internet, постмодернизм, борьба с национальным сознанием.

А насчет противоречий... Мне кажется, подстегивая Россию к ядерному разоружению, Запад не очень обстоятельно продумывает последствия. Возникает цивилизационная проблема: в какой степени США, люди, определяющие курс единственного лидера в мире, умеют просчитывать геополитические последствия своей политики. Штаты при Клинтоне действовали не лучшим образом. Что делали на Балканах? Чего достигли с помощью ракетно-бомбовых ударов? Создали проблемы в Косово, Македонии, под большим вопросом целостность Сербии...

— *В контексте событий на Балканах по-иному оценивается причастность Запада к результатам рыночных реформ в России, хотя бы в первые пять лет. Скажите, мог ли жесткий курс на экономическое разложение России, развод ее народов по «национальным квартирам» завершиться «гуманитарной интервенцией»? Подобный элемент нового миропорядка — уже не дань виртуальности...*

— Честно говоря, после «точечных ударов» НАТО боеприпасами с обедненным ураном по мирным городам такой вариант был вполне реален. Я знаю многих, которые «делали погоду» в администрации Клинтона. Та же Мадлен Олбрайт и иже с ней — люди с комплексом восточноевропейской ненависти к России. Подобно тому, как большевики-интернационалисты в лице Радека и т.д. считали Страну Советов «пламенем мирового пожара», эти видят Соединенные Штаты плацдармом либеральной революции по всем континентам. Лишнее

доказательство, что нет единого Запада. Запад борется, он расколот на традиционистов и ярых сторонников «всеобщего разрушения». С этим надо считаться.

— В 1990-е годы, пожалуй, не было более униженных, духовно раздавленных людей, нежели в погонах. Они, «государевы люди», стали изгоями в пределах бывших союзных республик, групп войск... В 90-е годы множили ряды сотен тысяч «обманутых и оскорбленных» на просторах постсоветской России. И они же, голодные, гонимые, но с присягой в душе, как осененные святым крестом, выходили миротворцами на линию огня между обезумевшими от ненависти «этническими племенами» в Средней Азии, Приднестровье, на Северном Кавказе...

— Начнем с того, что в августе 1991-го люди из той же «ДемРоссии» и те, кто реально от имени Андрея Дмитриевича Сахарова руководили ими, боролись не с коммунизмом. Они не думали о реставрации национальных основ страны. Дети и внуки бывших российских большевиков, ставших жертвами сталинских «чисток», скорее всего, жаждали реванша. Для них герои — не Деникин и Колчак, а Ленин и Троцкий. Стремясь изничтожить государство, «демороссы» ударили по самому чувствительному нерву. Принижали роль Вооруженных сил, издевались над теми, кто жизнь посвятил служению Отечеству. Шла работа на подрыв национального самосознания, а значит, против людей в армейской форме. Кажется, в году 97-м я случайно попал на телепередачу «Преступление и наказание», лишний раз убедился: со всех калибров бьют по нравственному авторитету солдата, офицера, генерала. Ведь что такое Россия? При всех наших неурядицах это воинская доблесть, офицерская честь. Против армии они и настраивали общественное мнение.

Вакханалию не пытались пресечь и известные в ту пору политики. Мой бывший коллега Руслан Хасбулатов и Александр Руцкой, пусть фигуры марионеточные, но разделили пир триумфаторов в августе 91-го. Вещали о державности, считали себя патриотами. Но не сумели (или не захотели?) оппонировать «новым подходам». И это чудо, что власть «прозрела», начала искать опору в среде военных, «силовиков». Это дало России шанс на спасение.

— Александр Сергеевич, русская литература, в частности, XVIII—начала XX века, «произрастая на несчастиях народа» и отражая их, достигла мировых вершин. Но что «породили» 90-е годы? Уж страданий, бесправия, мздоимства было море разлитое. Однако наш лексикон вскармливался исключительно путанами, киллером, рэкетом, «крышей»... Да и в кино, на театральных подмостках чаще видели бру-

тальный букет пошлости, примитива. Какие уж тут Достоевский с пророческими сюжетами, мятежность Некрасова или «пленный Дух» Андрея Белого. Как думается вам: постперестроечное время было обречено привносить варварские краски в культуру, быт?..

— Неумолимы законы общей логики. Национальное сознание народа вбирает в себя токи отечественной культуры. Приоритеты очевидны, и было время, когда радикальные демократы осатанело пытались низвергнуть даже Достоевского. Снова входил в моду призыв сбросить классику с «парохода современности». К счастью, ослепление прошло. Но смута всегда подменяет «муки творчества» на обыденные, земные. Это не лучшее время для создания «нетленного». В 90-е годы, конечно, произошло много страшного, но следует помнить, что рухнувший режим был противоестествен. Цензура, запреты на инакомыслие. Эти доносы, пытки моральные...

Современная цивилизация двигалась, развивалась. А у нас, даже при Горбачеве, изошрялись в ограничениях. Гоняли старушек за пучок зелени, в магазинах не найти бутылку пива, а кусок колбасы — едва не пик счастья. Это была жуткая, абсурдная жизнь. И когда все смели, русский человек, по природе любящий вольницу, расценил как час беспредела... Тут не до создания шедевров культуры. Слава Господу, что скоро закончилось.

— *В прошлые века смуты тоже хватало. Мрачные «Бесы» появились в канун разгула политического террора в России. Бессмысленного, жуткого...*

— Однако было относительно нормальное государство. «Бесы» появляются, когда писатель видит опасность раньше других. Зловещие тенденции. А какое было государство после 91-го? Разброд, падение нравов. И это хлынуло на ТВ, в театр, в кино. Появилось желание гульнуть, «оттянуться» по полной программе. Но это антикультурное, анти-социальное действо. Сейчас «волны порока» вроде пошли на убыль. Вспомнили о духовных ценностях нации, уважении к творчеству, образованию, интеллектуальному наследию.

— *Остается ждать талантов, которые отразят наше время...*

— Но исключительно в нормальной стране. Ведь только в нормальной стране с пиететом воспринимают, скажем, патриотизм как духовно-нравственную категорию. Борис Ельцин, как и Горбачев, не использовал громадный мобилизационный резерв патриотической идеи. Сталин вспомнил, когда немцы стояли под Москвой, в 41-м, о русских героях и русских полководцах. Сейчас очень важно, чтобы власть использовала

свой резерв: русское национальное сознание, русская национальная гордость, русское достоинство. Не как пиар, а серьезное, глубоко осмысленное действие.

— *Пытаясь дойти до сути событий после августа 91-го, читаешь много и многих. С вами, Александр Сергеевич, «пикируются» немало оппонентов — политологи, представители институтов, центров, ассоциаций и просто любителей разговорного жанра. Нет якобы никакого «ослепления». Свершилась, цитирую, нормальная революция. Приватизация проведена блестяще. Ваучеризация — во благо. Комплекс мер в экономике адекватен формату «вашингтонского консенсуса». А дефолт в 98-м — точка отсчета процветания... Так, может, напрасно ломаются копы?*

— Это коренная наша проблема: как оценивать 90-е годы. Интересами меньшинства — так называемой демократической элиты, получившей блага, власть, деньги, тусовки? Или большинства населения страны, много потерявшего и, как ни прискорбно, не имеющего достойного будущего? Не секрет, у кого дети страдают от дефицита лекарств, нормального отдыха, пищи.

Объективно душой я оказался среди меньшинства, еще с советских времен. И от меня ждали, что буду говорить о прорывах: демократия, гласность, открытые границы. Но кривить душой не могу. Наверное, так воспитан. В нашем роду были и крестьяне, и дворяне... Я помню рассказы родителей, жестокую нищету послевоенных лет. И смотрю на современную российскую историю, как смотрят обделенные люди. Кстати, я не любил и прежнюю систему, оценивая ее здравомыслием украинского пахаря, моих предков по материнской линии. Тех, кого растерзали сталинские янычары. Глазами моего деда, дикого голода 30-х на Украине...

Если реформирование экономики идет за счет миллионов людей, лишая хлеба насущного, то оно мне абсолютно не нужно. Не потому, что я такой совестливый. Либеральная идея у нас разошлась не только с демократией, но и с гуманизмом. Любой нормальный человек понимает злодеяние приватизации, когда у россиян отобрали национальное достояние — природную ренту. Я не отказываюсь от своих слов в защиту частной собственности. Но никогда в голову не могло прийти, что будут приватизировать «естественную монополию», государственный менеджмент. Что в повестку поставят акционирование железной дороги. И это в стране, где основные фонды жизнедеятельности — естественные монополии: электроэнергия, тепло, газ, железные дороги... Та же

Германия имеет государственные авиалинии. Мы настырно разваливали Аэрофлот на тысячи ничтожно малых компаний. Теперь пожинаем горькие плоды под Чкаловском, Иркутском... Идея прав человека грубо противопоставлена идее социальной справедливости.

— *Иногда приходят крамольные мысли. Может, происшедшее с нами и со страной по имени СССР было неотвратимо, как и события 90-х годов? А поиски парадигмы в России, спираль шоковой терапии, ненависть, нравственную аритмию в обществе и т.п. следует воспринимать как данность? Ведь и религия наставляет: Бог дает человеку, что надо, а не то, что он хочет...*

— Если считать все за неотвратимость, то зачем мы вообще нужны. Если предкам было неотвратимым мучиться, как нашим бабушкам, дедушкам, годами топтать нары за анекдот или полведра кукурузы, тогда мы просто неполноценные люди. Я против фатализма. Тем более появилась возможность подняться с колен, возродить страну. Если же послушно откликаться на «синдром тупика», становиться на позиции беспросвета, тогда на дорогой России надо ставить черту и превращаться в протекторат.

— *А многое ли объясняется нашим менталитетом: смиренность, сострадание, воспетая исконно русская горемычность судьбы? В какой еще стране мира горстка элитарных кланов могла веками держать за рабов огромный пласт населения, своих соплеменников?*

— Возьмите Индию. Там касты, есть неприкасаемые...

— *Но это все-таки иное. В Индии тысячи строго обособленных групп, которые живут по правилам философско-нравственного и бытового характера. А вот холопы — вещь, собственность хозяина — жуткая реальность со времен Древней Руси. И крепостничество процветало в уродливой форме почти до окончания XIX века...*

— Подобного ужаса действительно не было. Однако давайте вернемся в день нынешний. Страницы истории перевернуты, многое пережили и все-таки выстояли. Государство и культуру сохранили. Я думаю, надлежит придерживаться оптимистичной версии. Сравните с ситуацией трехлетней давности. Какой-то мизер «высоколобых» желает уехать за бугор. Есть качественные импульсы в науке, выходит на рынок наш производитель... Нельзя нам становиться на позиции обреченности, катастрофизма.

— *В этом плане, наверное, убедителен пример ветеранов, феномен их бесстрашия и выдержки в Великую Отечественную?*

— Бесспорно. Победа в войне с фашистской Германией убедила в наличии могучих общенациональных сил. Она не только вернула леги-

тимность Российскому государству, в 17-м был насильственный захват власти, но и показала, что в «годы роковые» наш народ способен на самоорганизацию, самоотдачу. И это питает надежды. К сожалению, подобных ярких событий в нашей истории, возьмите век минувший, было очень мало. Реформы Петра Столыпина и подъем жизненного уровня людей, священная война. Первые годы хрущевской «оттепели». Хорошо помню ощущение свежего воздуха после XX съезда партии, моменты радости. Да и начало перестройки тоже было радужным... Увы, лишь редкие светлые полосы на фоне тяжелой, страшной жизни.

— *Сухая статистика нередко убедительнее слов. С 1992 по 2000 год россиян стало меньше почти на 6,6 миллиона. Неутешительные демографические рекорды — более чем серьезный повод для головной боли нынешнему руководству страны. Дай Бог, удастся отступить от роковой черты. Но вот что примечательно. Лет пятнадцать назад в Англии прозвучало: в СССР экономически оправдано проживание... 30—40 миллионов. Может, Маргарет Тэтчер удалось тогда постичь таинство центурий Нострадамуса, или «выводы» потребовали иных доказательств?*

— Откуда берутся истоки социального дарвинизма? Если говорить мягко, от неукорененности. В результате событий 90-х у нас сохранились два народа: либеральная элита и остальные, пострадавшие от реформ. Я скажу вещи страшные: создается впечатление, что нынешние «сливки общества», хорошо устроившись в этой жизни, считают: чем малочисленней страна, тем меньше проблем, опасности революций, передела собственности. Не отсюда ли толерантность к наркотикам (ими торгуют открыто в школе, на танцплощадках, в барах), разгулу криминала, к «пьянственному недоумению» подростков. Пускай себя убивают, не жалко. Себя мы убережем. Таков верх цинизма.

А Запад ничего не смог сделать, если бы не наша элита, заинтересованная в крушении страны. Это уникальное явление. Даже «западники», тот же Чаадаев, думали об участии Отечества. А что наши либералы? Заявляют, что главная опасность — идея государственническая. Опять пожинаем плоды просвещения Октябрьской революции. Никакое ЦРУ не способно на то, на что способна наша глупость.

— *Теперь очевидно, что в минувшее десятилетие страна повторила разрушительный путь. Расхожая, но точная фраза: целились в коммунизм, а попали в Россию. Духовный надлом в начале 90-х оставил кровавую мету. О позитивной идее можно было только мечтать, «служение Родине» выкорчевывали из словаря. Кто извлекал дивиденды от*

кризиса общественного сознания, падшей нравственности? И почему приумолк глас «плакальщицы народной» — интеллигенции?

— Надо признать, что свобода от коммунизма была приобретена путем утраты собственной страны — СССР, то есть исторической России, значительной части государственного суверенитета, экономической и духовной безопасности. Это факт безусловный. Неоспоримо и другое: во всех наших потрясениях интеллигенция всегда выступала в качестве главного субъекта. Революцию делает интеллигенция, наиболее активная, воинствующая. Часть почвенников-патриотов в августе 91-го проиграли. В душе они тоже были не в ладах с коммунизмом. Носов, Бондарев... Распутин уж точно. Но не смогли организовать. Принялись защищать, когда уже нечего и некого было защищать... А вот молчание «вечной плакальщицы» — явление потрясающее. Пожалуй, впервые в России от народа, его страданий отвернулись и литература, театр, кино. Это не только аморально: речь идет о спасении политического, нравственного авторитета реформ, о судьбе российской общественной мысли.

— *В заключение заглянем в день завтрашний.*

— В науке есть понятие периода послереволюционной стабилизации, когда осознают и видят ценность государственности. На политической арене должны появиться новые люди, команда государственников. Государственнический язык, слово! Государственническая партия и адекватная политика. Политику вижу внешнюю, отражающую алгоритмы независимости. Политика умная, тонкая. Но внутри страны пока еще много туманного. Продолжающаяся приватизация природных богатств, до конца не продуманная реформа ЖКС. Надо понимать, что рано или поздно наступает момент истины... В целом же воспринимаю нынешнюю ситуацию как благоприятную для патриотических, государственных устремлений. Этому способствует и внешняя конъюнктура: мир, как мне думается, начинает осознавать, что сильная Россия нужна человечеству как фактор стабилизации.

Беседу вел Василий Семенов

Почему погибла держава?

Двадцать лет назад в Москве произошли события, вошедшие в историю как ГКЧП. Всей правды об обстоятельствах создания Государственного комитета по чрезвычайному положению и мотивах его инициаторов нынешнее поколение россиян вряд ли узнает. Но бесспорно одно: затея с ГКЧП вольно или невольно способствовала распаду СССР,

который В.В. Путин называл самой большой геополитической катастрофой XX века. Одну из точек зрения на причины гибели Советской державы высказывают известные российские публицисты Сергей Батчиков и Сергей Кара-Мурза.

Глобализация под эгидой США — это попытка кардинальной перестройки мировой экономической системы, международного права, «экологии» культуры и статуса наций и народов. Одни страны и социальные группы при этом надеются выиграть, большинство понесет потери. Это признают и сами идеологи глобализации. На этом пути человечество, в его современном понимании, не выживет и должно будет разделиться на две «расы». Эта утопия «новой античности», подчеркнем, реализована не будет, но прежде чем она потерпит полный крах, она нанесет тяжелые травмы множеству народов.

К каким видимым изменениям привела на Западе та неолиберальная волна, которая поднялась в конце 1970-х годов? Неолиберальная глобализация ухудшила положение мировой экономики. Совокупный мировой темп экономического роста в 1960-е годы составлял 3,5 процента, в начале неолиберальной волны, в 1970-е годы, — 2,4 процента, в 1980-е годы — 1,4 процента и в 1990-е — 1,1 процента. В 2000—2003 годах он едва перевалил за 1 процент.

Рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Это называют «накоплением путем лишения прав собственности». Достигается оно с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные.

При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов («мирового правительства») начинает служить инструментом такой глобализации — прежде всего проводя приватизацию и сокращая расходы на социальные нужды и на поддержание таких национальных систем, как наука и культура. Государства же организуют потоки массовой нелегальной миграции рабочей силы, делая ее совершенно бесправной и резко удешевляя ее цену.

Возник особый тип финансовых войн — организованные атаки на национальные валюты (так, в октябре 1993 года Сорос за несколько дней получил 1 млрд долларов с помощью атаки на фунт стерлингов). Регулярными стали операции по разорению массы мелких акционеров в своих странах.

Но главным новшеством стали системные операции против национальных экономик, в ходе которых с помощью финансовых махинаций доводили страну до кризиса, обесценивали ее предприятия, а затем скупали их по дешевке. Так провоцировались кризисные волны, охватывавшие огромные регионы (как кризис в Мексике 1994—1995 гг., ударивший по Латинской Америке, кризис 1997—1998 гг. в Азии, затронувший и РФ, кризис 2001 г. в Аргентине). Все эти кризисы наносили тяжелый удар по населению, но одновременно позволяли кучке спекулянтов делать многомиллиардные состояния. Возникало множество предприятий с укладом почти рабского типа, а часть местных богачей вливалась в новую глобальную элиту. После кризиса в Мексике там появилось 24 миллиардера.

Неолиберальная волна привела к резкому «обогащению богатых» — даже в богатых странах. Доля 0,1 процента самых богатых людей США в национальном доходе выросла за 20 лет в 3 раза. При этом соотношение средней зарплаты топ-менеджера и рабочего в американских корпорациях выросло с 30 : 1 до 500 : 1. Это — изменение качественное, чреватое риском дестабилизации общества и экономики даже самых развитых стран.

Глобалисты действовали жестко — из МВФ и Всемирного банка уже к 1982 году были изгнаны все экономисты-кейнсианцы, сторонники регулирующего воздействия государства. Была проведена и чистка ведущих экономических факультетов. Была создана целая система фондов, финансирующих пропаганду неолиберализма и подготовку «пятых колонн» во всем мире. На сторону глобализма удалось склонить левоцентристов и социал-демократов многих стран — его активными деятелями стали такие фигуры, как Клинтон и Блэр.

Долг любого патриотического суверенного правительства — укреплять национальные, региональные и глобальные системы защиты против этого проекта, перенаправить его энергию на выполнение универсалистского проекта сотрудничества. Такие защиты надо строить как в сфере культуры и общественного сознания, так и в политике и экономике. Для этого требуется совместная интеллектуальная и организационная работа. Один из главных фронтов этой борьбы пролегает в Латинской Америке.

Главным препятствием нынешней волне глобализации служил Советский Союз. Его разрушение было целью холодной войны. Для этого были мобилизованы огромные финансовые и интеллектуальные средства. Советское государство и общество были изучены с дотошностью,

недостижимой для советской общественной науки, однако изучены с целью направить смертельные удары в слабые точки СССР.

Разработка доктрины глобализации велась в тех же организациях, теми же людьми и теми же методологическими средствами, что и разработка стратегического плана последней большой кампании холодной войны против СССР. Можно даже считать обе стратегические концепции частями единого плана нового мироустройства.

Мы считаем, что понимание того, что произошло в СССР за два последних десятилетия, является важным условием для понимания сути глобализации и прогнозирования ее результатов — для всех стран и культур, не входящих в состав «метрополии» создаваемого мироустройства. Опыт поражения СССР в последней кампании холодной войны является не умозрительным, он уже есть достояние истории, открытое для точного исследования. Это знание, оплаченное страданиями десятков миллионов людей, должно быть взято на вооружение, чтобы избежать новых страданий миллиардов людей.

В последней кампании этой войны против СССР были применены все виды оружия, которые будут также использованы против других народов, пытающихся защитить свою независимость. Всем им полезно знать, на какие точки СССР были направлены атаки, потому что аналогичные структуры Латинской Америки станут целью для последующих ударов.

Целью холодной войны была ликвидация СССР и социалистической системы. Не из-за идеологии, а потому, что эта система представляла альтернативу нынешней глобализации, служила моделью и зародышем иного мироустройства. Этот зародыш не удалось убить интервенцией, а затем блокадой 20-х годов XX века, затем агрессией фашизма. Он стал расти, так что возникала мировая система кооперации и соединения ресурсов развития, высвобождающихся из-под диктата мировой капиталистической системы, построенной по принципу «метрополия — периферия».

Если бы эта альтернативная система окрепла, метрополия лишилась бы главных источников своего богатства, лишилась возможности высасывать ресурсы из $\frac{3}{4}$ человечества. Против этой альтернативной системы в 1948 году и была начата Третья мировая война нового типа, «холодная», экономическая и информационно-психологическая. Если бы СССР не успел укрепиться в военном отношении, то стал бы объектом и атомных бомбардировок. Это входило в планы США и было закреплено в стратегии Пентагона по нанесению ядерных ударов по

СССР (об этом свидетельствуют рассекреченные недавно документы первого этапа холодной войны).

Схема этой войны была стара как мир, но ее технологии — на новом уровне качества. Были мобилизованы огромные финансовые и интеллектуальные силы, глобальная разведка и глобально организованные исследования всего комплекса социальных наук. Вот пример: в 1990—1991 годах в СССР были организованы забастовки шахтеров, которые нанесли тяжелейший удар по государству и по общественному сознанию.

Это было новое и непонятное явление. К нему были не готовы, людей парализовал абсурд: шахтеры, будучи самой высокооплачиваемой группой рабочего класса, требовали отмены советской системы хозяйствования на шахтах — притом что при рынке шахты были бы убыточны и были бы закрыты. Это и произошло после 1991 года. Как удалось склонить активную часть шахтеров к такому шагу? Использовались глубокие исследования социальной психологии русских шахтеров, начиная с 1904 года, которые были проведены в США в 1980-е годы.

Чтобы решить частную задачу — определить реальную величину военных расходов СССР — научные центры США затратили, по разным оценкам ЦРУ, от 4 до 10 млрд долларов. Как говорят, это был самый крупный проект в социальных науках в истории человечества. Советская экономика была устроена совсем иначе, чем на Западе, и чтобы определить военные расходы, ЦРУ пришлось создать что-то вроде «второго Госплана» (советского министерства планирования), который моделировал нашу экономику. Кстати, военные расходы СССР оказались очень небольшими, и ЦРУ искренне возмущалось тем, что Горбачев их бесстыдно завышал, создавая образ «империи зла».

Второй большой проект в этой войне ставил целью завербовать часть интеллектуальной и культурной элиты СССР и превратить ее в свою «пятую колонну». Эта работа велась, начиная с хрущевской «оттепели», на нее ушло 30 лет. В любом обществе есть диссиденты — и по идейным мотивам, и не простившие обид, и падкие на соблазны. Из них выращивали будущих «духовных лидеров», создавая им ореолы разных типов, раздувая их авторитет знаками гипертрофированного уважения, способствуя теневыми методами их продвижению наверх внутри СССР. Так была сформирована бригада влиятельных лиц в высшем эшелоне правящей элиты на всех ключевых участках.

Без этой группировки, которая контролировала СМИ и влияла на сознание интеллигенции, успех был бы невозможен. А в современном

обществе со всеобщим средним образованием именно интеллигенция через личные контакты определяет установки массового сознания.

Опыт СССР показал, что для победы в информационной войне все не требуется менять фундаментальные ценности населения. Надо завербовать сотню интеллектуалов (и обязательно два-три десятка популярных артистов и несколько кумиров поп-арта), создать им имидж «духовных аристократов» или «совести нации», не поскупившись на пару-другую престижных международных премий, коррумпировать десяток политиков с документами для шантажа — и запустить машину манипуляции сознанием местной интеллигенции. Этого хватит, чтобы провести в стране короткий, но блестящий политический спектакль... Народ просто не успеет понять, что происходит, он будет вовлечен в этот спектакль. Утратив свое государство, он не сможет организовать для борьбы — до следующего мирового кризиса.

Третья большая операция в холодной войне против СССР — разрушение национального рынка и вытеснение с дружественных внешних рынков. Сегодня обретение экономической независимости и возможности интегрироваться в мировую экономическую систему на приемлемых условиях не под силу отдельному национальному государству (исключая, быть может, Китай и Индию) — емкость его рынка недостаточна для эффективной промышленности. Необходима региональная интеграция и кооперация.

СССР создал общий рынок в социалистической системе и, действуя на принципе взаимной выгоды, расширял свое присутствие на рынках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Он отставал от Запада в научно-техническом уровне товаров и преодолеть это отставание не успел. Против этой большой формирующейся системы была проведена экономическая война известными методами: на страну накидывается петля внешнего долга, затем должнику навязывается «программа стабилизации», которая сформулирована в т.н. Вашингтонском консенсусе, и его экономика ставится под контроль финансовых институтов мировой олигархии.

Параллельно методами культурного империализма местным элитам, а затем молодежи навязывается как идеал образ жизни западного среднего класса и жгучая потребность в товарах-символах, производимых только западными фирмами (точно так же, как в XIX веке Англия «раскрыла» Китай с помощью «опиумных войн»). Против тех, кто пытается закрыться разного рода «занавесами», действует морская пехота и авиация США.

Система, которая складывалась вокруг СССР, против этих воздействий не устояла, теперь надо создавать новые системы с учетом уроков этого поражения. О том, как проводилась «молниеносная война» уже против рынка самого СССР, скажем ниже. В главных своих чертах она напоминает хорошо знакомую Латинской Америке операцию против Аргентины с середины 1990-х годов, хотя цели такого глубокого и необратимого разрушения хозяйства, как в СССР, в Аргентине не ставилось.

Надо подчеркнуть, что разрушение всех систем национального государства велось в СССР не для уничтожения коммунизма, это было лишь прикрытием. Один видный антисоветский диссидент перед смертью раскаялся и сказал: «Мы целились в коммунизм, а стреляли в Россию» (философ Александр Зиновьев. — *Ред.*).

Глобализация — это мощная программа мироустройства, в которую вовлечены колоссальные финансовые и интеллектуальные ресурсы и уклониться от которой Россия не может. Мир столкнулся с программой абсолютно безжалостной. Один из идеологов глобализации, президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали, написал в 1990 году книгу «Тысячелетие. Победители и побежденные в грядущем мировом порядке». Он изъясняется весьма откровенно: «В грядущем новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

Что касается России, то она — ставка в этой большой игре. Бжезинский прямо предлагает поделить между США и Китаем имущество России как геополитического банкрота. В такой ситуации любой неверный шаг России грозит и государству, и населению огромными потерями.

Что мы видим сегодня в России? Как только В.В. Путин начал по капле восстанавливать национальный суверенитет над частью главных природных ресурсов России, он стал врагом глобалистской элиты. Хозяевам мира нужна абсолютно антинациональная политика. И прежняя антисоветская «пятая колонна» в России теперь мобилизована против главы государства — лидера — и под правыми, и под левыми лозунгами.

Все эти большие операции велись и будут вестись параллельно как части целостной военной доктрины. И направлены они на главные структуры, обеспечивающие жизнеспособность государства, хозяйства

и общества. Исходя из опыта СССР, укажем наиболее важные объекты таких разрушительных операций.

Во-первых, подрыв легитимности национального государства, его коррумпирование с одновременным представлением как коллективного «врага народа».

В глобализации нет своих стран, а есть всемирное племя-каста «новых кочевников» и всемирные туземцы. Произошел разрыв искателей денег с правовыми нормами, на которых держалось прежнее мироустройство, при котором человеческий род был организован в народы, а их права и обязанности, соединяющие людей в общества, были оформлены как государства.

Глобализация ликвидирует качественные различия в происхождении денег и, следовательно, различия между нормальной и преступной экономикой. Она легитимирует множество видов «криминальной хрематистики», включая такие сверхрентабельные виды бизнеса, как торговля наркотиками, человеческими органами, живым товаром (работоторговля и порноиндустрия) и т.д.

Глобализация привела к взрывному развитию антисоциальной и антигуманной философии и морали, консолидировала ее носителей и выразителей. Как будто все темные и низменные силы, которые до этого прятались в порах общества и на социальном дне, вдруг вышли на улицу и атаковали прежний порядок. Это — революция отщепенцев. Ставшая возможной благодаря важным прорывам в технологии, эта революция регрессивна, это революция гуннов. Ее врагом и объектом ненависти является любое национальное государство — кроме «империи золотого миллиарда».

Подрыв национальных государств и систем права уже привел к тому, что финансовые спекулянты могут безнаказанно разорять целые континенты и вывозить из разоренных стран сотни миллиардов долларов, обесценивать труд миллионов людей, не подпадая при этом ни под одну из статей Уголовного кодекса. Эти спекулянты ведут тихий геноцид оказавшихся незащищенными народов, подрывая условия всякой нормальной жизни. Это самым драматическим образом отразилось, например, на демографии в России.

Информационно-психологическая война против СССР началась изнутри после смерти Черненко. В результате идеологической программы перестройки была подорвана легитимность Советского государства, опорочены символы и образы, скреплявшие общество. Успех этой программы был обеспечен недопущением общественного диалога

и цензурой, по своей жесткости несравнимой с той, которая была в «тоталитарном» СССР. Критика перестройки допускалась только в такой отталкивающей форме, чтобы ее можно было легко высмеять или использовать как пугало. Корректные рассудительные соображения было невозможно опубликовать ни под каким видом, даже при содействии очень влиятельных лиц в ЦК КПСС. Была обеспечена информационная блокада той части интеллигенции, которая взывала к здравому смыслу.

Идеологическая война на уничтожение Советского государства велась против всех его систем — от армии и хозяйства, образования и здравоохранения — вплоть до детских садов. Поддержки «снизу» эта кампания не получила, но этого и не требовалось. Главное было достигнуто — общество испытало культурный шок, сознание было приведено в хаос и на идейное сопротивление было неспособно. У людей была подорвана способность делать связные рациональные умозаключения, особенно с использованием абстрактных понятий. Они и сегодня затрудняются в том, чтобы рассчитать свой интерес и предвидеть риски и опасности.

Важные политические функции в этой программе выполняли разного рода «черные интернационалы». Во многих точках мира они подрывают структуры национальных государств, организуя мятеж-войны — чаще всего с псевдоэтническими и псевдорелигиозными идеологическими прикрытиями. Иногда поддержка, оказываемая им со стороны глобальных теневых сил, столь велика, что внутри государств образуются преступные анклавы, приобретающие признаки государственности. Этот вирус начинает быстро разрушать государство. Это мы видели в России на Кавказе и в Средней Азии.

Эта технология была эффективно использована для разрушения СССР. На его территории было создано несколько мятеж-войн, разожженных союзами политических и преступных группировок. Они были тесно связаны с политическими центрами в Москве, получали из центра щедрое финансирование и оружие, а информационное прикрытие носило международный характер. Насколько эффективна эта идеологическая поддержка центральных СМИ Запада, говорит тот факт, что даже многие левые политики верят, например, что на Кавказе в Чечне велась партизанская борьба за свободу чеченского народа.

В советское время Чечня была процветающей автономной республикой с настолько устойчивой советской государственностью, что пришлось сформировать из уголовников и вооружить банды, которые развязали террор против законных органов власти, а затем с большим

трудом в этой зоне разожгли мятеж-войну, которая привела к трагедии всех народов региона, и прежде всего чеченского...

Здесь надо сказать о предпосылках слабости Советского государства в информационной войне. В 70-е годы в результате урбанизации и индустриализации советское общество приобрело новые черты. Под ними скрывалась невидимая опасность — быстрое и резкое ослабление прежней мировоззренческой основы советского строя и оснований его легитимности. В жизнь вошло принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий. Население утратило коллективную память о социальных страданиях. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют. Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам сытое общество. О том, как оно себя поведет, не могли сказать интуиция и опыт стариков, не могли сказать и общественные науки.

Одним из орудий подрыва государства России стало втягивание его в «большую коррупцию» в конце 1980-х годов. Возникнув сначала в виде отдельных очагов, коррупция охватила государственный организм и начала его «разъедать». Страна попала в порочный круг — коррумпированная часть развращает еще здоровую часть чиновничества быстрее, чем удастся «вылечивать» пораженные участки. Зараза захватывает и слишком большую часть общества, так что продажность становится нравственной нормой. Коррупция превращается в самовоспроизводящуюся систему и вырабатывает механизмы, автоматически разрушающие те защитные силы, которые может собрать для борьбы с нею государство.

Пораженная коррупцией часть чиновничества смыкается с преступным миром, чтобы сообща и целенаправленно растлевать, подкупать и подчинять как раз те органы государства и общества, что должны обеспечивать их безопасность, — судебную систему и прокуратуру, органы госбезопасности, прессу и представительную власть. И не только растлевать, но и устранять и даже убивать тех, кто этому мешает. Возникает организованная преступность, которая параллельно с государством создает свою, теневую псевдо-государственность.

Коррумпированная часть госаппарата не может сосуществовать со здоровой, честной частью. Она борется не только с силами правопорядка, но со всеми функциями государства. Честный чиновник для коррумпированного — не просто конкурент, это его смертельный враг. Его надо подсидеть, оклеветать, запутать. Ради этого идут на огромные

затраты и потери для государства — устраивают кадровые перетряски, «сокращения», слияние и расчленение ведомств и учреждений.

Если в начале этого пути коррупция была инструментом разрушения Советского государства и общественного строя, то с середины 1990-х годов этот выпущенный из бутылки джинн стал всем диктовать свою волю. Вначале питательной средой коррупции был целенаправленно созданный экономический и духовный кризис, а теперь уже коррупция стала движущей силой этого кризиса — она его выращивает как свою питательную среду, она растлевает чиновников и истощает хозяйство.

Во-вторых, усилия глобалистских сил всегда нацелены на разрушение национальной экономики посредством удавки внешнего долга, давление институтов глобализации (МВФ, Всемирный банк и ВТО), захват национальных рынков и разрыв традиционных экономических связей.

Россия обладает большими природными богатствами, но в то же время слишком велика, чтобы ее можно было интегрировать в периферию Запада. Поэтому для ее разрушения и превращения в бесструктурную зону глобального «пространства» прилагаются особенно жесткие технологии. Вследствие всего этого Россия стала испытательным полигоном для отработки оружия глобализации. А значит, и лабораторией, в которой можно изучать действие этого оружия в «чистых» экспериментах.

Вспомним, что германский фашизм рассматривал войну против СССР как крестовый поход Запада ради его гегемонии над периферией, ради превращения народов СССР во «внешний пролетариат» своего «государства благополучия». Это был региональный эксперимент с глобальными претензиями на мировое господство — репетиция нынешней, более консолидированной попытки с более изощренными средствами.

Принят стереотип, будто СССР потерпел крах из-за кризиса его экономики, которую якобы измотала гонка вооружений. Это мнение ошибочно. С гонкой вооружений экономика справлялась — по оценкам ЦРУ, доля советских военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) постоянно снижалась. В начале 1950-х годов СССР тратил на военные цели 15 процентов ВНП, в 1960 году — 10 процентов, в 1975 году — всего 6 процентов. Но даже если исходить из вдвое большей оценки (которая теперь признана в США «абсурдно завышенной»), то выходит, что на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5—10 процентов от уровня конечного потребления населения СССР.

Это не могло быть причиной краха системы. Не сыграли большой роли и колебания цен на нефть — прирост ВВП в СССР стабилизи-

ровался с середины 70-х годов на уровне 3—4 процентов в год. И это стабильное развитие было более быстрым, чем в США.

В конце 1980-х годов против СССР была проведена экономическая война — в основном силами внутренних союзников США (можно считать ее гражданской войной). В 1988—1990 годах стоявшей в СССР у власти «команде» удалось разрушить финансовую систему и потребительский рынок в стране.

В СССР была финансовая система из двух «контуров». В производстве были безналичные («фиктивные») деньги, они погашались взаимозачетами. На потребительском рынке действовали обычные деньги, масса которых регулировалась в соответствии с массой товаров. Это позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции. Такая система могла действовать лишь при запрете перевода безналичных денег в наличные. Масштаб цен в СССР был иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны. Для этого были необходимы государственная монополия внешней торговли и неконвертируемость рубля.

В 1989 году оба контура финансовой системы СССР были раскрыты: отменена монополия внешней торговли, начался массовый вывоз товаров за рубеж. Было разрешено превращение безналичных денег в наличные, рост доходов при сокращении товарных запасов привел к краху потребительского рынка. Оттянуть развязку пытались за счет дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Средства перекачивались из накопления (инвестиций) в потребление — «проедалось» будущее развитие и рабочие места. Неожиданная и непонятная для населения внезапная разруха и нехватка товаров вызвали шок, который и был использован для уничтожения СССР.

После 1991 года экономическая война была продолжена уже против России. Совместно с американскими советниками был разработан план тотальной приватизации, которая на деле была просто разрушением всего народного хозяйства. За три года производство сократилось наполовину, а самое наукоемкое производство — в 6 раз. У населения были экспроприированы хранящиеся в государственном банке накопления в размере 450 млрд долларов. За рубеж были вывезены ценности — в виде товаров, сырья и дорогих материалов — на сумму, которая не поддается точному измерению (видимо, составляет сотни миллиардов долларов). Национальный рынок был просто «сдан» иностранным конкурентам. Так, в 1992 году было закуплено у российского села 26,1 млн т зерна

по 28 долларов за тонну, а у западных фермеров — 28,9 млн т зерна по 143,9 долларов за тонну.

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц (экономист из США. — *Ред.*) пишет, что в ходе реформы в России принимались «наихудшие решения из всех возможных». Наихудшие — если смотреть с точки зрения интересов страны, но наилучшие — с точки зрения противника, разрушающего экономику этой страны...

В 1990-е годы Россия испытала жесткое давление с целью поставить под контроль ТНК ее природные ресурсы. Это — один из принципов глобализации: как говорили в 1980-е годы, чтобы избежать «риска разбазаривания сырья по национальным квартирам». Эту мысль конкретизировала в дальнейшем государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, которая посчитала «несправедливым, что Россия обладает такими огромными природными ресурсами». В минувшее десятилетие суверенитет России над ее природными богатствами был в существенной мере утрачен и в последние годы понемногу восстанавливается с огромным трудом (если учесть, что Россия — крупная ядерная держава, то можно представить себе, как непросто будет в подобной ситуации сохранить свои богатства небольшим странам).

В-третьих, глобалисты нацелены на внедрение системы потребностей, удовлетворяемых только через Запад, и «вербовку» элиты с ее превращением в антинациональную силу. Одно из главных средств разрушения страны — внедрение в массовое сознание неудовлетворенных потребностей. В России исторически сложилась культура непритязательности. Люди ценили достаток, но не делали культа из потребления. Но в годы перестройки они стали объектом мощной и форсированной программы по слому старой, созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей.

Потребности являются явлением социальным, а не индивидуальным, они обусловлены культурно, а не биологически. Глобализация нуждается в том, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей, нестерпимой. Маркс писал о буржуазной революции: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей».

Кампания по переориентации потребностей на структуру общества потребления привела к сильнейшему стрессу и расщеплению массового сознания. В условиях обеднения усилились уравнилельные идеалы, и люди хотели бы иметь солидарное общество — и в то же время их гложет червь нереализуемых потребностей.

Произошло «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они стали формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества можно «сравнить с идолопоклонником, чахнувшим от болезней христианства» — западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Процесс внедрения «невозможных» потребностей в СССР был искусственно ускорен путем ликвидации культурных защит против внешнего идеологического воздействия. Эти защиты были обрушены в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило массовое шизофреническое сознание и быстрый регресс хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаек.

Когда идеологи реформ проводили акцию по внедрению невозможных потребностей, они преследовали политическую цель разрушения Советского государства и общественного строя. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с этой задачей — создан порочный круг угасания народа. Укоренение «потребностей идолопоклонника» создает реальный риск «зацахнуть» значительной части населения.

В-четвертых, для глобалистских сил важно осуществить «демонтаж» народа. Страну невозможно превратить в пространство для глобальных «экономических операторов», не лишив ее национальной самобытности (ибо хозяйство — часть культуры) и не превратив народ в толпу, лишенную коллективной исторической памяти. Все сообщества людей, в том числе народы и нации, складываются в ходе их сознательной деятельности, они проектируются и конструируются. Это — явления культуры, а не природы.

Связи, соединяющие людей в народ, хорошо изучены, а значит, их можно порвать и народ демонтировать. Повреждение механизма скрепления народа, его демонтаж — одно из важных средств войны во все времена. Это и было причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. Эта операция и была произведена в СССР.

За вторую половину XX века процесс «разборки» народов стал предметом исследований и технологических разработок, основанных на

развитой науке. Свержение власти и уничтожение стран происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством «демонтажа» народа и искусственного стравливания этносов.

Против народа России применялись средства информационной и экономической войны. Это привело к утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников сельского хозяйства. Резкое обеднение большинства населения кардинально изменило образ жизни (тип потребления, профиль потребностей, доступ к образованию и здравоохранению, характер жизненных планов). Это означало глубокое изменение и в материальной культуре народа, и в мировоззрении.

Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонтить». Но против нее можно и совершать диверсии — подтачивать, подпиливать, взрывать. В России воздействие на массовое сознание средствами информационной войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги в сознании и образе жизни были инструментами демонтажа того народа, который и составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. К 1991 году советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей...

Разрушительным ударам подвергались все институты, генерирующие связи, соединяющие людей в народ — школа, армия, наука, литература. Здесь уничтожены огромные ценности, которые издавна считались принадлежностью мировой культуры.

Возрождение страны и выход из нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения посредством восстановления его культурного ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России. Это большой общий труд, он набирает силу.

В-пятых, усилия глобалистских сил направлены на разрушение структур рационального мышления, здравого смысла, коллективной памяти и традиции, а также психологических защит против манипуляции сознанием. Жесткая идеологическая кампания перестройки в СССР толкнула к лавинообразному распаду всей сложной конструкции рационального сознания. Поток мракобесия, который лился с экранов телевидения, был настолько густ, что вызвал культурный шок. При этом мракобесие стало очень агрессивным, оно активно навязывало обществу темные, суеверные, антинаучные (и антирелигиозные!) взгляды.

Утрата здравого смысла, доверие к самым абсурдным обещаниям — все это стало нормой. Рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие думали, будто жителей крупных городов кто-то облучил неведомыми «психотропными» лучами. Трудно представить, чтобы когда-либо еще в истории России было такое резкое падение уровня умственной работы. Мы были свидетелями огромной злонамеренной кампании, направленной на помрачение разума большей части граждан.

Это состояние общества, будучи и причиной, и следствием распада («демонтажа») народа, есть одна из главных угроз самому существованию России как целостной страны и культуры. Угроза эта — общенациональная. От поражающего действия этого удара в той или иной мере пострадали все социальные группы, но именно элита составила главную «группу риска». И признаком, и важной причиной кризиса в России стало странное оглупление элиты. Она вдруг впала в состояние интеллектуальной патологии, как будто потеряв способность к здравым рассуждениям и разумным умозаключениям.

Произошла архаизация сознания образованных людей. В нем как будто «испортились» инструменты логических рассуждений, потерялись навыки выявления причинно-следственных связей, проверки качества собственных умозаключений. Среди «инструментов мышления» был прежде всего испорчен язык — язык слов и чисел. Ум людей заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости.

Люди перестали различать главные категории, употребляемые в ходе принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они с трудом могли применить меру — прикинуть в уме «вес» разных явлений, масштаб проблемы и наличных ресурсов для ее решения. Тон стали задавать люди, и среди них много авторитетных

интеллектуалов, которые и дом, и страну могли сжечь, чтобы, как говорится, поджарить себе яичницу.

Конечно, сходные процессы наблюдаются и на Западе, там это уклончиво называют постмодернизмом. В России же это произошло в связи с поражением СССР в холодной войне. Культурное ядро нашего «побежденного» общества разрушалось радикально, с огромным перебором, и его обломки не укладываются даже в структуры постмодерна — мы имеем просто антимодерн, регресс к дологическому, шаманскому типу мышления. Совершенно некритически, как будто потеряв способность к простейшим логическим операциям, стала интеллигенция заглатывать абсурдные, порой даже чудовищные утверждения идеологов.

Выступления идеологов, особенно из ученых, потрясли абсолютным (будто наивным) отрицанием накопленного человечеством знания. У них возникла почти мистическая тяга сказать нечто противоположное знанию и опыту. СМИ обрушили на людей потоки утверждений, которые на первый взгляд кажутся бессмысленной чередой глупостей. На деле в этом потоке есть именно система и даже система технологий, предназначенных для разрушения культурного ядра общества.

Важным «срезом» рационального сознания является способность предвидеть состояние важных для нас систем. Это предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для него необходим навык рефлексии, необходима коллективная память. Общество, в котором слишком много граждан теряют навык рефлексии, становится беззащитным.

В-шестых, одним из направлений подрывной деятельности является мобилизация политизированной этничности и разрушение системы межнационального общежития. Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Одна из самобытных черт России — особый сложный и даже изощренный тип общежития народов, империя неколониального типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тем, что происходили в Северной Америке. Здесь не было планомерной ассимиляции с ликвидацией этнического разнообразия

(как произошло со славянскими племенами в Германии). Здесь не создавался «этнический тигель», сплавливающий многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США). Здесь не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах.

Конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, и ими умелые противники пользовались. В феврале 1917 года Российскую империю этнические элиты растащили «по национальным квартирам». Тогда Россию спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 года начали сборку нового, уже советского народа. В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены экономическими, политическими и культурными механизмами. Насколько они были эффективны, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг.

В советское время продолжилось формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. В 1980-е годы едва ли не главный удар холодной войны был направлен как раз на тот механизм, что скреплял народы в семью. Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с социальных проблем на сферу межнациональных отношений было принято в стратегии холодной войны уже в 1970-е годы.

Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет»...

По советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезам — от хозяйственного до символического. «Архитекторы перестройки» усиливали эту кампанию властью государства. В 1991 году он устроил, преодолев возражения Верховного Совета, референдум с провокационным вопросом — надо ли сохранять СССР. До этого сама постановка такого вопроса казалась абсурдной и отвергалась массовым сознанием. Теперь всему обществу власть заявила, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения и надо этот вопрос поставить на голосование. Как мы помним, 76 процентов населения высказалось за сохранение Советского Союза.

В республиках со сложным этническим составом ценность той системы межнационального общежития, созданного в СССР, ощущалась особенно остро. В голосовании на референдуме о судьбе СССР в Узбекистане приняли участие 95 процентов граждан, из них за сохранение Союза высказались 93,7 процента, в Казахстане явка была 89 процентов, «да» сказали 94 процента, в Таджикистане явка была 94 процента, «да» сказали 96 процентов.

В этой большой операции противникам России удалось произвести два стратегических прорыва. Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из «русоцентричного» в этноцентричное. Ранее за русским народом безусловно признавалась роль «старшего брата» — ядра, скрепляющего все народы страны. С конца 1980-х годов, наоборот, прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание — этнический национализм, обращенный вспять, в мифический золотой век, который якобы был прерван присоединением к России.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели настроить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя сепаратизма, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Ведь соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, уже в XIX веке осознавшие себя едиными, начинают расходиться на субэтноты.

Эта угроза, прямо связанная с операцией по демонтажу советского народа и его ядра — русских, — продолжает вызревать и порождать новые, производные от нее опасности.

Развал СССР, а затем и нынешней России — необходимый этап в доктрине глобализации, которая созревала в неолиберальной философии с конца 1970-х годов. Это и этап на пути к тому состоянию, что сегодня называют «Поминки по Просвещению». Русский философ А.С. Панарин отмечал: «Новейший либерализм не только совершил предательство по отношению к Просвещению, пойдя на потакание инстинкту в его борьбе с нравственным разумом; он предал Просвещение, пойдя на потакание этносепаратизму. Стратегический замысел понятен: оспаривать американский однополярный порядок на деле способны только крупные государства. Почти все крупные государства являются полиэтническими. Следовательно, спровоцировав племенного демона на бунт против «империи», можно дестабилизировать и, в конце концов, разложить крупные государства, оставив единственную сверхдержаву в окружении мира, представленного исключительно малыми и слабыми странами».

Испытанные на России технологии будут применены во всех регионах мира, превращаемых в периферию нового глобального мироустройства. Ни у одного народа на этот счет не должно быть никаких иллюзий. Глобализация под эгидой США — это реванш тьмы.

Исповедь «телекамикадзе»

Наш собеседник — **Леонид Кравченко**, возглавлявший в те роковые времена Гостелерадио СССР.

— *Леонид Петрович, 1990 год обозначен на картах истории бывшего Союза как Рубикон в перестроечных реформациях. Экономический тупик, лихорадка забастовок, градус политических страстей, чреватый социальным взрывом. Начало величайшей драмы — гибель сверхдержавы. И в этот период вы соглашаетесь стать во главе Гостелерадио. Будто бросая перчатку судьбе, заявляете: «Я пришел выполнить волю президента». Прагматический ум в смущении от экстраординарного поступка...*

— К сожалению, многие детали нередко представляются в мифологических виньетках. Из такого разряда и упомянутая вами фраза, которую по недоразумению истолковал корреспондент «Известий». А было так. В ходе интервью позвонил премьер-министр Николай Рыжков и напомнил о плане реорганизации Гостелерадио. Я ответил, что программа готова, мы выполним волю президента. Вырванные из контекста слова стали броским политическим ярлыком. Увы, издержки нашей профессии...

Однако вряд ли у кого повернется язык сказать, что на советском телевидении я — человек случайный. Руководил им с 1985 по 1989 год. По мнению «знающих толк», это было золотое время для ТВ. Появились новаторские программы: «Взгляд», телемосты, встречи в Останкинской студии, «Телеутро», «12-й этаж», «Играй, гармонь»... Разумеется, в период столкновений двух политиков-«тяжеловесов» — Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, Центра и России, парламентов и правительств мечтать о режиме наибольшего благоприятствования не приходилось. И все же, когда мне предложили оставить пост генерального директора ТАСС, вернуться на телевидение, «весы равностояния» стронули отнюдь не чувства осторожности. Помните крылатое: если не я, то кто же? Михаил Сергеевич решил создать Всесоюзную телерадиокомпанию с высоким статусом, что априори подчеркивало степень доверия. Нельзя было не

делать поправок и на «броуновское движение» среди журналистов. Тех, кто работал с микрофоном или в кадре, стали перевербовывать. Как в калейдоскопе мелькали политклубы, группы, движения...

Согласен с вами, что маячила невзрачная перспектива для руководителя СМИ. На кон ставилась моя репутация, человека демократических устремлений, немало сделавшего для открытого ТВ. Но проблема выбора для меня всегда ассоциировалась с сохранением Союза! Было очевидным: разрушение началось. Моя же гражданская позиция — державная. И это превалировало при решении «быть или не быть» во главе Гостелерадио.

— Доподлинно известно, как ревностно в политбюро ЦК шлифовали стихи ершистых поэтов. Вряд ли даже в пору гласности «духовных отцов» не подтачивал соблазн поправить телесюжеты. Или жесткие проработки в ЦК партии, в правительстве главного начальника радио и ТВ Союза — всего лишь рутинная обязанность некоторых бонз?

— Формально существовал запрет — министрам и руководящим партайгеноссе не вмешиваться в работу Гостелерадио. Но то, что прежде называлось «ценными указаниями», обрело форму «просьб»: хорошо бы сделать, высветить на ТВ, предоставить возможность... Благо, у нас сформировался плотный редакционный портфель. Например, программа Вознесенского. Как сейчас говорят, VIP-персоны «вживую» отвечали на вопросы. Однако телеэкран, как чудо-зеркальце в известной сказке, высвечивает дефицит не только фотогеничности, но и интеллектуального напряжения. Казусы случались похлеще сочинений Жванецкого. Однажды по «просьбе» Лигачева и Никонова пригласили в студию министра хлебопродуктов. Повод — подскочили цены на несколько сортов хлеба. Тогда это считалось чуть ли не ЧП всесоюзного масштаба. Собеседник не отличался красноречием. Сделали семь дублей...

А несколько минут спустя после телеинтервью позвонил Михаил Горбачев, устроил разнос: «Кто этого дурака выпустил в эфир?»

В том же тоне я спросил, кто назначил «этого дурака»? Через несколько дней министра отправили на пенсию. Но мы вели репортажи с заседаний правительства, и тема нахлобучек не иссякала. Трубка «белого» телефона от перегрева «утюжила» уши...

В период особых политических всплесков, в частности с марта 1991 года, возникали ситуации иного плана. Скажем, предоставлять ли Борису Ельцину час эфира. Это выходило за рамки моей компетенции. Генсек отреагировал твердо: не более двадцати минут и только в записи. Борис Николаевич тоже не отступал. Наконец формируется команда

интервьюеров: с союзной стороны — Сергей Ломакин. Олег Попцов — от российской. Накануне Михаил Сергеевич продиктовал шестнадцать вопросов «на засыпку». Все шло как по маслу. Но за пять минут до финала Борис Николаевич взрывается: долой президента Горбачева...

На следующий день — скандал. В ЦК и в Верховном Совете СССР экзальтированные личности готовы были, как говорится, три шкуры содрать. Нашлись и трезвые головы. Мой послужной список пополнился очередным «строгачом». Или еще. Господа-товарищи из «ДемРоссии» в ТВ-программах пытались в пух и прах разносить союзные структуры. Возникла дискуссия о праве нардепов гнуть линию на раздраз, получая кошт из госкармана. Поиски крайнего опять привели к председателю Гостелерадио...

Как-то под занавес телемоста, который мы вели из Западной Германии, молодая немка закатила по тем временам жуткий монолог. Пора, мол, рушить стену в Берлине... Дать отповедь за считанные секунды до ухода программы из эфира некогда и некому. События разворачивались с молниеносной быстротой. В Кремль поступила телеграмма от лидера ГДР Хонеккера, возмущенного «провокацией». Меня вызывают на Политбюро ЦК, чтобы подвергнуть остракизму. После бурных дебатов предоставили слово. Пришлось отказаться от языка дипломатии и ставить вопрос ребром: или мы за открытое вещание, когда, увы, не избежать накладок, или снова опускаем «проржавевший занавес». Аргументы произвели впечатление.

Объективности ради отмечу: «на ковер» нередко вызывали и моих коллег из ТАСС, АПН, «Правды», журнала «Коммунист»... За утверждение гласности доводилось платить тяжкий оброк. Но мы шли на это, чтобы в мире утверждался образ Союза как страны «нового мышления», демократических перемен. Без драконовских запретов, партийных табу, «нафталиновых» передач. Становилось ясным и для самых ортодоксальных членов ЦК: ТВ, радиовещание, как и культура в целом, если их использовать разумно, являются духовными скрепами общества. Кстати, даже десять лет спустя не надо удивляться феномену: короткие метеосводки из Москвы находят живой отклик на бывшей территории СССР. «Искорки» того телепространства напоминают людям о чувстве семьи единой, многонациональном аромате...

— *Кстати, об аппарате ЦК. Скажите, что он представлял собой в 1991 году: воспетый «боевой штаб партии» или некогда величавый «Титаник» после столкновения с айсбергом?*

— Скорее тонущий «Титаник». По инициативе генсека и его ближайшего окружения уже были уничтожены отраслевые отделы в ЦК ком-

партий республик, крайкомах, обкомах. Ударили по самому чувствительному нерву — профессионалам-управленцам, надежно державшим экономические рычаги. Это была одна из бомб огромной разрушительной силы. Крупные потрясения в Компартии лишили ее главной роли — «руководящей и направляющей» в обществе. Парадоксально, но и здесь весомую руку приложил генсек, дабы освободиться от влияния ЦК. Он панически боялся пленумов. Помню, как в июле 1991 года меня неожиданно вызвали из зала заседаний Секретариата ЦК. Горбачев сказал: «Ты что там штаны протираешь? Надо обсудить важный вопрос»... Думаю, комментарии излишни.

Расклад политических сил был не в пользу Михаила Сергеевича. На пленумах ЦК звучали предложения сместить с поста генсека. В Верховном Совете СССР настырно муссировался вопрос отставки президента Горбачева. В то время произошел случай, который мог перевернуть мою судьбу. В перерыве одного из последних пленумов ЦК Александр Дзасохов неожиданно сообщил, что меня изберут... членом политбюро. Я зашел к Горбачеву. Напомнил о «протирании штанов» и заявил, что менять профессию не собираюсь, готов подать заявление об отставке. Он дважды отпил чай: «Ладно, оставайся на месте»...

— *Однажды вы назвали себя «телевизионным камикадзе». Что стоит за необычным термином? Боль души от неисполненных желаний или горечь от излишней доверчивости генсеку?*

— Волею обстоятельств я знал, что происходило в политбюро, в правительстве, вокруг самого Горбачева. С болью воспринимал шаги, ведущие к разрушению государства. Ведь и «новоогаревские» переговоры с весны 1991-го изначально задумывались для форсажа процессов распада. На моих глазах происходила сшибка людей тщеславных, дерущихся за высшую власть. Это был постыдный торг, в котором не место заботам о стране. Те, кто пытался дистанцироваться от группировок, попадали в свирепую воронку...

С конца 1990 года вспыхнула истерия вокруг моего имени. Организовывались «протестные» письма деятелей культуры. В столичных газетах набирала обороты антикравченковская пропаганда. Тысячи грязных публикаций, где ни на йоту не было правды. И все ради того, чтобы на Гостелерадио «посадить» человека, враждебного целостности Союза. Участились звонки с угрозами о расправе. Мне выделили охрану, потом жене. Опасность для жизни существовала реально. Нередко, чтобы войти в Останкино, я вынужденно пользовался путями, о которых не знали подозрительные типы с гирями-кулаками у парадного подъезда.

Напряжение достигало предела. Успокаивал себя, свою семью только тем, что поступаю по совести. Что не кривил душой, стремясь с коллегами донести людям через ТВ, радио слово правды об их жизни, угрозах нашему общему дому. Это потом те, кто злорадно травил, оправдывались: война, Петрович, не с тобой, ты профи. А какая радость, что целились в меня, а «стреляли в Горбачева»? Особенно когда, пытаясь отлучить от Союза журналистов, некоторые фигуранты представляли меня этаким «драконом», всемогущим, преуспевающим. Благо, у злопыхателей ничего не вышло. Но сердце не стальное...

— *И все же вы добровольно отдали себя, образно говоря, на заклятие грозным обстоятельствам?*

— Возможно, я поспешил, не предвидел обвальных поворотов. Может быть, наивно посчитал, что можно помочь очень больной и немогущей стране. Но останавливаться на полпути уже не мог. Когда почувствовал, что президент СССР изговорился, износился в одних и тех же банальных аргументах, я сделал свою передачу. Перед телекамерой задавал президенту неудобные, острые вопросы. В азарте дискуссии он, как руководитель государства, сумел раскрыться по-новому.

И еще. В относительно стабильную пору я был счастливым главным редактором «Труда», получающим в год 600 тысяч откликов читателей. Теперь обозначались первые руины некогда могучей страны. Страдал народ. И только обращенные ко мне слова простых людей: «Спасибо, держись!» — укрепляли надежду. Тысячи писем с поддержкой. Приходили делегации...

— *Леонид Петрович, для многих остается тайной: почему в бурлящем августе 1991-го Михаил Горбачев решил уехать из Белокаменной? Ведь признавал: «Если не получится с новоогаревскими соглашениями, страна рухнет». Но притяжение Фороса возобладало. Самонадеянность или политическая близорукость лидера?*

— На первый взгляд все выглядело логично. Август — месяц отпусков. Но генсек прекрасно чувствовал запах пороха, мог воздержаться от поездки. Его поступок объясняю одним существенным обстоятельством. Еще в начале 1991-го он дал поручение «группе товарищей» разработать несколько вариантов введения в стране чрезвычайного положения. На всякий случай. Психологически Горбачев так интересно устроен, что всегда умело лавировал. Отстранялся, выдерживал дистанцию, а потом, с учетом развивающихся событий, находил «самое мудрое» решение. Генсек никогда не проигрывал. Смеем предположить, что и в августе 1991-го решил не изменять традиции, из форосского далека понаблюдать за бурными перипетиями.

Он мог в канун 19 августа вернуться в Москву, но возобладала страсть к маневрам. Будучи ко всему причастен, пытался быть «над схваткой». Уверен, если бы ГКЧП, эти мужики, которые скверно действовали, выиграли у Ельцина борьбу за власть, Горбачев бы из Фороса вернулся на белом коне. Но история не приемлет сослагательного наклонения.

— *То, что произошло в августе 1991-го, называют по-разному — путч, мятеж... Нет смысла лишать хлеба экспертов. Больше волнуют события «политического закулисья». Почему, скажите, лишь к вечеру появились на ТВ растерянный Геннадий Янаев, отрешенные лица гэкачепистов? Кто решил крутить «Лебединое озеро», созерцать, простите, стройные ноги балерин, когда танковый рев в Москве оглушил всю страну?*

— Считаю, что крупные просчеты, допущенные Михаилом Горбачевым в ходе перестройки, необратимо подвели к злосчастному августу 1991 года, сделали миллионы людей заложниками обстоятельств. Как человек, руководивший телевидением и радиовещанием СССР, я по определению оказался в самом пекле событий.

Правы аналитики — ГКЧП готовился бездарно. Вице-президент Янаев, призванный сыграть первую скрипку, только 18 августа узнал об этом. Никто из гэкачепистов не имел понятия о координации СМИ. Как можно было рассчитывать на победу без «властителей дум» — радио, ТВ? Только к утру 19-го мне сообщили о введении «чрезвычайки». Задачу поставили жестко: никакого «живого» эфира. На вопрос о Горбачеве, заявлении его лечащего врача, прозвучало: «Ждите указаний». Чего они боялись?

Размышляя над своим совершенно деликатным положением уже задним умом, убеждаюсь, что выбрал верное решение. Не мудрствуя лукаво распорядился не ломать сетку вещания, которую мы утвердили за несколько дней до путча. Как по иронии, в программе были «популярный» нынче балет «Лебединое озеро» и фильм «Три ночи»... Откровенно сказать, именно тогда остро почувствовал себя «телекамикадзе» в опасной игре не очень искусных партнеров, поставивших на игровой стол будущее государства. При любом раскладе мне могли оторвать голову. Тем более если бы предоставил каналы вещания поддерживавшим гэкачепистов от Калининграда и до Владивостока. Тюремные нары мне были бы гарантированы... Это тоже было грозное время выбора. Инициативу брать на себя не стал. Я ничего не знал об участии Горбачева, его позиции. Тщетно пытался дозвониться к нему: связь вырубили. А в ГКЧП легенды рождались, чтобы тут же умереть...

Прежде всего я попытался разрушить систему «сведенных каналов». Раньше, по известным причинам, этот прием называли «смерть генсека». Чтобы прорвать информационную блокаду, утром 20 августа направил к Белому дому группы технической поддержки для трансляции заседания российского Верховного Совета. Члены ГКЧП по-прежнему настаивали на передаче официальных документов. Никто из них даже не заикнулся о желании по горячим следам объясниться с людьми. Крупнейший просчет. Но, если итожить, подчеркну: в то время я по-прежнему считал себя человеком Горбачева. Его имя, пусть с оговорками, связывал с сохранением сверхдержавы. Думаю, не зря гкачеписты не торопились посвящать меня в свои планы.

— *Не секрет, что, предоставив слово во «Времени» Борису Николаевичу Ельцину в первый день путча, вы возвели баррикады между собой и ГКЧП? Под диктовку убеждений или инстинкта самосохранения?*

— Профессиональной заповедью для себя и своих коллег всегда считал объективное освещение событий. Самое позорное для ТВ — история с Чернобылем, когда три дня после трагедии замалчивали правду. Точно так же было бы, если бы мы не предали гласности документы ГКЧП, когда бронемшины утюжили магистрали столицы, окружили наш телецентр. Я был обязан засветить ситуацию в Москве. Поддержал Сергея Медведева сделать репортаж с мест событий. Разрешил иностранным журналистам в Останкино перегонять съемки за рубеж...

А эфир Ельцину предоставили еще и потому, что в первые часы путча он заявил о поддержке президента СССР. Скажу больше: мне стало известно, что с утра 19 августа с Борисом Николаевичем налажены были переговоры ГКЧП. У нас, на ТВ, он выступил в роли поборника Михаила Сергеевича Горбачева.

— *Когда Союз еще держался, многие, точно заклинание, повторяли мистические строки Пушкина:*

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Лично вы сохраняли оптимизм или понимали, что курс взят к убойным берегам?

— Оптимизм таял, как мифическая шагреновая кожа. Да и могло ли «оптимизировать», к примеру, предательство национальных интересов

на переговорах с американцами по разграничению океанского шельфа? Коварное лицедейство Шеварднадзе, Яковлева... Это они вскружили голову Горбачеву елеем, поднимая на запредельный уровень «человека года», Нобелевского лауреата, «немца номер один». Какой, скажите, толк от «завоеваний нового мышления», когда рвались кровные связи народов бывшего соцсодружества, когда наши офицеры, солдаты из групп войск выбрасывались в чисто поле?..

В составе советской делегации мне пришлось участвовать в заседаниях брюссельского комитета по проблемам объединения Германии. Никто не ратовал против воссоединения этой страны. Мы в силу полномочий отстаивали приоритеты нашего государства, шла ли речь о безопасности границ, будущем НАТО или об обустройстве общеевропейского дома. Однако на встрече с канцлером ФРГ на Северном Кавказе Горбачев «все сдал». Как рассказывал мне Валентин Фалин, Гельмут Коль несколько раз переспрашивал, видимо, отказывался верить услышанному... Не лишне напомнить, что вначале Союзу прочили внушительные деньги. Половина — на вывод войск, обустройство людей в погонах. Немецкая сторона была готова финансово компенсировать наши затраты на инфраструктуру и т.п. Но поспешность генсека сыграла пагубную роль. За «все про все» — крохи.

Какой еще повод для оптимизма, если многое приносилось в жертву личной популярности? В ряде стран за Горбачевым утвердилось нарицательное — «буревестник потрясений». Я не сторонник подобных пассажей, но хроника и впрямь жутковатая. Вскоре после визита Михаила Сергеевича в Румынию был убит Чаушеску. Побывал в Чехословакии — тоже «процесс пошел». Посетил ГДР — и там пирамида власти перевернулась в одночасье...

А вспомните позорную историю передачи США руководителем КГБ СССР товарищем Бакастиным схемы подслушивающих «жучков» в возводимом здании американского посольства. Или множество, как на встрече в верхах на Северном Кавказе, юридически не оформленных договоренностей с западными партнерами. Страна не досчиталась миллиардов долларов, упустила возможности укрепить позиции в мире.

— *Давайте чуть сдвинем ракурс беседы. В силу профессиональных пристрастий вы лучше других знаете, какую слабость питал к выступлениям на ТВ президент СССР. Якобы требовал, чтобы всегда находились в студии... А как вели себя другие вожди: Брежнев, Черненко, Андропов? В общении они были интеллигентны или уничижительно спесивы?*

— С приходом к власти Горбачев не воспринимал ТВ. Он запретил делать съемку в Ленинграде, где состоялась первая публичная встреча с

трудящимися. Эмбарго действовало и в Белоруссии. На свой страх и риск сделали съемку одной камерой. Она получилась убогой в смысле телеискусства, но высветила ораторские, политические козыри генсека. И это возымело действие. Михаил Сергеевич от природы человек с актерской натурой. Вкус популярности предопределил пиетет к ТВ на годы.

Не помню ни одной съемки, когда бы я ни находился рядом. Наверное, генсека подпитывала уверенность, что будет сделано добротно. Его отношение — от председателя Гостелерадио и до гримера — было уважительным. Мог позвонить среди ночи, посетовать: не понравилась запись, мотаю головой, как корова от слепней... Не случайно в августе 1991-го именно мне продиктовал из Фороса свое заявление, попросил зачитать по ТВ. Что я и сделал.

Но были лидеры, не умеющие даже членораздельно высказаться. Запись престарелого Брежнева превращалась в каторгу. Слова, буквы не выговаривал. Доходило до того, что их собирали по крупичкам из других выступлений. Об этом никто не знал, даже его помощники. С Андроповым, по отзывам моих коллег, работать было легко. Юрий Владимирович — человек в высшей степени образованный, интеллигентный. Черненко — это полное отсутствие всего перечисленного.

Ельцин — абсолютно телевизионный человек. Приходилось мне ездить в Свердловск, когда он возглавлял обком партии. В дни «открытого телевидения» Борис Николаевич мог в течение трех-четырех часов отвечать на вопросы земляков. Одаренный импровизатор. И так продолжалось до тех пор, когда уже в Москве здоровье стало подтачиваться.

— Недавно бывший лидер одной из бывших союзных республик заявил, что увязывал подписание новоогаревских документов с отстранением от должности Кравченко. Неужто вы немилосердно щелкали по самолюбию руководящих товарищей?

— Моя позиция к стране, судьбе Союза не была декларативной. Второй канал, по сути, преобразовали в канал межреспубликанского общения. Демонстрировались лучшие программы телестудий союзных республик. Мы не жалели времени для фольклорного творчества. Театры ставили спектакли на национальных языках. Я ввел «прямой эфир», телепереключки между республиками по важнейшим проблемам общесоюзного дома... Несложно понять, что подобная работа связывала руки тем, кто под флагом «самостийности» и суверенитета рвался к вожденным президентским хоромам. Они заявляли ультиматумы, пытались диктовать условия. Ко мне свою недоброжелательность не скрывали Кравчук, Шушкевич, другие персоналии.

— *И вновь обратимся к облику Михаила Горбачева. О нем изданы солидные фолианты. Но звучит разное: одни сравнивают с Бонапартом, другие называют оборотнем, «князем тьмы»...*

— Михаил Сергеевич — личность противоречивая и уникальная. Судьба свела меня с человеком, который стал не только выдающимся реформатором общественно-политической жизни сверхдержавы, но и одним из главных ее разрушителей. Он думал прежде всего о себе. Интересы великой страны, 20-миллионной партии, вскормившей его, интересы народа, армии были использованы во имя личного престижа. Он рвался на подиум признания, мечтал стать баловнем мирового сообщества. Этим объясняется «широта души», размах решений, подчас в ущерб государству, когда начисто отказывал инстинкт самодержца. Горбачев, по-моему, несчастный человек, ставший заложником собственной популярности, ее жертвой.

— *А почему вас, когда травили в СМИ, изматывали допросами в Генпрокуратуре, не защитил Михаил Сергеевич? Лишний раз подтверждается мудрость: минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь?*

— В августе 1991-го Горбачев позвонил мне из Крыма: «Вернусь в Москву, и ты расскажешь, как и что там было. Не волнуйся». После этого наши отношения прервались. Он так и не пожелал ни в чем разобраться. Признаюсь, это меня не очень удивило, так как привык к «сюрпризам». Однажды президент ревностно заметил: о тебе стали писать больше, чем обо мне. Но ведь пишут гадости, уточнил я. Все равно больше, был ответ. Короткий разговор вскоре получил неожиданное продолжение. Из международного отдела передали, что Михаил Сергеевич «озабочен» накатом прессы и озадачил помочь «бедному Кравченко». Вопрос о должности посла тормознули лишь потому, что человек, которого прочили на Гостелерадио, понял сомнительность рокировки с профессионалом. Узнал я об этом во время поездки в Англию. Тут же объяснился. «Не переживай, Леонид. Я тебя не сдам», — беззаботно произнес генсек...

Надо иметь в виду и такой аспект. Горбачев вернулся из Фороса не столько президентом СССР, а скорее политической персоной нон-грата, беззащитной перед руководством России. По сути лишенный властных полномочий, он моментально продублировал указ о моем смещении с должности.

— *Леонид Петрович, вы прожили большую жизнь в журналистике. Возглавляли «Труд» с баснословным тиражом под двадцать миллионов экземпляров, были генеральным директором ТАСС... Как считаете: наша профессия, несмотря на препоны, может существовать в кон-*

трапунктах понятий честь, достоинство или же неистребимо проклятие быть «второй древнейшей»?

— В последние годы с нами приключилась жгучая беда. Журналистика в большинстве своем оказалась поделенной между олигархическими, политическими группировками. Теперь, чтобы выступить по ТВ, уж не говорю об артистах и т.д., надо заплатить. К сожалению, это становится едва ли не нормой. Мы знаем драму НТВ. Видели мимирию очень способных, талантливых людей. Лексикон пополнился траурными терминами: «черный пиар», «телекиллер»... Воистину перед каждым, кто держит в руках перо или микрофон, сейчас остро встает проблема тождественности таких категорий, как деньги и порядочность, профессионализм и совесть... В лучших традициях всегда было так: газету, телепроект, радиопередачу надо делать чистыми руками. Я тоже ломаю голову над этими непростыми вопросами.

Слишком велика степень доверия у народа к СМИ, долгие годы считавшего их нравственным барометром. И это обстоятельство побуждает присмотреться к лучшему опыту стран с рыночной экономикой. Скажем, в той же Англии, Франции, где не чураются государственной поддержки СМИ, где налажена система налоговых льгот. Где, наконец, меценатство и в системе информации расценивается общественным сознанием как признак морального здоровья нации. С далеких студенческих лет осталась в памяти моей емкая формула, произнесенная двести лет назад: «Свобода должна быть полная, свобода для пользы Отечества, а не охаивания его». Разве в новой России она потеряла свою актуальность?

Вел беседу Василий Семенов

Алексей Пушкин: «В рядах генералитета не нашелся лидер»

25 декабря 1991 года первый и последний Президент СССР Михаил Горбачев по собственной инициативе сложил полномочия главы государства. Государства великого, в котором нелегко было жить, но которым можно было гордиться. С тех пор минуло уже немало лет. Итоги произошедшего подводит руководитель и ведущий телепрограммы «Постскрипtum» на канале ТВ «Центр» **Алексей Пушкин**.

— *Алексей Константинович, а могло все быть по-другому?*

— Известный американский специалист по России профессор Нью-Йоркского университета Стивен Коэн прислал мне свою книгу, посвященную как раз этой теме. Таким вопросом задаются не только в Москве, но, как видим, и в Соединенных Штатах. Коэн утверждает, что идея, будто Советский Союз был не реформируем, которую вы-

сказывал после своей неожиданной отставки Борис Ельцин, на самом деле не соответствует действительности. По его мнению, любая система при определенном подходе реформируема. Примером тому Китай, демонстрирующий сегодня бурный рост экономики и качества жизни, притом что политическая система там остается практически прежней. Козн доказывает, что возможности постепенного, поэтапного, более щадящего реформирования советской системы (а не обвального, как произошло у нас) существовали. Другое дело, что возобладали силы, заинтересованные именно в обвальном сценарии. И они этот сценарий реализовали. Силы эти нам хорошо известны.

— *Получается, американцы думали о нас гораздо лучше...*

— Некоторые из них до сих пор считают, что СССР был вполне жизнеспособен. Напомню, что в сентябре 1991 года Джордж Буш-старший, приехав в Киев, предостерегал Украину от слишком поспешных решений по уходу из состава СССР. Обращаясь к той части украинской элиты, которая была националистически настроена, Буш фактически выступал против обвального развала Союза. Запад не хотел и боялся этого развала. Прежде всего, из-за дальнейшей судьбы советского ядерного оружия, которое находилось в разных республиках. На Западе были серьезные опасения и по поводу судьбы бактериологического и химического оружия на постсоветском пространстве. Там также не хотели, чтобы огромное государство развалилось таким образом, чтобы это спровоцировало гуманитарную катастрофу. То есть там вовсе не жаждали неконтролируемого развития событий на территории Советского Союза.

— *Но именно это в итоге произошло!*

— Да, на самом деле обвал страны был практически неконтролируемым. Потому и дров могли наломать много. Слава Богу, не наломали. Честь и хвала среднеазиатским лидерам, которые сумели удержать свои республики от межнационального, этнического насилия. Хотя в Закавказье все было гораздо хуже. Сначала полыхнул Карабах, затем Абхазия, Южная Осетия. Там пролилась кровь, появились беженцы. И такой сценарий был вполне возможен везде. Это мы увидели потом в Югославии, где распад, который на Западе поддерживали и приветствовали как демократизацию, на самом деле имел огромную цену: 400 тысяч трупов и несколько миллионов беженцев. Не считая последующих бомбардировок Белграда. Ибо война против Югославии, начатая НАТО весной 1999 года, тоже была продолжением политики Запада, нацеленной на развал этой балканской страны.

Но Югославия — не ядерное государство. К тому же не такое большое, как Россия. Там были иные мотивы. А в отношении СССР у Запада существовало очень много опасений. Да, они были за максимальное ос-

лабление Советского Союза, но все-таки более «эволюционным» путем. И когда Ельцин «подарил» им Беловежье, они были просто поражены. Поражены тем, что лидер России, которая больше всего выигрывала от Союза, сам распустил государство, центром которого была Россия. И объявил «независимость» России от источников ее силы — гигантских территорий и ресурсов, нефтепроводов и газопроводов. Сейчас мы мучаемся с Украиной и Белоруссией, по которым транзитом идут нефть и газ, мы зависим от Минска и Киева. А раньше-то это была наша общая территория.

Ельцин объявил Россию независимой от Крыма, где живет 80 процентов русскоязычного населения. От наших баз на Черном море. Это независимость от гигантских человеческих ресурсов, от 25 миллионов русских, которые остались на чужбине. И кстати, от того человеческого капитала, который, несмотря на другую национальность, был частью одной с нами культуры. Этим капиталом тоже нельзя вот так, походя, разбрасываться. Когда Великобритания свою империю утерала, она сохранила тем не менее Британское Содружество.

Ельцин же вместо этого создал бессильное, импотентное СНГ. Британцы же воспитывают людей за пределами страны в своих национальных традициях, продолжают финансировать школы на английском языке даже в Кении! Ибо понимают, что это — источник их силы и влияния, экономического присутствия. А у нас жителей стран СНГ попросту бросили. И когда Ельцин заявлял, что в Беловежской Пуше был создан «прообраз Европейского Союза», то становилось смешно и грустно...

— Одним из институтов, который дольше других не принимал идею развала СССР, была армия. Какое-то время даже существовали так называемые Объединенные вооруженные силы СНГ. Проходило Всесоюзное Офицерское собрание, где призывали не допустить развала единой армии. Но все вышло ровным счетом наоборот. Почему, на ваш взгляд?

— Думаю, высшее военное руководство было деморализовано, с одной стороны, отсутствием у Горбачева серьезной политической воли, направленной на то, чтобы не допустить развала СССР. До сих пор ведь спорят, мог ли Горбачев отдать приказ об аресте трех лиц, которые подписали в Беловежской Пуше антиконституционный по сути своей документ о роспуске Союза. Александр Лукашенко по этому поводу недавно сказал: если бы тогда белорусскому КГБ отдали приказ, все трое были бы арестованы в течение полутора часов. Но Горбачев побоялся это сделать.

Как-то я задал ему вопрос — почему? И он ответил, что не хотел ставить страну на грань гражданской войны. Ибо союзная власть была

ослаблена. А существовавшая параллельно российская власть, которая пришла вместе с Ельциным и утвердилась после августовского путча 1991 года, была уже достаточно сильной. Горбачев не хотел брать на себя ответственность за возможное столкновение двух этих сил. И не взял. Хотя иногда надо брать на себя ответственность даже за рискованные вещи, если ты считаешь, что они правильные...

У Горбачева не было политической воли, а армейское руководство смотрело на него как на законного президента. Иначе это была бы вторая попытка государственного переворота, наподобие той, в которой участвовал маршал Язов. Ибо путч действительно был попыткой госпереворота. Попыткой неудачной, осуществленной слабыми людьми, которые хотели провести переворот таким образом, чтобы с ним, что ли, все согласились.

Это поразительно, но тот же Ельцин, как глава оппозиции, так и не был арестован в первый день переворота. Члены ГКЧП дают пресс-конференцию и говорят, что взяли власть в свои руки. А они взяли власть в свои руки? Или просто объявили об этом? Это ведь разные вещи. Эта слабая, вялая попытка путча тоже деморализовала военных. Ибо любая ситуация двоевластия, двусмысленности, когда непонятно, кто руководит страной, на кого опираться, для военных — настоящая катастрофа.

— *То есть среди них не нашлось своего Пиночета?*

— Да, если бы в рядах генералитета нашелся естественный лидер, все могло быть иначе. Но ему, кроме всего прочего, нужна была программа действий. Тогда Советский Союз, думаю, мог быть сохранен. Другое дело, что сейчас нет единой точки зрения в отношении того, правомерно ли путем больших жертв выправлять экономику и строить государство. Строить на крови, как это делал Пиночет. В Чили вердикт насчет Пиночета — пятьдесят на пятьдесят. Кто-то считает его спасителем нации, кто-то — тираном и убийцей. Наверное, у нас было бы так же. Был бы очень большой раскол по этому поводу.

Но в бывших советских республиках тогда еще очень и очень побаивались Москвы. Вообще Леонид Кравчук приехал в Беловежскую Пушу, совершенно не ожидая, что будет подписывать какие-то документы о роспуске Союза. В первый вечер он ушел на охоту. Думал, что это будет гораздо более длительный процесс. А в ходе этого процесса многое можно было изменить.

— *Например?*

— Пусть Ельцин считал, что СССР нельзя было удержать от развала. Но, по крайней мере, можно было договориться, что Крым вернется в состав России. Это была бы цена, за которую Украина получила бы независимость. Тем более что Крым в 1954 году был присоединен к ней

искусственно. Надо было элементарно поторговаться. Но Ельцина интересовало не это. Его интересовало только то, как бы поскорее въехать в Кремль. И когда говорят, что Борис Николаевич думал о стране...

Недавно я спросил одну его близкую сотрудницу: Ельцин думал о стране? Она сказала: «Да, но так, как это ему было присуще». А присуще ему это было исключительно через призму личной власти. Так, мне кажется, он и думал о стране. Если бы он совсем остался без страны, то как же, простите, власть осуществлять? И в этом смысле надо было подумать о стране. Но, по-моему, страну он никогда не ставил на первое место. И в истории с роспуском Советского Союза это в полной мере проявилось.

— *Каковы все же основные итоги 1990-х годов?*

— Для России достаточно удручающие. Но хорошо, что, как говорится, хоть войны не было. Я, например, всегда был противником возвращения силой того же Крыма. Это могло быть только результатом переговоров. Или же Крым мог бы вернуться в состав России, если бы Украина распалась на части. Однако силовой путь, который можно было бы использовать для исправления ошибок скоропалительного роспуска СССР, крайне опасен. Ничто не стоит такой крови. Недавно в ходе общения с ирландскими дипломатами и политологами я спросил их: стоил ли распад Югославии 400 тысяч жизней и двух миллионов беженцев? Они сказали: конечно, нет.

Да, Сталин создал великую державу, но — на костях. Очень большая цена за это уплачена. Американцы сделали то же самое, но гораздо меньшей ценой. Они положили много немцев, японцев, но себя-то они берегли! Недавно вышел фильм о Сергее Королеве — человеке, который создал нашу космическую индустрию. Но он мог запросто умереть в Магадане во время ссылки! Королева обвинили в нецелевом расходовании средств. Он о ракетах думал, а некоторые самодуры-военачальники говорили: какие ракеты, надо конницу развивать! Вот, мол, будущее наших Вооруженных сил.

Считается, что при Сталине был более высокий уровень руководства. Но так ли это? Да, жестокости, жесткости было больше как следствие, больше было и порядка. Но самодуров, пожалуй, было не меньше. Сталинская система была более эффективной, чем, к примеру, брежневская. Но во многих отношениях она была иррациональной. Первый отряд национальной элиты (и прежде всего офицерство) был убит или эмигрировал во время Гражданской войны. Второй отряд был уничтожен во время ленинско-сталинских чисток. Я не отделяю здесь Сталина от Ленина. В плане организации репрессий это был его верный ученик.

Ленин положил на Соловецких островах начало ГУЛАГу, а Сталин его потом расширил.

Отрадно и то, что не начала распадаться Российская Федерация. Хотя здесь не обошлось без проблем. В начале 1990-х тогдашнее российское руководство, само того не желая, сделало все для возможного распада Российской Федерации. Необратимым образом стала уходить Чечня. Первая чеченская кампания была проиграна. Причем не военными, а политическим руководством страны. Лозунг «Берите суверенитета столько, сколько переварите!» был воспринят слишком буквально. В Чечне сказали: мы возьмем весь суверенитет. И Ельцин не сумел остановить этот процесс. Не сумел вовремя «перекупить» Дудаева, включить его в систему власти таким образом, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Хотя бравый чеченский генерал на самом деле хотел быть именно в системе власти. А ему сказали: ты нас не интересуешь. И тогда он стал усиленно отделять Чечню...

Вот это пренебрежение к территориальной целостности России, к ее политической устойчивости стоило нам очень дорого. Вспомните хотя бы заигрывание с идеей возвращения Японии Курильских островов, которая при Ельцине не раз и не два была озвучена. В 1998 году в Красноярске он, думаю, сознательно обманул своего бедного «друга Рю», когда неожиданно заявил, что, дескать, вернем вам острова в 2001 году! Японцы так возбудились, что еще долго успокоиться не могли. Ведь это люди чести, которые слов на ветер не бросают. Они посчитали, что Ельцин говорит серьезно. Кстати, мы так до конца и не знаем — серьезно или нет. Но я-то знаю, что ближайшие помощники сами перепугались Бориса Николаевича и потом всячески давали понять японцам, что те неправильно поняли российского лидера...

Главная заслуга Владимира Путина, на мой взгляд, в начале нового века состояла в том, что он вернул людям ощущение, что они живут в единой стране. И что Россия сохраняет как единую страну. Сохранение единства страны и возвращение ее к состоянию управляемости, пусть даже с некоторыми перекосами, с чрезмерной ролью федерального центра, с определенным раздражением регионов из-за того, что Москва ограничила их самостоятельность, это несомненный и очень весомый плюс второго десятилетия существования постсоветской России.

— Видимо, еще один существенный плюс состоит в том, что серьезно вырос политический вес России на международной арене...

— Вне всякого сомнения. Авторитет наш растет прежде всего потому, что российская внешняя политика стала больше нацеленной на реализацию наших национальных интересов. Самое главное — Москва начала

проводить политику, которая производит впечатление самостоятельной. Производить как на нас, россиян, так и на внешних игроков. Большая часть американского правящего класса крайне недовольна Россией как раз по той причине, что она перестала ставить интересы США на первое место, как это было в 1990-е годы. А концепция политики в отношении России была одинаковой и у Билла Клинтона, и у Джорджа Буша. Ее суть в том, что Россия будет хорошей только тогда, когда будет безоговорочно, всегда и во всем поддерживать Америку.

Опять-таки в нашу пользу играют высокие цены на нефть. Огромное значение имеет совершенно уникальное положение России как главной газовой державы Европы. А в перспективе, когда газопроводы пойдут на Восток, возможно и Азии. По объему экспорта нефти и газа мы впереди.

Конечно, благоприятная конъюнктура цен на нефть помогает России утвердиться в качестве энергетической сверхдержавы. Здесь налицо совпадение объективных и субъективных факторов. Но, думаю, Путин сделал верный вывод, что Россия не может проводить зависимый внешний курс. Это не только подрывает ее внешний имидж, но и лишает нацию уверенности в собственных силах. А нация, не уверенная в своих силах, обречена на деградацию.

Уверенности нам придают и многие другие факторы. Например, то, что мы пытаемся вернуться в Африку хотя бы в экономическом отношении (кстати, идя по стопам Китая, который на Черном континенте работает весьма активно). То, что мы предпринимаем какие-то действия по увеличению своего влияния в других регионах, откуда мы добровольно ушли в 1990-х годах, оставив их на откуп американцам.

Я уже не раз говорил о том, что у американцев есть универсальный подход: все должны их поддерживать только потому, что они, по их мнению, самые лучшие в мире. Самые демократичные, самые свободные, самые правильные! Поэтому, когда им говоришь: мы сделали для вас то-то и то-то, они отвечают: ну и правильно! Вы должны это делать, и совершенно бесплатно. И дальше продолжайте в том же духе. Напротив, когда имеешь дело с другими партнерами — с китайцами, со странами мусульманского мира, они понимают, что если вы что-то сделали для них, то они должны как-то за это заплатить. На политическом или экономическом уровне. Здесь выстраиваются более справедливые отношения. Поэтому, когда мы задумываемся, какую позицию занять в том или ином международном вопросе, надо иметь в виду, что американцы не будут нам благодарны. За исключением очень редких ситуаций.

— *Вообще есть ли хоть какой-то шанс заставить их платить?*

— Есть только один вариант: настаивать на своем и жестко оговаривать систему взаимных встречных шагов. Когда американцам что-то

очень нужно, перед ними надо ставить конкретные условия. И ни в коем случае не делать что-то за красивые глаза. Проглотят и не поперхнутся! Так что торг с США более чем уместен. Причем торг очень терпеливый, последовательный. Без специального покушения на американские национальные интересы. Это нам не нужно. Но во главу угла надо ставить жесткое отстаивание своих интересов. «Для вас это очень важно? Мы понимаем. А для нас очень важно то-то и то-то. Поймите и нас». Как они нам объясняют, почему мы должны пойти им навстречу, так и мы должны объяснять. Упорно, постоянно. И смысл этих объяснений должен сводиться к одному: как вы к нам, так и мы к вам. И никак иначе.

Беседу вел Владимир Мохов

Власть сама ушла сквозь пальцы, как песок...

Мысль, вынесенная в заголовок, в основном и определила тему беседы с членом-корреспондентом РАН Наилем Биккениным. Наиль Бариевич более двадцати лет проработал в аппарате ЦК КПСС. В «горбачевский период» был заместителем заведомо пропаганды ЦК партии, с 1987 года — главным редактором теоретического журнала «Коммунист». И наш разговор — о логике перестройки, отношениях между ее знаковыми фигурами, влиянии тех событий на общественно-политическую палитру в России. О том, почему те, кто обладал абсолютной властью, так и не внесли коррективы в сюжет крутых перемен в экономике, духовной жизни страны.

— *Наиль Бариевич, уже после распада СССР его бывшему президенту вручили премию Джорджа Буша-старшего. С учетом того, что Михаил Сергеевич «засветился» в рекламе о пользе пиццы, потом открыл ресторанчик, не кажется ли вам, что для деятеля такого масштаба это означает дорогу в постепенное забвение?*

— Вопрос деликатного свойства. Вы правы: дистанция огромная между президентом... и метрдотелем ресторана. Могу предположить, что у Михаила Сергеевича возникли финансовые проблемы. Строил новое здание. Надо содержать фонд. Что касается премии... Думаю, в большей степени это связано с окончанием холодной войны. Американцев терзал страх перед ядерной катастрофой. В нашей стране не ощущалось подобной истерии. Может, объяснялось это тем, что мы пережили июнь 41-го. Но за океаном иная психология. И премию я расценил бы как знак признательности бывшему руководителю бывшей советской сверхдержавы от Буша-старшего, который у себя на родине считается человеком, отдалившим от США атомную угрозу.

— *А относительно развала Советского Союза? Нет ли здесь второго плана, таких благодарственных жестов, пусть даже завуалированных?*

— Допускаю. Ведь американцы вели борьбу не просто с «империей зла», а с Россией, независимо от того, стала бы она коммунистической, демократической или монархической. Видели в ней потенциального соперника. И ныне опасаются, что в какой-то форме реанимируется Союз.

— *Известно, что после «дворцового переворота» в 1964-м на смену хрущевской когорты в коридоры власти ринулись довольно посредственные фигуры. А какие кадры «в круге первом», на ваш взгляд, определяли тонус реформ после 85-го? Они были достойны политического Олимпа или множили общность тех, кто преуспел в доносах для «серого кардинала», а позже ничтоже сумняшеся держал курс на «ускорение»?*

— Большую политику с Михаилом Горбачевым вначале определяли Егор Лигачев, Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, Вадим Медведев. После возвращения из Канады подключился и Александр Яковлев. Весьма информативны материалы декабрьской конференции 84-го. Кстати, в поддержку позиции главного реформатора настырно выступил Борис Ельцин. Но в таком составе мозговой трест просуществовал недолго.

— *Роль этих интеллектуалов оценивают по гамбургскому счету, учитывая результат «эпохи перемен»...*

— Любое сравнение «хромает». Однако уровень образованности Медведева или того же Яковлева не сопоставим, допустим, с уровнем Андрея Кириленко, других «тяжеловесов». Скажу и о том, о чем часто умалчивается. По субъективным причинам к руководству КПСС не было востребовано поколение, прошедшее фронты Великой Отечественной, партизанское движение. Такие, как Машеров, Егорычев... Лишь единицы входили в руководство, к тому же в основном на вторых ролях. Будь иначе, канва развития Отечества развернулась бы по-иному. И уж точно лишила бы питательной почвы «цветов зла» — геронтократию. Не без ведома Брежнева лучшие представители фронтовиков 1923—1924 годов рождения были задвинуты на периферию, лишены перспективы.

Не обошлось и без драконовских мер. Вспомните разгром так называемой группы Шелепина, выступившей за укрепление дисциплины в стране, против коррупции, расхлябанности на производстве. Их обвинили в сталинизме. За одну ночь был «раскассирован» весь отдел международной жизни ЦК КПСС во главе с Шевлягиным. Ни один человек, когда-либо работавший с Шелепиным, не остался в аппарате ЦК, даже в ранге статиста. Всех «зачистили» как класс. После дожимали морально, подвергая остракизму. Егорычеву, бывшему секретарю

горкома партии столицы, уже в ранге посла долгие годы не позволяли даже в отпуске провести родных в Москве.

К середине 80-х молодой многоговорящий Михаил Горбачев был обречен стать первым человеком в партии. Никто из среды «задыхающихся в гонке со смертью», как прискорбно ни звучит, не мог составить ему серьезную конкуренцию.

— *В ком он ошибся?*

— Его окружение менялось непредсказуемым образом. «Кадровое шاپито» — почти все годы перестройки. Ситуация с Ельциным на плечу ЦК в 87-м году. Выдвижение Янаева на пост вице-президента.

Назначение начальником личной охраны Медведева, бывшего телохранителя Леонида Ильича. Заместителями у председателя КГБ Крючкова (его рекомендовал, кстати, генсеку не кто иной, как Александр Николаевич Яковлев) в нарушение традиции стали его собственные выдвиженцы. Нелишне напомнить, что Брежнев, копируя «вождя всех времен и народов», сделал заместителями Юрия Андропова своих доверенных лиц — Цинева и Цвигуна, которые присматривали за Юрием Владимировичем.

Стоит ли после удивляться коварству членов ГКЧП, предательству, мстительности тех, кто обязан Горбачеву своим возвышением. Разумеется, каждый может просчитаться в людях, но ошибки лидера страны дорого обходятся не столько ему, сколько обществу. К тому же они свидетельствуют об определенном политическом непрофессионализме того, кто замахнулся «перелопатить жизнь».

— *И тем не менее кое-кто пытается выставить архитекторов или, скромнее, прорабов перестройки такими пассионариями, перевернувшими представления о мире и месте в нем государства. Но пустота, простите за банальность, бесплодна. Если Никита Сергеевич даже в мемуарах умолчал о коренных преобразованиях, то Алексей Косыгин был открыт для новых идей. Искренне сожалел об упущенном шансе начать радикальные изменения в относительно благополучной ситуации. А при Юрии Андропове страна стала приходить в себя, прервав скольжение к экономическому и интеллектуальному бессилию...*

— Каждый выбирает свои дороги, но, как остроумно заметил О'Генри, важно еще, почему мы выбираем такие дороги. При всей своей экстравагантности («кукурузная лихорадка» или соло с башмаком на трибуне ООН) Никита Хрущев пытался «улучшать» социализм. Начал с XX съезда КПСС, когда грянула «оттепель». Позволю один штрих из биографии: меня пригласили в ЦК, особо не поинтересовавшись, из какой я семьи. Хотя в роду были воевавшие в Гражданскую и за белых, и за красных. Выплеснулась правда о мрачном ГУЛАГе, увидела

свет знаменитая повесть будущего Нобелевского лауреата Александра Солженицына...

Хрущев старался сломить мощь бюрократии, наладить горизонтальные экономические связи. По вертикали-то планировали, сколько надо станков, танков, самолетов, а люди часто оказывались без лезвий, иголок и носков... Идея совнархозов тоже не примитивна, как может показаться. Да и в международной политике сделано немало. Рухнула мировая система колониализма. Никита Сергеевич стремился к снижению уровня военного противоборства, к мирному сосуществованию. Обсуждалась возможность визита в СССР президента США Эйзенхауэра, прошли переговоры с Джоном Кеннеди.

Но косыгинская реформа уже вырывалась за пределы планового хозяйства. Предприятиям развязывали руки, предоставляя простор самостоятельным решениям. К сожалению, у Алексея Николаевича не сложились отношения с Брежневым, который болезненно воспринимал смелые идеи премьера. Был и чисто психологический фактор. Генсек считал, что любые перемены обернутся потрясениями. Логика застоя: пока нефть, газ есть, пусть все катится по старой колее.

Определенные импульсы к новациям исходили и от Андропова. При всей противоречивости Юрий Владимирович был крупным политиком с умом государственника, осознававшим, что дальнейшая «консервация» жизни приведет в тупик. Разрабатывалась модель «управляемых рыночных реформ». Над программой преобразований в экономике и госустройстве трудились Рыжков, Долгих, многие авторитетные люди. Ценностные ориентации увязывались с престижем СССР.

Утверждать сегодня, что Горбачев начинал перестройку с «чистого листа» или в результате магического прозрения, легкомысленно. Серьезные предпосылки к прорыву научной, политической мысли были заложены его предшественниками.

— *Не затухевшая позитива «нового мышления» (демократия, гласность, абрис рынка), думаешь, выражаясь военным языком, и о диспозиции. Вспыхнувшая в середине 80-х анархия на производстве, болтливость народных депутатов и тот балаган сумбурных идей, приведших к расколу национального сознания, дают повод усомниться в наличии у лидеров перестройки реальных планов развития. Не этим ли объясняется блуждание по замкнутому кругу, резкое, до обмороков, обнищание народа, падение достоинства СССР? Чего не доставало для прозрения поборникам «социализма с человеческим лицом»?*

— Уточним концептуальные моменты. Исторический опыт показывает, как важно при любых общественных преобразованиях иметь четко поставленную цель; источники, средства и инструменты ее достижения;

общественные силы, на которые можно опереться; идеологию. Ответ на эти вопросы имели столь различные лидеры, как Сталин и Рузвельт, де Голль и Дэн Сяопин, Тэтчер и Рейган...

У перестройки была цель, но какая-то блуждающая: то ли «больше социализма, больше демократии», то ли «вхождение в мировую цивилизацию», то ли рынок... Поставлена задача сохранить Союз в измененном виде. Но никто не мог объяснить, реформируемо ли советское общество. И что есть перестройка — реформа, революция? Небосвод политический настолько затуманился, что не понять, в чем же суть нагрянувших перемен, «нового мышления». О них твердили ораторы на различных форумах. Но «мышление» не стало духовно-нравственным достоянием народа, и в этом видится причина последовавших срывов. Отсутствие ясности в мировоззренческих вопросах отразилось и на всех других. Проще простого сказать: процесс пошел. Но в какую сторону, к каким берегам?

Умение «красиво говорить» становилось доминирующим качеством политиков. Под раскатистый хохот на заводах хмельная от вольницы публика выбирала директоров. Завлабы рвались в академики, серость — к рычагам управления, недоумки — в политологи... Многие действовали, как в шлягере тех лет, по принципу: или пан, или пропал, дальше как получится. Что получилось «дальше», теперь осознают все.

А когда все начиналось, Горбачев рассказывал анекдот о перестройке. Мол, она как ветер в тайге: наверху шумит, а внизу тихо. Но вот и внизу забурлило. Митинги, забастовки, референдумы... События принимали угрожающий характер, выходили из-под контроля. Да иначе и быть не могло. Отсутствовала социальная основа перестройки. Партия оказалась парализованной, аморфной...

— *Доводилось слышать, что зловредный «аппарат» заблокировал идеи главного реформатора.*

— Сетования на консерватизм аппарата равносильны жалобам на то, что вода в море соленая. При Ленине один и тот же аппарат осуществлял политику военного коммунизма и нэп, ибо сам по себе он не формирует стратегическое видение ситуации, ее проблем. Призвание лидера — вести к глобальному прорыву, без чего нет большой политики. Что и подтверждает опыт Горбачева. Правда, у него имелся, возможно, последний шанс — обратиться к народу. Но инициативу перехватил Ельцин.

— *С приходом к власти Леонида Брежнева в его окружении развернулась, образно говоря, борьба «за душу» генсека. Закулисным вершителям судеб не терпелось занять своего послушника. А как с Михаилом Горбачевым? Была у него возможность сохранить собственные представления в виде tabula rasa — нетронутого листа? Признаться, странно*

читать, как он вдруг стал «подкидывать» в общественное сознание почти масонские символы: «сияющий Храм на зеленом холме» и т.п.

— Конечно, президент СССР испытывал влияние со стороны различных деятелей. Особо доверял Яковлеву, Шеварднадзе. Одно время к нему были очень близки Болдин, Крючков. Политическая сфера всегда сопряжена с повышенным риском. Строго говоря, существует двойной портрет: Горбачев-политик, сочетание целого комплекса сложнейших понятий — «застой» и перестройка, развал Союза и распад КПСС, перестройка и ельцинские «реформы». Но мне интереснее Горбачев-человек со своими достоинствами и слабостями. За 17 лет (в его команде я работал с 1983 года; к тому же Раису Максимовну Горбачеву знал как Раю Титаренко, учился с ней на одном курсе в МГУ) мне не доводилось тесно общаться с генсеком. Не могу соперничать в подробностях с теми, кто находился в деловых контактах ежедневно. У каждого свои «живые свидетельства» и «свой Горбачев». Один — у Лигачева, другой — у Медведева, третий — у помощника Черныева...

Как и под чьим воздействием формируется или деформируется психология лидеров, особенно в нашей стране, определенно постичь вряд ли возможно. Одно ясно — атрофия самоконтроля, внутренней устойчивости происходит не без лыстивого хора приближенных или стремящихся приблизиться. У Горбачева не было злобности, желания унижить. Он никогда никого не купал в реке, не стучал ложками по голове, не говорил, что «не так сидим»... У генсека было другое — поразительное равнодушие к людям. Тем, которые были дружественны, если хотите, преданны. Видимо, по его представлениям, во внимании они не нуждались. Сложно осмыслить и другое: стоило кому-нибудь стать в «оппозицию» (те же Шеварднадзе или Яковлев, к примеру), как он весь превращался во «внимание». Начинал заигрывать даже с теми, кто допускал прямые оскорбления. До сих пор это остается для меня уравнением со многими неизвестными.

— Россию сегодня называют богатой страной бедных людей. Этот парадокс объясняется тем, что патриархи перестройки приняли за реформы, потеряв бразды правления государством. Отсюда порочные решения, абсурд в экономике, развал социальной сферы. Так и просятся на бумагу емкие слова: «С горы тоталитаризма надо спускаться с натянутыми вожжами, чтобы не разнесло телегу».

— Очень верная мысль. Мои личные впечатления полностью совпадают с мнением знаменитого писателя. Об атмосфере, которая царила в ЦК в годы перестройки, говорят разное и не всегда объективно. Между прочим, Сталин, устраивавший жестокие чистки аппарата, публично пренебрежения к нему никогда не выказывал. Наоборот: кадры решают все.

— *Крылатая фраза...*

— И Леонид Брежнев фильтровал кадры по принципу личной преданности. Окружал поддерживающими его лично — от «прогрессивного» Бовина до «консервативного» Трапезникова, от «идеолога» Голикова до хозяйственника Павлова... «Нелояльность» к первому лицу каралась сурово: двери ЦК захлопывались навсегда.

Горбачев самонадеянно пренебрег этой возможностью. Относительно КГБ. По косвенным признакам эта структура особых симпатий к генсеку не питала. А голодная, брошенная на произвол судьбы «реформируемая» армия была настроена весьма критически. Участвуя в работе пленумов ЦК, доводилось не раз слышать резкие оценки от высшего командного состава.

Интеллигенция, СМИ, кровно заинтересованные в гласности, свободе слова, другие общественные силы поддерживали Михаила Сергеевича только в начале перестройки. Примерно к 1990 году он потерял влияние окончательно. Его время оказалось исторически ограниченным еще по одной веской причине. Имею в виду разрушительный эмоциональный фактор. Международный авторитет для политика — вещь важная. Но товар этот скоропортящийся. Его нельзя настырно импортировать в свою страну.

— *Еще один феномен перестройки — едва ли не в одночасье рухнула структура КПСС в 20 миллионов человек. Чего здесь больше: крутых разборок в ЦК, брожения умов рядовых членов партии, дефицита высколобых вождей? Или ситуация развивалась неотвратимо по схеме: низы не хотят, верхи не могут?*

— Когда я вступал в партию в далеком 1955 году, «первички», в частности, в МГУ, имели свой голос. Вы можете представить, чтобы в КПСС не приняли сына помощника Никиты Хрущева? Но так было...

— *Однако в 1989-м многих не покидало ощущение, что партия вместе с генсеком, или благодаря ему, летит в тартарары.*

— Это под занавес перестройки. А прежде жесткая, всепроникающая структура от Кремля и до самых до окраин являлась каркасом Союза и общества. Вспомните годы индустриализации, Великой Отечественной войны, восстановления. Но вот что примечательно. Недавно из уст автора определения «административно-командная система» Гавриила Попова прозвучало: КПСС ошибочно отстранили от власти, она, если б была очищена от консерваторов, могла стать эффективным инструментом горбачевских реформ. Удивительно, что этого не осознал сам Горбачев. Не понял и Яковлев, настоящий «аппаратный лис». Партия, руководящая и направляющая сила, в перестройке задействована не была.

Из множества причин выделю несколько. Прежде всего — противостояние группировок в высших эшелонах власти, которое в принципе не является новостью в политике. Но раньше строго контролируемая борьба велась за кулисами. При Горбачеве ей предоставили сцену. Как из рога изобилия посыпались шумные апелляции к обществу, армии, различным социальным группам, СМИ, придав четкий идеологический окрас.

Науке известно: любая самая совершенная система дает сбой и разрушается, когда получает взаимоисключающие импульсы, сигналы-антагонисты. Так и в КПСС. Одни поступали от Лигачева, другие — от Яковлева. Справедливости ради замечу, что Михаил Сергеевич сам был воплощением противоречий. Внутривидовая борьба закончилась более чем прискорбно.

— *Оппоненты КПСС часто нажимали на привилегии, на девальвацию идей справедливости...*

— Истина где-то рядом, и об этом можно много говорить. Я подытожу свой ответ: в трагедии КПСС, как в зеркале, отразились политическое слабование Горбачева, «твердокаменность» Лигачева, амбициозность Яковлева, лукавство и двуличие Шеварднадзе, академизм Медведева. Безотносительно к названным господам-товарищам думаешь: неужто для полноты политической биографии в наше время каждый должен что-нибудь разрушить — кто СССР, кто партию, кто армию, экономику и финансы...

— *И все же, Наиль Бариевич, каким образом генсеку удалось усидеть в кресле на скандально знаменитом пленуме ЦК? Обстановка была чревата взрывом неповиновения?*

— Критическая масса действительно достигла своего предела. Многие требовали отставки Горбачева. Творилось невообразимое. Тогда 72 делегата обратились к пленуму с письмом протеста. Его огласил Вольский. Среди подписантов, как принято сейчас говорить, был и я. Вопрос сняли с повестки. Но партия, кажется в апреле 1990-го, находилась на грани раскола. Сегодня кажется, лучше бы он произошел. Для самой же партии...

— *На вопрос о возможности повернуть реформы в СССР на китайский манер сатирики обычно отвечали: у нас мало китайцев! Но, если без шуток, рывок азиатского гиганта заставляет на многое взглянуть по-иному. Тем паче что Россия — цивилизованный перекресток евразийства.*

— Известно, что по менталитету мы далеко не китайцы. Но повод для размышлений серьезный. В чем, образно говоря, устойчивость «китайского велосипеда»? Они начали рыночные реформы не как самоцель, а

как средство улучшения жизни населения. КПК, главная политическая сила общества, определила концепцию «малых шажков» в экономике. В Китае тоже отпустили пружины либерализации, открыли шлюзы иностранным инвестициям, изменили модель планового хозяйствования... Но они же позаботились о дееспособности государственной власти. Внутренняя и внешняя политика создавала ускорение маховику реформ. А что в СССР? Сравните — все с точностью до наоборот.

В свое время меня пригласили участвовать в разработке «новой политики» Компартии Вьетнама. Там вняли нашему горькому опыту. Даже осуществляя по полной программе шоковую терапию, сумели сохранить в стране эффективные общественно-политические институты. Падения производства (задача для наших либералов-экономистов!) не было. На выходе — рост благосостояния народа.

— *От глобальных аналогий давайте перейдем к проблеме не менее значимой — интеллигенция в перестройке. Как бы ни живописали хроническую оппозиционность, ей традиционно присуще очарование властью. Великое множество «небожителей» всегда там, по меткому замечанию писателя Владимира Максимова, где раздают казенные пряники...*

— Основная масса тех, кого называют совестью нации, живет — не позавидуешь. Но если иметь в виду ту часть, что в последние годы переродилась в «шоу-интеллигенцию» и бодро, по любому поводу засвечивается на телеэкранах... Не могу не сослаться на классика, который будто в воду глядел, говоря о политической неустойчивости, выводил последнюю не из личных качеств просвещенных господ, а из ее экономического и социального положения. Мы убеждаемся, что этот диагноз — бесспорный медицинский факт. Большинство «властителей дум» от Горбачева сноровисто переключались к Ельцину, потом к Примакову, далее — везде.

— *А чем вы можете объяснить достаточно устойчивый вектор антипатий к бывшему генсеку? Пусть случайная оплеуха в Омске, во время предвыборной президентской кампании в 1996-м, но тоже красноречивый аргумент...*

— Не нужно было ему баллотироваться. В стране укрепилось мнение: то, что Горбачев начал, Ельцин продолжил. Отрицать трудно, потому что о политике и политиках судим по конечному результату и кто наследовал власть. Считаю, что группа Михаила Сергеевича, а себя я тоже причисляю к ней, ответственна за то, чьи руки подхватили бразды правления страной.

— *А может, силком вырвали?*

— Власть сама ушла сквозь пальцы, как песок...

— *Наиль Бариевич, вспомним дедушку Гегеля. Все разумное — действительно, все действительное — разумно. Предел мечтаний для любого вождя. Хозяин Кремля в конце 80-х тоже откликался философскими формулами: СССР вечен, как космос. Но Союз распался... Можно ли десять лет спустя объяснить: явился ли «разлом» в мировой геополитике финалом неуклюжих перестроечных лет, прозванных в народе «верстовыми столбами к гибели СССР», или фатальной неизбежностью? Насколько правы те, кто считает, что основание Союза сжег пожар межнациональной розни, чьи кровавые отблески высвечивают события не только на Северном Кавказе?*

— Никакого фатализма! В силу известных обстоятельств предвидели отделение Прибалтики. Но среднеазиатские республики, Казахстан вообще не желали выходить из Союза. Армения тоже, по понятным геополитическим причинам. На Украине сложилась непростая ситуация... Но развал произошел. Почему? Я считаю, что он явился результатом крупных промахов политических лидеров перестройки. В том числе и в области межнациональной.

— *Некоторые из них обвиняют номенклатуру: погубила и партию, и СССР...*

— Номенклатуру подбирали первые лица государства. Наивно полагать, что в ЦК КПСС можно было зайти с улицы и наняться на работу. Что же мешало сменить? Значит, все вписывались в систему координат. Ленин, которого сегодня редко цитируют, писал: в переломный период преимущество имеют группы, обладающие связями, сильные дисциплиной, располагающие экономическим богатством. Судя по признакам, это коррумпированная номенклатура, теневой капитал, бандитские группировки и доморощенные нувориши, сколотившие капитал за счет народной собственности... Вот вам информация к размышлению.

Расхожие суждения о «неизбежности распада» СССР я отношу к чисто пропагандистским изыскам. Подчас раздается: советское общество нельзя было реформировать. Абсурд!

Однако поднаторевшие в терминологии «бриллиантовые мальчики» с усердием, достойным лучшего применения, отработывали свой хлеб. «Философия тупика» настырно тиражировалась в газетах. Вы помните, как прыкие пиарщики манипулировали сознанием людей с помощью ТВ. Под идеологическую канонаду разрушалась, разворовывалась огромная страна. Надо подчеркнуть, что глобальной скрепой Союза была партия, 70 лет определявшая силы притяжения в сложной политико-экономической системе. Возникновение на политической арене КПРФ, провозглашение суверенитета РФ, верховенства ее законов над общесоюзными пробило роковую трещину в фундаменте СССР. По-

вредело и тончайшую материю межэтнических отношений, образовав рыхлые борозды национального отчуждения в государстве. Ни перестройка, ни ее руководители не смогли противостоять разрушительным тенденциям. Время вынесло безжалостный вердикт.

Василий Семенов

ГКЧП и распад СССР — звенья одной цепи

Вопросом, почему проиграл ГКЧП, до сих пор задаются и многие ветераны спецслужб, стоявшие тогда на страже госбезопасности Советской державы. Один из ветеранов, на условиях анонимности, предложил нам такую версию событий.

— С приходом к власти Горбачева, декларировавшего свою приверженность «новому политическому мышлению», США не только не прекратили реализацию своих подрывных акций против СССР, а, напротив, еще более их усилили. Цель — нанести Москве полное поражение в холодной войне — по-прежнему стояла перед соответствующими американскими службами.

Боязнь Горбачева прослыть среди западной общественности «ястребом» облегчало Соединенным Штатам решение той геополитической задачи, которую оказалось не под силу решить нацистской Германии. Фактически еще в 1950-е годы в «мозговых центрах» США пришли к выводу о потенциальной возможности уничтожить СССР изнутри, не развязывая новой мировой войны. Аллен Даллес, в бытность директором ЦРУ, как-то обмолвился, что Запад располагает оружием, позволяющим завоевывать чужие страны, физически не пересекая их границ. Так оно, по сути, и оказалось.

Сегодня ни для кого не секрет, что 25 апреля 1950 года Совет национальной безопасности США утвердил директиву «СНБ-68», подготовленную объединенной группой Госдепартамента и министерства обороны. Ее разработчики исходили из того, что «главное уязвимое место Кремля — характер его отношений с советским народом». В рамках «экономической, политической и психологической войны» директива предписывала поддерживать «волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах», «сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль, по крайней мере, изменить его политику».

В тот же период (1949—1951 гг.) был осуществлен так называемый Гарвардский проект, который реализовывался созданным в 1948 году центром русских исследований Гарвардского университета. Американские специалисты, изначально нацеленные командованием ВВС США на

оценку психологической уязвимости советского населения при массированных бомбардировках, аналогичных по масштабам бомбардировкам Германии англо-американской авиацией в ходе Второй мировой войны, провели системное социологическое исследование советского общества с целью поиска его «ахиллесовой пяты». Впоследствии такого рода мероприятия с привлечением социологов, психологов и специалистов по межнациональным отношениям приняли долговременный характер и помогли «нащупать» организаторам тайной подрывной деятельности уязвимые места в советском обществе, что, в частности, позволило стимулировать процессы брожения в среде советской интеллигенции. В аналогичном направлении работали британские спецслужбы.

— *Вы имеете в виду операцию «Лиотэ»?*

— Да, на Западе наши противники планируют свои действия на многие десятилетия вперед. Британцы в июле 1953 года, т.е. спустя четыре месяца после смерти Сталина, приступила к работе по плану «Операция Лиотэ» с целью оказания непрерывного разлагающего влияния на население СССР и подконтрольных ему стран. Речь шла о долгосрочной стратегии разрушения Советского Союза изнутри. На быстрый результат аналитики МИ-6 не рассчитывали и нацеливались на многолетнюю кропотливую работу.

— *Филипп Денисович Бобков писал на эту тему...*

— Да, Филипп Денисович, начальник нашего 5-го управления, писал уже в отставке: «Лиотэ — это французский маршал, на заре века воевавший во главе колониальных войск в Алжире. Натерпевшись от палящего алжирского солнца, маршал приказал высадить вдоль дороги деревья, которые дадут тень. На замечание, что деревья вырастут лет через пятьдесят, Лиотэ ответил, что именно поэтому работу следует начать сегодня... Таким образом, план не рассчитывал на скорую удачу. Цель ставилась нелегкой: подрыв государственного строя в СССР, проведение нелегальных акций с использованием всех методов и приемов тайной войны». Но в конечном счете дело не в ЦРУ и МИ-6...

— *А в ком? Или в чем?*

— Курс на разрушение СССР без военных действий соответствовал глобальным замыслам наднациональных кругов, которые некоторые аналитики называют «мировым правительством». Конечно, никакого мирового правительства в привычном нам смысле нет. Это «собирательное» понятие, под которым имеется в виду наличие нескольких надправительственных, надгосударственных структур, выражающих интересы транснациональных финансово-промышленных групп. В первую очередь это — Совет по международным отношениям в Нью-Йорке,

Бильдербергский клуб (по названию гостиницы «Бильдерберг» в голландском городе Остербеке, где в 50-е годы состоялось его первое заседание), Трехсторонняя комиссия или «Трилатерали», в заседаниях которой помимо американцев и европейцев участвуют японские «избранные». Эти и некоторые другие структуры образуют наднациональный уровень согласования интересов владельцев транснациональных корпораций и крупнейших банкиров. Ротшильды, Рокфеллеры, Барухи, Варбурги... — это лишь верхушка айсберга хозяев истории.

Элиту «золотого миллиарда» не прельщала перспектива ядерного столкновения США и СССР, в результате которого, даже в случае победы стран НАТО, уцелевшая часть человечества оказалась бы в очень незавидном положении. На эту тему много размышлял президент Джон Кеннеди. Уже после его гибели была создана рабочая группа на базе Совета национальной безопасности США, на заседаниях которой при участии нью-йоркского Совета по международным отношениям проходит серия обсуждений на тему «дальней границы» (high frontier) мировой истории.

Весной 1967 года в СССР с тайной миссией побывал неофициальный представитель президента США Макджордж Банди, а 23—25 июня 1967 года в Гласборо (американский штат Нью-Джерси) происходит встреча между Линдоном Джонсоном и председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным. Достигнутые тогда первые предварительные договоренности и привели к политике разрядки напряженности («политика детанта») и достижению Хельсинкских соглашений.

Тогда же стало наблюдаться создание многоступенчатой системы интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, которые занялись исследованием «глобальных проблем человечества» и поиском «новой формулы мироустройства». В 1968 году создается «Римский клуб», в 1972 году — Международный институт прикладного системного анализа (в его деятельности активно участвовали ученые не только западных, но и, с разрешения ЦК КПСС, советские ученые), в 1973 году — уже упомянутая Трехсторонняя комиссия.

Именно транснациональная элита Запада сдерживала «ястребиные» амбиции своих военных кругов, руководствуясь отнюдь не альтруистскими соображениями. У нее существовало свое концептуальное понимание контуров, дальних границ будущего.

— *Об этом нам рассказывал и Александр Александрович Зиновьев...*

— Зиновьев, в 1970—1980-е годы живший на Западе и много общавшийся тогда с теми, кого порой называют «мировой закулисой», считал, что существует не мировое правительство, а мировое сверх-

общество. В него, по его оценке, входили в конце минувшего века до 80 миллионов человек, мировые экономические империи, СМИ, своя иерархия. Вот оно и управляет планетой, а США — суть метрополия этого сверхобщества...

Это глобальное сверхобщество, исходя из своих геополитических замыслов, планировало, по данным Зиновьева, России судьбу бастиона антикоммунизма в борьбе против коммунистического Китая. А для этого надо было разрушить СССР и «десоветизировать» Россию. Тот же Зиновьев вспоминал, что в западных интеллектуальных кругах цинично шутили: Вашингтону война с Китаем обойдется в 30—50 миллионов русских...

К нам в Москву еще в советское время поступала информация на сей счет. Поэтому есть свидетельства тому, что распад СССР не просто отвечал интересам влиятельных мировых кругов, но и был ими инициирован. В 1990-е годы в одной из петербургских газет было напечатано интервью с неким Афанасием Стригасом, западным политологом, когда-то служившим военным атташе, а затем консультантом при высшем военном командовании НАТО. Понятно, фамилия вымышленная, но часть его высказываний подтверждается данными из других, проверенных источников, и это позволяет серьезно отнестись к его информации относительно причин краха СССР — хотя бы в качестве гипотезы.

Стригас утверждал, что крах СССР был инициирован еще в 1973 году Трехсторонней комиссией и частью членов Бильдербергского клуба. «Цель краха СССР, — сказал Стригас, — продемонстрировать всему миру неудачу коммунистической идеи, представить ее как систему, которая является антигуманной. Кроме того, это было сделано и потому, что население Земли возрастает каждый год на 2 процента... Каждый человек в принципе с одной стороны — пустое место, а с другой — угроза для глобальных лидеров... и они находятся в постоянном опасении, не пробудятся ли люди и не потребуют ли долю богатства, которая является их по справедливости». Агентство национальной безопасности, одна из ведущих спецслужб США, опасалось, что развитие СССР может пойти в не устраивающем западную элиту направлении, и это было решено предотвратить расчленением страны.

— *В Москве были в курсе этих планов?*

— Ответу так: советские спецслужбы и на закате «Красной империи» сохраняли свою эффективность, многие из намерений Запада относительно СССР были нам довольно детально известны, как и попытки задействовать для крушения державы выпестованную ими «пятую колонну» — «агентов влияния». Имена некоторых были установлены.

Владимир Александрович Крючков не просто так после своего ареста говорил со следователем на эту тему. Вот его показания от 17 декабря

1991 года — к счастью, они сохранились: «Поступала также информация о том, что после распада Союза начнется массированное давление извне на отдельные территории совсем недавно единого Союза для установления на них иностранного влияния с далеко идущими целями. Поступали сведения о глубоко настораживающих задумках в отношении нашей страны. Так, по некоторым из них, население Советского Союза слишком велико, и его следовало бы разными путями сократить... По этим расчетам, население нашей страны было бы целесообразно сократить до 150—160 миллионов человек. Определялся срок — в течение 25—30 лет. Территория нашей страны, ее недра и другие богатства в рамках общечеловеческих ценностей должны стать достоянием определенных частей мира. То есть мы должны как бы поделиться этими общечеловеческими ценностями».

— *До Горбачева доводилась информация?*

— Михаил Сергеевич со своим ближайшим окружением — это Яковлев, Шеварднадзе и некоторые другие партийные бонзы — делали вид, что ничего страшного не происходит, что тайная война против СССР — это разговоры чекистов, отрабатывающих свой хлеб...

Президент СССР убаюкивал себя мыслью о том, что он со своей Раисой Максимовной принят в мировую элиту. Это тешило самолюбие бывшего ставропольского комбайнера, хотя на Ставрополье в свое время шутили, что найти этот комбайн еще сложнее, чем угольную шахту, на которой трудился Никита Хрущев. Горбачева Запад целенаправленно дезориентировал, вводил в заблуждение показным добрым отношением, играл на его тщеславии и самоуверенности. Особенно преуспела в этом премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, опытный и умный политик.

К 1991 году плод уже созрел. Горбачев стал не нужен Западу. Американская разведка невысоко оценивала шансы Горбачева удержаться у власти. Рассекреченные в 1999 году документы ЦРУ США свидетельствуют, что в конце 80-х годов американская разведслужба информировала свое государственное руководство о том, что Горбачев теряет контроль над ситуацией в стране и что его уход из большой политики фактически предрешен. «Шансы на то, что Горбачев сумеет успешно преодолеть проблемы, с которыми он сегодня сталкивается и многие из которых порождены им самим, в высшей степени сомнительны», — отмечалось в аналитической записке на имя президента США в сентябре 1989 года. Так называемая программа реформ Горбачева, утверждали американские разведчики, является «весьма спорной и основывается больше на благих пожеланиях».

В апреле 1991 года ЦРУ направило в совет национальной безопасности документ, в котором констатировало: «В результате политического маневрирования и провалов в политике авторитет Горбачева упал до нулевой отметки».

— *Могли на Горбачева как-то психологически воздействовать? Трудно укладывается в голове, что партийный функционер, добравшийся до самой вершины власти, взял и так спокойно, без особой борьбы все отдал...*

— Вы, наверное, имеете в виду разговоры о том, что Горбачев оказался жертвой психотронного воздействия одной из западных спецслужб? Не берусь судить, я этими вопросами по роду службы не занимался. Хотя не секрет, что и в СССР, и в западных странах велись тогда исследования по проблематике контроля за сознанием, искали способы скрытного дистанционного воздействия на психику.

— *Говорят, что в ряде стран технологии вхождения в чужое сознание удалось создать...*

— В КГБ СССР был такой Борис Ратников, после распада СССР он стал генерал-майором, в 1991—1994 годах был первым заместителем начальника Главного управления охраны РФ. Уже после выхода в отставку он заявлял, что пси-воздействие — это не шарлатанство, и не пройдет и 10 лет, как психотронное оружие станет более грозным, чем ядерное.

Сообщения в открытой печати на эту тему есть, не могу сказать, какова в них доля правды. То, что в США предпринимались попытки реализовать идею пси-воздействий на основе восточных психофизических систем, а также гипноза, нейролингвистического программирования и компьютерных психотехнологий, это верно. В Испании велись какие-то исследования по изучению воздействия различных физических факторов на головной мозг с целью научиться нарушать функции тех или иных органов, изменять состояние психики.

Генерал Ратников утверждал в одном из газетных интервью, что в начале 1990-х годов зарубежные круги предпринимали попытки манипулировать сознанием Ельцина перед его визитом в Японию, «программировать» на то, чтобы отдать ряд Курильских островов. Если это действительно так, то гипотетически жертвой пси-воздействия мог стать и Горбачев, хотя замечу, что к воспоминаниям нас, ветеранов, надо относиться критично, с годами мы порой становимся фантазерами...

— *Тогда о более земном: к началу 1990-х годов экономика США, так же как и советская, была не в лучшем состоянии...*

— Дела у американцев в финансовой сфере стали ухудшаться при Рейгане, какой бы мощной ни была их экономика, но и у нее появились трудности, напряжение в финансовой системе росло. Еще несколько лет такой же гонки вооружений, как в первой половине 80-х годов, и аме-

риканский истеблишмент дрогнул бы, оказавшись перед перспективой экономического поражения. И это не фантастическое предположение!

В начале 90-х годов бывший министр финансов в администрации Рейгана Дэвид Стокман в интервью одной из итальянских газет сделал очень любопытное признание. По его словам, без Михаила Горбачева и без Японии Америка «не выплыла бы». В первую половину 80-х годов, отметил он, происходило состязание между СССР и США за то, кто первым придет к экономическому коллапсу. «На наше счастье, — заявил Стокман, — победил СССР, опередивший нас на самую малость. США переживали самый страшный дефицит бюджета и самый опасный паралич власти за всю свою историю». Крах СССР позволил американцам прекратить довооружение и пересмотреть свои экономические и социальные программы. Стокман считает, что, не приди Михаил Горбачев к власти в СССР, США потерпели бы банкротство в течение 4—5 лет.

— *С позиции прожитых лет, что стало причиной краха СССР?*

— На сей счет есть много мнений, порой диаметрально противоположных. Распад Советского Союза рассматривают как результат перерождения правящей верхушки КПСС, ее бездарности, неспособности к обновлению социализма. И как проявление неких закономерностей общественного развития и даже «тупиковости» социалистического выбора. Вероятно, правильнее вести речь о комплексе причин.

Одна из них — самоуспокоенность советской элиты после смерти Сталина и последующего достижения военно-стратегического паритета с Западом, потеря чувства реальной опасности холодной войны. Об этом хорошо сказал несколько лет назад уже упомянутый нами Филипп Денисович Бобков: «Слепая вера в непобедимость, в нерушимость строя, в монолитность советского общества. Вера эта не только сковала государственную мысль вождей, но прочно выросла в сознание большинства советских граждан. Руководство партии и государства не желало видеть такой опасности, отмахивалось от информации о назревавших в стране кризисных явлениях, о неблагополучии в межнациональных отношениях, о возрастающем недоверии населения к отрывавшемуся от народа руководящему звену партии и государства, о росте сил, несогласных с политикой, проводимой партией. А это создавало почву, воспринимавшую западную пропаганду, порождало среду, готовую сотрудничать с проникавшими в страну эмиссарами и агентами специальных служб и антисоветских центров».

Есть и иная причина, думается, тоже весьма важная — утрата социалистическим строем идеологической привлекательности и для внешнего мира, и для собственного населения. СССР, как верно подметил оригинальный французский мыслитель и бывший марксист Режи Дебре, утратил конкурентоспособность в области производства символов и

способность формировать символическое воображение людей. «Мне кажется, — сказал Дебре в одном из интервью, — Америка выиграла соревнование с СССР именно на этой почве, не увеличивая ни производства ракет, ни численности дивизий. Советские руководители не поняли, что изменилась сама природа отношений силы и могущества. Грубо говоря, танковая дивизия не может конкурировать с рок-н-роллом. Последний — сильнее. Политики СССР этого не поняли, потому что Маркс этого не понимал. Маркс полагал идеологию отражением базиса. Что не совсем так. Идеология — это созидательная и динамичная сила. Люди живут в состоянии мечты, а чтобы они могли мечтать, им необходимы фильмы, песни, музыка и т.д., короче, нужны элементы культуры, которые СССР больше не создавал»...

Так что по большому счету ГКЧП, несмотря на благие намерения, был обречен. Его поражение ускорило уже шедший процесс распада СССР. Победа гкачепистов лишь бы законсервировала на какое-то время СССР. Но Янаев, Павлов, Шенин, Крючков, Язов, Бакланов — при всем уважении к ним — не были людьми, способными придать новый облик идее социальной справедливости, вернуть советской модели жизнеустройства привлекательность в глазах миллионов людей. И в этом была трагедия Советской державы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Спецсообщение председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова
в ЦК КПСС от 24 января 1977 года**

О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан

По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих

указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель Комитета Ю. Андропов.

Записка председателя КГБ СССР В.А. Крючкова Президенту СССР М.С. Горбачеву

О политической обстановке в стране

Острый политический кризис, охвативший страну, поставил под угрозу судьбу перестройки, процессов демократизации, обновления общества. Стали явственными возможности развала единства Союза ССР, демонтажа общественно-политической и экономической системы. Спровоцированная решениями ряда союзных республик «война суверенитетов» практически свела на нет усилия по стабилизации экономики, резко осложнила условия для подписания нового Союзного договора. Под влиянием известных решений Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР конфронтация между Центром и союзными республиками получила мощный импульс. Глава Российского парламента вкупе с определенными силами, круги из теневого бизнеса явственно заявили свои претензии на создание «второго центра» в противовес государственному политическому руководству СССР. Этим не преминули воспользоваться для закрепления своих позиций практически все оппозиционные партии и течения. Усилились национал-шовинистические и сепаратистские тенденции во многих регионах страны.

Подтвердились наши оценки, что политика умиротворения агрессивного крыла «демократических движений» не в состоянии предотвратить возрастание деструктивных процессов, позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовывать замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя.

Опасность этой тенденции усугубляется ростом числа и увеличением мощи незаконных военизированных формирований. Сегодня они располагают самыми современными видами оружия — автоматами, пулеметами, вплоть до реактивных снарядов. С учетом этого фактора социальные и национальные конфликты могут приобрести новое качество, превратиться в многочисленные очаги гражданской войны.

Результаты политического противоборства в ближайшие месяцы будут зависеть от того, за кем пойдет основная часть трудящихся. Действенная поддержка руководства страны, как представляется, будет в решающей степени зависеть от того, насколько удастся предотвратить резкое падение жизненного уровня населения. Нельзя не считаться с тем, что большие социальные группы защищены слабо, зачастую бедствуют. Реальной возможности поднять сегодня их благосостояние нет.

Особенности структуры экономики СССР, невосприятие значительной частью граждан даже примитивных форм рыночных отношений требуют большой осмотрительности, осторожности и выверенности каждого последующего шага при решении проблемы перехода к рынку. Расчет на форсированное внедрение рыночных отношений может обойтись стране непомерно дорого.

В этих условиях особое значение приобретает борьба с экономическим саботажем. Понятно, что сама она не увеличит производство продукции, но может способствовать более справедливому распределению товаров, нанести удар по «теневикам», реально смягчить достаточно тяжелую ситуацию, в которой оказались наименее обеспеченные слои.

Общественное мнение болезненно реагирует на то, как «теневики» используют складывающуюся ситуацию. Углубляющееся имущественное расслоение вызывает рост социальной напряженности. Процесс обогащения по своей внутренней логике вовлекает «теневой бизнес» в борьбу за политическое влияние с тем, чтобы в рамках приватизации еще более расширить масштабы приращения собственности. Это с неизбежностью ведет к созданию категории «новых буржуа» со всеми вытекающими последствиями.

<...>

Устойчивость политической ситуации в стране зависит сегодня в значительной степени и от международного положения СССР.

Реальность такова, что сегодня США действуют в направлении развала СССР как великой державы. В политических кругах США доминирует мнение, что американским национальным интересам отвечает линия на ослабление Советского Союза вплоть до выхода из состава СССР ряда республик, прежде всего прибалтийских. Выход же Литвы, например, сделает весьма реальной потерю Калининградской области.

С учетом ситуации вряд ли можно надежно рассчитывать на значительную финансовую и экономическую помощь со стороны Соединенных Штатов. По достоверным данным, США оказывают давление на Японию и Западную Европу, с тем чтобы они ограничили возможные масштабы экономического сотрудничества с СССР. Следует также отдавать себе отчет в том, что даже широкая помощь Запада сама по себе не в состоянии вывести страну из экономического кризиса.

Исходя из этого, во внешнеполитическом плане важно сделать все, чтобы уже в ближайшее время смягчить остроту ситуации, которая складывается вокруг СССР. Интересам страны отвечала бы линия, проводимая таким образом, чтобы в то же время не давать ему повода для ужесточения своей позиции в отношении Советского Союза.

Антиконституционные силы, действуя по разработанному с участием западных экспертов сценарию, рассматривают текущий момент как благоприятный для организации фронтальной атаки против существующих государственных структур Советского государства. Ведущая роль при этом принадлежит организационно оформившемуся блоку оппозиционных сил «Демократическая Россия» (ДР), политические установки которого пытается реализовать руководство Верховного Совета РСФСР.

С формированием руководящих органов ДР в практическую плоскость поставлено решение задачи «превращения Советов всех уровней в инструмент проведения политики оппозиции», скорейшего завоевания на свою сторону подавляющего большинства населения страны. Принимаются меры по созданию ячеек ДР на промышленных предприятиях, в государственных учреждениях и вузах. Возрастает внимание «демократов» к инженерно-техническим работникам и рабочему классу, поскольку их расчеты на «верхушечный переворот» силами гуманитарной интеллигенции не оправдываются. Оппозиционеры приступили к формированию на базе ДР партии, которая была бы способна вытеснить КПСС с политической арены. Предполагается, что ее возглавят виднейшие лидеры «демократов», и она станет де-факто правящей в России в силу расстановки сил в Верховном Совете РСФСР, Советах ряда крупнейших центров республики.

<...>

Сторонники «демократов» предпринимают настойчивые усилия по расширению своего влияния в армии, добиваясь ее нейтрализации как одного из гарантов единства СССР и незыблемости конституционного строя. С другой стороны, последние события в Прибалтике весьма негативно отразились на настроениях военнослужащих, усилили в их среде, особенно у офицерского состава, сомнения в способности руководства страны контролировать ситуацию.

Разрушительными для единства Союза ССР и общества являются эскалация развязанной антикоммунистами пропагандистской войны против собственного народа и расширившиеся материальные возможности для ее ведения, в том числе с привлечением теневого капитала. Происходит завоевание одного пропагандистского органа за другим, а когда это не удается — создаются новые. Только за последний месяц в России, и в частности в Москве, начали выходить четыре новых крупных издания и приступили к вещанию две радиостанции. К их деятельности привлекаются западные специалисты в области психологической войны (радио «Свобода», издательство НТС «Посев» и т.д.).

Официальная советская пропаганда неоправданно тянет с развертыванием мощного пропагандистского наступления.

<...>

При всем драматизме ситуации сегодня она еще может быть переломлена, учитывая невостребованный арсенал конституционных мер. Пространство для маневра невелико, но оно есть. Нельзя не считаться с тем, что, как повсеместно отмечают, народ устал от трудностей быта, стрессов, социальных коллизий, теряет веру в способность руководства навести порядок. Возникает опасность, что люди пойдут за теми, кто возьмет на себя инициативу по наведению порядка.

Существенную роль в поисках выхода из сложившегося кризиса могут и должны сыграть Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР как наиболее конструктивные политические структуры. Это требует оберегать от нападков, активизировать деятельность, усиливать созидательный потенциал этих органов народовластия.

Вместе с тем, учитывая глубину кризиса и вероятность резкого осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР.

Такой шаг потребовал бы мощной пропагандистской поддержки, прямого обращения к народу с призывом объединиться для сохранения Союза ССР, защиты общественного строя.

Председатель Комитета В. Крючков.

7 февраля 1991 г.

Слово к народу

Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, великих трудах и борениях сложившими из молитв, тягот и откровенный державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издаваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши — ничто перед общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем. Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и мал за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления. Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлебобобу кабальный обмен, обрекая на запустение пашни, на истребление уцелевших, кормящих страну хозяйств.

Мы взываем к инженерам, чьими руками, умом и талантом были созданы уникальная техническая цивилизация, мощная индустрия, обеспечившая благополучие и защиту народа, позволившая Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы — страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы взываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей, закрывают научные направления, вбивают тромбы в развитие космических исследований, ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие.

Мы устремляем свой голос к армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Нелегкие времена переживают наши славные защитники. Не вина армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиканов. Но никому не удастся превратить Вооруженные силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему святому долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромленной классики, добывавшим для

народа образы красоты и добра, ожидавшим в будущем расцвета искусств, а обретшим нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иноземных фабрикантов.

Мы обращаемся к Православной церкви, прошедшей Голгофу, медленно, после всех избиений встающей из гроба. Она, чей духовный свет сиял в русской истории даже во времена мрака, сегодня, еще неокрепшая, терзается распрями, ущемляется в епархиях и приходах, не находит достойной опоры в сильной державной власти. Пусть она услышит зывающий к спасению глас народа.

Мы обращаемся к мусульманам, буддистам, протестантам, верующим всех направлений, для которых вера есть синоним добра, красоты и истины; на них сегодня наступают жестокость, уродство и ложь, губящие душу живую.

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращаемся к партии — коммунистической, которая несет всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних трагических, в которые Компартия сначала ввела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника — предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы, — пусть коммунисты услышат наш зов!

Молодежь, наша надежда и цвет, которую растлевают, отдав в услужение ложным кумирам, обрекают на безделье, бездарность, наркотики и преступность.

Старики, наша мудрость и гордость, безотказные труженики и неустанные наши кормилицы, получившие в удел нищенство и надругание над прожитым, осквернение печатным и телевизионным варевом тех, кто добивается умерщвления памяти, противопоставления поколений.

Молодые ветераны, воины-интернационалисты, проявившие самоотверженность и гуманизм, высокие нравственные качества, но поставленные в положение без вины виноватых.

Женщины, отказывающие себе в высшем природном праве — продлевать в потомстве род из-за страха плодить нищету, пополнять солдатами армию гражданской войны, пугающиеся своей любви и своего материнства...

Все, кто ни есть в городах и селениях, в степях и лесах, у кромки великих, омывающих страну океанов, — очнемся, встанем для единения и отпора губителям Родины!

Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели — спасения Отчизны.

Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губительного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.

Не пожалеем сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия для жизни и самовыражения. Окажем энергичную поддержку прогрессивным новациям, нацеленным на то, чтобы продвигать наше общество вперед, достигнуть современных высот научно-технического прогресса, укрепостить умы и энергию людей, чтобы каждый мог жить по труду, совести и справедливости. И мы будем выступать против таких проектов, которые тащат страну назад, во мрак Средневековья, туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти.

Наше движение — для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустривать наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар, и млад.

Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и все-народно искать выход из нынешнего тупика. Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал.

Советский Союз — наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годы черных нашествий! Россия — единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи.

Юрий БОНДАРЕВ, Юрий БЛОХИН, Валентин ВАРЕННИКОВ, Эдуард ВОЛОДИН, Борис ГРОМОВ, Геннадий ЗЮГАНОВ, Людмила ЗЫКИНА, Вячеслав КЛЫКОВ, Александр ПРОХАНОВ, Валентин РАСПУТИН, Василий СТАРОДУБЦЕВ, Александр ТИЗЯКОВ.

Газета «Советская Россия», 23 июля 1991 года.

Обращение к советскому народу

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того, чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма: регионально-го, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народно-хозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния.

На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность.

Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему. Ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисципли-

ну и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе. Но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР

18 августа 1991 года.

Постановление № 1

Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и

братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случае отказа — изымать их в принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР.

Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается.

В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима.

Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения.

Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, неукоснительное выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий.

Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра.

Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики.

Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение.

Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления,

а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка.

Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и инвалидов.

В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышении заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан.

В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителям всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т.д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991—1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету Министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем. В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР.
19 августа 1991 г.

Постановление № 2

**Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР
О выпуске центральных, московских, городских и областных газет**

В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР.
19 августа 1991 г.

* * *

Указ

**исполняющего обязанности Президента
Союза Советских Социалистических Республик
О введении чрезвычайного положения в городе Москве**

В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н.В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

Исполняющий обязанности Президента Союза ССР
Г. ЯНАЕВ.

Москва, Кремль, 19 августа 1991 г.

Из заключения, направленного в сентябре 1991 года на утверждение председателю КГБ СССР генерал-лейтенанту В.В. Бакатину, по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19—21 августа 1991 года

Во исполнение приказа председателя КГБ СССР № 140 от 1 сентября 1991 года специальной Комиссией КГБ СССР проведено служебное расследование действий должностных лиц КГБ СССР, органов госбезопасности и войск КГБ СССР накануне и в период антиконституционного переворота в августе с.г.

Из материалов расследования усматривается, что еще в декабре 1990 года Крючков В.А. поручил бывшему заместителю начальника ПГУ КГБ СССР Жижину В.И. и помощнику бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР Грушко В.Ф. Егорову А.Г. осуществить проработку возможных первичных мер по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения. Указанные материалы были подготовлены, однако, по словам исполнителей, до начала августа 1991 года не использовались.

С большой степенью достоверности можно предположить, что с конца 1990 года до начала августа 1991 года, учитывая сложившуюся в стране обстановку, Крючков В.А. совместно с другими будущими членами ГКЧП предпринимали возможные политические и иные меры по введению в СССР чрезвычайного положения конституционным путем. Однако, не получив поддержки президента СССР и Верховного Совета СССР, указанные лица с начала августа 1991 года начали осуществлять конкретные меры по подготовке введения чрезвычайного положения незаконным путем.

С 7 по 15 августа Крючков В.А. неоднократно проводил встречи с некоторыми членами будущего ГКЧП на секретном объекте ПГУ КГБ СССР под кодовым названием «АБЦ». В этот же период времени Жижин В.И. и Егоров А.Г. по указанию Крючкова провели корректировку декабрьских документов по проблемам введения в стране чрезвычайного положения. Они же с участием бывшего в то время командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенантом Грачевым П.С. подготовили для Крючкова В.А. данные о возможной реакции населения страны на введение в конституционной форме режима чрезвычайного положения. Содержание указанных документов потом нашло отражение в официальных указах, обращениях и распоряжениях ГКЧП. 17 августа Жижин В.И. участвовал в подготовке тезисов выступления Крючкова В.А. по телевидению в случае введения чрезвычайного положения.

Полученные в ходе расследования материалы свидетельствуют о том, что участники заговора на различных этапах его реализации отводили КГБ СССР решающую роль в осуществлении следующих задач:

устранения от власти Президента СССР путем его изоляции;

блокирования вероятных попыток Президента РСФСР оказать сопротивление деятельности ГКЧП;

установления постоянного контроля за местонахождением руководителей органов власти РСФСР, Москвы, известных своими демократическими взглядами народных депутатов СССР, РСФСР и Моссовета, крупных общественных деятелей с целью их последующего задержания;

осуществления совместно с частями Советской Армии и подразделениями МВД штурма здания Верховного Совета РСФСР с последующим интернированием захваченных в нем лиц, включая руководство России.

Для этих задач бывший председатель КГБ СССР Крючков В.А., используя свое служебное положение, привлек отдельные, в том числе специальные, силы и средства подразделений центрального аппарата и войска КГБ СССР.

В результате этого в период времени с 17 по 19 августа некоторые войска специального назначения КГБ СССР и спецподразделения ПГУ КГБ СССР были приведены в повышенную боевую готовность и передислоцированы в заранее выделенные места для участия совместно с подразделениями СА и МВД в мероприятиях по обеспечению режима чрезвычайного положения.

Силами специально созданных групп 18 августа Президент СССР Горбачев М.С. был изолирован в месте отдыха в Форосе, а за Президентом РСФСР Ельциным Б.Н. и другими оппозиционно настроенными по отношению к заговорщикам лицами установлено наружное наблюдение.

С участием сил и средств КГБ СССР проводились также и другие мероприятия, направленные на создание условий для осуществления заговора.

Так, после объявления 19 августа об образовании ГКЧП и о введении чрезвычайного положения, руководством Комитета предпринимались меры, направленные на повышение боевой готовности органов и войск КГБ и обеспечение их участия в выполнении решений и указаний ГКЧП. С использованием сил КГБ СССР был организован контроль за деятельностью средств массовой информации, производилось изучение реакции населения в СССР и зарубежных кругов на события в СССР.

20 августа была проведена подготовка непланируемого ранее захвата здания Верховного Совета РСФСР группами специального назначения КГБ СССР с использованием в этой операции подразделений СА, МВД и спецвойск КГБ СССР. Тогда же, из-за невозможности ее проведения без значительных человеческих жертв со стороны мирного населения, штурм был отменен.

Осуществляя общее руководство проводимыми мероприятиями, Крючков В.А. активно использовал в этих целях приближенных к себе лиц из числа руководства КГБ СССР, которыми по его указаниям организовывалось задействование отдельных сил и средств подразделений Центрального аппарата и войск КГБ СССР на конкретных участках и направлениях, в частности:

Первый заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник Грушко Ф.В.

Являлся непосредственным участником заговора, неоднократно вместе с Крючковым В.А. присутствовал на его встречах с членами ГКЧП. Систематически принимал участие в работе т.н. рабочей группы Бакланова О.Д.

Наряду с Крючковым В.А. отдавал наиболее важные распоряжения по использованию возможностей Комитета Госбезопасности СССР для реализации замыслов заговорщиков. Непосредственно отдал указание о подготовке мероприятий по изоляции Президента РСФСР, задействованию спецподразделений ПГУ КГБ СССР, усилении режимных мер на Гостелерадио СССР.

Первый заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник Агеев Г.Е.

Непосредственно руководил мероприятиями по изоляции Президента СССР путем отключения средств связи на объекте «Заря» в Форосе и переподчинения 79 погранотряда и 5 отдельной бригады пограничных сторожевых кораблей начальнику Службы охраны КГБ СССР Плеханову Ю.С. и его заместителю Генералову В.В.

По его прямому указанию осуществлялась подготовка к задержанию и изоляции Президента РСФСР и руководства Российской Федерации, блокированию в контакте с подразделениями Советской Армии и МВД СССР здания Верховного Совета РСФСР, его последующего штурма, разоружению находящихся в нем лиц и их интернированию.

Отдал распоряжение по формированию и направлению в Латвию, Литву и Эстонию групп оперативных сотрудников для обеспечения режима чрезвычайного положения.

15 августа лично осуществил инструктаж вызванного из отпуска начальника 12 отдела КГБ СССР генерал-майора Калгина Е.И. и начальника УПС КГБ СССР генерал-лейтенанта Беду А.Г. по организации слухового контроля в отношении ряда руководителей СССР и РСФСР, обслуживаемых совершенно секретной, секретной и городской телефонной связью по местам их работы и жительства.

С 18 августа осуществлял общее руководство по использованию задействованных в осуществлении заговора сил и средств подразделений

Центрального аппарата и войск КГБ СССР. Как представитель КГБ СССР принимал участие в заседании Кабинета Министров СССР 19 августа с.г., руководил подготовкой отдельных документов о деятельности органов и войск КГБ СССР в условиях чрезвычайного положения, направляемых на места.

Заместитель председателя КГБ СССР генерал-майор Лебедев В.Ф.

Дал указание об организации 18 августа наружного наблюдения за рядом руководителей СССР и РСФСР, народных депутатов СССР и РСФСР, видных общественных деятелей, административному задержанию отдельных из них. В частности, по его прямому указанию были задействованы силы Управления «З» и 7 Управления КГБ СССР по задержанию Уражцева, Гдяна, Проселкова, Камчатова.

Создал группу информационного обеспечения режима чрезвычайного положения, осуществлял руководство мероприятиями по подготовке и распространению документов ГКЧП, а также касающихся деятельности средств массовой информации, в том числе в отношении радиостанции «Эхо Москвы».

Заместитель председателя КГБ СССР генерал-лейтенант Петровас И.К.

Отдал распоряжение о приведении войск спецназначения в боевую готовность, направил в органы и войска КГБ СССР конкретные указания, регламентирующие их действия в условиях повышенной боевой готовности. Осуществлял руководство и координацию действий с МО СССР по продвижению войск к Москве, в том числе при подготовке штурма здания Верховного Совета РСФСР. По его команде в Прибалтику были направлены 300 человек личного состава 103 Воздушно-десантной дивизии.

Заместитель председателя КГБ СССР начальник Управления КГБ СССР по Москве и Московской области генерал-лейтенант Прилуков В.М.

17 августа был ознакомлен Крючковым В.А. с основным замыслом заговора и, начиная с 18 августа, осуществлял практические меры по участию в его реализации с использованием сил и средств УКГБ. Принимал личное участие во всех совещаниях у руководства КГБ СССР и в МО СССР, где разрабатывались конкретные мероприятия по использованию войск, спецназа и оперативного состава в г.Москве, отдавал указания по их исполнению своим заместителям.

Полученные комиссией данные в отношении указанных выше лиц дают основания полагать, что еще за несколько дней до 19 августа они в той или иной степени были осведомлены о замыслах заговорщиков и осознанно действовали в их интересах.

Одновременно из материалов расследования усматривается, что ряд руководителей подразделений Центрального аппарата и войск КГБ СССР активно участвовали в выполнении их указаний. При этом отдельные из них еще до начала событий располагали информацией о направленности и целях проводимых ими мероприятий, однако до появления признаков провала заговора конкретных шагов по противодействию ему не принимали. В ходе работы комиссии некоторые из них проявили неискренность и пытались умалить долю своей ответственности.

В частности:

Начальник Управления «З» КГБ СССР генерал-майор Воротников В.П.

По утверждению заместителя начальника Управления «З» Мороза А.В., Воротников информировал его о том, что в 18 часов 18 августа в стране будет введено чрезвычайное положение. В этот же день к 16 часам он обеспечил вызов и направление сотрудников Управления совместно с представителями Третьего Главного Управления спецрейсом в Эстонию, Латвию и Литву.

Одновременно по его указанию была сформирована группа из 11 сотрудников Управления «З» и 7 работников УКГБ по Москве и Московской области для проведения административных задержаний. (При инструктаже каждому члену группы вручались незаполненные бланки распоряжения на административное задержание, осуществление которых предусматривалось во взаимодействии с бригадами «НН».)

19 августа получил у Лебедева В.Ф. список лиц, подлежащих негласному наблюдению и задержанию, и передал его Добровольскому Г.В.

<...>

Начальник погранвойск КГБ СССР генерал-полковник Калинин И.Я.

18 августа поставил задачи Симферопольскому погранотряду и Балаковской бригаде пограничных сторожевых кораблей по усилению внимания охране района зоны отдыха Президента СССР и подчинению командиров этих частей только начальнику службы охраны генерал-лейтенанту Плеханову Ю.С. и его заместителю генерал-майору Генералову В.В.

Узнав 19 августа о введении чрезвычайного положения в стране, отдал распоряжение об усилении охраны госграницы, а на совещании руководителей Главка объявил распоряжение о переводе войск в состояние повышенной боевой готовности. Подписал и направил в войска подготовленное начальником Военно-политического управления погранвойск генерал-лейтенантом Бритвиным Н.В. указание, в котором предлагалось широко вести пропаганду среди всех категорий военнослужащих документов ГКЧП и принять участие в работе созда-

ваемых на местах КПЧ в интересах выполнения служебных задач. Этим документам, подписанным также секретарем парткома погранвойск генерал-майором Анцуповым В.Г., рекомендовалось обсудить меры по реализации решений ГКЧП на партийных собраниях.

Начальник Третьего Главного Управления вице-адмирал Жардецкий А.В.

О существовании ГКЧП и его замыслах знал с 18 августа. Принимал личное участие в совещаниях у руководства КГБ и Министерства обороны СССР, где решались вопросы о формировании сил и средств для блокирования здания ВС РСФСР и его штурма, отдавал указания своим заместителям по их реализации.

По его указанию в Главке были сформированы оперативные группы: для действий у здания ВС РСФСР во главе с заместителем начальника Управления ОО КГБ СССР по Внутренним войскам МВД СССР, генерал-майором Гущей Ю.А.; для вылета в Прибалтику под руководством своего заместителя генерал-майора Рыжака Н.И.; для анализа оперативной обстановки, а также группы резерва.

<...>

Начальник 7 Управления КГБ СССР генерал-лейтенант Расщепов Е.М.

В период подготовки и введения чрезвычайного положения непосредственно участвовал в организации мероприятий по негласному наблюдению за руководителями органов власти РСФСР, Москвы, народными депутатами СССР, РСФСР и Моссовета, давал указания подчиненным на их участие в административном задержании четверых из них.

18 августа в 14 часов лично вручил группе руководителей подразделений наружной разведки списки советских граждан и дал указание срочно взять их под наружное наблюдение. В списках значилось 63 человека, среди которых Руцкой, Хасбулатов, Бурбулис, Попов, Лужков, Яковлев, Шеварднадзе, Шахрай, Станкевич.

17 августа перед возвращением Президента РСФСР из Алма-Аты совместно с начальником группы «А» 7 Управления КГБ СССР генерал-майором Карпухиным В.Ф. изучал условия для проведения мероприятий по возможному задержанию Ельцина Б.Н. в аэропорту «Чкаловский». В этих целях лично выезжал на место, поставил задачу подготовить для этого 25—30 сотрудников группы «А» и согласовать действия с МО СССР. На следующий день аналогичные мероприятия проводились по комплексам «Сосенки-4» и «Архангельское-2». По особому указанию Расщепова Е.М. силами наружного наблюдения 18 августа фиксировались прилет Ельцина Б.Н. в аэропорт Внуково и прибытие его на дачу в поселок «Архангельское-2».

Кроме того, Расщеповым Е.М. было дано указание подготовить необходимые силы для организации наружного наблюдения за Бакатиным В.В., однако работу по нему не начинать до особого распоряжения.

Командир группы «А» 7 Управления КГБ СССР генерал-майор Карпухин В.Ф.

По распоряжениям Крючкова В.А. и Грушко В.Ф., Агеева и Расщепова 17 и 18 августа привел в боеготовность личный состав группы, осуществлял подготовку спецмероприятий в отношении Президента РСФСР, проводил рекогносцировку в аэропорту «Чкаловский», в дачных комплексах «Сосенки» и «Архангельское».

По его команде группа «А» в количестве 60 человек выдвигалась 19 августа в район «Архангельского».

По указанию Агеева осуществлял подготовку штурма группой «А» совместно с подразделениями Советской Армии и МВД СССР здания ВС РСФСР. С учетом сложившейся обстановки вокруг здания ВС РСФСР, отрицательного отношения личного состава группы и приданных подразделений, доложил Агееву о нецелесообразности проведения операции.

Начальник Отдельного учебного центра КГБ СССР полковник Бесков Б.П.

По указанию начальника ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенанта Шебаршина Л.В. привел 18 августа в повышенную боевую готовность боевые группы и подразделения и поступил в распоряжение Агеева.

20 августа, получив указание на участие в штурме здания ВС РСФСР, доложил об этом Шебаршину, который запретил ему предпринимать какие-либо действия без его приказов.

В критический момент поддержал позицию Карпухина и командиров других приданных подразделений о нецелесообразности проведения штурма.

Аналогичную позицию заняли начальник 15 ГУ КГБ СССР генерал-лейтенант Горшков В.Н. и его заместитель генерал-майор Ионов В.Я., которым по указанию Агеева 20 августа была создана резервная группа в количестве 200 человек.

Начальник 12 отдела КГБ СССР генерал-майор Калгин Е.И.

По личному указанию Крючкова В.А., получив инструктаж у Агеева Г.Е. в нарушение законов СССР и действующих нормативных актов отдал распоряжение первому заместителю начальника 12 отдела генерал-майору Гуськову Г.В. об организации технического исполнения контроля в отношении руководителей СССР и России.

Слуховой контроль осуществлялся с 18 по 21 августа, поступающая информация устно докладывалась Калгину и по его указаниям частично излагалась в письменной форме без соответствующего учета. С полученными материалами Калгин знакомил Крючкова, а в его отсутствие Агеева.

Калгин и его заместители генералы Гуськов, Смирнов, полковники Кутный, Абакумов, Фетисов в ходе служебного расследования вели себя неискренне, правдивую информацию сообщали лишь по предъявлении фактов, уличающих их в противоправных действиях.

Начальник Управления правительственной связи КГБ СССР генерал-лейтенант Беда А.Г.

По личному указанию Крючкова 15—17 августа организовал подачу в 12 отдел КГБ СССР линий правительственной связи абонентов — руководителей СССР и России.

15 августа по указанию Агеева направил в составе оперативной группы Службы охраны КГБ СССР, вылетевшей в Крым, сотрудников УПС во главе со своим заместителем генерал-майором Глушенко А.С., подчинив его начальнику Службы охраны КГБ СССР.

По указанию Плеханова Ю.С. 18 августа в 16.30 Глушенко А.С. отдал распоряжение начальнику 21 отдела УПС КГБ СССР Парусникову С.В. выключить все виды связи на даче Президента СССР в Форосе (Объект «Заря»).

Одновременно с 18.00 18 августа до 9.00 22 августа Службой охраны КГБ СССР была отключена связь с подразделениями погранвойск, несущих охрану внешнего периметра дачи Президента СССР.

19 августа по приказу Крючкова В.А. отдал указание о выключении аппаратов правительственной междугородной связи Ельцина Б.Н., Силаева И.С., Бурбулиса Г.Э.

Содержание

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К ЗАКАТУ	3
От Хрущева до Горбачева	3
Как криминальный мир вышел из подполья	30
Дело было в Карелии	56
Загадки рейса KAL 007	64
Не услышанный маршал	85
Карта для генсека	105
«Несговорчивый министр»	111
Разрушить СССР замышлял еще Даллес	116
Спецназ идёт в бой	122
ЧАСТЬ II. «ТИТАНИК» ИДЁТ КО ДНУ	138
Танки в Москве	138
Получен приказ об аресте Ельцина	152
Дмитрий Язов: «Ни Крючков, ни Пуго никого не собирались сажать...»	157
Владимир Крючков: «Мы думали, что советская власть будет существовать вечно»	164
Генерал армии Валентин Варенников: «Мы спасали Великую страну» ...	177
Владислав Ачалов: «Это был хорошо разыгранный спектакль»	182
«Он был в Кремле самым совестливым» (судьба маршала Ахромеева)	194
«Забот Вооружённых сил Горбачев не ведал...»	201
Александр Лебедь: «Служа одновременно Богу и Сатане»	206
Пешки «в не очень чистой игре»	212
ЧАСТЬ III. СТРЕЛЯЛИ В КОММУНИЗМ	226
Россию мы проиграли дважды	226
Почему погибла держава?	240
Исповедь «телекамикадзе»	259
Алексей Пушкин: «В рядах генералитета не нашёлся лидер»	269
Власть сама ушла сквозь пальцы, как песок	276
ГКЧП и распад СССР — звенья одной цепи	286
ПРИЛОЖЕНИЕ	294
Спецсообщение председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС от 24 января 1977 года	294
Записка председателя КГБ СССР В.А. Крючкова Президенту СССР М.С. Горбачеву	295
Слово к народу	299
Обращение к советскому народу	303
Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.	306

Научно-популярное издание

Историческое расследование

Составители:

Бондаренко Александр Юльевич

Ефимов Николай Николаевич

КРУШЕНИЕ «КРАСНОЙ ИМПЕРИИ»

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.01.2014. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC». Печ. л. 20.

Тираж 2500 экз. Заказ А-232.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-4444-1847-5

9 785444 418475

- ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ -

Документы, раскрывающие тайные пружины событий августа 1991 года, приведших к развалу СССР, самой большой геополитической катастрофе XX столетия, в основном недоступны современному читателю, да и вряд ли когда станут известны в полном объеме. Понимая это, ведущие журналисты газеты «Красная звезда», центрального органа Минобороны СССР — России, постарались получить информацию из первых рук: от организаторов и участников событий, вплоть до членов ГКЧП Д.Т. Язова и В.А. Крючкова, военачальников, командования и бойцов спецподразделений КГБ СССР, руководителей «обороны Белого дома», государственных деятелей, учёных и политологов. Книга, составленная из аналитических материалов и острых интервью, позволяет читателю получить представление о тех глубинных процессах в советском обществе, которые привели к деградации и крушению системы, о направлении усилий «реформаторов» и «разрушителей», о реальных результатах их деяний и перспективах современного развития России. В качестве приложений представлены рассекреченные архивные документы, проливающие свет на события того драматического времени.